

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

От автора
«Девятого»
и «Рая
беспощадного»!

Исчадия ТЕХНО

Annotation

Месть — это блюдо, которое рекомендуется подавать холодным. Казалось бы, ты все продумал: выбрал место, время, способ казни и смирился с тем, что за содеянное придется заплатить. Но ведь не жизнью же?!

У загнанного зверя не так много путей для бегства, вот и у него не осталось выбора — воспользовался подвернувшейся возможностью ускользнуть от преследователей. И опять не повезло — угодил туда, где его поступок уж не один век как позабыт, а от врага не осталось даже костей. Но это не значит, что вины за ним больше нет. Есть, да еще какая, с такими, как он, здесь поступают просто: связывают железной проволокой и заливают свинцом. В церковных подвалах хранится немало металлических слитков, оставшихся от подобных неудачников. Он и его товарищи по несчастью не просто преступники — их даже людьми не считают. Ведь они технотвари — носители древних секретов, исчадия, порожденные проклятыми подземельями. За их головы объявляют награды, ради казни или поимки созываются отряды и армии.

Но есть в заброшенном подземном лабиринте бункер, которого не найти ни на одной карте...

- [Артем Каменистый](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)

- [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Артем Каменистый
ИСЧАДИЯ ТЕХНО

ГЛАВА 1

«Грязный кабак» приютился на окраине города, в месте, менее всего приспособленном для размещения заведений развлекательного характера. С одной стороны к его территории примыкал далеко не элитный поселок, застроенный догнивающими свой век одноэтажными халупами, с другой — за бетонными стенами виднелись обшарпанные здания промзоны. Ресторану попытались придать максимально возможный аляповато-безвкусный вид, но даже это не сделало пустырь, некогда здесь располагавшийся, менее унылым. В эту композицию прекрасно бы вписался крематорий или хотя бы картофельный склад, но не шалман с «живой музыкой и зажигательными экзотическими танцами».

Влад, уже не первый раз наблюдавший за этим убогим заведением, так и не понял, в чем причина его притягательности для состоятельной публики. Добираться сюда неудобно, место, прямо скажем, несимпатичное, преимуществ перед другими ресторанами, куда более доступными, незаметно. Вероятно, он не все знает, ведь должны быть причины, по которым стоянка хронически забита недешевыми машинами, клиенты снуют туда-сюда, причем вид у кавалеров предельно платежеспособный. Дамы, правда, попадаются разные, но даже откровенных шалав подобрали не возле стоянки для дальнобойщиков — совсем уж дешевых не замечал ни разу.

Хотя в заведениях, которые он предпочитал, подобную публику вообще не встретишь.

Впрочем, Владу было глубоко наплевать на способы, которыми сюда заманивали клиентов. С его точки зрения, главным минусом ресторана была удаленность от мест массового скопления празднующейся публики. Другими словами, скрыться в толпе здесь не удастся. Поселок в сотне шагов, что слишком далеко для замысла, к тому же среди покосившихся заборов и таких же кривых развалюх он в своем дорогом черном пальто, блестящих ботинках и брюках, выглаженных так, что о стрелки можно резать копченую колбасу, будет выглядеть столь же естественно, как павлин в нечищеном свинарнике. То же самое можно сказать и по поводу идеи затеряться на фоне серых бетонных стен промзоны.

Когда он понял, что «объект» направляется к хорошо знакомому ресторану, сразу решил — пора. Проблема лишь одна — за ним не успеть.

Даже смерть двух человек не научила мерзавца ездить как порядочные люди — ограничения скорости для него не более чем абстрактное понятие. Влад водил неплохо, вот только его колымага для гонок не предназначена — медленно разгоняется, большой радиус разворота. В принципе держать объект на виду попытаться можно, но вот выглядеть это будет подозрительно. А ведь гаденыш в одиночку не ездит — всегда при коренастом пареньке, исполняющем роль и слуги, и товарища одновременно. Но на самом деле паренек занят охраной хозяина — отец последнего после всего случившегося усилил меры безопасности. Хотя, возможно, просто попытался хоть как-то взять под контроль не знающего меры сына.

Если и так, то ничего хорошего не получилось — охранника объект держал в подчеркнутых рамках существа подчиненного, обязанного выполнять все прихоти владельца. Но его навыки сбрасывать со счета не следует — заметить преследующий по пятам автомобиль может и дилетант. Значит, отстаем и подъезжаем позже. Гораздо позже — объект никогда менее часа в ресторане не проводит. Статистика невеликая, собранная по результатам всего лишь трех наблюдений. Все те разы Влад следил за входом со стороны железнодорожной насыпи, изображая рабочего-путейца, для чего надевал оранжевый жилет. Опасаться разоблачения не стоило — ветка давно не использовалась, рельсы покрыл слой матерой ржавчины, никто, кроме бродячих собак, здесь не прогуливался. Зато вид сверху открывался замечательный, и человек, не страдающий близорукостью, мог легко различать лица входящих и выходящих — иллюминация возле входа великолепная, и сумерки осеннего вечера не помеха.

Близорукостью Влад не страдал. Он вообще был парнем крепким, болезни обходили его стороной. Если и было на что жаловаться, то на упрямый характер — из-за него все проблемы.

Вот и сегодня, вместо того чтобы заняться тем, что делают многие нормальные люди по пятницам, а именно — напиться до поросячьего визга, он сидит в машине с включенными аварийными огнями, при этом одет крайне неудобно — не любит подобное тряпье. Но под пальто можно много чего спрятать — это перевешивало антипатию.

Охрана у ресторана имелась, и она не только просиживала зад — иногда всерьез занималась работой. Вот и сейчас автомобиль, остановившийся у обочины возле въезда на стоянку, недолго оставался без внимания. Подошли сразу двое, наклонились к опускающемуся ветровому стеклу. Оценив приличную одежду парня, плохо сочетающуюся со старой машиной, чуть поумерили суровость во взглядах и вежливо

поинтересовались, почему он здесь остановился и мигает, как новогодняя елка. Влад так же вежливо ответил, что тарантас сломался, скорее всего, по причине дряхлости, и теперь приходится ждать вызванную техпомощь, которая, как и все в этой интересной стране, по пятницам работает втрое медленнее. Оба также считали, что день недели не может не сказываться на скорости обслуживания, и еще больше расслабились, когда он посетовал, что драндулет не его — дескать, перегоняет на дачу к отцу старье, купленное за копейки.

Охранники согласились, что машина и впрямь старье ветхозаветное. Посоветовали, если что, дожидаться такси за рюмкой в ресторане, и удалились с важным видом. Ничего подозрительного в ситуации не усмотрели. Может, ресторан и непростой, но на крепость не похож — по-настоящему серьезным ребятам таких сомнительных ответов было бы недостаточно.

Влад не был профессионалом, но даже его скромных познаний хватило, чтобы понять — второй раз здесь светиться не стоит. Если ничего не получится, придется делать вторую попытку уже в другом месте. Охранники, какие бы разгильдяи они ни были, запомнят и машину, и владельца. Вряд ли поверят в очередную поломку и в папу, которому раз за разом пригоняют на дачу одну и ту же колымагу.

Никакой дачи не было. Отца у Влада — тоже. Родителей он помнил плохо — погибли, сев не в тот самолет, когда сынишке исполнилось семь лет. Там же, среди обломков, остались его старшие сестры. Воспитывался он сначала одной бабушкой, затем, после ее смерти, второй. Когда и ту похоронил, остался совсем один — дальняя родня не в счет. Женское воспитание его не избаловало, так что одиночество в тягость не стало. И было так до того самого дня, когда в его жизнь вошла ОНА.

Любовь была не из тех, про которые говорят «с первого взгляда». Когда он понял, как дорога она для него, немало сил потратил, чтобы добиться встречного чувства. И вот тогда, на пике упоительного ощущения оставшегося позади одиночества, в его жизнь вмешалась та, что с малых лет не оставляла его без присмотра, — смерть.

На этот раз костлявая приняла облик сына серьезного папаши, лоботряса, обожающего дорогие тачки и быструю езду. Пьян был, под наркотой или просто не справился с управлением на скорости сто семьдесят в месте, где разрешено не более шестидесяти, уже не имеет значения. То, что отец любимой отделался тяжелыми травмами, тоже не имеет значения. Важно лишь то, что она умерла.

В то время Влад был гораздо наивнее и верил, что суд если не вернет

ее, то хотя бы накажет мерзавца, это совершившего. Но дальнейшее повергло его в шок. Откуда ни возьмись появлялись непонятные люди, с пеной у рта доказывающие, что она была дрянью, наркоманкой, проституткой и родители вечно вытаскивали ее из грязных шалманов, волоча, упирающуюся, по темным улицам. Свидетели того, что она в тот раз вырвалась и, спьяну не рассчитав, рухнула на бампер проезжавшего автомобиля, тоже нашлись. Нашлись и те, кто видел вопиющее — отец, невзирая на травмы, полученные при попытке остановить дочь, расчетливо притащил ее тело к пешеходному переходу, дабы создать видимость того, что наезд произошел именно там.

Когда мать любимой, пряча глаза, тихо сказала ему, что родители обидчика через адвокатов передали крупную сумму денег и уговорили договориться полюбовно, без судебной тяжбы, ведь мужа надо лечить, а это очень дорого, им не по средствам, Влад наконец понял — за дело придется браться самому. Обидно, что в стране все так скверно, но разве это может помешать тому, кто настроен серьезно?

Государство, в котором он проживал, высоко ценило жизнь и здоровье преступников, покушавшихся на аналогичные ценности граждан, добавляя к списку материальные. По этой причине простым людям категорически запрещалось иметь боевое оружие. Что касается не боевого, то носить его и применять не рекомендовалось — себе же дороже выйдет, если покалечишь или убьешь нападавшего на тебя бандита. Но это Влада не смущало.

Как законопослушный гражданин, он обратился к участковому за необходимой справкой. Ввиду того, что светлое имя Влада никто не удосужился опорочить, милиционер легко подмахнул стандартную справку: «Не хулиганил, не привлекался, пьяный у подъезда не замечался». Медосмотр, аналогичный тому, который пришлось проходить для получения водительских прав, тоже прошел без проблем. У наркологов и психиатров Влад на учете не состоял, и это также было зафиксировано.

С полученными справками и сделанными фотографиями он пошел в райотдел и вскоре обзавелся бумажкой, ради которой все и затевалось. После чего осталось лишь посетить специализированный магазин, оставив там сумму, серьезно проредившую его скромные студенческие сбережения.

После всех этих перипетий Влад стал обладателем четырехзарядного помпового дробовика двенадцатого калибра. От знатоков он знал, что заряд картечи из подобного оружия грозит такими проблемами для здоровья, что если был бы выбор, то лучше уж предпочесть автоматную пулю или даже две. Очень удобная вещь — в случае промаха первым выстрелом останется еще три. Как раз то, что надо начинающему киллеру, — в своих талантах

как стрелка Влад сомневался.

Дальше потянулись насыщенные дни. Он, забросив учебу, следил за человеком, чье имя даже мысленно брезговал называть. К тому же это был не человек — дичь тупая, не понимающая, что охотник уже рядом. Иногда Влад выезжал за город или ходил в тир практиковаться в стрельбе, не забывал и про спортзал — тело необходимо держать в форме. Скромные сбережения таяли, обеспокоенные сокурсники надоели звонками. Деньги после всего, что произойдет, вряд ли в скором времени ему понадобятся, а доучиться не получится. Все, что ему теперь нужно, — в тот самый день иметь четыре патрона.

Сейчас в трубчатом магазине ружья и карманах покоилось двадцать девять красных пластиковых цилиндриков с латунными донцами. Если все случится сегодня, как минимум двадцать пять лишних останется — вряд ли дело дойдет до перезарядки.

Развернув зеркало заднего вида, он мог, не поворачивая голову, наблюдать за массивным черным автомобилем, к которому рано или поздно выйдут объект и его охранник. Новенькая техника, тяжелая, надежная, стремительная, — будто создана специально для убийства. Придется немного поработать, чтобы тот, кто обычно сидит за ее рулем, больше ни у кого ничего не отнял.

Двери ресторана распахнулись, чтобы выпустить очередную подгулявшую парочку: мужика лет сорока пяти с хорошо развитыми пивным брюшком и вторым подбородком в компании с глупо хихикающей девицей, по возрасту годящейся ему в младшие дочери. Оба были заметно пьяны и не собирались останавливаться на достигнутом. Влад их уже встречал, и знал, что хоть они на своей машине, но за руль сядет вызванный человек. Подумал, что хозяин авто в любом случае не совсем пропащий человек, если в таком состоянии пользуется услугой «Трезвый водитель». Работников этой службы он здесь замечал уже не раз — хлебное для них место.

* * *

На этот раз объект пробыл в ресторане один час сорок минут. Влада не колотило от нетерпения или страха, но он уже начал опасаться, что охрана сочтет подозрительным столь долгое отсутствие техпомощи, а разбирательства в такой момент ему ни к чему.

Существо, которое он избегал называть по имени, выглядело как его

ровесник, но в остальном разительно отличалось от Влада. Омерзительный тип лет двадцати — двадцати двух, невысокий, худощавого телосложения, с острым лицом хорька, вечно суетливыми движениями. Темнеет осенью рано, и сейчас в электрическом полумраке хорошо выделялось белое пятно экстравагантной прически — волосы были радикально обесцвечены. Встав на пороге, объект что-то взволнованно тараторил в лицо своему телохранителю, не забывая при этом размахивать тонкими руками, изгибая запястья таким образом, что издали конечности приобретали вид щупальцев из второсортного фильма ужасов.

Влад понял — момент настал. И вот тогда впервые в душе похолодело, желудок будто холодным свинцом налился, норовя переместиться в область пяток. До жути страшно убивать человека, пусть и ненавистного, если никогда ничем подобным не занимался и заниматься не собирался.

Тело стало чужим — с трудом послушалось, выбралось из машины. Не закрывая дверцу, Влад направился к огням ресторана. Там как раз изменилась диспозиция — телохранитель, выслушав долгую речь хозяина, развернулся, скрылся в недрах помещения, ему на смену появилась вульгарного вида девица с миллиардом завитушек на распущенных волосах. Глупо похохатывая, как это принято здесь почти у всех, она повисла на руке у без одной минуты покойника, позволив повести себя к машине. Тот, не обольщаясь по поводу причин ее симпатии к себе, на ходу брезгливо скривился и многообещающе, чтобы вся стоянка слышала, слащаво протянул:

— Ты еще даже не представляешь, с чего будешь затягивать первую дорожку.

Влад, неспешно шагая встречным курсом, распахнул полы предусмотрительно расстегнутого пальто, взялся за ружье. Приклад откидывать не стал — и без того не промахнется. Потянул подвижное цевье на себя, затем плавно вернул на место. Механизм при этом шумно лязгнул, но тревога не поднялась — парочка не обратила на странный звук ни малейшего внимания. Дробовик Влад удерживал одной рукой, будто пистолет, но благодаря физическим данным это не представляло для него трудности.

Белобрысый был не вполне трезв, но все же что-то его насторожило. Или интуиция, или до затуманенного мозга дошла наконец информация о подозрительном металлическом звуке. Оторвав кислый взгляд от своей размалеванной спутницы, он увидел перед собой широкоплечего детину ростом без малого в два метра, одетого, словно гробовщик при исполнении. К тому же грубое, будто каменное, лицо не обещало ничего хорошего. И

память тут же услужливо напомнила объекту, что он уже встречал этого Кинг-Конга — тот таким же немигающим взглядом пялился на него из негодующей толпы, собравшейся в тот раз, когда поганые менты привезли его на место, где он разбил машину из-за тупой курицы и ее дегенеративного папаша. Он тогда закатил отцу знатный скандал, требуя, чтобы его избавили от спектаклей для тупого быдла.

Затуманенный взгляд отказался замечать тяжелое оружие, которое этот здоровяк держал будто игрушечный пистолет — одной рукой. Но в голове все равно не могла не прозвенеть тревога, и объект проклял себя за то, что заставил охранника вернуться назад, за текилой. В подобной ситуации его было бы лучше держать рядом. Ну почему такая невезуха? Неужели не мог обойтись без этого пойла, в котором мексиканцы сперва моют ноги и лишь потом разливают по бутылкам. Перед кем он расстарался? Перед этой шлюхой? Да она и стакана пива не стоит!

— Михаил? — спокойно, вежливо и даже почти благожелательно произнес богатырь, ухитрившись при этом скривиться столь брезгливо, будто не имя произнес, а съел живого таракана.

— Нннну я, — опасливо ответил почти покойник и, устыдившись своей неуверенности, агрессивно вскинулся: — Тебе че надо?! А?!

— Суд будет, — уверенно заявил Влад, поднимая ружье.

Двенадцатый калибр — штука внушительная, и отдача толкнула еще так. Только тут до Влада дошло, что он позабыл про все тренировки и пользуется всего одной рукой вместо полагающихся двух. Впрочем, картечи было без разницы — заряд, не успев разлететься на считанных шагах дистанции, кучно угодил в правый бок, напротив печени.

Белобрысый стал еще более светлым — за счет мгновенно побелевшего лица — и, согнувшись в три погибели, завалился на колени, обхватывая живот. Девица, молниеносно растерявшая веселость, смешно размахивая вскинутыми руками, помчалась прочь, то и дело едва не падая на подворачивающихся каблуках. При этом она почему-то помалкивала, что удивляло — Влад считал, что женщины в такой ситуации просто обязаны визжать, как недорезанные поросята.

Ну вот и все — он сделал то, ради чего жил последние недели.

Впрочем, не совсем. Мерзавец не умирал — так и замер на коленях, издавая еле слышимые сипящие звуки. Такой хлипкий на вид, но продолжает жить с полным зарядом картечи в теле. Скорее всего, долго не протянет, но Влад пришел сюда не для того, чтобы заигрывать с чужой судьбой, — если он что-то делает, то всегда основательно.

Навести ружье, передернуть цевье. Белобрысый пытается поднять

голову, пускает кровавые слюни, таращась уже мертвым взглядом. Но разве жалко потратить еще один патрон, пусть даже это будет актом милосердия? Влад не мучить сюда пришел, а карать.

После второго выстрела лицо приговоренного разлетелось кровавыми брызгами, и, опрокинувшись на спину, белобрысый затих.

Вот теперь точно все.

Готовясь к своему деянию, Влад перечитал немало юридической литературы и знал, что за одиночную ножевую рану, скорее всего, получишь меньше, чем за множественные. Аналогично с пулевыми ранениями. Но к чему об этом думать сейчас? Разве водятся в природе столь наивные прокуроры, которые поверят, что он много дней следил за жертвой, тщательно подготовился, прошел тягомотину с приобретением оружия, после чего прикончил недруга одним-единственным случайным выстрелом, находясь при этом в состоянии аффекта?

Нет — это будет расценено как предумышленное убийство со всеми вытекающими последствиями. Состоится суд. Суд над ним. Это будет интересный суд — такой случай мимо внимания широких масс не пройдет. Тем более Влад об этом позаботился, заранее приготовил пачку писем, оставив их у верного сокурсника. Тот хоть и раздолбай, но обязательно отправит.

Он уничтожил тварь физически, а суд станет моральной казнью подонка. Влад за свое бороться умеет. Ну а что насчет зоны?.. «От тюрьмы не зарекайся». Сесть он не боится. Совершил преступление — отвечай. Это хорошее правило. Жаль только, что не для всех оно работает.

Девушка наконец завизжала, как та самая недорезанная свинья.

Влад, стоя над телом, начал раздумывать над дилеммой: бросить ружье или оставить? Как-то не удосужился заранее продумать порядок сдачи в руки правоохранительных органов. Они вроде сами прикажут? Или как там полагается при задержании?

От размышлений отвлек отрывистый треск выстрела. Рядом звонко хлестануло по металлу, истошно взвыла автомобильная сигнализация. Повернув голову в сторону ресторана, Влад увидел на пороге телохранителя. Тот, несмотря на потерю тела, за которым должен был присматривать, продолжал выполнять профессиональные обязанности — держа пистолет двумя руками, тщательно целился, стараясь не совершить второй промах.

Влад инстинктивно шагнул за тонкий фонарный столб, раздраженной скороговоркой прокричав:

— Перестань стрелять! Все! Он мертв! Я никого не трону! Ждем

ментов! Я сдамся!

Вновь треснуло, совсем не похоже на баханье дробовика. Пуля со звоном срикошетила от столба, ударив в другую машину, тоже залившуюся перезвоном. Охранники ресторана даже не подумали выглядывать на шум — видимо, не были вооружены, да и зарплата вряд ли из тех, за которую следует лезть на амбразуры.

А этот будто взбесился — третья пуля избежала встречи со столбом, зато пронеслась так близко, что взъерошила волосы над правым ухом. Более того — не встречая отпора, охранник окончательно обнаглел и пошел в атаку, сокращая дистанцию для уверенного поражения.

Влад внезапно понял — если это допустить, никакого суда не будет. И тогда все зря. Но и желания убивать этого в общем-то ни в чем не виноватого человека не было. Это лишнее — не затем он все затевал, чтобы оставить гору посторонних трупов.

Высунувшись из-за столба, Влад выстрелил, целясь куда-то в район лодыжек охранника. От таких ран он вряд ли умрет, но прыти должно поубавиться. Увы — промах. Зато ответный выстрел прошил полу его пальто. Хреново дело — противник все ближе. И ловкий какой — зигзагами движется, причем непредсказуемыми. Второй выстрел тоже ушел впустую — картечь, рикошета об асфальт, вызвала истерику еще у одной машины. Девица ухитрялась орать ничуть не тише — от такого счетверенного воя впору было рехнуться.

Влад считать умел и впустую передергивать затвор не стал — патронов в магазине больше не было. Вот и пригодятся теперь запасные, а ведь не думал о таком варианте — непонятно зачем взял, из-за привычки все делать основательно. Перезарядка дело нехитрое, но и не такое быстрое, чтобы совершить ее. Как бы ни хотелось Владу быть взятым на месте преступления, гордо стоящим над телом преступника, которого не смогло покарать государственное правосудие, но и погибать в его планы тоже не входило. Остается одно — отступить.

Пригнувшись, он рванул в щель между тесно припаркованными машинами. Новый выстрел вызвал возмущение сигнализации у той, что слева, а неосторожное движение локтем взбесило правую. Хоровой лай поселковых собак, дружно решивших поддержать неожиданный переполох, Влад за этим шумом уже не расслышал.

«Если охранник старается ради зарплаты, то выплачивают ее мешками — никак не меньше». Именно такая мысль посетила Влада, когда он бежал мимо бетонного забора, напрягая спину в ожидании свинцового подарка. Преследователь отставал, но не слишком. Оба успели обменяться еще несколькими выстрелами, тоже без заметного результата. Владу приходилось осторожничать — боялся задеть противника всерьез, а тот, поняв это, уже почти не опасался, но при этом постоянно мазал. Наверное, это был не его день — пули пролетали в опасной близости, уже два раза повредили пальто, но не оставили на теле ни царапины.

Слева открылся темный проход, стиснутый такими же мрачными бетонными стенами. Свет одинокого прожектора, бьющего с крыши производственного здания, туда не доставал, и, следовательно, охранник не сможет разглядеть там беглеца, что и привлекало. Забежав за угол, Влад, уже второй раз перезаряжая ружье, прокричал:

— Да отвяжись ты! Я вообще не собирался в тебя стрелять! Мне нужен был только этот козел! Он убил мою невесту, за это и сам подох! Приедут менты, я им сдамся! Уймись!

— Чего?! Какие менты?! — Охранник впервые снизошел до ответа. — Не будет никаких ментов! Ты, баклан печальный, берега попутал, и мы это мигом поправим! Я уже кому надо звякнул на ходу — сейчас обложим тебя, а потом прикопаем у забора! Тут заборов до фига!

Денек выдался нервный, и следующий выстрел Влад сделал в состоянии того самого аффекта. Разозленный, скорее даже взбешенный, высунулся из-за угла, навел ствол на прекрасно освещенную фигуру противника, мчащегося по проулку между двумя стенами промышленных предприятий, выстрелил, уже не заботясь о сохранности чужой жизни.

Расслабившийся охранник бежал без уверток, а в этот момент и вовсе остановился, прицелился, тоже успел нажать на спусковой крючок, вот только пистолет в данной ситуации безнадежно проигрывал. Картечь, успев широко разлететься на такой дистанции, прошла по обеим ногам и животу. Угрозы сменились криками боли, преследователь упал, выронив оружие.

А Влад, развернувшись, быстро зашагал прочь. Он не знал, что будет дальше, но оставаться возле подранка — не лучшая идея. Если тот не обманул и сюда действительно уже спешат такие же настойчивые ребята, надо поскорее уносить ноги. С этими товарищами до милиции и тем более суда вряд ли доживешь.

ГЛАВА 2

В каждом городе есть места, которыми стоит гордиться или хотя бы не стыдно показывать их гостям: живописные бульвары и парки, памятники, объекты культуры и развлекательные заведения. И есть их противоположности: овраги, превращенные в стихийные свалки, пустыри с уродливыми развалинами, грязные озера накопителей сточных вод, безликие пространства промышленных районов. Если с первыми знакомы практически все жители, то о существовании некоторых из вторых многие даже не подозревают.

Влад в принципе знал, что здесь, на окраине, располагается крупная промышленная зона. Но бывать в этом районе никогда не доводилось, и он понятия не имел, где именно сейчас находится и куда следует двигаться, чтобы выбраться к месту, где можно вызвать милицию или хотя бы такси. Звонить, требуя, чтобы направили наряд «к большущей коробке с выбитыми стеклами, сбоку от которой высокая труба с неприличным словом из трех букв, выведенным белой краской», бессмысленно — здесь таких коробок и труб не один десяток, наверное, а что до упомянутого слова, то популярность его всегда была грандиозной.

Индустрия в стране переживала далеко не лучшие времена — если послевоенную разруху она преодолела чуть ли не за считанные годы, то реформы и их последствия грызли ее вот уже двадцать с лишним лет. В данный момент жизнь едва теплилась в жалких останках былых гигантов. Где-то здесь вроде бы еще пытается удержаться на плаву завод металлоконструкций, из прежних, еще советских, но остальные давно сдались перед нашествием новых веяний. Те, которым повезло, стали цехами по переработке макулатуры, производству фанерных плит или даже разливу минералки, основным сырьем для производства которой являлась хлорированная бурда из водопроводной сети. Но такие счастливчики оказались в меньшинстве. Остальные полностью расстались с тем, что называется «производственным назначением», став оптовыми рынками, складами, мутными торговыми точками или даже вовсе непонятно чем.

Прежде режимная зона, куда вход разрешался только по пропускам, а нарушители долго доказывали, что не принадлежат к агентам ЦРУ, превратилась в территорию, где бродить мог кто угодно и куда угодно, лишь бы не совал нос в дела многочисленных арендаторов, за чем не слишком ретиво присматривали редкие охранники. Судя по всему, Влад

приближался к эпицентру этой непонятной для него жизни. Если поначалу ему встречались лишь бомжи, угрюмыми взглядами провожавшие непонятно как забредшего на их территорию щеголя, то дальше дело пошло веселее. Работяга в спецовке перетаскивал через стену мешок с чем-то металлически звенящим. Еще трое прошли неподалеку, громко обсуждая ближайшие планы, выразить которые можно было единственным словом — выпивон. В темном уголке, куда свет редких фонарей и прожекторов почти не доставал, взасос целовалась парочка — что он, что она были более чем упитанными и вообще выглядели неромантично. Вдоль стены воровато прошмыгнул остроносый мужичок в огромной черной кепке, под мышкой его был зажат грязный бумажный сверток, из которого выглядывал внушительный рыбий хвост.

Вычислить направление, куда стремится относительно приличная публика, труда не составило, и Влад начал его придерживаться, надеясь выбраться из бетонного лабиринта. Но вскоре пришлось подкорректировать планы — выйдя к очередному повороту, он далеко слева, на залитом светом участке дороги заметил два явно не дешевых автомобиля, выглядевших там не к месту. Оба просто стояли, никого возле них не наблюдалось, но Влад, не забыв про угрозы телохранителя, заподозрил нехорошее, после чего резко развернулся вправо, намереваясь убраться в противоположную сторону.

Очень быстро он понял, что выбранная дорога вряд ли выведет к цивилизации — она быстро сужалась, разбегаясь ответвлениями к каким-то воротам без вывесок и абсолютно темным переулкам, куда даже неплохо вооруженным здоровякам вроде него соваться совершенно не хотелось. Спрашивать у редких встречных, куда следует шагать, чтобы убраться подальше и никогда больше не увидеть здешнее убожество, тоже не хотелось. Если его действительно ищут серьезно настроенные ребята, то подобные расспросы могут навести на след.

Поняв, что еще немного, и он уткнется в стену глухого тупика, Влад остановился возле очередных ворот, рядом с припаркованным автомобилем далекой от «крутизны» внешности. Не успел обдумать, что же делать дальше, как тяжелая створка с натужным скрипом приоткрылась и на улицу выглянул обладатель если не самого большого носа на планете, то состоящего в первой десятке точно.

Неприязненно уставившись на Влада, носатый прогундосил:

— От Федина?

Влад неопределенно пожал плечами, но это почему-то расценили как положительный ответ:

— Нашел-таки, а я уж надеялся, что сгинул где-нибудь по пути. Ну заходи — гостем будешь.

Развернувшись, он что-то неразборчиво пробормотал про незваных татар и скрылся за створкой ворот. В этот самый миг Влад боковым зрением поймал свет фар приближающейся машины. Судя по ксеноновой яркости, это вполне мог оказаться один из автомобилей с угрюмыми мужичками, посланными разъяренным папашей с приказом принести содранную заживо шкуру убийцы сына. Не задумываясь, шагнул следом за странным незнакомцем — лучше уже попасть в непонятную ситуацию, чем в такое.

За воротами оказался длинный коридор, скупо освещенный редкими тусклыми лампочками. Носатый, даже не думая останавливаться или хотя бы оглянуться на приглашенного, шагал куда-то без особого энтузиазма, и Влад его легко догнал. Судя по стенам, расписанным преимущественно лаконичными нецензурными сообщениями, в помещение это имели доступ все кому не лень, так что ворота, по всей видимости, носили исключительно декоративную функцию.

Владу вообще-то было плевать на режим охраны этого участка промзоны, но протяженность коридора позволяла надеяться, что тот выведет куда-нибудь подальше от тупиковой темной дороги, где он в своем прикиде смотрелся бы, словно балерина среди работниц бригады шпалокладчиц. Очень может быть, что один из встреченных ранее бомжей уже захлеб рассказывает о том, когда и куда он направился.

Уматывать надо, и как можно быстрее.

Увы — коридор закончился распахнутой дверью, за которой, вот уж не повезло, оказалась лестница, ведущая вниз. Носатый, не раздумывая, начал спускаться, и Владу ничего не оставалось делать, как следовать в шаге за его спиной. Раз уж взялся за что-то — надо продолжать в том же духе. Ситуация начала забавлять: ищет милиция, ищет кое-кто похуже, а он бродит по каким-то подвалам вслед за непонятным субъектом, явно принявшим его за кого-то другого.

Бесконечные лестничные пролеты не внушали оптимизма. Серость облупившегося бетона, похабные надписи, дерьмо в углах площадок, на редкую рабочую лампочку приходилось пять-шесть бездействующих или разломанных плафонов.

Незнакомец недовольно пробурчал:

— Как пошли у нас армянские дела, так и не стало порядка. Шантрапа что хочет, то и делает. И ведь ничего хорошего ей не нужно — лишь бы испохабить последнее. И стоило из-за такого клоповника бучу затевать?

Эх... Ну и страна!..

Не представляя, как можно прокомментировать такое заявление, Влад, которому начало казаться, что они уже спустились на добрую сотню метров, спросил о наблевшем:

— Глубоко здесь?

— Глубоко... — меланхолично подтвердил носатый. — Что? Небось без понятия, что здесь, под всей промзоной, вторая промзона есть — тайная? Почитай, если сложить площадь всех бункеров, коридоров, подземных цехов и прочего, выйдет даже побольше, чем на поверхности. Раньше здесь не ерундой, как сейчас, занимались — здесь ковалась та самая пресловутая мощь государства. Сюда шантрапа и в сладком сне не могла забрести — режим был ой-ой-ой! Порядок железный. На Западе локти кусали, но заглянуть сюда никак не могли. Ясное дело — спутнику под землей ничего не разглядеть. Потом, как пошла эта свистопляска, первой ласточкой комиссия прибыла, проверять старые шламовые отстойники, где со времен Иосифа Виссарионовича много чего накопилось. И ведь что интересно — ни одной порядочной морды в той комиссии не наблюдалось. Или жулик, или шпион, а многие — совмещали. Вот прям как сейчас у ваших, так сказать, коллег. И даже не вздумай со мной спорить, потому как сам знаешь — так оно и есть. Вот мы и пришли — товарищи-господа нас уже заждались.

Бесконечный спуск закончился — за последним пролетом открылась небольшая площадка, на которой собралась непонятная публика. Невысокий чернобородый толстячок южной наружности в прикиде на сумму, достаточную для покупки недорогого автомобиля, что крикливо подчеркивала каждая тряпка и запонка. Женщина лет тридцати, причем выглядевшая прекрасно, особенно в глазах тех, кому нравятся эдакие «строгие учительницы». Такой бы немного черной кожи в одеяние добавить, хлыст в руку вручить, и можно без грима снимать в жестком порно. Вторая особа женского пола на первую нисколько не походила, а скорее смахивала на школьницу-отличницу, непонятно как очутившуюся в этом необычном месте: тоненькая, невысокая, с наивными глазами, в скромной одежде и с несуразно пухлой папкой из кожезаменителя в руках. Четвертым членом почетного общества оказался милиционер в мятой форме и с таким же лицом, помимо прочего украшенным легкой небритостью. У Влада даже мысли не возникло сдаваться такому пугалу — уж очень глупо выглядит. Похож на деревенского участкового, всю ночь боровшегося с самогонварением методом уничтожения алкоголя ресурсами собственного организма. У него небось соленый огурец в кобуре

вместо табельного оружия.

Все четверо синхронно покосились на спустившихся и так же одновременно вернули глаза в прежнюю точку. Судя по взглядам, где-то там, в бескрайней дали, они узрели нечто весьма близкое к той абсолютной истине, которая не давала покоя многим поколениям великих мыслителей. Их фигуры, скупо освещенные грязной лампочкой в этом пыльном, загаженном и недоступном для наблюдения со спутников месте, казалось, принадлежали тибетским монахам, в тайной пещере познающим высшее знание.

Реакция Влада была естественной — подчиняясь стадному инстинкту, он уставился туда же. Увиденное несколько обескуражило своей пошлой обыденностью, не заслуживающей столь пристального внимания. Как выяснилось, взгляды четверки были устремлены на ржавую массивную дверь, по диагонали которой тянулась размашистая надпись: «Димон педик. Инфа сто процентов». Даже то, что последние два слова были запечатлены в виде буквенных надписей, а не с помощью стандартной математической символики, не давало оснований полагать наличие сакрального смысла, раскрыть который способны лишь избранные.

Или Влад что-то не понимает, или дело не в надписи, или ориентация неизвестного Димона вопрос планетарной важности.

Милиционер хмуро буркнул:

— Вроде все в сборе.

— Господи, ну как же долго! — нервно, чуть ли не заламывая руки, произнесла «учительница». — Ну давайте же. Открывайте.

Южный господин с притворным радушием попытался успокоить нетерпеливую публику:

— Я тоже уже давно должен водочку пить. Ведь пятница, да еще и вечер. Но что мы можем поделать, если никак не получается перенести. Все произойдет именно сегодня и именно сейчас.

— А может, все-таки в понедельник? — с надеждой спросил носатый.

— Нет, Федорыч, сегодня, — ответил милиционер. — Ну так откроешь или еще что придумаешь? Вот же из банка человечек подъехал, все как положено. Хватит время тянуть, люди уже устали.

Носатый с непонятной надеждой обернулся на Влада:

— Может, все же сейчас продлите? Под мое честное слово? Оформить — дело минутное, а во вторник деньги будут, все до копейки. Вы же меня знаете — все всегда честно.

— Да какое может быть сейчас? — хмыкнул южанин. — Банк уже закрыт, касса не работает. Все, Анатолий Федорович, отсрочек больше не

будет. Открывайте, прекращайте комедию ломать. Не видите — люди ждут.

— Тебя не спрашивают, — злобно буркнул носатый и загремел связкой здоровенных ключей.

Он долго возился с замком, затем, справившись, двумя руками потянул за железную ручку. Массивная плита двери стронулась неохотно, издавая царапающий нервы скрип. Не дожидаясь ее полного открытия, «южанин» шагнул внутрь, следом потянулись остальные.

Там оказалось чуть интереснее, чем на площадке. Длинный подвал, заваленный какими-то грязными ящиками, кучами плат с деталями из развороченной электроаппаратуры, мотками проволоки и кабелей, старыми письменными столами с пачками бумаги и рулонами чертежей на них. В углу перемигивался яркими цветными огоньками какой-то агрегат, похожий на огромный системный блок со снятыми боковыми панелями. Он являлся единственным источником освещения — лампочки здесь не горели.

— А электричество разве не отключили тебе? — насторожился южанин.

— Почему барахло свое не вывез, Федорыч? — почти одновременно спросил милиционер.

Проигнорировав первый вопрос, носатый охотно ответил на второй:

— Так зачем вывозить, если договоримся сейчас? Я же сказал — деньги во вторник будут. Все до копейки.

— Не будет никакого вторника, — отмахнулся южанин. — Все! Хватит! Люди устали ждать. Бумаги все у вас? — обернулся он к «школьнице».

Та от неожиданного вопроса вскинулась, смешно заморгав, и звонко протараторила:

— Все! Но нужна ваша подпись, подпись представителя банка и подпись участкового.

— Будут тебе все подписи. Анатолий Федорович, пора. Я распоряжусь, чтобы вам дали возможность забрать имущество. Но только до среды с этим надо успеть, потому что уже в четверг сюда придут рабочие.

— Да вы что?! Совсем очумели?! — возмутился носатый. — Средь бела дня у русского человека какие-то жидохахи отбирают кров над головой?! Вы это видели?!

Влад готов был поспорить по поводу белого дня. А если данное помещение является жилищем, то надо бурно радоваться, что хозяина отсюда выставляют. Здесь даже пауки селиться брезгуют.

Но тот не собирался легко сдаваться. Подскочил к противоположной от входа стене, что-то нажал и потянул на себя ручку замаскированной двери

— такой же массивной, как предыдущая.

— Удивлены? Небось и не догадывались, что тут еще одно помещение есть? Вы много чего не знаете — здесь, куда ни плюнь, сплошные тайны. Секретность — дело такое... Ну, идите. Идите все сюда. Я вам кое-что покажу.

Странно, но никто ничего не возразил — все послушно двинулись в указанном направлении. Что-то было в глазах и словах носатого странное, неясное, но притягательное, будто намек на пикантную тайну, к которой дозволено прикоснуться лишь единицам. Даже Владу, мало что понимающему в разворачивающемся действе, стало интересно.

За дверью, оказавшейся двойной, обнаружилось новое помещение, похожее на первое всем, кроме длины — раза в три короче. Если то, что тянулось за спиной, напоминало товарный вагон, то это — плацкарту. Хотя и несравнимо больше, но пропорции соответствуют. Здесь не было хлама на полу, хотя назвать его чистым язык не поворачивался. Зато стены без пятнышка — белоснежно оштукатуренные и зачем-то обтянутые тонкой металлической сеткой. Аналогично выглядел потолок.

— Вот! — торжественно заявил носатый.

Народ сгрудился по центру помещения, оглядываясь с явным непониманием. Милиционер озвучил общую претензию:

— Чего показать-то хотел? А? Здесь ведь вообще ничего нет. Или просто саму площадь? Откуда вообще взялась эта комната? На плане вроде нет.

— Да при чем здесь комната?! — Носатый постучал ногтем по сетке на стене. — Вы хоть понимаете, что это такое?! Это нечто!

— А с виду просто проволока, — хмыкнул «южанин».

— Давид, валил бы ты в свои горы, к ишнякам белым, чтобы умных людей не смешить. Да — проволока. Серебряная проволока. А все вместе создает замкнутый контур.

Давид красноречиво покрутил у виска, и этот жест не остался не замеченным хозяином — тот взбеленился еще больше:

— За психа меня держишь?! Да у меня полста авторских свидетельств, а у тебя только справки из колхоза и венлечебницы. Все это, — носатый провел руками перед собой, — собираются отнять из-за высосанного из пальца повода. Специально выдавливают, чтобы лишних глаз на территории не осталось. Место здесь тихое, уединенное. Выпрут посторонних и станут здесь метанол из чайников по бутылкам разливать, а потом продавать под видом водки. Ни на что другое эти пастухи не способны.

— Может, оградите меня от оскорблений? — Давид, открыто посмеиваясь, повернулся к милиционеру.

Тот суетливо потрогал кобуру — наверное, осязание припрятанного огурца приводило его дух в состояние уверенности:

— Федорыч... Ты это... Прекращай бузить, а то ведь...

— Может, бумагами наконец займемся? — нетерпеливо спросила «училка».

Влад неожиданно обратился к совсем приунывшему носатому:

— А для чего вы столько серебра перевели?

Все без исключения покосились на Влада неприязненно. Ну как же — время затягивает. Зато хозяин, или скорее уже бывший хозяин, взглянул с легким удивлением и печально ответил:

— Чтобы сделать бункер, где можно прятаться от конца света. Я такие собираюсь строить и продавать.

— Может, стоит «Скорую» вызвать? — с усмешкой предложил Давид.

— В горы свои неотложку вызывай! Мне достаточно пустить ток, и контур выпадет из потока. Если его не повредить сильным вмешательством или не разомкнуть извне, то все, что заключено внутри, будет пребывать в состоянии темпорального стазиса. Понимаете?

— Не вполне, — ответил Влад.

В его интересах было как можно дольше затягивать время — вдруг наверху прекратят его искать, решив, что он успел покинуть район.

— Сейчас столько паникеров развелось, которые верят во все байки. В конец света тоже верят, и кто при деньгах, покупает себе бетонные бункера с запасами продуктов, воды, воздуха, топлива. Слышали?

— Конечно.

— Представляете, каково им будет сидеть там годами в случае чего? Без солнца, малоподвижный образ жизни, одни и те же надоевшие рожи вокруг. В моем бункере все иначе — хоть миллион лет просиди, но внутри не пройдет и секунды. Нет градиента времени. Совсем нет. Вы думаете, я псих? Ну да, меня лечили, но это ведь потому, что никто не хотел признавать мою теорию, которая похоронит общепринятую физику, все эти кормушки институтов, с шарлатанами и бездельниками, всех маститых ученых, ворующих друг у друга смехотворные публикации, все дутые бюджеты, финансирующие на остатки от разворованного смехотворную ерунду. А вы представляете, сколько может принести одна идея с подобными бункерами? Себестоимость левая, но люди будут чемоданами деньги тащить. Я это точно знаю, потому как с психами часто сталкивался, когда лечился. Они ведь полумер не признают. И вот что смешно — один из

первых бункеров, который стоит миллионы, собираются отжать тупые хачи. Всех отсюда выдавили — долгами, шпаной, отключениями света и канализации. Я не сдался и остался последним.

— Уже не собираются, а отняли, — подытожил Давид.

— Нет! Это все мое!

— Если предъявишь квитанцию об оплате, тогда соглашусь.

— Но деньги будут только во вторник!

— Значит, все это уже не твое, а чужое.

— Ладно... — внезапно успокоившись, произнес носатый. — Если я сейчас покажу квитанцию, то вы отсюда уберетесь?

— Ну... — Давид обернулся на Влада. — Можно будет проверить, а то этому аферисту и подделка недолго? Впрочем, кто в пятницу вечером станет проверять...

— Так мне нести квитанцию?

— Ну покажи... посмеемся еще раз. Ждем.

— Ждите-ждите... Не вы у меня первые, и не вы последние, кому полезно иногда подождать... Нет в законе статьи, по которой сажают за то, что кого-то подождать отправили.

Анатолий Федорович бодро выскочил, плотно прикрыв за собой легкую внутреннюю дверь, обтянутую такой же сеткой. Следом натужно закричала тяжелая внешняя. Влад такое поведение удивило, а затем он отвлекся на слова Давида:

— Этот Кулибин опять время тянет. Откуда у такого неудачника могут взяться деньги? Он же еще не родился, а уже всем должен был.

— Давид Ахмеджанович, давайте побыстрее заканчивать, — попросила «учительница».

— Лилечка, я же тебе обещал — с меня ресторан и цветы.

— Так времени просто ужас сколько потратили! Поздно уже!

— Пойду его потороплю, — заявил милиционер, направляясь к двери.

В этот момент две лампочки, горящие в плафонах по углам, одновременно погасли, а бетонный пол под ногами качнулся. Влад едва не упал, инстинктивно развел руки в стороны, удерживая равновесие. В нос ударил запах сырой земли, уши уловили непонятный звук, будто рядом что-то с шумом осыпалось, дико завизжала женщина, односложно выругался кто-то из мужчин.

А затем воцарилась тишина. Но ненадолго — из мрака прозвучал голос милиционера:

— Землетрясение?

— Какое землетрясение?! — выкрикнул Давид с неожиданно

прорезавшимися истеричными нотками. — Этот горбоносый нас только что чуть не угробил! Хватайте его, пока не ушел! Я ему теперь такое устрою! Ты мент или кто?! Хватай!

— А как хватать?! Темно ведь.

— Свет зажги. Фонарь есть?

— Нету.

— И это та самая милиция, которая нас бережет?! А что ты будешь делать, если беречь ночью придется, в переулке темном?! А?!

Влад был готов и дальше слушать этот забавный диалог, но происходящее нравилось ему все меньше и меньше — интуиция во весь голос кричала, что он опять во что-то вляпался, такое же нехорошее, если не гораздо хуже. Сунув руку в карман, успокаивающе произнес:

— У меня есть фонарик. Небольшой, но нам хватит.

— Как вас зовут, молодой человек? — неожиданно поинтересовался Давид спокойным прежним голосом без тени паники.

— Влад.

— А меня Давид. Будем знакомы. Насчет фонарика вы молодец, но мы все от неожиданности делаем глупости. Про телефоны забыли, а ведь они тоже свет дают.

— Фонарик гораздо лучше, — заявил Влад и передвинул вперед ползунок переключателя.

Узкий лучик ударил в потолок, и увиденное никому не понравилось — по белой штукатурке змеились угрожающего вида трещины, расширяясь в направлении дальней стены. Посветив туда, Влад чуть не выругался — стены как таковой не было. Какая-то непонятно откуда взявшаяся груда земли или глины, расступавшаяся вокруг темного зева широкого провала. Время от времени комки-другой срывались вниз, отчего и раздавался тот странный звук.

— Обвал! — охнул милиционер. — Да как же такое получиться могло?! Здесь бетон бомбой не пробить — на века раньше строили!

— Влад, вы бы дверь проверили, — осевшим голосом попросил Давид.

Тот и сам уже шагал к выходу, очень надеясь, что тот после всего случившегося не стал тупиком. Внутренняя дверь с виду была цела, таинственно поблескивая серебром сетки. От души немного отлегло. Влад взялся за скобу железной ручки, потащил на себя. Та подалась неожиданно туго, а затем створка взбесилась — сорвавшись, попыталась прихлопнуть Влада. Он, пригибаясь, скользнул в сторону и, после того как оглушительно грохнуло по полу, быстро посветил в очистившийся проем.

Увы — тот вовсе не очистился. Луч фонаря выхватил ржавую неровную поверхность, через которую местами проступало что-то похожее на слежавшуюся землю.

— Не понял! Нас завалило?! — испуганно, почти по-женски, вскрикнул милиционер.

Влад отковырнул пальцем чешуйку ржавчины, растер ее в руке и, растерянно улыбнувшись, ответил:

— Не совсем.

В отличие от всех присутствующих он уже все понял, причем даже не удивился фантастичности происходящего. Уж очень напряженный выдался денек, и сознание теперь работало в режиме отсечения лишних эмоций и сомнений.

Но остальным требовалось объяснение.

— Как не завалило? Вот ведь обвал, в двери! — возбужденно заявил Давид с вернувшимися паническими нотками. — И правда, землетрясение. А горбоноса нашего совсем засыпало. Пропал.

— Ой, мамочки! — вскрикнула Лиля.

— У нас никогда землетрясений не бывало, — тихо, с испугом, произнесла «школьница».

Влад указал на ржавую поверхность, преграждавшую путь:

— Вы видите это? Обвал не бывает таким плотным — после него должна остаться рыхлая масса. И ржавчина ее тоже не будет покрывать. Вы еще не поняли? Помните, что дверь здесь была двойная? Первая из толстого железа, как в бомбоубежищах, а вторая гораздо легче, с сеткой. Вот она почти целая, но посмотрите на ее петли. Видите? Их нет. Остались только ржавые куски. А вся эта ржавчина, что покрывает землю, когда-то была наружной дверью. От нее ничего не осталось — коррозия сожрала.

— Ну и что? — так и не поняла «учительница».

— А то, что, выйдя в другую комнату якобы за квитанцией, хозяин этого уютного подвальчика нажал кнопку или, быть может, опустил рычаг, после чего ход времени в нашем помещении остановился. Мы вот не верили его словам насчет бункера, а теперь придется. Для нас прошел какой-то миг, но снаружи... Интересно, сколько потребуются времени для того, чтобы дверь из толстого листа железа полностью превратилась в ржавую труху? Тридцать лет? Пятьдесят? Сто? Мне кажется, даже больше. Как он там говорил? Контур можно повредить сильным внешним вмешательством? Я думаю, обвал, что у дальней стены произошел, как раз к таким и относится. Так что, если у кого-то были планы на вечер пятницы, их придется отменить. Снаружи вряд ли пятница. Прошло несколько даже

не лет, а скорее веков.

ГЛАВА 3

После слов Влада никто не попытался высказаться или хотя бы перепуганно пискнуть. Воцарились тишина и неподвижность. Первым не выдержал Давид. Осторожно приблизившись к дверному проему, осветил его телефоном, затем внимательно изучил упавшую дверь и, не отрываясь от осмотра, напряженно произнес:

— Он прав. Дверные петли почти целиком проржавели, поэтому она и упала. А от внешней осталась не только ржавчина. Посредине кусок лучше сохранился, и там видны остатки ручки. Это не консервная банка была — там очень тяжелая плита, толстая. С трудом открывалась. Понадобилось очень много времени, чтобы такую целиком на ржавчину перевести.

Давид в местном обществе, видимо, пользовался некоторым авторитетом. Если слова Влада остались почти без реакции, то это заявление вызвало бурю слов и эмоций. Впрочем, слушать там было особо нечего. Лиля что-то тараторила, то о каком-то глупом розыгрыше, то о некоем Толике, который с ума сойдет, ее дожидаясь, «школьница» что-то пропищала про волнующуюся маму и телефон, который как не брал здесь, так и не берет, после чего только поскуливала, милиционер тоже нес какую-то ахинею насчет системы внутренней связи и попыток добраться к кабельному колодцу, что должен пролегать где-то рядом. К чести Давида, он больше не добавлял пищи для паники, а, наоборот, пытался привести в чувство всех присутствующих.

Слушать все это Владу было неинтересно. Он, пожалуй, единственный, кого случившееся даже слегка обрадовало. Сознание как-то мгновенно смирилось с фантастичностью временного прыжка, после чего был сделан логичный вывод — вряд ли наверху продолжают поиски убийцы. Если еще час назад он был готов на долгие годы сесть за решетку, то теперь понял, что мечтал об этом зря, не подумав толком. После тех первых двух выстрелов в душе будто что-то сорвало. Наверное, горе, причиненное белобрысым ублюдком, можно было смыть лишь кровью, как в итоге и получилось. Влад будто обновило, начал мыслить связно и теперь хотел жить свободным человеком, а не в клетке. Еще меньше хотелось, чтобы его, окровавленного, с отбитыми почками, бросили на ковер перед папашей убитого врага. Ради этого он был согласен на что угодно, пусть даже его забросит в эпоху господства динозавров. С ними

найти общий язык будет гораздо проще, чем с доморощенными хозяевами той российской жизни.

Поэтому, пока до остальных еще только доходила суть произошедшего, он уже начал раздумывать насчет дальнейших перспектив. А вот они представлялись невеселыми — та же клетка, которой он избежал, разве что без надзирателей. Влад быстро обошел помещение, прилично сократившееся после обвала, подсвечивая в каждую щель и трещину. В разгар этого занятия его окликнул Давид, судя по вопросу, тоже без долгих задержек привыкающий к чему угодно:

— Влад, что ты там ищешь? Думаешь о том же, о чем и я?

— Если ты, Давид, думаешь, на сколько нам хватит воздуха, то, значит, мы мыслим примерно одинаково.

— О чем вы? — неожиданно почти спокойно спросила Лиля.

— Не знаю, как сейчас, но раньше эта нора была глубоко под землей. Выхода теперь нет. — Давид указал на дверной проем. — Если не выбраться, то быстро задохнемся. Здесь не так много воздуха — надолго не хватит.

— Ага, — подтвердил Влад. — Задумка бункера была интересной, но вот воплощение... Здесь нет запасов еды, воды и прочего. И второй выход не предусмотрен. Не знаю, сколько времени надо для превращения толстой двери в ржавчину, но, думаю, во много раз меньше, чем для исчезновения всей той толщи, что у нас над головой.

— Да зачем он вообще это сделал?!

Ответил Давид:

— Этот гаденыш уверял, что во вторник получит деньги. Наверное, думал возвратиться к нам с квитанцией в руках. Потом, конечно, получился бы скандал, ведь столько дней держать нас взаперти просто так с рук не сойдет, но разве этот сумасшедший о таком думал? Вспомните его слова — что-то говорил о том, что мы не первые и что законом подобное не запрещено. Сколько еще людей так же оказались запертыми из-за его проблем?

— Не сходится, — Влад покачал головой. — Пусть он и псих, но вас должны были хватиться. Наверное, произошло что-то такое, что про всех забыли.

— Ага. Конец света, — хмыкнул Давид.

— Я просто предполагаю. Хотя говорить сейчас надо о другом.

— Эй! Моя милиция! Ты пришел в себя? Что ты молот про кабельный колодец? Очнись! Нам отсюда выбираться надо, пока все не передохли.

Но милиционер лишь что-то неразборчиво и плаксиво пробормотал,

забившись в угол. Поняв, что от него толку не будет, Давид подошел к Владу, внимательно изучающему обвал.

А здесь было на что посмотреть. Бункер, прежде представлявшийся монолитным, на деле оказался не таким. Возможно, его секции заливали бетоном не одновременно, и на стыках остались ослабленные зоны, куда со временем проникла вода, проделав с арматурой то же, что и с дверью. На поверхности камня темнели ржавые пятна — стальной каркас сгнил. Неудивительно, что именно по такому месту пошла трещина. В итоге дело закончилось грандиозным обвалом, засыпавшим добрую половину помещения.

Но этим дело не ограничилось. Процесс разрушения арматуры и образования трещин шел не только наверху, но и по другим сторонам помещения. Удар многотонной силы, ставший причиной разрушения серебряного контура, вызвал цепную реакцию разрушения несущих конструкций, что еще более его усилило. В итоге здесь произошло нечто вроде локального землетрясения, вся мощь которого была ориентирована вниз. Туда, под действием гравитации, устремился вначале потолок, затем стены. Пол пробило, будто картон, а в образовавшуюся дыру, словно в песчаную воронку, скатывались все новые и новые комки осыпавшегося вслед за бетоном грунта.

Влад не был специалистом в подобных вопросах, но логика подсказывала, что бездонной эта дыра не останется. Раз куда-то вся эта масса земли рухнула и продолжает падать, значит, была пустота, согласившаяся ее принять. А что за пустота может оказаться под землей? Естественные пещеры или искусственные помещения. Про пещеры под родным городом он ничего никогда не слышал. Шахты — да — имелись, а еще здесь, под промзоной, если верить коварному Горбоносу, со времен Сталина строили разнообразные секретные объекты, стараясь при этом не скромничать. Можно даже предположить, что и потом, в «пропущенном будущем», потомки по старой привычке начали заниматься тем же самым, восстановив перед этим разворованную промышленность или создав принципиально новую.

— Под нами пустота — туда земля осыпается, — озвучил Влад свои выводы.

Давид, подсветив телефоном, согласился:

— Много земли с потолка выпало — ее бы хватило всех нас завалить. Ты прав — вниз вся ушла.

— Что здесь располагалось? Глубже?

— Если бы я знал... Под промзоной вся земля изрыта, о многих

подземельях даже старожилы не знают. Вот эта комната на планах не обозначена, а ведь ее не наш псих сделал — старая работа. Здесь таких полным-полно. Слышал, что рядом новый супермаркет строить начали?

— Нет.

— Там котлован глубокий, под паркинг, рыть стали. И наткнулись на галерею подземную, которой ни на одном плане не было. Пробили дыру, заглянули, а там рельсы проложены, будто в метро, и кабели по стенам. А закончилось тем, что пришлось все зарывать да еще объяснительные писать. Оказывается, нельзя там ничего трогать. Запретная зона. Но с нашим бардаком почему-то разрешение дали. Такие вот дела. А ведь случилось это на небольшой глубине. Кто знает, что там дальше...

Влад вздрогнул от внезапного шума — с потолка обрушился целый пласт тяжелой глины. К счастью, упал в стороне — рухну такой на голову, гарантирован перелом шеи.

— Потолок неустойчивый, продолжает валиться.

— Вижу, Влад. Это тебе не бетон. И вода капает. Как бы окончательно нас здесь не похоронило. Грунт плохой, влажный — плышет.

Решившись, Влад, непроизвольно косясь наверх, забрался на груды комков глины и кусков бетона, заглянул с нее в воронку, куда продолжал понемногу сыпаться грунт. Как он и предполагал, посредине обнаружилось черное отверстие. Попытка его осветить к успеху не привела. Стало понятно, что оно глубокое, но вот насколько и чем заканчивается...

— Что там видишь? — нетерпеливо спросил Давид.

— Дыра какая-то...

— Куда ведет?

— Непонятно...

— А широкая?

— Где-то с метр — человек спокойно пролезет.

— И что думаешь?

Влад думал лишь об одном — оставаться в этом разгромленном бункере смысла нет. Его либо окончательно засыплет, либо все они умрут от голода, жажды или удушья. Впрочем, с жаждой он поторопился — вода сверху капает, а местами делает это очень шустро. И даже человек, далекий от горного дела, прекрасно знает, во что превращается глинистый грунт при изобилии влаги.

Если не завалит, так грязью затопит...

Вызываться добровольцем для единственно возможной сейчас авантюры ему не хотелось, но и альтернативу подобрать было бы трудно. Давид слишком толст и давно позабыл, что такое активный образ жизни,

мент ничуть не лучше его, к тому же сильно упал духом — опять начал нести какой-то бред, что найденная дыра — тот самый кабельный колодец, который обязательно выведет напрямик в рай земной. Барышень привлекать вообще последнее дело.

Ну и денек: сперва убил одного, потом бегал под пулями и подстрелил другого, с кем-то перепутали, обманным путем забросили в будущее, а теперь придется лезть в дыру с неустойчивыми стенами из оползающей мокрой глины. Дыру эту в любой миг может засыпать или затопить, и свалить такую работенку на кого-нибудь другого не получается.

Пока стоял, ноги засосало в липкий грунт, и выдернул их с трудом, едва не оставшись без щеголеватых, утром до зеркального блеска начищенных ботинок. Поняв, что чистым здесь остаться никак не удастся, решил. Встал на четвереньки, пополз к дыре, кривясь от гадливости — расползающаяся холодная глина прилипла к ладоням будто дерьмо и воняла немногим лучше.

Он не успел придумать, каким образом начнет спуск, — подземелье все решило за него. Склон воронки поплыл под весом тела, Влад, испуганно выругавшись, полетел вниз вслед за доброй тонной осыпавшегося грунта.

Яма оказалась не столь уж глубокой, да и куча рыхлой глины внизу смягчила падение, но все равно приятного было мало — стукнулся хорошо, приложившись боком о некстати подвернувшийся кусок бетона, да еще и неразлучный дробовик саданул по ребрам от души. Придя в себя, ухватил выпавший фонарик, к счастью, непогасший, посветил вокруг. Сверху приглушенно голосом Давида спросили:

— Ну что там? Ты вообще жив?

— Не совсем мертв...

— Что видишь?

— Коридор здесь. Вроде туннеля в метро.

— Рельсы понизу идут?

— Нет. Вода течет. Ручеек маленький. Стены бетонные, кабели какие-то толстые.

— На стенах?

— Нет, под ними. Будто сброшены.

— Наверное, крепления ржа съела, а изоляция пластиковая, вот и уцелели. Выход видишь?

— Да темно тут, а фонарик слабый совсем. Но места много. Здесь точно не задохнемся — скорее помрем от голода.

— Уже получше. Сможешь назад забраться?

— Вряд ли. Тут до потолка метров пять. Даже с вершины кучи, что от нас высыпалась, вряд ли дотянусь. А если и дотянусь, то без толку — в той дыре хвататься не за что.

— Ладно. Попробую этих куриц согнать вниз. У меня тут коллективная истерика намечается.

— Давай. Я пока по сторонам гляну.

— Далеко не уходи.

— Понимаю — не маленький.

Каким образом Давид загонит в жутко выглядящую воронку двух мало для этого приспособленных дамочек и впавшего в панику мента, Влад не представлял. Да и зачем ломать голову над чужими проблемами, если со своими еще не разобрался.

Диаметр тоннеля и его приличная сохранность заставили надежду воспрянуть. Не может быть, чтобы такое капитальное сооружение начиналось и заканчивалось на большой глубине. Возможно, это один из тех самых, что вскрыли при строительстве супермаркета. Не исключено, что они связаны в единую сеть и где-то неизбежно выбираются на поверхность. Почему бы и нет? Вон, катакомбам Парижа сотни лет, а по ним можно и сейчас бродить. Бетона здесь не жалели, арматуры тоже — сооружение держится прекрасно. На первый взгляд лишь в одном месте проблемы — над головой. Там широкая щель, из которой время от времени шумно падают комки глины и часто капает вода.

Посветил в одну сторону тоннеля, затем в другую. Без толку. Фонарик у него маленький, с крошечным светодиодом вместо лампочки. Такой экономит батарейку, но и светит не ахти. Ну что же — придется поработать ногами, раз глаза бесполезны.

Чуток обмыв в мелком и чистом на вид ручейке руки и ботинки, направился вверх по течению, логично предположив, что, если двигаться в противоположную сторону, заберешься еще глубже. На всякий случай прокричал Давиду, куда идет. Мало ли — вдруг выручать придется.

Через пару десятков осторожных шагов вышел к завалу. Бетон наверху расступился, от подножия тоннеля до прорехи возвышалась куча грунта. Судя по слежавшемуся виду, попал он сюда не сегодня. На счастье Влада, сбоку осталось пространство, достаточное, чтобы пробраться даже паре толстяков в обнимку. Оказавшись на другой стороне, почти сразу наткнулся на второе препятствие, и на этот раз все было гораздо серьезнее.

Здесь перекрытие свода не выдержало гнета времени, разошлось по всей ширине, свесившись неряшливого вида рыжими от натеков ржавчины бетонными пластами. Завал получился сплошной, по нему густо сочилась

влага, давая начало тому самому ручейку. С первого взгляда было понятно, что без бригады шахтеров с техникой дальше пройти не получится, и Влад развернулся назад.

Проходя под отверстием, ведущим к злополучному бункеру, он крикнул:

— Вверху завал сплошной, гляну снизу.

Никто не ответил, но отчетливо доносился шум голосов. Очень похоже, что товарищи по несчастью решили именно в этот момент устроить перебранку. Удивительный зверь человек — даже падая в пропасть, успеет наговорить гадостей ближнему.

Не став дожидаться ответа, продолжил путь. Может, он и ведет в глубины, но альтернативы нет. Да и выглядит покрепче — трещин мало, отверстий, похожих на язвы, сочащиеся потеками мокрой глины, тоже немного. Но заметно, что сооружение не просто старое — оно древнее.

Влад не раз видел старые сооружения, и бетон там выглядел несравнимо лучше. Глядя на плачевное состояние стен, начал подозревать, что им, наверное, не одна тысяча лет. Удивительно, что вообще продолжают сопротивляться давлению породы. Но недолго им осталось — влага, будто червями, подтачивала, во многих местах пробив дороги, со временем расширившиеся. Арматура, на которой все держится, рано или поздно полностью превратится в ржавчину, и тогда тоннель обрушится. Он ведь не в скальных породах проложен — там бы ему, как говорится, сносу не было.

Если действительно прошли тысячелетия, кто встретит их наверху? Остались ли там вообще люди или вымерли, поддавшись наконец жажде самоуничтожения? Что, если они здесь последние разумные создания на планете? Как бы не пришлось впрягаться в работу по восстановлению рода человеческого. Трое мужчин, две женщины... Может, они там, наверху, уже делить стали, кому с кем восстанавливать, оттого и ссорятся?

Влад улыбнулся своим мыслям и вдруг заметил нечто новое. В тоннеле по левой стороне виднелся зияющий тьмой провал. Похоже, что целый участок стены обрушился в пустоту. Неудивительно, земля здесь, как он уже убедился, богата на сюрпризы. Удержаться от исследования трудно — возможно, там, в этой норе, найдется наконец путь наверх.

Опять пришлось становиться на четвереньки и ползти по холодной мокрой глине, к тому же насыщенной острыми камешками, больно впивающимися в колени даже сквозь плотную ткань брюк. Так пробираться пришлось метров пять, прежде чем в лазе стало настолько просторно, что Влад смог привстать. Осмотревшись, пришел к выводу, что

рядом с тоннелем здесь проходит вертикальная шахта. Возможно, тот самый обещанный милиционером колодец — черных жил кабелей полным-полно. На стене виднелись остатки металлического лестничного марша в отличном состоянии — засилья ржавчины не наблюдалось. На этом хорошие известия заканчивались — наверху весь проем был засыпан обломками плит, непонятно почему не свалившихся на самый низ. Нет, под ногами их тоже валялось немало, но совершенно очевидно, что это мелочь — главный «груз» угрожающе завис над головой.

Влад уже было развернулся, чтобы покинуть бесперспективный закуток подземелья, но тут краем глаза заметил нечто странное — в углу будто огонек мигнул. Повернулся, подсветил туда. Какой-то колпак, закрепленный на стене, под ним из-под бетонной крошки виднеется ступенчатый металлический диск — словно несколько «блинов» для штанги положили, причем разных размеров.

Подойдя, так и не понял, был здесь огонек или померещилось — на пластике колпака ничего не мигало, так же, как в его окрестностях. Встав на груды «блинов», попробовал снизу изучить странную штуку, для чего зажал фонарик в зубах и начал ладонями ощупывать гладкую поверхность. Это было приятнее, чем глину ладонями месить, — вода в эту шахту почему-то не просочилась. Здесь было сухо, будто в пустыне.

Вдруг под руками что-то неприятно завибрировало, глаза ослепило короткой вспышкой, ноги почему-то на миг подогнулись, дав слабину. Все закончилось так же неожиданно, как началось — Влад опять стоял на пирамидке «блинов», под колпаком. Только вокруг все радикально изменилось. Вместо хаоса изломанного бетона над головой ровный серый потолок. Такие же стены вокруг, и пол чистый — никакой рухляди.

Шахта из вертикальной стала горизонтальной, и к тому же кто-то успел сделать в ней генеральную уборку — слой обломков исчез.

Влад еще не успел осмыслить свершившееся, как странный колпак внезапно затрещал, по нему пробежали всполохи электрических разрядов. Затем все потухло, ноздри защекотало острым запахом химической гари.

Еще раз осмотрев колпак и все вокруг, он пришел к фантастическому выводу. Это устройство не что иное, как навороченный лифт, переправляющий людей из одного места в другое. Видимо, он случайно его активировал, после чего и оказался здесь. В его время подобной технологии не было — похоже, в обиход она вошла гораздо позже. Где он теперь благодаря ей очутился, Влад не имел ни малейшего представления. Впрочем, как было и на прежнем месте, перед ним — заброшенное подземелье.

Как вернуться назад, он не знал, к тому же колпак, похоже, спекся. Видимо, перенос окончательно доконал дряхлую аппаратуру. Влад остался без случайных спутников — где их искать, понятия не имел. Некрасиво получилось — небось решат, что он их бросил, не желая обременять себя слабаками.

Пол под ногами завибрировал, в луче фонаря змеей пробежала трещина по стене, натужно затрещал разрываемый бетон. Все стихло так же мгновенно, как началось, лишь издали донесся непонятный рокошущий звук. Скорее всего, шум обвала.

Похоже, и впрямь землетрясение. Разрушив непроницаемую для времени оболочку бункера, оно продолжало сражаться с подземельем. Возможно, именно этот процесс разбудил дремлющий «лифт-телепорт». И он же может похоронить Влада окончательно.

Убираться отсюда надо, и как можно быстрее.

ГЛАВА 4

Влад уже давно потерял счет поворотам и всевозможным лестницам или провалам, которые, будто издеваясь, заводили все ниже и ниже. Попытки выиграть у глубины хотя бы метр иногда приводили к локальным успехам, но затем он неизбежно наталкивался на очередной завал или тупик, после чего приходилось идти на попятную.

Ситуация его беспокоила, но не казалась безнадежной. Люди — создания упрямые, один раз что-то начав, могут продолжать заниматься этим очень долго. Вот и здесь, соорудив, наверное, еще в годы первых пятилеток грязный подвал под цехом, продолжали в соревновательном духе, как в то время было принято: глубже, больше, быстрее.

Влад не знал, насколько глубоко забрались подземные сооружения промзоны в его эпоху, но не сомневался — все было очень серьезно. Государство тогда на всем, что касалось войны, не экономило, и при всей секретности даже облезлые коты на помойке прекрасно знали, чем занимаются в цехах за высокими бетонными заборами. По заслуживающим доверия слухам, занимались многим, в том числе и совсем уж грязно-гадким, оставляющим после себя горы никому не нужных отходов, опасных до неприличия. Уже в эпоху победы над красным империализмом и здравым смыслом проблему этих самых отходов популисты всех мастей поднимали неоднократно, главным образом — с целью выбить финансы якобы на их переработку в экологически полезный продукт или хотя бы на безопасное захоронение. Денег, как правило, не давали под предлогом того, что нет соответствующей технологии, а если и есть, то все равно средства разворуют до последней копейки, а главное — не поделятся. Ну раз так, пусть лежит это «добро» и дальше.

Если верить всем разговорам, то «добра» этого в подземных хранилищах скопилось столько, что хватило бы весь город покрыть трехметровым слоем. Но даже если сбавить пару нолей на неизбежное преувеличение, то с учетом истины «дыма без огня не бывает», можно предположить, что места под промзоной хватало для хранения всей той заразы, которую десятилетиями стахановскими темпами выдавали цеха нескольких «ящиков». Имелся даже излишек площадей, и теперь его отдавали на откуп коммерсантам повышенной сомнительности и непризнанным гениям в области борьбы с естественным ходом времени.

А еще ходили слухи, что в рамках программы поднятия отечественной

науки планировалось создание нового подземного комплекса — под лаборатории и опытные цеха, где будут создаваться шедевры отечественного наностроения. Российские наночастицы — самые громадные в мире, пусть все знают наших!

Влад этими проблемами никогда не интересовался, но в уши залетало и даже задерживалось — на память не жаловался. Почему бы не предположить, что пустая болтовня в итоге привела к практическому результату? В умершие после прихода новых времен цеха вернулась жизнь, из подземелий попросили убратся хозяев складов китайского ширпотреба и шампиньонных ферм. Ну а потом там начали заниматься тем же, чем прежде: копать все глубже и глубже.

И, похоже, выкопали на его голову...

То, через что сейчас пробирался Влад, смахивало на пирог, добрую треть которого источили геометрически озабоченные черви разных видов. Причем сделано это было не одновременно: некоторые тоннели выглядели если не новенькими, то хотя бы относительно прилично, другие же больше походили на природные пещеры, чем на дело рук человеческих. Причем не те пещеры, куда туристов за деньги водят, а то замшелое убожество, где снимают фильмы ужасов про маньяка с красным топором, ведро кетчупа и толпу американских студентов с одной извилиной на семерых. В этих норах было сыро, под ногами хлюпало, с потолка свешивалась какая-то липкая мерзость, похожая на гнилые гнойные бинты. Имейся выбор, он бы в подобные места нос не совал, но подземелье не оставляло других вариантов.

В тех тоннелях и залах, которые сохранились лучше, как правило, находиться было так же неприятно. Покосившиеся своды грозили обвалом, под ногами хватало воды, среди потеков на стенах ползали жирные мокрицы. Местами встречались груды грязного ржавого хлама, раньше, несомненно, являвшегося ценным оборудованием или стратегическими запасами чего-то крайне важного, что полагается хранить на глубинах, недоступных даже для атомной бомбардировки.

Как-то некстати начали вспоминаться рассказы о тысячах цистерн с отходами производства нервно-паралитических газов и о штабелях снарядов, начиненных штаммами бубонной чумы и сибирской язвы. Если это хоть на йоту правда, то стенки емкостей должна была постигнуть та же участь, что и двери бункера. И куда потом делось содержимое? Можно предположить, что не стало спорить с законом всемирного тяготения и потекло в нижележащие подземелья. Возможно, то, что сейчас хлупает под ногами, одновременно убивает его...

Да нет уж. Вряд ли. Скорее всего, подземелье в итоге забросили, а опасные вещества при этом утилизировали. И плевать, что не было технологии — в будущем наверняка разработали. Значит, бояться нечего — у него и без дряни смертоубийственной есть о чем подумать. К примеру, о том, когда же наконец, закончится этот проклятый спуск? Такое впечатление, что центр Земли уже близко.

* * *

Очередную передышку Влад устроил на пересечении двух частично обвалившихся туннелей. Здесь потолок поддерживала массивная колонна, вот к ней и прислонился спиной, выключив фонарик. Несмотря на экономную конструкцию, тот уже светил заметно слабее, и это нервировало больше всего. Остаться под землей без света очень неприятно. Он и с ним ухитрился заработать ушиб колена и кровоточащую ссадину на ладони, а уж в темноте начнется нечто... Надежды на экран телефона мало — неудобно пользоваться им, включенный, долго не продержится.

Куда податься дальше? Оба тоннеля на вид одинаково старые и тянутся, увь, горизонтально, без малейшего намека на подъем. Когда-то, возможно, на стенах были указатели, но сейчас там лишь пятна сырости и трещины, кишащие мокрицами. С другой стороны, сохранность сооружения приличная — редко такие местечки попадаются. Завалы вызваны не полным обрушением бетонных перекрытий, а просыпанием грунта в трещины и отверстия, проточенные водой. Пройти можно прекрасно, хоть и придется пригибаться местами. Влад в этом почти не сомневался — за последние часы он приобрел специфический опыт, позволявший делать подобные выводы.

Если бы не желание растянуть батарею фонаря подольше, он бы наверняка ничего не заметил, отправившись сперва в один, а потом, может быть, в другой тоннель. И там или смерть, или, если очень повезет, — нашел бы выход. Но огонек фонарика погас, глаза, отдохнув от света, начали чувствовать малейшие его источники.

В итоге дорога его судьбы второй раз за день круто повернула.

Сперва Влад заметил подозрительное свечение чуть левее. Он не удивился, так как не раз уже сталкивался с фосфоресцирующими кучами гнилья и мхом, растущим на сырых стенах. Но сейчас все выглядело совсем по-другому. Заинтересовавшись, поднял фонарик, направил в ту сторону. В слабом луче разглядел широкую трещину, рассекающую стену туннеля от

пола до потолка. Подойдя, присел, надавил на крохотную кнопку, вновь отправив светодиод на отдых.

Глазам потребовалось около минуты на адаптацию, чтобы опять разглядеть подозрительное сияние. И теперь сомнений не осталось — его источник где-то за стеной тоннеля.

Изучив трещину на ощупь, Влад скривился — с его габаритами запросто можно застрять. Пришлось снимать пальто, заворачивать в него дробовик и получившийся сверток проталкивать перед собой.

В норе, что протягивалась от трещины, ему не понравилось — живот в воде, голова трется о какие-то острые выступы. Не раз пожалел, что решился на эту авантюру, а однажды чуть не впал в панику, когда едва не застрял в узости резкого поворота. Зато за ним сияние усилилось, да и лаз расширился.

Еще пара метров — и Влад рукой угодил в пустоту. Подсветил фонарем, убедился, что выбрался к трещине, рассекавшей перекрытия очередного тоннеля. Судя по виду повреждений, плиты здесь разошлись совсем недавно — сохранность стен была такова, что даже гидроизоляция осталась в узнаваемом виде, хоть и выглядела непривычно. Ухватившись за кусок пластиковой отделки, он спустился, ничего себе не повредив, и тут наконец увидел источник свечения.

Не стал кидаться к нему опрометью — для начала осмотрелся, изучая местность. Тоннель этот был необычен — такой ему точно не попадался. Во-первых, в нем было почти сухо. Во-вторых, трещина лишь одна. Даже не трещина — стык плит разошелся, а в остальных местах держится прекрасно. В-третьих, стены выглядят не новенькими, но и не бесконечно давно заброшенными. Такое впечатление, что люди отсюда ушли считанные месяцы назад, а может, и до сих пор иногда заглядывают. Будто попал в подвал, редко используемый.

Хотя, возможно, дело в другом. Помимо гидроизоляции в трещине можно было разглядеть разорванную металлическую сетку. Тонкая проволока ему кое-что напоминала. А именно — то помещение, в котором их часы или века назад запер коварный неплательщик.

Владу доводилось подрабатывать на стройке, но он ни разу не сталкивался с подобными сетками в стенах. Не исключено, что здесь применялась та же технология «запечатывания времени». Очень может быть, что нервный изобретатель в итоге подарил ее человечеству или создал свою корпорацию, начав с торговли бункерами, а таких пленников, как Влад с компанией, держал на манер скелетов в шкафу. Всякое могло произойти, но на правах рабочей гипотезы не будет глупостью

предположить, что сохранность коридора объясняется выпадением его из нормального течения времени. Возможно, эта трещина, повредившая проволоку контура, виновница того, что сооружение начало ветшать.

Дверь Влад стал изучать в последнюю очередь — оставил на десерт. Точнее, дверью явно была стена из серого металла, наглухо перекрывшая проход слева. По диагоналям ее квадрата тянулись выпуклости вроде ребер жесткости, а на их пересечении горел мертвенно-бледным пламенем диск сантиметров пятнадцати диаметром.

Вот это свечение его сюда и заманило...

А еще здесь был скелет. Не в шкафу — на полу валялся, перед дверью. Судя по тому, что кожаная одежда не рассыпалась от ветхости, пролежал он здесь не так уж долго. Влад не разбирался в анатомии, но кости и череп на вид вполне человеческие, и это утешало, поскольку подсознание, прикормленное апокалиптическими ужастиками, опасалось встречи с мутантами или с кое-кем похуже.

На правой стороне двери виднелась странная надпись: «Зона неизбежной узкополосной технодетерминации для носителей крьюгенс-кода значимости ниже шестнадцати. Предъявите крьюгенс-идентификатор в считыватель во избежание снижения текущего функционала. Подтвердите значимую степень защиты».

Чуть ниже неровными темными буквами было выведено нечто не менее бредовое: «Я нашел двери Техно. Навеки проклят голосами демонов».

Влад почти не сомневался, что вторую надпись сделал тот самый человек, чей скелет под ней остался. И, похоже, вместо краски он использовал кровь. Что хотел выразить этот бедолага, неясно, но настораживало одно — он нашел здесь свою смерть. Может, тоже выход искал, но неудачно?

Плохо дело...

Подойдя к двери, Влад начал осматривать светящийся диск. На лампочку не похож и на поверхность вмурованного светильника — тоже. Создавалось впечатление, что сам материал светится, будучи при этом непрозрачным.

А почему, собственно, Влад решил, что это дверь? Может, просто тупик или сейф с ценностями. Нет — подсознание подсказывало, что коридор продолжается дальше, и там, за ней, очень может быть, найдется путь на поверхность. Где же его искать, если не здесь, в хорошо сохранившемся подземелье, где наверняка и лестницы или хотя бы вертикальные колодцы находятся в столь же прекрасном состоянии?

Но как ее открыть? Не видно никаких признаков замка, если не причислять к ним светящийся диск.

Влад не любил ставить рискованные эксперименты, но пришлось переступить через принципы. Диск проигнорировал прикосновение стволом дробовика, зато при попытке приблизить ладонь начал наливаться красным свечением.

Отдернув руку, Влад попытался потрогать его другими предметами, но успеха не достиг. Ему подавай именно конечность. Ну что ж — ведь не век здесь куковать, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Уж очень перспективно выглядит этот коридор, да и то, что странное устройство все еще работает, позволяет надеяться встретить за дверью нечто более интересное, чем осточертевшие рассадники мокриц.

Решившись, Влад прижал ладонь к диску. Белый свет мгновенно сменился красным, и Влад едва не подпрыгнул, когда прямо под ухом воркующим, бесстыдно-развратным женским голосом произнесли:

— Периметр-контроль. Крюйгенс не распознан. Идентификатор не считывается. Проводится сканирование по процедуре «Б». Сканирование завершено. Статус не определен. Для подтверждения возможности соответствия требую приступить к декламации ряда четных по восходящей начиная от двойки. В противном случае гарантирована технотерминация в широком диапазоне.

Влад понятия не имел, что происходит, но подозревал, что технотерминация ничего приятного ему не обещает. Потому послушно затараторил:

— Два, четыре, шесть, восемь...

— Достаточно, — произнес все тот же голосок. — Озвучьте математический смысл символа на считывателе.

На красной поверхности диска проступило четкое белое изображение.

— Процент, — неуверенно ответил Влад, потому что не знал, как именно надо озвучивать этот хорошо знакомый символ.

— Достаточно. Идентификация по процедуре «Б» завершена. Признаков негомогенного метаморфизма не зафиксировано. Общий вывод: наличие потенциала перспективности. Приступаю к докладу. Статус объекта «Красное гнездо»: запечатано. Статус устройства «Красный алтарь»: функционирует. Последний внешний тест выполнен триста семьдесят четыре тысячи астрономических суток назад. С момента теста проявлений класса «А» и выше не зафиксировано. Высшая изоляция. Попыток доступа: две. Идентификаций: ноль. Процедур «Б»: две. Завершенная: одна. Технотерминация: одна. Доклад завершен.

— А ты вообще кто такая? — Влад счел момент уместным для такого вопроса.

— Статус-контролер считывателя, — без запинки ответил все тот же голос.

— А что это значит?

— Устройство контроля системы считывателя.

— А это как понимать?

— Терминологическое несоответствие. Статус рабочий. Повторить доклад?

— Нет уж...

Влад уже понял, что говорит не с человеком. Какое-то навороченное устройство с пародией на искусственный интеллект. Вряд ли из него получится интересный собеседник, хотя голос, признаться, такой, что можно продавать вместо «Виагры». Но других собеседников не наблюдается, значит, придется попытаться то, что имеем.

— Как выбраться наверх?

— Терминологическое несоответствие. Текущий статус: гибернация. Повторить доклад?

— Мне нужно оказаться на дневной поверхности планеты. Как это сделать?

— Терминологическое несоответствие. Текущий статус: гибернация. Повторить доклад?

— Есть рядом пути, которые ведут наверх? Лестницы, лифты, колодцы, широкие трубы или что-то другое?

— Терминологическое несоответствие. Текущий статус: гибернация. Повторить доклад?

— Вот заладила... Что находится за этой дверью?

— Объект «Красное гнездо».

— Там есть выход?

— Терминологическое несоответствие. Текущий статус: гибернация. Повторить доклад?

— Еда, вода, воздух есть там?

— Терминологическое несоответствие. Текущий статус: гибернация. Повторить доклад?

— Тупой голос из светильника, ты можешь открыть эту дверь?

— Терминологическое несоответствие. Требую штатное подтверждение изменения статуса: использовано внесtatусное повеление нарушить печать?

— Мне нужно попасть за дверь. Что здесь непонятного?

— Требую подтверждение статуса: повеление нарушить печать?

— Да! Черт побери! Нарушай что угодно, только открой дверь!

Владу начал надоедать этот сюрреалистический диалог человека из прошлого с говорящим замком для двери.

— Ваше повеление включает проведение внешнего теста?

— Мое желание — немедленно открыть дверь.

— Статус: старт процедуры снятия печати.

В недрах двери что-то с натугой заскрежетало, металлическая поверхность дрогнула, поползла в сторону. Из темного зева открывающегося подземелья дохнуло чем-то непонятным, но знакомым — вроде того запаха, что при электросварке бьет в ноздри. На полпути плита с отрывистым звоном замерла, диск замигал розовым, голос торжественно произнес:

— Статус нарушения печати: неисправность механизма врат. Нештатное завершение гибернации. Готовность к режимному докладу. Доклад начат. Ход времени уравновешен. Ориентировочное расхождение составляет триста восемьдесят четыре тысячи сто девяносто три астрономических суток. Согласно штатной процедуре, при интервалах тестирования более чем в десять астрономических суток режим «Красного гнезда» переходит в состояние «ДЭФ». При интервале больше тысячи суток гибернация достигает статуса непрерывности. Интервал в десять тысяч астрономических суток активирует режим «ПОИСК ОПЕРАТОРОВ». Подтвердите готовность принятия функции на Красном алтаре.

В голову Влада впервые закралась здравая мысль: а что, если воздух в подземелье действительно загрязнен, в том числе и веществами нервно-паралитического действия? Иначе чем объяснить то, что здесь происходит? Вместо того чтобы искать выход, он замер столбом, пытаясь найти общий язык с мертвым голосом, извергающим поток отборной чуши.

Осторожно заглянув за частично откатившуюся дверную плиту, он не увидел ничего страшного. Наоборот, стоило порадоваться. Ведь дальше оказалось длинное помещение, размерами и планировкой больше всего напоминающее пассажирский вагон со снесенными внутренними перегородками. Ни мебели, ни каких-либо других предметов там не наблюдалось, за исключением одного — красного куба с гранями длиной около полутора метров, располагавшегося строго посреди комнаты.

Стены, надо сказать, были того же ярко-красного цвета и излучали свечение в том же диапазоне. Глаза сразу начало резать. Но вообще-то явный плюс, ведь можно экономить ресурс батареек. Не исключено, что удастся утащить отсюда нечто полезное или как-то вывести путь наверх.

Состояние помещения великолепное — лишь дверь не работает, да и то частично. Даже если предположить, что все это благодаря проволочным контурам, останавливающим время, то все равно не сходится. Ведь голос снаружи работал в реальном времени, и диск светился тоже. На все это требуется энергия. Вообразить источник, способный хотя бы десятилетиями питать эти механизмы, Влад мог, а вот то, что это происходило без присутствия человека, — уже сомнительно. Где-то здесь должна быть дорога для обслуживающего персонала, и он ее непременно найдет.

Но первым делом осматривает комнату. В этом красном свете глаза могут обманывать, не замечая скрытых дверей или шкафов. Душа чуяла, что он непременно ухватит толстую удачу за хвост, ведь не зря его занесло в такие глубины.

Наверное, о чем-то подобном думает мышка, когда напротив выхода из норки обнаруживает странную конструкцию, которой вчера не было, а затем ее ноздри ловят волнующий аромат сыра...

ГЛАВА 5

Скрытых дверей, шкафов, сейфов и прочего в комнате не обнаружилось. Стены, пол и потолок, похоже, из того же стеклоподобного материала, что и диск. Единственное, что выбивалось из предельно скудного интерьера, — куб. Такой же красный, но не блестящий, а матовый, с неровной поверхностью — будто застывший асфальт. И никакого свечения — тусклый, непросвечивающийся.

Влад осмотрел его со всех сторон, затем по наитию опустил ладонь на верхнюю грань, после чего едва не заорал от неожиданности — свечение в комнате усилилось мгновенным скачком, по стенам быстро промелькнули строки, прочесть которые было невозможно, а тот же сексуальный голос, как показалось, с долей злорадства произнес:

— Заявлена готовность принятия функции ОПЕРАТОР. Для подтверждения готовности выполните процедуру по коду «ЖЕРТВА НА АЛТАРЕ».

Затем произошло нечто непредвиденное — дверь заскрипела и быстро вернулась на место, перекрыв выход.

Влад сразу догадался, что это неспроста и дело пахнет керосином. Он проклял себя за то, что не догадался перекрыть проход. Ведь мог бы притащить камней из подземелья. Сам виноват! Лопух!

— Эй! Ты! Дверь открой!

Ноль реакции. Голоса будто и не было никогда. Может, и правда все почудилось? Надышался подземными газами до галлюцинаций? Может, и так... Но сейчас о другом думать надо: как бы отсюда ноги унести? Если раньше он просто искал путь вверх, то сейчас был готов идти куда угодно, лишь бы оказаться подальше от этого нервирующего красного света.

Над головой послышался пронзительный стонущий звук, будто где-то наверху великан играет со связкой рельсов, изгибая их во всех направлениях. Вновь ожил голос:

— Активирована процедура назначения оператора. Приготовьтесь к подтверждению статуса соответствия.

Влад понятия не имел, чего от него хотят, но подозревал, что ничего хорошего ему в этой кровавой комнате не светит. И, к сожалению, не ошибся.

Потолок внезапно завибрировал и протек сразу в тысячах мест. На голову и плечи Влада брызнуло несколько струек красной липкой

жидкости, похожей на кровь. Запаха от нее не ощущалось, но первой реакцией была тошнота. Содержимое желудка подступило к горлу. При всех своих мужественных внешних данных, он бледнел, как последняя гимназистка, если видел капельку, выдавленную из проколотого пальца. Такая вот слабость...

Не успел успокоить желудок, как понял, что все гораздо хуже. Красная бурда лилась быстро, вот только вытекать ей было некуда, поэтому уже через несколько секунд ее уровень достиг колен.

Еще через полминуты или чуть более ему пришлось становиться на куб, потом изо всех сил стараться вытянуться на цыпочках. Ничего не помогало — она все лилась и лилась. А голос, ничуть не переживая по поводу происходящего, равнодушно сообщил:

— Статус процедуры «ЖЕРТВА НА АЛТАРЕ»: выполнено.

Влад попробовал плавать, но надолго заплыв не затянулся — уровень жидкости достиг потолка. Спасения не было — он начал захлебываться, и когда кислородное голодание довело его до стадии полного отупения, даже не удивился прикосновению к затылку. Туда что-то почти не больно кольнуло, затем ощущения повторились на висках, шее и запястьях. Какая-то сила свела ноги вместе, вытянула их вниз, а руки развела в стороны. Сопrotивляться он не мог, да и не хотел уже, сознание почти угасло, даже не удивляясь происходящему. Зависнув в позе буквы «Т» над красным кубом, он ждал неминуемого прихода тьмы, но она почему-то запаздывала.

А может, это и есть смерть?

Голову прострелило столь дикой болью, что Влад едва не разорвал рот в безумном по силе вопле. Не исключено, что так и произошло — в этом красном мареве при отсутствии других ощущений разве поймешь.

— Экспресс-тест. Статус: завершение. Сто семьдесят пять единиц по второму стандарту, — прямо в голове Влада произнес все тот же голос. — На шестьдесят два процента выше рядового оптимума. Отсутствие механических повреждений и вмешательств. Чистота материала: полная. Генетический резерв более сорока процентов. Встроенные системы не обнаружены. Связь невозможна. Подтверждение процедуры невозможно. Рекомендованный режим аварийной загрузки: оператор-контролер. Статус загрузки: старт.

Болезнь начало везде, да так страшно, что человек и десятой доли не должен выдержать — неизбежно провалится в бессознательность или смерть. Но Влад, увы, продолжал ощущать все, без возможности хоть что-нибудь сделать. Тело не подчинялось и не ощущало ничего, кроме сплошной жгущей пытки. Красная бурда, заполнив легкие и желудок, и там

продолжила свою разрушительную работу. Такая безобидная вначале, сейчас она действовала не хуже кипящей кислоты.

Влад почувствовал, как хрустят височные кости под нажимом каких-то твердых инструментов. Затем так же мерзко захрустело в глазницах — через них, похоже, в череп проникли спицы садиста, ведь все эти манипуляции увеличивали уровень боли, хоть подобное и казалось невозможным.

Сколько продолжалась эта пытка, он не знал. Не исключено, что он провисел не одну геологическую эпоху, прежде чем тот же, уже ставший ненавистным голос равнодушно произнес:

— Статус загрузки: успешное завершение. Периферийная система: работоспособна. Рабочая мощность одиннадцать процентов. Ориентировочный срок выхода на максимальную мощность: от ста шестидесяти до восьмисот двадцати астрономических суток, при соблюдении всех условий постмодификации. Ориентировочный срок полной нейронной модификации: от сорока до трехсот семидесяти астрономических суток, при соблюдении всех условий постмодификации. Статус объекта: оператор-контролер. Уровень доступа: восстановитель, спасатель, техник, ликвидатор, оператор третьего уровня, аварийный контролер красной сети. Миссия: поиск уцелевших объектов красной сети, тестирование, восстановление, связь. Статус миссии: старт.

Вот тут Влад наконец отключился.

Или, что скорее всего, ему позволили это сделать.

* * *

К спиртному Влад относился равнодушно, но бытие студента таково, что легче встретить снежного человека, чем ни разу не попасть на пьянку. В его биографии был единичный негативный опыт последствий того, что называется «перебрал». Тогдашнее пробуждение он считал самым страшным событием своей размеренной жизни.

Логично предположить, что после такой изощренной пытки он, придя в себя, должен был испытывать нечто на порядки худшее, чем в то тошнотворное утро. Но ничего подобного: открыв глаза, он даже удивился своему состоянию. Впечатление, будто сытно поел и отлично выспался. Если голода он и до попадания в красную комнату не ощущал, то пить хотелось — на струйки сомнительной воды, просачивающиеся там и сям, поглядывал с вожделением. Но сейчас от жажды и следа не осталось.

Боль прошла полностью, причем, похоже, без последствий. В глаза, с которыми после непонятных манипуляций он уже успел попрощаться, бил все тот же осточертевший красный цвет. Он прекрасно видел стены комнаты, а на краю поля зрения выступала грань куба. Ощупав голову, он не обнаружил на ней ран или других следов хирургического вмешательства. От сердца немного отлегло, но Влад не расслаблялся — прекрасное самочувствие его не обманывало. Что-то с ним не так. Будто лишнее добавилось, а что именно, не понять. Но дискомфорта это не вызывало.

Приподнявшись на колено, он огляделся, но не заметил никаких изменений. Все те же красные стены, пол и потолок, куб на прежнем месте — по центру, и дверь, увы, закрытая. Никаких признаков мерзкой жидкости не осталось — было так же сухо, как в самом начале. Даже одежда чистая и, похоже, выглаженная.

Может, все это ему померещилось? Кошмар, навеянный подземными газами?

В любом случае из этой в высшей степени неприятной комнаты следовало валить как можно быстрее. Влад уже понял, что, кроме неприятностей, здесь ничем не разживешься.

Как открыть проклятую дверь, он не представлял, поэтому решился на новый контакт с ненавистным голосом:

— Эй! Как мне выйти отсюда?

— Терминологическое несоответствие. Статус постмодификации: начальная фаза вторичной реплантации. Статус миссии: выполнение.

Вот тут Влад понял, что с кошмаром далеко не покончено — голос не в уши пролез, как полагается нормальным звукам, а раздался непосредственно в голове. Такое впечатление, будто он его слышит поверхностью мозга, что, само собой, не могло не навеять мрачные мысли по поводу собственного душевного равновесия.

— Дверь открой!!! — заорал он, не сдержавшись.

— Терминологическое несоответствие. Статус постмодификации: начальная фаза вторичной реплантации. Статус миссии: выполнение.

Взяв себя в руки, начал наобум, окольными путями, пытаться заставить собственную шизофрению выполнить требуемое:

— В чем суть миссии?

— Поиск уцелевших объектов красной сети, их разведка, тестирование, восстановление, налаживание связи в условиях поражения командных центров и тотального уничтожения исполняющих юнитов.

— Я могу это сделать, не выходя отсюда?

— Невозможно. Ситуационная рекомендация: покинуть Красное Гнездо, достигнуть дневной поверхности, после сброса статусных пакетов установить коннект с уцелевшими сегментами командной сети, провести анализ их состояния, продолжить выполнение миссии, используя полученную информацию.

— Я готов покинуть Красное Гнездо.

— Статус запроса: принято.

У Влада от сердца отлегло, когда дверь, натужно заскрипев, нехотя отошла в сторону, вновь остановившись на полдороге, хотя и чуть подальше, чем в первый раз, — видимо, застоявшийся механизм немного разработался. Только когда из раскрытого проема дохнуло подземной сыростью, он понял, что запахов в комнате вообще не ощущалось. И что сейчас наконец вырвется из этой западни. Лучше уж остаться в заваленном туннеле без света, жрать мокриц и пить сомнительную воду, чем сидеть здесь в тепле и при свете.

Влад едва успел сделать шаг наружу, как механизм опять заскрипел и плита вернулась на прежнее место. Обернувшись, он не удивился тому, что диск, мигнув, загорелся прежним бледным сиянием, без малейшего намека на красное.

Как бы ему ни хотелось убраться отсюда подальше, он пересилил себя, задержался возле скелета. Ему так же, как любому нормальному человеку, копаться в останках не нравилось, но сейчас не та ситуация, чтобы брезговать. Кто бы ни был этот покойник, он каким-то образом сюда проник. Не исключено, что у него есть карта подземелий или хотя бы описание дороги наверх. Судя по надписи, которую, скорее всего, сделал умерший, Влад разберет его каракули.

Разложение не оставило от тела ничего, кроме костей и слипшейся в неряшливые колтуны волосистой массы на голове и подбородке. Влад не знал, сколько нужно времени для того, чтобы превратить человека в скелет, но был уверен, что это вопрос скорее лет, чем месяцев. Даже если микробам помогали твари покрупнее вроде крыс, все равно срок приличный.

Первым делом Влад внимательно, а не как было поначалу, осмотрел одежду. Штаны, куртка и подобие сапог были изготовлены из толстой кожи. Кройка грубая, а швы просто чудовищные — такое впечатление, что дырки пробивали ломом, после чего стягивали грязными веревками. Левый рукав почему-то гораздо толще, сшит из нескольких слоев.

На груди и животе куртка была обшита бляшками из материала, похожего на кость или какой-то необычный камень. Возле тела лежали еще

два предмета — сумка и то, что Влад при первом осмотре принял за шапку. Но теперь он начал в этом сомневаться — уж очень странный головной убор. Металлическое кольцо, гнутая крестовина сверху, и этот каркас обтянут столь толстой кожей, что, наверное, пришлось престарелого носорога ободрать ради такого дела.

Этот предмет так и тянуло назвать шлемом.

Сумка была сшита из плотной грубой ткани. Раскрыв ее, Влад высыпал содержимое на бетонный пол и в тусклом свете сияния от двери начал разбираться в содержимом. В основном здесь была непонятная труха, но встречались предметы любопытнее. Две неровные свечи в кожаном футляре — судя по его размерам, когда-то их там могло быть больше, какой-то блестящий темный камень, деревянная некрашенная ложка, катушка грубых ниток с иглой такого размера, что с ней можно смело идти на медведя, моток веревки, комок из смятой медной проволоки.

Осмотр тела добавил к трофеям закопченную палку, в которой угадывались остатки факела, и широкий тяжелый нож внушительной длины — такой вполне можно называть кинжалом. И еще колчан, в котором обнаружили шесть стрел со ржавыми наконечниками. Лука, что интересно, не обнаружилось.

Выпрямившись, Влад покосился на дверь, потом на скелет. Несомненно, что человек этот одет явно не по моде эпохи, при которой сооружали столь странные бункеры. Хотя кто ее знает, моду, особенно женскую... Но и предметы, не относящиеся к тряпкам, трудно было причислить к продукции высокотехнологических производств. У этого человека даже электрического фонаря не было! Выходит, он здесь бродил со свечами и факелами. Бред какой-то... А огонь как добывал? Неужто блестящий камень — деталь огнива? Это какая же седая древность... А стрелы каковы? Деревянные, оперение из птичьего пера, грубые наконечники, тронутые ржавчиной. Непохоже, что такие продавались в спортивных магазинах.

Хотя если предположить, что цивилизация пришла в упадок и этот бункер один из немногих, прилично сохранившихся до сих пор, то все можно расставить по своим местам. Влад о подобном не раз читал, да и фильмы видел. Войны, эпидемии, метеориты и прочее разрушают промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру. Народ быстро проедает оставшиеся ресурсы, дичает, забывает былое.

Здесь, похоже, дело дошло до стадии, когда проедать стало нечего. Имущество покойника явно не на фабрике произведено.

Хорошая гипотеза, многое объясняющая. Но толку от нее сейчас ноль,

потому что карту или что-нибудь другое, способное помочь выбраться, Влад так и не нашел — покойник не дал ответа. Дверь пытаться бесполезно, да и страшно — вдруг опять голос отзовется не в ушах, а в голове. Если здешний уровень медицины соответствует одежде покойника, то вряд ли подобную ненормальность смогут вылечить. Влад смутно припоминал, что психов в древние времена или сжигали, как одержимых, или пытались исцелить народными методами, а именно: побоями, прижиганиями, молитвами и голоданием.

Представив, что придется продолжать это нескончаемое хождение по тьме подземной, Влад решил, что лучше уж голоса в голове, и отважился спросить:

— Мне бы план подземелий посмотреть или указатель какой-нибудь. А то ведь не выберусь и не смогу выполнить задание.

— Статус запроса: принято.

Увы, худшие опасения подтвердились — голос опять прозвучал в голове.

Но затем произошло нечто совсем уж несуразное, гораздо страшнее бабской трескотни, обосновавшейся в башке. Прямо перед глазами Влада возникла цветная картина — десятки пересекающихся линий в несколько слоев. Будто ажурный скелет какого-то замысловатого сооружения.

— Статус запроса: выполнен. Запрос к локальному банку памяти, предоставление планов всех уровней объекта «Укрытие сто два» и прилегающей территории.

Влад понял, что купание в красной бурде и все пережитые муки бесследно не прошли. Ибо он, будто на экране трехмерном, смотрел сейчас на схему подземелья. И висела она вовсе не перед глазами. Она находилась там же, где источник голоса.

В его голове.

ГЛАВА 6

Этот туннель даже бетонировать никто не стал, и легко догадаться, по какой причине. Пласты рыхлых песков и плавучей глины остались наверху, а здесь царствовали твердые горные породы, и были они столь прочные, что в дополнительном усилении несущей способности не нуждались. Но увы — для времени не существует авторитетов. Местами в выработку просочилась вода, а она, как известно, камень точит. Со свода и стен за годы запустения насыпалось много всего, причем местами даже чересчур много — следов сильных обвалов хватало. Строители не рассчитывали, что их сооружению придется простоять так долго без присмотра.

Остановившись, Влад едва живым фонариком осветил развилку с таким же незакрепленным тоннелем и уже привычно вызвал в голове схему. Человек такая тварь, что ко всему привыкает — вот и он привык к собственной ненормальности. Принял как факт, что в красной комнате ему в голову установили что-то вроде компьютера, на жестком диске которого имеется план подземелья. Он даже научился вращать его усилием воли, разглядывая с разных ракурсов, хотя пока что получалось плохо — картинка не слушалась. Поскольку подписи были на более-менее понятном русском, Влад без проблем разобрался, где сейчас находится, ориентируясь по Красному Гнезду. Оно располагалось почти на самом низу комплекса. Определившись с направлением, начал спуск.

Да-да, Влад спускался. Вниз, к самым глубоким выработкам, на самое дно. Идиотизм? Возможно. Но ему показалось, что так гораздо надежнее. Будучи от природы человеком наблюдательным и не страдая от недостатка памяти, он подозревал, что наверху разрушения должны быть максимальными. Хорошо сохранившиеся туннели вначале почти не встречались, а сейчас только по таким и бродит. Примечательно, что вода, стекая множеством ручьев, не затопила выработки — где-то пробил себе выход.

Где? Ответ нашелся в схеме. Помимо многоуровневого комплекса «Укрытие сто два» здесь со всех сторон примыкали другие подземелья. Туннели там не пестрели разноцветными изображениями — все серое, местами нанесено пунктиром, схематично, но разобраться можно. Этим он и занялся, когда схлынул первый шок. А кому будет приятно узнать, что в твоей голове кто-то покопался непонятно как и для чего?

Схему можно было изучать не один день. Похоже, потомки все до

одного отличались чрезмерным трудолюбием и без устали рыли землю под городом долгие годы. То, что успели соорудить за время советских пятилеток, теперь не тянуло даже на жалкую мышиную норку. Странно, что при проведении всех этих работ не наткнулись на «вневременной бункер» — глядишь, и не пришлось бы Владу до скрипа в черепе напрягать мозговое вещество, пытаясь развернуть схему в удобном ракурсе.

Помимо подземного мира, имелось изображение дневной поверхности и каких-то сооружений на ней, обычно подписанных непонятно. К примеру, что может подразумеваться под словами «Шестой хлот. Девиач. пат.», нанесенными на ромб, вписанный в окружность? Именно за этим самым странным «хлотом» Влад нашел то, что напомнило ему детство.

Он ведь не всю жизнь провел в большом городе. Семья его, погнавшись за длинным северным рублем, переехала в Мирный. После гибели родителей он остался там с бабушкой, а когда и ее не стало, за ним прилетела вторая. Слезы, похороны, затем последний взгляд в иллюминатор. Самолет, набирая высоту, прошел над знаменитой кимберлитовой трубкой — исполинской «морковкой» из алмазосодержащей породы. Люди, добывая драгоценные камни, не одно десятилетие по кусочку вытаскивали «корнеплод», и теперь в земле зияла грандиозная рана: идеально круглая и такая глубокая, что технику внизу непросто рассмотреть.

Такая же рана обнаружилась на плане. Располагалась она на приличном удалении от цветного лабиринта «Укрытия сто два», а по глубине опускалась очень прилично. На дне ее виднелись какие-то сооружения и выработки, ведущие и вовсе в бездну, но Влад надеялся, что одна из тех, которые выходят в стенках исполинской дыры, окажется в порядке. Или хотя бы в таком состоянии, что можно будет проползти. Вот и пытался теперь не заблудиться в подземном лабиринте, выбирая лишь те пути, что вели в сторону цели.

Следовало поторопиться — фонарик светил все слабее и слабее, а без него он никогда не выберется. Есть и плюсы — схема, похоже, не обманывает. Ожидая ответвление вправо, он всегда находил ответвление именно вправо, если обвалы не заставляли менять маршрут. И чем ниже он спускался, тем меньше встречалось непредвиденных препятствий. Тоннели, пройденные в твердой породе, держались лучше забетонированных.

Когда, по его расчетам, он добрался до середины пути между «Укрытием сто два» и дырой, то наткнулся на подтверждение своих предположений — в сопряжении двух тоннелей сливались два ручья и

дальше текла уже настоящая шумная речушка. Вода движется в том же направлении, что и он. Похоже, им по пути.

Идти по руслу речки оказалось гораздо тяжелее. Мешали навалы обточенных водой скользких валунов, на голову постоянно капало, быстро промочив одежду до нитки, а ведь она даже после садистского купания в красной комнате осталась сухой.

И еще здесь было полным-полно живности. Мокрицы вымахивали чуть ли не до габаритов рака, со стен свисали светящиеся бороды какого-то склизкого мха, в воде постоянно что-то плескалось, удирая при его приближении, рядом с ногами проносились юркие фосфоресцирующие рыбки. Один раз над головой захлопали крылья, и что-то с писком умчалось во мрак, не позволив себя рассмотреть. Летучая мышь? Возможно. Если так, то это вообще замечательно — выход где-то рядом. А если отбросить брезгливость, можно даже подкрепиться, и уж от жажды точно не помрешь. Но Влад и не подумал останавливаться ради охоты на всю эту мерзость — хотелось побыстрее вырваться из подземного мира.

По пути он срывал «бороды», накручивая их на ствол ружья, и вскоре получилась приличная охапка. Света она давала немного, но если фонарик окончательно умрет, он не останется в полном мраке.

* * *

Еще один скелет он обнаружил в месте слияния речушки с боковым туннелем, пополнившим ее тоненьким ручейком. Вода здесь обточила углы выработок, унесла следы обвалов, и получился обширный грот, неплохо освещенный мхом — весь потолок им оброс. На мысе, стиснутом сходящимися руслами, Влад заметил непонятную грудку, не похожую на привычную кучу камней. Естественно, не мог не заинтересоваться, подошел.

Да — не камни. Уже знакомое зрелище — кожаная одежда и кости. Трагедия случилась давненько — неприятного запаха не ощущалось. При беглом осмотре Влад заметил, что останки растащены по сторонам, а некоторых не хватает. Река поработала? Ну наверное — не мокрицы же. Хоть вода течет в пяти шагах от тела, возможно, здесь бывают наводнения. Тогда почему не унесла все?

Непонятно...

Рядом с покойником Влад нашел топор на трухлявой рукояти. Покрутив в руках ржавую железяку, решил, что разбрасываться даже таким

унылым добром не стоит — отбил остатки дерева камнем, с трудом запихал увесистый трофей в карман. В кожаной сумке разжиться нечем — одна труха. Заметив, что из-за голенища сапога торчит что-то, мало похожее на кость, достал рукоятку ножа — само лезвие коррозия сожрала полностью.

Осмотр одежды и обуви показал, что она тоже не фабричная и почти ничем не отличается от той, что Влад уже видел на первом теле. Разве что в гораздо худшую сторону, хотя куда уж хуже? Небрежно скрепленные куски, вырезанные кое-как. Да и топор, похоже, ручнойковки, хотя уверенности в этом не было — под слоем ржавчины невозможно рассмотреть.

Люди, пользующиеся такими предметами и одеждой, никогда бы не смогли создать сеть подобных туннелей.

Задумавшись над этим, Влад едва не пополнил местную коллекцию скелетов своим костяком. Краем глаза увидел, как блеснуло красным левее, среди светящихся пятен мха, затем оттуда что-то стремительно рванулось, чиркнуло по камням чем-то твердым, и в толстый воротник пальто кто-то вцепился. Мало того, что вцепился — послышался треск раздираемой ткани, шею обожгло, толкнуло так, что, будь на месте Влада человек полегче, неминуемо бы завалился набок.

Влад все равно завалился, но сознательно. Не зная, кто или что на него напало, он прекрасно понимал, что шея орган нежный и посягательства на нее следует пресекать быстро и жестко. К сожалению, руки у него не обладали гибкостью, достаточной для того, чтобы свободно избивать кого-то в районе собственных лопаток. Влад просто резко плюхнулся на спину, постаравшись, чтобы вершина удачно подвернувшегося валуна соприкоснулась с агрессором.

Примитивный план сработал — он отчетливо почувствовал, как нечто остервенело бьющееся, живое, габаритами с небольшую собаку, зажало между камнем и спиной. Воротник и шею при этом оставили в покое — противник, брыкаясь с силой, какой племенной бык позавидует, пытался вырваться из теснины. И даже немалый вес Влада не мог его сдержать — еще несколько секунд, и выберется из-под человеческого тела.

Топор, с трудом пристроившийся в кармане, Влад ухитрился вытащить за секунду. Зажав железяку в руке, дождался, когда нападающий выберется наполовину, после чего, изо всех сил извергнув руку в локте и плече, заехал сверху вниз. Уголок лезвия ударил во что-то податливое, по ушам резанул отчаянный писк, неведомая зверюга рванулась отчаянно и успешно — шустро поскакала в боковой туннель.

Влад успел мазнуть вслед слабым лучом умирающего фонарика, но разглядел лишь чешуйчатый хвост, росший из лоснящегося зада. Похоже на

персонажа из газетных ужастиков о метровых крысах или даже полутораметровых. Хотя это, скорее всего, страх преувеличивает.

Схема, пристроившаяся в левом углу поля зрения, внезапно погасла, зато вместо нее замигали какие-то быстро изменяющиеся графики и разноцветные диаграммы, а в голове ожил хорошо знакомый голос:

— Обнаружен боевой метаморф. Не идентифицирован. Состояние: легкие повреждения. Запрос: ответ не получен. Статус: враг. Ситуационная рекомендация: уничтожение. Поправка: в крови обнаружены посторонние микрочастицы. Статус: боевой биологический агент. Старт процедуры нейтрализации.

Влад уже внутренне смирился с наличием в голове посторонних предметов и с тем, что, когда они начинают действовать, ему это не всегда нравится. Вот и сейчас не удивился, когда затылок прострелило острой болью, а по телу прошла волна слабости, заставившая опуститься на четвереньки. При этом в поле зрения вдали, в том туннеле, куда удрала крыса или непонятно что, заметалась удаляющаяся красная точка. Движения ее походили на бег живого существа по местности, насыщенной препятствиями. Как будто отметка противника на радаре. На душе стало приятно — она ведь удаляется. Драться в таком состоянии Владу совершенно не хотелось.

Ощупав шею, он убедился, что зубы твари лишь немного задели кожу — главный удар принял на себя толстый воротник. Вот ему не повезло — был порван так, что не заштопать. Не страшно — после всего, что сегодня довелось пережить, это пальто все равно годится лишь на тряпки.

— Статус процедуры нейтрализации: завершена. Старт процедуры анализа посторонних микрочастиц. Идентифицированы наниты. Производитель неизвестен. Ситуационная рекомендация: захватить носителя для изучения.

— Да пошла ты...

* * *

Случившееся наглядно продемонстрировало, что в туннелях обитает как минимум одно опасное создание. А скорее — больше, целая популяция агрессивных хвостатых тварей. Все живое тянется к воде и пище, а здесь, возле реки, по местным меркам всего достаточно. Значит, в любой момент нападение может повториться.

На топор без рукояти надежды мало — несерьезен как оружие. Да и

зачем Владу ржавая рухлядь, если у него есть дробовик? Страшно, конечно, палить в древних туннелях — вдруг выстрел вызовет обвал, но еще страшнее столкнуться со стаей таких кусак. Поэтому он без раздумий содрал со ствола наслоения мха, носовым платком протер ружье везде, где смог. Вот теперь можно двигаться дальше.

Помимо топора прихватил с собой длинную бедренную кость. Сейчас не до брезгливости — по пути можно будет наворачивать на нее свежий мох, а то фонарик почти умер.

«Отметка на радаре» давно исчезла — что за устройство ни внедрили бы в его голову, но сопровождать цель под землей на далекие расстояния оно не может. И рассмотреть такого противника на фоне камней ох как нелегко, учитывая почти полное отсутствие света — сил у фонарика хватало не оставлять себя во мраке, но не более. Поэтому Влад шел весь на нервах, непрерывно оглядываясь, часто останавливаясь. Ему теперь повсюду мерещились подозрительные шевеления.

Ноги уже едва волочились от усталости, когда впереди послышался настоящий, многократно отраженный от стен рев воды, ничуть не похожий на уже привычное журчание речушки. Если верить схеме, он сейчас подходил к длинному туннелю, тянущемуся под всеми подземельями. Судя по тому, что туннель отметили двумя далеко разнесенными параллельными линиями, ширина его должна быть приличной. Он даже отдельное название имел: «Однорельсовая магистраль третьего тактического резерва». Что это означало, Влад не представлял.

Впереди и впрямь оказался тоннель столь серьезных размеров, что противоположная стена не просматривалась — лишь сизые пятна светящегося на ней мха доказывали, что она существует, и Влад вышел вовсе не к подземной бездне, как поначалу показалось.

Погасив фонарик, он выжидал несколько минут, прежде чем вновь его включил. Отдохнувшая батарейка на несколько секунд выдала ток, достаточный для того, чтобы прикинуть, куда, собственно, Влада занесло. Он успел рассмотреть бурлящий поток под ногами — нечего и думать, чтобы идти по руслу, ведь там свалит с ног любого великана. Луч света мазнул по металлической конструкции посреди туннеля. Над водой висела мощная балка, снизу и с боков ее поддерживали ржавые подпорки.

Перекинув ружье за спину, Влад на ощупь спустился по трещине в бетоне, ухватился за холодный металл, пополз спиной вниз, чувствуя, как край пальто цепляет воду. Добравшись до центральной балки, ощупал ее, убедился, что ширина ее не меньше тридцати сантиметров, а поверхность ровная. Человек, дружащий с равновесием, пройдет, как по обычной тропе.

Есть и другой плюс — тварей можно заметить издали, а с боков вряд ли нападут. До стен туннеля несколько метров, и почти везде они отвесные, обрывающиеся в бурлящий поток. Проходимых берегов не было, вот и пришлось Владу выбрать столь необычный путь.

Хоть с равновесием он дружил, но шагал неспешно. Эта ржавая конструкция не внушала ни капли доверия. Он подсознательно ожидал, что вот-вот ее поведет под тяжестью человека, и придется падать в бешеную воду подземной реки, чтобы затем, в тщетных усилиях сражаясь с течением, со всего маху приложиться башкой о железобетонный валун. Но проходили минуты, а ничего не происходило. Металлическое сооружение было столь массивным, что Влад на его фоне не более чем невесомая козявка — его здесь даже не заметили. Со временем коррозия завершит свою разрушительную работу, все рассыплется и развалится, но это произойдет не скоро. Судя по приличному состоянию туннеля, река в него прорвалась не столь давно, вполне возможно, что до этого здесь было сухо, а может, даже серебряные решетки в стенах имелись, причем в рабочем состоянии. Как бы там ни было, ржавчина разгуляться не успела.

Схема была хороша, но без минуса не обошлось — на ней, к сожалению, отсутствовал масштаб. Возможно, Влад просто не разобрался с ним, но теперь понять, куда именно он добрался, не мог — считать шаги бесполезно. А других ориентиров теперь нет — фонарик окончательно сник, а от намотанного на кость мха толку маловато. Разглядеть стены туннеля невозможно, а без помощи глаз заметить ответвления нельзя. Таким образом, он понятия не имел, где сейчас находится. Остается верить карте — там показано, что «однорельсовая магистраль» выходит в нижней части ямы, пересекает ее, скрываясь в недрах на противоположной стороне.

Без света быстро шагать не получалось, но даже медленный темп требовал передышек — Влад здорово вымотался, да и приключения подкосили. Рану на шее жгло огнем, а перевязка из носового платка не сильно успокаивала. Кто знает, что за микробы могли оказаться на клыках твари? Не хватало загнуться от какого-нибудь крысиного бешенства...

Сколько он вообще прошагал? Включать мобильник ради единственного взгляда на часы не хотелось — следует приберечь на крайний случай каждую каплю ресурса аккумулятора. Но по ощущениям прошло очень много — давно пора поспать или хотя бы пару часов подремать. Но на холодной мокрой железяке даже присесть не получалось — удовольствия не больше, чем если примоститься на куске льда. Оставалось терпеливо ждать, куда же заведет металлическая дорога.

Свечение впереди Влад разглядел не сразу. Фосфоресцирующий мох, обожаящий сырость, возле реки рос с неистовой силой. Его длинные бороды, свисающие с потолка, иной раз доставали до самой воды, а это несколько метров. На этом фоне лишь яркий фонарь можно было заметить издали — все, что поменьше, терялось.

Но от Влада не спряталось — впереди определенно иной источник света. Вряд ли солнечный, но все равно многообещающе. К счастью, новое открытие не снизило градус его внимательности, и он не сверзился в воду из-за неожиданно подвернувшегося под ногу препятствия. Присев, нащупал грубую матерчатую поверхность, нос защекотало мерзким запахом тлена. Замечательно — он наткнулся на новое тело, причем гораздо более «свежее», чем предыдущие. Пересилив первый брезгливый порыв — переступить и уйти побыстрее, достал телефон, включил. Свет от экрана не сравнить с фонарным, но все равно хватило, чтобы убедиться в первом предположении. Хотя и с некоторыми коррективами.

Никакой грубой кожи в одежде не наблюдалось — матерчатая куртка явно фабричной работы, такие же штаны. Все вместе образовывало что-то вроде пижамного костюма, хотя не исключена ошибка — тряпье донельзя замызгано, трудно определить, чем это было раньше. Плоти на костях практически не осталось, но, судя по волосам, они были коротко подстрижены, в отличие от предыдущих покойников, заросших до полного неприличия. Труп лежал на боку, свернувшись калачиком, на левой ноге виднелась легкая туфля, правая босая. Осветив куртку, Влад на рукаве прочел надпись: «Нормоконтроль ГБ044».

Поморщившись, начал обыскивать карманы. И сразу же нашел фонарик, от чего едва не издал радостный вопль. Но веселье быстро улетучилось — что бы Влад ни нажимал, тот не реагировал. С системой включения разобраться было непросто — навороченная модель, но не настолько же, чтобы вообще не понять? Все ясно — бобик сдох. Этот коллега по несчастью, похоже, не сумел продолжать движение без света, прилег отдохнуть на холодном металле и больше не поднялся. В другом кармане обнаружилась смятая пластиковая пачка хорошо известного табачного бренда, вот только дизайн упаковки был необычным. Как, впрочем, и материал. Или время изменило вкусы потребителей, или какая-то редкая марка — Влад не был курильщиком и мало в этом вопросе разбирался. А вот зажигалка работала — с легким ревом выдавала струйку

пламени, похожую на миниатюрный реактивный выхлоп. Пригодится. К тому же у него свечи имеются — не выбросил давний трофей.

В последнем кармане нашелся пластиковый прямоугольник, похожий на кредитную карточку. С одной стороны ее поверхность покрывала замысловатая голограмма, с другой — тупо, как это полагается фотографиям на документах, пялился мужчина лет сорока пяти. Имелся здесь и текст, набранный мелкими буквами: «Нар Дергач, код два Наин, гибернатор 044, старший контролер смены кризисконтроля».

Влад не успел толком рассмотреть карточку, как в голове ожил проклятый голос:

— Обнаружен крьюгенс-идентификатор и био-метка. Соответствие кодировок идентификатора и биометки: сто процентов. Статус обладателя: мертв. Перспективы реанимации: невозможно. Перспективы регенерации: невозможно. Ситуационная рекомендация: обратиться к центр-контролеру гибернатора ноль сорок четыре, доложить о возможной нештатной ситуации в лимитированной временной зоне гибернатора ноль сорок четыре.

— Угу... Так и поступлю... — буркнул Влад.

Больше выжать из покойника ничего не удалось и, прихватив карточку с фонариком, двинулся дальше. Кто знает, может, где-нибудь по пути батарейками разживется. Там к тому же что-то перспективно светится.

Чем ближе он подходил к источнику сияния, тем больше убеждался, что это, наверное, мощный фонарь или прожектор. А еще с той стороны вода ревела втрое громче обычного, хотя по карте ни перепада высот, ни резких изгибов быть не должно. Плохо — наверняка повреждение туннеля. Хотя тут разве что поймешь — по схеме наклона выработки тоже нет, но река ведь течет строго в одну сторону, да еще и с дикой быстротой.

Когда рев ниспадающей воды стал оглушительным, Влад наконец понял, что заблуждался по поводу источника освещения — вместо фонаря или прожектора над разрушенным участком туннеля сиял неполный диск Луны. Помимо нее, наблюдались звезды и даже, судя по размерам, планета. Света хватало, чтобы понять — впереди и по сторонам пропасть, в которую срывается река. Это уже не подземелье, а, наверное, та самая ямища — и теперь он пробирается по висящей трубе. Время или другие причины обвалили ее кусок, вот и объяснение возникшему водопаду.

На подходе к пролому металлическая балка начала нехорошо крениться, и Влад понял — удобная тропа осталась в прошлом. Впереди, похоже, обрыв, и надо искать способ выбраться на внешнюю поверхность трубы, потом дожидаться рассвета и осмотреться. Лазить в темноте по

такому месту себе дорожке выйдет. Можно, конечно, и здесь посидеть, но это будет не отдых, а пытка — и без того холодно, а тут еще со стороны водопада поднимаются облака водной пыли. Не пройдет и часа, как всю одежду придется выжимать.

От телефона толку не будет, пришлось на ощупь, по наитию, ползти сперва в одну сторону, зависая над водой, потом, не найдя у стены опоры, попробовать в другом месте. Здесь крепления привели к уступу — вода навалила груды обломков. Рискнув на них спуститься, Влад добрался до трещины и далее вылез на самый скол трубы — со всех сторон ночь, под ногами злобно ревет ниспадающая река. Судя по шуму, падала она не один десяток метров, и если сорвешься, последствия будут печальными. Надо побыстрее отсюда убратся, но и торопиться не стоит — одно неверное движение, и как минимум повредишь руку об острую арматуру, коих тут торчало немало.

К счастью, даже новичку в деле альпинизма пробраться оказалось несложно. Обрушилась труба неровно, лопнувшая арматура не только грозила травмировать, но и помогала — хватайся за нее или упирайся ногами. Влад порвал брюки на колене, зацепился отворотом пальто без видимых последствий для одежды, но на этом неприятности исчерпались — он наконец оказался наверху. Не останавливаясь, зашагал в обратную сторону, по своим следам, если не учитывать, что теперь находился выше потолка туннеля. Лишь удалившись от швыряющего влагой водопада на пару сотен шагов, счел дистанцию приемлемой и наконец позволил себе присесть. Бетон был тоже далеко не теплый, но получше металла. Вот сейчас он отдохнет...

Голос в голове будто дожидался момента, когда подопытный кролик расслабится:

— Поиск коннекта. Статус: доступных сетей не обнаружено. Коннект невозможен. Начинаю сброс аварийных маячковых пакетов — приготовиться к передаче. Статус передачи: старт.

Позвоночник от кончика копчика до черепа скрутила боль столь оглушительная, что Влад вырубился, не успев даже заорать и почувствовать, что разбил лицо о холодный бетон.

— Статус передачи: завершена. Статус поиска коннекта: ожидание.

* * *

На дворе уже вторую неделю стояло лето с его неизбежным теплом,

которое даже здесь, на северном краю человеческого мира, прогнало остатки слежавшегося снега из оврагов. Днем бывало жарко, а вот ночью по-всякому...

Брат Магн мерз даже днем. Старые кости не греют, а он очень стар. Очень... Жизнь его была долгим путем — от простого новобранца до хранителя ключей от Тайны. И даже сейчас, превратившись в развалину, дрожащую в жаркий полдень, он продолжал приносить пользу братьям.

Сундуками, в которых скрыта главная сила ордена святого Лудда, давно заведовали другие — более молодые. Ему оставили простую и почетную обязанность. С нею легко справиться даже ветхому старику. Теперь он хранил Великое Око ордена — так теперь называли диск из белого полупрозрачного камня, что покоился на основании из розового гранита.

Смешно... Око... Во всем ордене лишь он один помнил, что на самом деле древний артефакт называется так: «Универсальный стационарный сканер-пеленгатор эпохи перемодернизации. Предоставлен из частной коллекции Герба Натиса по завещанию. Экспонат номер триста сорок три ноль шесть». Звучит длинно, и даже Магн не понимает, что означают некоторые слова — это знание утеряли еще до него.

На его памяти потерялось лишь название. Пусть он его еще помнит, но другие отказались от странных слов. Человек настороженно относится ко всему непонятному, а ограниченный человек к тому же любит упрощать.

Вот и братья упростили имя артефакта, заменив загадочное на ясное и величественное.

А что будет завтра, когда Магна не станет? Сможет тот, кто придет на смену, сохранить артефакт? Ежедневно прикладывать к нему прямоугольную пластинку, отчего тот наливается внутренним светом и говорит голосами демонов. С давних времен так принято — считается, что без этого ритуала Око потеряет силу.

Магн ни дня не пропустил, но сможет ли новый хранитель вести себя так же ответственно?

Око неожиданно налилось светом, почти мгновенно потухло, но на его периферии остался гореть медленно тускнеющий крошечный огонек, а голос суккуба развратно произнес:

— Обнаружен несущий сетевой сигнал.

Брат Магн едва не лишился чувств. Вот уж не верилось, что на исходе дней наконец увидит то, ради чего и нужен хранитель. Око заметило врага и осветило путь ищущим — теперь надо поторопиться.

Ткнув пальцем в огонек, Магн увидел, как тот загорелся втрое ярче

прежнего. Не сдержал улыбку — Око и впрямь работает, как полагается, не растеряв свою силу. Положил на диск тонкую рейку с прорезью таким образом, чтобы она шла от центра до искры. Теперь он знает направление на врага. По легендам, когда-то давно артефакт мог не только это показывать, а еще и расстояние определять и даже степень опасности. Но все это давно забыто — теперь только рейка и зарубки на стене.

Кстати — надо и свою поставить. Его прах истлеет, а здесь, на гранитной стене, останется зарубка брата Магна. Сейчас он позовет старших братьев, и уже все вместе определят, откуда именно надвигается угроза. А потом начнут с ней бороться.

Но это уже без него — брат Магн слишком стар для сражений с древним злом.

ГЛАВА 7

Очнулся Влад оттого, что кто-то облизывал его лицо. Как ни короток был период его странствий, все же в душе успело проснуться что-то забытое, первобытное, способное выручить в ситуации, где все предельно просто: или выживешь, или сожрут, не спросив фамилию. Поэтому он не стал открывать удивленные глаза или вскакивать с душераздирающим криком. Кто бы ни подкрался к его беспомощному телу, он пока что не делает ничего опасного, а вот если начать вести себя суетливо, всякое может случиться. Сейчас надо потихоньку, чуть-чуть приоткрыть глаза и...

И тут в голове некстати выплыло воспоминание о давно прочитанной заметке в газете. Там, помимо прочего, рассказывалось о том, что крысы обожают человеческую кровь.

Лицо откровенно саднило, да и нос ломило, будто приложился о чей-то тяжелый кулак. Жизненный опыт подсказывал, что при таких повреждениях крови обычно хватает. А где кровь, там и...

Влад не стал вскакивать — он просто что было сил отпихнул от себя неожиданно легкую зверушку. Если это и была крыса, то ей далеко до той, что встретилась в туннеле.

Распахнув глаза, зажмурился от яркого солнечного света и потому не смог рассмотреть, что за создание полировало его лицо. Зато, когда зрение адаптировалось, прекрасно понял, куда оно запропастилось — бетонная труба уже на расстоянии вытянутой руки закруглялась с серьезным уклоном, а чуть дальше разверзалась стометровая пропасть. Ну или около того. Судьба твари не вызывает сомнения — улетела на дно кратчайшей дорогой.

Влад с удовольствием плюнул вслед, встал, огляделся. Он действительно оказался там, где планировал — чуть выше дна исполинской ямы. До поверхности отсюда не меньше полукилометра, а ширина провала здесь достигала пары сотен метров, хотя оценивать расстояния было нелегко. Стены выработки сплошь закованы в бетон и металл, во всех направлениях их пронизывали трубы разного диаметра, иногда овального или вообще несимметричного сечения. Чтобы они не провисали, повсюду вздымались замысловатые арочные конструкции и отдельные мачтовые опоры, а сверху спускались тросовые подвесы. В итоге, куда ни глянь, что-то торчит или тянется, причем под всеми углами и в любых направлениях. Какой-то техногенный хаос, будто обкурившиеся первокурсники

архитектурно-строительного проектировали.

Нижние части опор залиты пенящейся водой — она туда низвергалась тремя водопадами. Но поскольку яму не затопило доверху, можно предположить наличие туннеля или нескольких, куда уходит поток. Исследовать их у Влада не было ни малейшего желания — ему бы попасть повыше, а лучше — на самый верх. Карабкаться по этим мачтам занятие трудное, рискованное, да и физические возможности не те, альпинизм — не его конек. Ему бы что попроще — например, бокс. Но, хоть убейте, не верилось, что умение хорошо поставленным ударом попасть в чью-то морду в данной ситуации может пригодиться.

Поэтому он не стал суетиться — медленно, неспешно, огляделся вокруг в поисках хотя бы намека на удобный подъем. Искомое обнаружилось быстро — в том месте, где труба входила в земную твердь, по стенке ямы шел широкий решетчатый пандус, расширяющийся кверху, будто скелет исполинского паруса. Там его дальний конец придерживал другую галерею. И, похоже, там же тянется что-то вроде кругового балкона. Не факт, что на нем есть лестницы или что-то в этом роде, но место явно перспективное.

Вернувшись к излому трубы, Влад утолил жажду, стараясь напиться впрок — неизвестно, когда он в следующий раз увидит воду. Эта на вид чистая, хотя кто знает, что на самом деле в ней плавает. Затем приступил к подъему.

Карабкаться по решетчатому пандусу было удобно, но нудно — знай себе тупо переставляй ноги и руки, причем на расстояния, не предназначенные для человека. Все равно что по шпалам шагать — по каждой только ребенку приятно, а через одну у редкого взрослого шаги выйдут комфортными. Зато крысы сюда точно не заберутся, если не отрастят обезьяньи лапы.

Наверху пришлось попотеть — угол пандуса оторвало от стены, и, рискуя сверзиться, Влад добирался до балкона, цепляясь за ржавые ненадежные обрывки. Но все плохое рано или поздно заканчивается — наконец-то он смог перевести дух.

На первый взгляд балкон казался местом неинтересным — никакого намека на дальнейший подъем. Но тянулся он, похоже, вокруг всей ямы, и где-нибудь наверняка что-нибудь найдется, ведь не соорудили же его просто так, как вещь в себе.

За годы запустения сюда намело столько мусора, что пол был скрыт на всем протяжении. Там и сям росли бледные травяные пучки, местами зеленели корявые ветки кустарников и даже кривых деревьев. К счастью,

вся эта ботаника вела себя скромно, не мешая пробираться угодившим в переплет ребятам вроде Влада. Он без проблем двигался дальше и дальше, непрерывно вращая головой в поисках путей вверх. И под ноги тоже поглядывал, надеясь встретить свежий след. Хоть о своих спутниках он почти не вспоминал, но это не означало, что забыл. Кто знает — может быть, тоже здесь выбрались, и они опять встретятся. Пусть та тройка и не самая лучшая компания для экстремальных приключений, но с ними ему будет гораздо безопаснее, чем одному. Ведь даже спать страшно ложиться — мало ли кто припрется, и не факт, что незваный гость начнет знакомство с облизывания лица.

* * *

Лестница обнаружилась на противоположной стороне ямы. Здесь балкон расширялся в десятки раз — от узкой ленты в два метра шириной к площадке размером с баскетбольную, подпертую «Эйфелевой башней» — решетчатой мачтой, тянущейся с самого дна. От ее угла вверх уходил первый пролет, а под ним Влад нашел свежие следы пребывания людей. Кострище, в котором даже куски древесного угля сохранились прекрасно, охапки нарубленных веток — импровизированные лежа и... два скелета.

На одном были рваные кожаные штаны, другой даже их не имел. В черепе голого нашлось отверстие, непредусмотренное природой, — будто след от топора. Причина смерти второго неясна, но Влад почти не сомневался, что умер тот не от простуды. Убили, обобрали, бросили. Хотя, если остальное тряпье было похоже на эти штаны, можно только пожалеть грабителей — совсем опустили, бедолаги.

Утешало, что кости никто не растащил — если и поработало зверье, то в рамках приличий. А Владу теперь стоит держать ушки на макушке и не бросаться к первому встречному с радостными криками — его пальто и брюки, даже при всей их запачканности и потрепанности истинное сокровище в сравнении со здешней кожаной рухлядью.

Тщательные поиски ничего не принесли — ни ножа ржавого, ни камня для огнива, ни свечи, ни веревки. Ничего вообще. Лишь кости и штаны, которые даже при жизни владельца держались на честном слове, а уж сейчас ими побрезговало бы пугало. Лишнее подтверждение предположения насчет ограбления.

Подстилки были давние, но листья на них еще не сгнили. Год им? Чуть более? Скелеты не пахивали, но это мало о чем говорит — на открытом

воздухе птички и прочая живность работают быстро. Следует признать, что относительно недавно здесь были какие-то люди, и, очевидно, не слишком миролюбивые, раз такие специфические следы оставили.

Влад под впечатлением новых открытий разобрал дробовик, сетуя на отсутствие смазки, вытер найденный сор и признаки влаги. Патроны, похоже, от воды не пострадали, да и механизм неприхотливый — в случае чего от мужичья, что с топорами здесь шастает, отобьется. Боезапас, правда, маловат, но как человек, избалованный цивилизацией, он был уверен, что или его вообще никто не тронет, испугавшись странного вида, или будет достаточно выстрела в воздух. Лезть под пули ради тряпок ни один дурак не станет.

Хотя кто знает — времена ведь нынче изменились...

* * *

Даже самый жалкий алкоголик и тунеядец на последней стадии распада личности, при условии отрыва зада от кресла с периодичностью не чаще раза в квартал, без особого труда поднимется по лестнице на второй этаж. Если потребуется большее, то на пятом или шестом он, пожалуй, рискует склеить ласты. Среднестатистический человек поднимется легко, хотя и немного собьет дыхание. Если торопливо добираться до девятого, то дыхание всерьез собьют около девяносто девяти процентов населения.

Высота девятиэтажного дома порядка тридцати метров. Если поставить их друг на дружку штук тринадцать, как раз примерно получится то, через что пришлось пройти Владу. Он был крепким парнем, но не настолько же. Пришлось отдыхать несколько раз, а в паре мест перебираться с немалым риском для жизни через частично разрушенные пролеты. Но любая дорога рано или поздно приводит к концу пути — он наконец выбрался из ямы.

Игнорируя острое желание бухнуться на каменные плиты и повалиться минут пятнадцать, Влад огляделся по сторонам. Левее, как он и ожидал, высились руины того самого «ромба с окружностью» — сейчас о первоначальной форме сооружения можно было лишь догадываться. Создавалось впечатление, что кто-то сорвал внешние стены, оставив от здания лишь несущие конструкции внутреннего скелета. Среди ржавого металла зеленели покрывала разросшегося дикого винограда и одинокие кустики, цепляющиеся за любую трещинку.

Чуть дальше виднелись похожие развалины, за ними еще и еще, а у

горизонта они сливались в сплошной массив. Это был город, возможно, тот самый, в котором Влад провел последние годы жизни.

Нет — ничего похожего. Слишком много времени прошло — ничто не напоминало старую добрую промзону или кварталы панельных многоэтажек. Может быть, и тот город, но совершенно чуждый. И таким он стал еще в годы расцвета, а когда умер, ничего не изменилось: вместо циклопических зданий грандиозные руины чего-то непривычного.

Глядя на мертвый город, Влад наконец окончательно смирился с мыслью — к прошлому возврата не будет. Слишком долго он просидел под землей — мир сильно изменился.

Недолго он предавался грустным размышлениям. Осмотрев ближайшие окрестности, признаков опасности не заметил. Куда ни кинешь взгляд, всюду ровное поле, замощенное квадратными каменными плитами. Местами они были покорежены, вздымались во все стороны или вообще, сорванные какой-то грубой силой, разлетелись по округе, оставив вместо себя заросшие кустарником полянки. Но такое наблюдалось редко. В щелях пробивалась трава, кое-где щебетали птички, однако признаков жизни было на удивление мало. Казалось, что Влад попал в «игрушку» на тему ядерного апокалипсиса. Мрачно, безлюдно, мало растений, животных еще меньше, а те, что попадают, мечтают тебя съесть.

Возник логичный вопрос: куда податься? С трех сторон унылая каменная равнина, с четвертой — город. Всякий уважающий себя авантюрист непременно обязан выбрать руины, но Влад к полным дуракам не относился. Первой его задачей было встретить нормальных людей, а даже издали было понятно, что там, мягко говоря, цивилизация не процветает. Если и забредает народ, то в драной коже и с дурной привычкой убивать встречающих, стаскивая с трупов последние штаны. К тому же города просто так никто не бросает. Примеры с населенными пунктами вроде Припяти характерны.

Кто знает, что там произошло? На ядерный удар мало похоже, но человек ведь очень изобретателен в том, что касается средств уничтожения себе подобных. «Грязная бомба», заразившая землю радионуклидами, штаммы болезнетворных микроорганизмов или синтетические биологические агенты, химическая дрянь — да что угодно могло произойти. И ладно произойти — могло, уничтожив жителей, продолжать действовать, подстерегая любопытных путешественников.

Надо быть идиотом в третьем поколении, чтобы соваться в такие места, не имея никакой информации о том, по какой причине оттуда ушли люди. И хотя книжные штампы требовали немедленно обыскать все

развалины на предмет ценного имущества и разнообразных приключений для филейной части, рассудок подсказывал, что делать это не стоит. Ему и без того перепало под землей — до сих пор не знает, что именно произошло, но уж точно не желает усугублять ситуацию.

Значит, одно направление отпадает...

Остаются еще три стороны, если не учитывать недоступное небо и подземный мир (упаси, Господи, от последнего!). Там, конечно, тоже можно повстречаться с радиацией, биологическим или химическим заражением, но шансов на подобное все же поменьше, чем в городских развалинах — урбанизированные районы бомбят в первую очередь. И правильно — нет смысла тратить дорогие боеприпасы ради пустырей. По крайней мере, Владу так казалось. К тому же он собирался уносить отсюда ноги не по причине страсти к путешествиям, а с конкретной целью — найти людей. Как существо социальное, робинзонить категорически не желал. Будь руины пригодны для жизни, там бы давно народ обосновался, но этого не наблюдается. Так что придется поискать в других местах.

В каких именно? Вот тут наметки были. Влад понятия не имел, в каких координатах выбрался на поверхность — ничего похожего на эту яму в его краях не было. Там никто никогда не добывал алмазы, и вообще карьеры не рыли, тем более столь грандиозные. Поблизости, правда, горные разработки велись, но скромных масштабов. В окрестностях города хватало населенных пунктов, но что там сейчас творится, Влад знать не мог и почему-то предполагал худшее. Южнее располагался мегаполис с миллионным населением, но если здесь такая разруха, то там тем более бомбы не экономили.

Что остается? Какие вообще географические объекты могли сохраниться? На ум первым делом пришла приличная река, протекавшая севернее. На машине до нее приблизительно полчаса неспешной езды, но вот пешком... Однако, если она сохранилась и течет все там же, на берегах можно поискать людей — ведь в первую очередь они любят селиться возле воды.

Ничего более умного в голову не пришло. Решено — надо искать реку.

С этой мыслью Влад начал разворачиваться и даже краем глаза заметил что-то необычное в тощих кустах, пробивающихся через стыки между разошедшимися плитами, но в следующий миг послышался резкий хлопок, и в голову ударило с такой силой, что сознание померкло.

ГЛАВА 8

— Статус восстановления: завершение процесса дренирования, временный бандаж черепных костей, временная реплантация критических областей мозга, временная альтернатива поврежденным нейронным цепям. Обнаружен боевой метаморф. Идентифицирован: прототип шестьдесят пять, модификация с возможностью биологического дублирования. Состояние: полностью активная особь. Запрос: ответ не получен. Статус: враг. Ситуационная рекомендация: уничтожение.

Влад уже привычно не спешил открывать глаза. На этот раз никто не вылизывал его лицо — вместо этого кто-то, ухватив за левую ногу, бесцеремонно тащил его тело в неизвестном направлении. Поверить в то, что это добрый самаритянин, было непросто — так грубо пострадавших может таскать лишь последняя сволочь. Голова и без этого раскалывается, а тут еще постоянные удары на стыках плит и ободранный лоб.

Судя по звуку, ружье волочилось на ремне, но нащупывать его Влад не стал — если поймут, что он очухался, еще раз отоварят по многострадальной голове, а может, и не раз. Поэтому, не став медлить, он изо всех сил развернулся и дернулся в сторону. При своем немалом росте Влад не был обременен жировыми запасами, зато мышечная масса внушала уважение — не зря ему кличку Слон приклеили со школьных времен. Удержать такой рывок не каждому дано, вот и этот не смог — выпустил ногу из захвата.

Влад, не останавливаясь, перекатился на спину, поджимая ноги. Вовремя — глаза, ослепленные солнечным светом, не различали деталей, но прыжок темной массы засекли прекрасно. Нападающего встретил сдвоенный удар каблуков некогда щегольских, а сейчас обшарпанных туфель. По массе противник сильно уступал Владу — отлетел, словно мяч. И как этот задохлик умудрился так бодро тащить нелегкое тело предполагаемой жертвы?

Поднимаясь на колено, Влад одновременно перекинул ружье вперед, успел опустить предохранитель, а вот прицелиться не успел, да и зачем — цель прыгнула напрямиком на ствол. В кино красиво показывают, как заряд из дробовика отбрасывает накаченных парней на много метров назад, и дилетанты считают данный эффект тем самым останавливающим действием. О том, что при этом и стрелок с оружием, не имеющим компенсаторов, должен совершить похожий маневр, они почему-то не

думают или списывают отсутствие равнозначной отдачи на прижимание приклада к плечу, резиновые накладки и прочую ересь. На деле, чтобы швырнуть человека подобным образом, потребуется что-то серьезное, и желательно станковое. Причем пуля или снаряд должны попасть в прочные кости, иначе легко пролетят сквозь тело, не передав ему полностью свой импульс.

Вот и эта сволочь вместо того, чтобы, как это полагается по законам кинематографа, с предсмертным воплем улететь назад, рухнула на Влада и стала заливать его чем-то липким и горячим. А еще, несмотря на полученные ранения, продолжала барахтаться и даже с треском разодрала пальто на груди противника. Но на этом боевой порыв сошел на нет — с двенадцатым калибром не шутят.

Спихнув в сторону затихающее тело, Влад вскочил, направил на него дробовик. И потрясенно охнул. Оказалось, что это не человек. И вообще непонятно кто. Какая-то смесь горбатого карлика со слоненком. Скрюченная фигура на коротких кривых ножках, такие же руки, сильно вытянутая голова с лицом, заканчивающимся тонким коротким хоботом. Шерсть покрывала все тело, за исключением кистей, ступней и морды, и выглядела странно — будто дряхлые лоскутки разных оттенков, хаотично пришитые к коже.

Влад мало интересовался биологией, но одно знал твердо — живи на Земле подобные создания, он бы об этом непременно узнал. И можно поклясться, что никогда ничего подобного не водилось в здешних краях: зайцев хватало, лисиц, в последние годы волки расплодились, кабаны с севера забредали, но чтобы такое... Ведь это же чупакабра какая-то из газетных страшилок...

Ощупав голову, быстро обнаружил огромную шишку с развороченной вершиной. При попытке на нее нажать получил дикую вспышку головной боли. Череп пробит? Осколки костей давят на мозг? Если так, то Влад крупно попал — такую травму сам он вряд ли залатает. На этом фоне рассаженное при волочении лицо тянуло на нечто меньшее, чем царапина.

Как прекрасно — в первый день шею разодрали, на второй голову едва не разнесли. Не жизнь, а сплошные развлечения...

Присев возле затихшего уродца, Влад, брезгливо морщась, потрогал странный бугор у того на груди. Это оказалось чем-то вроде миниатюрной сумки кенгуру, только вместо ребенка там лежали несколько круглых камешков. Покрутив один в руках, понял, что тот покрыт чем-то липким, вроде смазки, и по какому-то наитию приложил к отверстию хобота. Размеры совпадали, а вспомнив хлопок, после которого и получил удар в

голову, Влад отметил, что тот звук был похож на выстрел из пневматики.

— Это что же получается? У тебя хобот-пушка?

Собственный голос не понравился — хриплый, слабый, усталый. Отдых не помешает, но оставаться здесь — не самая умная идея. Вдруг эти твари шастанут толпами? Окружат и расстреляют. Шкуры у них, благодаря «лоскуткам», скрывают не хуже маскхалатов — даже в редких кустиках легко могут прятаться. А вот Влада видно издали — на этой плоской каменной равнине он — будто черная бородавка на щеке красавицы.

Валить отсюда надо, и как можно быстрее. Пока опять кто-нибудь не напал и пока голова действует.

Но сразу уходить не стал. Вытащил топор без ручки и, борясь с тошнотой, отрубил у твари передние лапы. Связав их вместе трофейной веревкой, перебросил через плечо. Что это за существо, Влад не знал, зато помнил, что он больше суток не ел, а то и гораздо больше, если учитывать тот срок, который провел вне потока времени. А это ведь многие десятилетия, а то и века. Раз так, то даже каннибализм оправдан, а это создание уж точно нельзя отнести к роду человеческому.

Если доживет до вечера, непременно зажарит «слонятинку» и съест — отомстит за рану.

* * *

С диагнозом травмы черепа Влад, пожалуй, поторопился. Чем дальше он продвигался, тем лучше становилось самочувствие. Боль почти сошла на нет, напоминая о себе лишь при резких поворотах головы, в глазах перестало расплываться, тошнота осталась в прошлом, постепенно вернулся аппетит. Точнее, чувство нешуточного голода. А как известно — это один из главных признаков здоровья.

Влад повеселел — самое страшное предположение не оправдалось. Трогать рану, правда, побоялся — та вспышка боли и ощущение трущихся друг о дружку костей еще не забылись.

Больше никто на него не нападал, хотя чужие плотоядные взгляды мерещились постоянно. Под ногами все те же каменные плиты, руины остались далеко за спиной. Лишь изредка он проходил мимо груд обломков, обычно остающихся от скромных, по местным меркам, сооружений — вроде пятиэтажек на два подъезда. К одной даже рискнул приблизиться, надеясь разжиться куском арматуры — холодное оружие тоже не помешает. Но, кроме кусков пластика, бетона и материала, похожего на темное стекло,

ничего не нашел, а заниматься раскопками без инструментов трудно. Надо было раньше об этом подумать, под землей, — там железа хватало.

Обойдя очередной холм из обломков, оставшийся от постройки размерами с небоскреб, которые здесь встречались очень нечасто, Влад замер — впереди показалось нечто новое. На вид — вроде идеально круглой бомбовой воронки диаметром метров в пятьдесят, только неглубокой — всего лишь сантиметров на тридцать дно отстоит от поверхности каменной равнины. И это дно очень странное на вид — идеально ровная серая матовая поверхность. Временами по ней пробегала едва заметная рябь, и он было подумал, что это жидкость. Кинул камень, но тот покатился со звонким стуком, будто по льду, остановившись на середине.

Голову кольнуло болью, голос произнес:

— Идентифицирована зона квинарного заражения. Зафиксирована остаточная очаговая активность. Статус: вероятная опасность. Ситуационная рекомендация: покинуть зону заражения.

Влад до этого не зря размышлял о радиации, чуме и прочем «добре», которым наверняка богат заброшенный город. Ничего из тех мыслей не забылось, а голос, к которому даже начал привыкать, добавил паники. Да как он сам сразу не понял?! Ну что хорошего можно найти возле таких неслабых воронок?! Здесь даже трава не растет поблизости — пустыня голая. Подальше от подобных мест надо держаться. «Квинарное заражение»... Непонятно, что это такое, но вряд ли здоровью польза будет, если под него попадешь.

Влад припустил трусцой, огибая опасное место. Вскоре пришлось еще раз корректировать курс — наткнулся на точно такую же воронку. Похоже, здесь бомбили всерьез — по сторонам он заметил еще несколько круглых проплешин с такими же мертвыми подступами. Кучно бомбили. А может, не бомбили, а лупили из космоса какими-нибудь «икс-лучами». От них потом местные тушканчики вымахали до габаритов крупных собак, в придачу обзаведясь стреляющими хоботами.

— Эй! Голос в моей голове! Тот последний метаморф не из тушканчиков родом? — грустно хохотнул Влад.

— Терминологическое несоответствие. Приступить к докладу по процедуре восстановления?

— Приступай, товарищ Шизофрения.

— Статус восстановления: сращивание костной ткани черепа, демонтаж временного бандажа, оптимизированное рубцевание раны. Завершение реплантации нервных клеток.

Влад, не останавливаясь, потрогал шишку. Боль вернулась, но слабая, и ни о каком трении костей не могло быть и речи.

— Эй! Подруга?! Да ты никак и вправду меня лечишь?!

— Терминологическое несоответствие. Повторить доклад о процедуре восстановления?

— Ты все раны так лечить можешь? Ты что-то вроде встроенного врача и аптечки?

— Терминологическое несоответствие. Повторить доклад о процедуре восстановления?

— Эх... Ну почему мне досталась самая тупая Шиза в мире...

Если устройство, бесцеремонно помещенное в его голову, и впрямь обладает лечебными функциями, ему неплохо подфартило. Ради такого легко смириться с осточертевшим голосом — ведь даже с травмами черепа справляться умеет, причем быстро и на ходу. Можно считать это компенсацией за все, что пришлось пережить.

Если путь и дальше пойдет с такими приключениями, Влад еще не одну травму заработает, и не только черепа...

* * *

Мощенная камнем равнина закончилась часа через два. Передвигаться по ней было не труднее, чем по более-менее хорошему асфальту, так что, по прикидкам Влада, отмахать он успел около десяти километров. Неслабая такая площадь получилась, тем более если учесть, что двигался он не от дальнего края. Или не площадь? Для чего вообще кто-то срывал холмы, засыпал овраги и балки, а потом подгонял друг к дружке миллионы плит? Может, это грандиозный аэродром или, бери выше — космодром? Здесь приземлялись звездолеты, а затем все человечество смылось на них к звездам, позабыв забрать нескольких дегенератов, неспособных даже одежду нормальную сделать. Бродят теперь здесь, ждут, когда про них вспомнят и вернутся.

Вчера или, правильнее сказать, непонятно сколько лет тому назад, на дворе стояла поздняя осень с промозглой погодкой. Одет Влад бы соответствующе сезону, да и организм привык к предзимней прохладе. А сейчас на дворе конец весны или раннее лето, а денек солнечный и безветренный. Даже сняв пальто и свитер, все равно обливался потом — тени на каменной площади не было, а припекало здорово. Пить хотелось смертельно, и это становилось проблемой — воды не наблюдалось. Даже

самой маленькой лужи на плитах не встретилось. Он смирился с тем, что влаги здесь не бывает, так что смена ландшафтов порадовала — здесь может повезти больше.

Город Влада располагался в степной зоне. Не той, что больше на пустыню похожа, а с обильными зарослями кустарников, там, где их не перепахали под нивы, рощицами в балках и по берегам речушек. Даже леса в его краях бывали, правда, это скорее заслуга человека, чем природы, — именно он поборол суховеи, создавая все новые и новые защитные насаждения.

Неизвестно, сколько прошло времени, но на первый взгляд природа все та же. Каменная площадь заканчивалась резко и ровно, далее шла заповедная степь. Та самая, к которой Влад привык пышное разнотравье, живописно разбросанные кустики шиповника и барбариса, аккуратные, будто игрушечные, деревца боярышника и дикой груши. Каменная площадь, ровная, будто под линейчку, осталась позади — здесь никто не срывал холмы и не засыпал низины. Чуть левее змеей извивался молодой овраг, за ним вздымался склон приличного холма со скальными выходами у вершины.

Все, как раньше, да не все... В былые времена такое даже в заповеднике увидеть не удалось бы. В поле зрения неизбежно попадали линии электропередачи, дороги грунтовые или даже асфальтированные, антенны сотовой связи, дамбы. Да хотя бы вездесущий пластиковый мусор под ногами — его всегда и повсюду хватало.

Но не сейчас.

Влад, остановившись на краю каменной равнины, долго всматривался в открывшийся пейзаж. Овраги, балки, холмы, камыши в сырой низине, кустарники и травы. Птицы щебечут, суслик у норки столбиком замер, солнышко с неба ласково всю эту картину освещает — идиллия.

И ни одной пластиковой бутылки или хотя бы пачки из-под сигарет.

Засеянных полей, столбов линий электропередачи и других элементов инфраструктуры цивилизации тоже не наблюдалось. Ну, не считая груды подозрительных камней на далеком холме — похоже на руины, хотя без бинокля можно и ошибиться.

Влад не считал себя гением, но и совсем уж к тупым тоже не относил. Все, что случилось с того момента, когда дверь бункера захлопнулась и погас свет, свидетельствовало об одном: цивилизации в привычном ему понимании здесь нет. Деградировала или рывком переместилась на неведомые высоты — сказать пока нельзя. Но что она не такая, как прежде, — неоспоримый факт. Технологии вроде бы гораздо развитее, но

при этом народ щеголяет в грубой самодельной одежде. Причем все, что касается сферы высоких технологий, находится в предсмертном состоянии. Единственное исключение — красная комната, но там сохранность оборудования можно хотя бы частично объяснить технологией остановки времени.

Предаваться долгим размышлениям Влад не стал — пора идти. Покосился в сторону влажной низины, но поворачивать туда не рискнул — открытой воды не видно, зато успел рассмотреть какое-то крупное животное, прошмыгнувшее в камышах. Не такая уж нестерпимая жажда, чтобы нарываться на новые неприятности.

ГЛАВА 9

Хотя следов недавней человеческой деятельности не наблюдалось, трава мало где вымахивала до размеров, при которых могла снизить скорость пешехода. Почти сразу Влад обнаружил объяснение ее скудности — на склон ближайшего холма неспешной трусцой вынесся табунок лошадей. Десятка два животных, причем пастухов при них не наблюдается. Одичалые? Не исключено. Возможно, и коровы живут теперь сами по себе, и овцы с козами — тоже. Вот они-то и работают «газонокосилками степи» — помет то и дело попадает на пути.

Плохо умея ориентироваться по солнцу, Влад надеялся, что идет именно на север. К тому же местность казалась знакомой. Вот тот двугорбый холм он не раз видел в прошлой жизни. Раньше на нем располагалась антенна сотовой связи. Если не ошибается, то через десять-пятнадцать километров покажется гряда светло-серых холмов с голыми меловыми склонами, а дальше дорога начнет понемногу спускаться к реке.

Вот только, кроме холма, больше ничего знакомого не видно. Вон там, правее, раньше возвышался копер старой шахты, а перед ним тянулась высокая насыпь железной дороги. Вся местность была застроена дачами и улицами пригорода с примыкающим к ним селом. Приблизительно на том месте, где сейчас стоит Влад, трасса заворачивала под мост, и здесь любили стоять «в засаде» гаишники.

Ничего и никого. Даже железнодорожной насыпи не осталось. Хотя вот тот продолговатый взгорок, возможно, ее фрагмент. Пойти покопаться? Если найдется щебень, то он прав. Хотя зачем ему это — археологией заниматься? Валить отсюда надо, и побыстрее. Там, в районе меловых холмов, раньше протекала речушка. В его время пить из нее категорически не рекомендовалось — промышленность усердно добавляла в ее воду абсолютно все элементы таблицы Менделеева, а частые аварии городской канализации и кое-что похуже. Но сейчас ведь травить речку некому, а ему нужно попить, да и о привале задуматься. Солнце перевалило зенит, а шататься по степи в потемках не стоит. Его даже при свете дня чуть не прикончили — здесь ведь не только лошади водятся.

За спиной оставались километр за километром, но никто на Влада не покушался. Он издали рассмотрел еще один табунок лошадей, а потом далеко, на пределе зрения, стрелой промчалось что-то, похожее на антилопу. Сусликов было не счесть, птиц мелких тоже, то и дело вспугивал

глупых степных перепелок, а пару раз едва не наступил на зайцев — ушастые начинали удирать лишь в последний момент.

Дорога была однообразна и скучна — даже голос успокоился, ни разу себя не проявив. И ноги гудеть начали нешуточно — обувь у него неподходящая для пешего туризма, да и не привык столько ходить.

Часа через четыре после того, как Влад вышел к краю «площади», он добрался до очередных руин. Эти походили на каркас дирижабля, наполовину засыпанный обрушившимися конструкциями. Не поленился забраться, надеясь разжиться какой-нибудь железякой, но, увы, все эти сплетающиеся между собой дуги, наверно, были, изготовлены методом каменного литья. По крайней мере, ничего похожего на арматуру Влад не нашел, так же как вообще металлических предметов. Пришлось спускаться назад несолоно хлебавши.

* * *

Все же с направлением немного ошибся — светлая гряда показалась правее, а не прямо по курсу, как предполагалось. Развернувшись, зашагал в ту сторону, где раньше протекала речушка. Ее заметил издали по зеленой ленте высоких деревьев — такая пышная растительность в степи еще не попадалась.

Уже вечерело, когда, продравшись через кусты, вышел к берегу. Присел, зачерпнул воду ладонью — чистая, без запаха. На дне видны водоросли и снующие в них мелкие рыбки. Решившись, попробовал. На вкус нормальная, но не холодная — такой плохо жажду утолять. Но выбора не было — искать родники некогда, да и пить хотелось так сильно, что на любую согласен.

Утолив жажду, занялся обустройством лагеря. Натаскал сушняка, которого по берегу было видимо-невидимо, раскидал его по окружности среди кустов и деревьев. Теперь любое существо, если оно габаритами побольше кошки, не сможет бесшумно подобраться к спящему Владу. Не забыл запасти дров, планируя поддерживать огонь всю ночь — дикие звери такое дело не любят.

Сразу разводить костер не стал — дождался темноты. Влад понятия не имел, во что вляпался, зато точно знал, что столб дыма днем видно издали, а вот огонь в таком густом лесу и за сотню шагов трудно различить.

Ему не раз доводилось есть шашлык и даже самому его готовить. Будучи знаком с данным вопросом, он сомневался, что лапы, поджаренные

на веточках, окажутся шедевром кулинарного искусства. Поэтому разделал их кое-как на куски, завернул в лопухи, прикопал в углях. Печеное, по идее, питательнее.

Дождаясь, когда ужин дойдет до кондиции, с трудом приспособил топор на кривоватую, но на вид прочную палку. Топорище, конечно, хлипкое и неказистое, но пару несильных ударов должно выдержать. А завтра найдет заготовку покачественнее и хорошенько обстругает. И камень надо высмотреть, о который можно будет наточить.

Вкусовые качества мяса оказались еще хуже, чем Влад предполагал. Несмотря на голод, с трудом удержался, чтобы не выплюнуть гадость. Жесткое, запахом напоминает плесень, на вкус — картон. Ел долго, тщательно пережевывая — вроде бы так рекомендуется поступать с сомнительной пищей. Хотя точно знать это Влад не мог, а спросить не у кого.

В разгар трапезы ожила Шизофрения:

— В пищевом тракте обнаружены чужеродные наниты. Старт процедуры распознавания. Процедура распознавания завершена. Наниты идентифицированы. Имеется ненулевая вероятность вторичного использования. Старт процедуры имплантации. Ситуационная рекомендация: доставить в пищеварительный тракт максимально возможное количество нанитосодержащей биомассы.

— И тебе приятного аппетита, — ответил на это Влад, отправляя в рот очередной кусок.

* * *

Перед рассветом проснулся от лютого холода. По реке молоком стекал густой туман, небо на востоке чуть посветлело, костер погас. Раскопав угли, раздул, подкинул мелочовки, затем дров покрупнее. Когда занялись, крутился боками и спиной, пока не отогрелся. Все же хорошо, что он сюда попал не поздней осенью — не будь теплой одежды, ни за что бы не смог так долго проспать. А отдых ему нужен качественный — вон как ноги гудят, жалуясь на каждый пройденный километр.

Теперь путешествовать стало проще — ведь эта речка в его время впадала в ту самую, возле которой Влад планировал поискать людей. Несмотря на густые заросли возле воды, продвигаться по берегу он мог по звериным тропам. Но дело это неудобное, да и чревато нежелательными столкновениями с теми, кто эти тропы протаптывает. Поэтому Влад вышел

в степь и побрел на север, держась неподалеку от опушки.

Не успел и километра прошагать, как случилась неприятная встреча — метрах в ста от него из кустов вышел здоровенный серый пес. Хотя какой к лешему пес — самый настоящий волк! Посмотрел на Влада внимательно и неспешно скрылся в зарослях.

У того настроение ухудшилось. Нет — одиночный волк ему не страшен. А вот стая — уже да. Вдруг сейчас приведет подмогу? Даже если удастся отбиться, это приведет к серьезной трате патронов, и вряд ли здесь можно раздобыть новые. Осталось девятнадцать — беречь надо, а то с этой убогой пародией на топор много не навоюешь.

Начал держаться ближе к зарослям. В случае чего есть шанс взобраться на дерево — там не достанут.

Белые холмы остались по левой стороне. Именно здесь когда-то их огибала раздолбанная дорога, за поворотом начиналось село, чуть дальше почти примыкая к окраинам городка, от которого теперь не осталось следа.

С небес спикировал коршун, подхватил отчаянно пищущего суслика, натужно махая крыльями, направился к пиршественному столу. Степь жила своей жизнью и кормить Влада не собиралась. Вечером он дожует скудные остатки вчерашней трапезы, и придется задуматься о пополнении припасов. От голода даже в начале лета не умрешь: можно грызунов ловить, в реке ужей полно, лягушек дивизии. Гадость, конечно, но съедобная. Жаль, он не умеет изготавливать луки и стрелять из них. Копье деревянное выстругать? Местные обитатели не столь наивны, чтобы подпустить его на расстояние удара.

Предаваясь раздумьям на тему «хочется покушать, причем желательно вкусенького», Влад в очередной раз едва не стал блюдом чужого обеда.

* * *

Поначалу он набрел на участок степи, поросшей высокой сочной травой. Почему-то копытные ею не соблазнялись, и Влад, поглощенный мечтами о вкусной и здоровой пище, не стал задумываться о причинах столь странного игнорирования. Побрел вперед — хотя идти здесь труднее, но обходить лень.

Перед глазами вдруг мигнуло красным, в левом углу поля зрения закрутились колонки цифр и столбики диаграмм, голос сообщил:

— Потенциально опасная зона. Трансплантация данных некорректна, анализ кэша чужеродных нанитов неполон, точный вероятностный анализ

невозможен, расчет степени опасности невозможен.

— Конкретнее?

— Терминологическое несоответствие. Ситуационная рекомендация: покинуть потенциально опасную зону.

Хоть общаться с голосом было трудновато, Влад уже начал с ним свыкаться и понимал если не все, то многое. Вот и сейчас замер на месте, обернулся по сторонам. Ничего подозрительного, похожего на жутко опасную зону. А трава откуда такая взялась? Разрослась не на шутку. Вон — почти везде подстрижена челюстями копытных, а здесь не тронутая на приличной площади.

Вот ведь дурак! Пора запомнить, что он не на прогулке в городском парке. Если что-то выбивается из общего фона, лучший вариант — держаться от такого подальше. А он прет, как лось рогатый, не разбирая дороги.

Держа топор на изготовку, осторожно шагнул назад. Земля перед ним в тот же миг взорвалась расступающимися пластами дерна, оттуда вырвалось лоснящееся черное тело, заносящее для удара кривые когтистые лапы. Устраивать рукопашную перехотелось — резво отпрыгнув, Влад угрожающе взмахнул своим неказистым оружием. Ни он не попал, ни агрессор — дистанция великовата. Тварь, похожая на помесь таксы и крота, оснащенная лапами богомола, скрылась так же стремительно, как показалась — лишь раскиданные комья земли и смятая трава напоминали о произошедшем.

Влад, перестав пятиться, развернулся, бросился бежать со скоростью, даже для призового рысака завидной. Лишь удалившись от травяного пятна на пару сотен метров, осмелился остановиться и обернуться. Никто его не преследовал, голос в голове тоже помалкивал, да и экран с какими-то непонятными данными, что перед нападением высвечивался в левой стороне поля зрения, погас.

— Спасибо, Шизофрения. Не будь тебя, я бы на этого гада наступил.

Гадать, что было бы дальше, не приходилось. То, что Влад успел увидеть, впечатляло — в этой твари, наверное, полтонны. Здешние обитатели наверняка знают охотничьи уголья столь диковинных хищников, потому не соблазняются сочной высокой травой. А вот такие залетные дураки, как он, имея привычку не задумываться об очевидных вещах, находят там свою смерть. Тут, пожалуй, и выстрел из дробовика в упор — аргумент не настолько убедительный, чтобы гарантировать мгновенную гибель крота-исполина.

Пришлось делать приличный крюк — теперь Влад ближе сотни

метров к такой травке ни за что не подойдет. Маневр привел к приятному результату — наткнулся на заросли крупной полевой земляники. К сожалению, она только начала поспевать, но и почти зеленые ягоды пошли на ура. Сделал там затянувшуюся остановку, поглощая витамины и постоянно косясь в сторону опасного места. Кто знает — а вдруг зверюга выберется из засады и подкрадется, пока он будет увлечен поиском наиболее привлекательных земляничин.

С сожалением покинув ягодное место, двинулся дальше. Вооруженный новым знанием, еще два раза замечал подозрительные травяные островки, огибая их десятой дорогой. На краю одного даже сумел разглядеть россыпь внушительных костей — возможно, не повезло лошади.

Вот и долгожданный спуск — забравшись на плоский вытянутый холмик, Влад увидел, что дальше местность непрерывно понижается и далеко внизу степь сменяется сплошным темно-зеленым покрывалом леса. Здесь и прежде можно было наблюдать что-то подобное, разбавленное результатами человеческой деятельности. И где-то там, спрятавшись за деревьями, должна извиваться река. Если, конечно, никуда не пропала.

А уверенности в этом не было. Далеко на севере Влад отчетливо различил горный хребет. Невысокий, со скругленными вершинами, но все равно внушительный. И что самое интересное — никаких гор в этих краях раньше не было. Ближайшие — в Крыму, на Кавказе, Карпаты, но здесь ни-ни. Русскую равнину разве что холмы нарушали, но они и в подметки не годились этим.

Сколько времени требуется для образования гор? Влад мало разбирался в таких вопросах, но был уверен — исчисление ведется минимум в миллионах лет. Но ведь это полный абсурд! За такой срок даже без землетрясений коррозия сожрала бы обе двери без остатка. Не могли они столько просидеть в том бункере — пусть серебряная сетка защищает от хода времени, но, как показала практика, от той же просачивающейся влаги несущие конструкции постепенно приходят в негодность, проседают с последующим неизбежным обвалом и разрывом контура. Без внешнего питания он работать может, но повреждений не переносит.

Или эти горы возникли, с геологической точки зрения, мгновенно, или Влад чего-то не понимает. В этом новом мире столько всего необъяснимого, что очередная загадка не должна забивать голову. Но задумываться тоже не помешает. Если здесь горы успели вырасти, то что говорить о реке? Могла иссякнуть или поменять направление. И Владу придется неделями шляться по кишасшему хищниками лесу в ее поисках.

Хотя рано он заволновался. Та речушка, вдоль которой он идет,

неизбежно должна впадать в другую. Так, постепенно, он выйдет к приличному водотоку, где рано или поздно найдутся люди, если они вообще здесь есть.

В любом случае от этого холмика до старого, хорошо знакомого русла, осталось около десяти километров. С таким темпом ходьбы он доберется до него через пару часов и там посмотрит, есть ли изменения.

* * *

Изменения были.

Влад узнал это место. Приметная горка с крутым северным склоном, изрезанным овражками, дно которых густо заросло кустарником и мелкими деревцами. Чуть дальше знакомая плоская болотистая местность с тянущейся строго на север узкой прямой возвышенностью. Лес, растущий среди затянутых ряской крошечных озер, мешал рассмотреть детали, но и без них сомнений не оставалось — слишком часто он здесь бывал, чтобы ошибиться.

Та возвышенность раньше была насыпью с рельсовыми путями. От горки до нее тянулся железнодорожный мост, возле которого Влад с друзьями обычно надувал лодки, чтобы затем погонять здешних щук и окуней. Левее стояла насосная станция, а здесь, на вершине, располагалось большое село. Правее, на краю широкой низины, можно было рассмотреть далекие отвалы карьеров.

Насосной не было, села — тоже. Низменность просматривалась, но что там, на краю, понять трудно — сплошной лес. От моста и следа не осталось.

Реки, через которую его протянули, тоже не наблюдалось. Чахлый лес с поросшими тростником болотистыми участками и редкими зеркалами невзрачных озер. С первого взгляда было очевидно, что бродить там не самое приятное и простое занятие, да и бесполезное — будь река рядом, Влад бы ее непременно заметил с высоты горки.

Что делать дальше? Идти вдоль речушки? Она, как прежде, текла у восточного подножия горки. Раньше впадала в старшую сестру правее моста, но теперь уходила в лес. Никакой степи по берегам не наблюдалось — шагать придется по дебрям, где невозможно издали заметить опасность, а вот в засаду угодить — плевое дело. Голос в голове, конечно, хорошо, но надеяться, что он все время будет выручать, не стоит.

Присев на склоне, Влад, жадно оглядел раскинувшуюся под ногами

лесистую долину и далеко на севере различил светлую полосу на фоне темной зелени. Создавалось впечатление, что там, на узком промежутке, развит иной тип растительности. Вспомнил былое — раньше возле реки хватало высоченных белых тополей, иной раз в три обхвата диаметром. Может, это они и есть? Ведь русло за эти годы могло измениться несколько раз. В его времена здесь тоже было немало старичных озер и болот, оставшихся на месте некогда полноводного потока.

Если так, то новое русло ушло не меньше, чем на километр, к северу. Такое расстояние не смертельно — хоть по степи, хоть по бурелому, пройти можно.

* * *

Его предположение оправдалось. Когда Влад, спустившись к речушке, направился дальше по ее берегу, не прошло и получаса, как лес впереди поредел, и он выбрался к поляне, за которой росло несколько тех самых белых тополей. А уже за ними сверкало зеркало долгожданной реки.

А еще среди исполинских стволов виднелись две неказистые избушки, встроенные в изгородь из толстых жердей. И не успел Влад обрадоваться открытию, как оттуда закричали: отчаянно, обреченно, страшно.

Выходить к людям резко расхотелось.

ГЛАВА 10

Сидя на дереве, Влад уже второй час наблюдал за жизнью поселения аборигенов. Похожи на тех самых, останки которых он неоднократно находил во время своих странствий. Грубая кожаная одежда, длинные небрежные прически и бороды, примитивное вооружение.

Да все здесь, на первый взгляд, было примитивным. Избы низкие, будто вросшие в землю, стены из потемневших кривоватых бревен, щели законопачены мхом, двускатные тесовые крыши опускаются краями почти до земли, образуя что-то вроде навесов, используемых для хранения дров. Печных труб не видно, но судя по черным ореолам в верхней части дверных проемов и над крошечными окошками-бойницами — топят по-черному.

Поселение, несмотря на неказистость, было спроектировано по всем правилам фортификационного искусства. Квадратное в плане, одной стороной выходит на срез высокого речного берега, по углам противоположной стороны изгороди упирается в стены избышек. Те, со своими бойницами, играют роль примитивных бастионов, чуть вынесенных за периметр. Единственный проход перекрыт узкими воротами, и еще в той стороне, что примыкает к реке, виднеется нечто вроде калитки, но Влад в этом не уверен. Снаружи в шахматном порядке растыканы острые колья, наклоненные в сторону вероятного направления атаки. На случай, если противник прорвется, по границе двора выстроились «противотанковые ежи» из дерева, к ним прислонены многочисленные толстые жерди. В случае угрозы их, видимо, устанавливают на подпорки, и враг, попав внутрь, потеряет драгоценное время, пробираясь через эти препятствия, причем делать это придется под обстрелом защитников. По стволу тополя, росшего вблизи центра, тянется простенькая лестница. Наверху, среди ветвей, темнеет длинный помост, где постоянно торчит наблюдатель, приглядывающий главным образом за рекой, но и на лес не забывающий взгляды бросать. Бдит четко.

Владу пришлось потрудиться, чтобы найти дерево, прикрытое тополиным стволом от глаз аборигена. Затем долго и осторожно забирался, пока не оказался на облюбованном месте, среди густых ветвей. Разглядеть его на фоне темноты сырого леса непросто — черная одежда неплохо маскирует в такой ситуации. Вот и сидит теперь на удобной позиции, изучая нравы и обычаи туземного населения.

Как оказалось, изучал не один он — голос наконец вынес вердикт:

— Обнаружены боевые метаморфы. Количество: семь особей. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситуация: базовый лагерь, акция устрашения. Ситуационная рекомендация: избежать обнаружения, при невозможности — уничтожение, последующий анализ вероятности вторичного использования нанитов.

Аборигенов было как раз семеро — других Влад не заметил. На метаморфов со стреляющими хоботами или в виде крыс они нисколько не походили, а походили на бомжей в самодельной одежде из вонючей сыромятной кожи — или нюх обострился, или воображение, но легкий ветерок, иногда задувающий от реки, приносил те еще ароматы. Все они вели активный образ жизни — распиливали на чурки бревна, точили оружие, ремонтировали крышу левой избы, следили за подходами к поселению. Один в дальнем углу двора занимался чем-то непонятным возле странного вида штуковины, но как Влад ни напрягал зрение, выяснить суть его деятельности не смог. Вроде стрелы изготавливает, но уверенности нет.

А еще аборигены занимались пытками. Или живодерством — Влад не мог определиться с терминологией увиденного.

Посреди двора, рядом со стволом «наблюдательного тополя», в утоптанную землю было вкопано бревно. К бревну в положении стоя был крепко привязан человек. Влад его узнал с трудом — голый, в крови и грязи с ног до головы. Тот самый милиционер, павший духом в бункере. Неизвестно, каким образом он здесь оказался, но ему не позавидуешь. Аборигены отрубили ему обе руки и вспороли живот. Несмотря на вывалившиеся внутренности, несчастный не умер и даже иногда приходил в сознание, начиная орать. При этом мучители бросали все свои дела, обступали его полукругом, внимательно смотрели, дожидаясь, когда тот затихнет. После чего запрокидывали умирающему голову и что-то высыпали в рот.

Женщин и Давида Влад не заметил, но, судя по отполированному виду, бревно использовалось по назначению неоднократно, да и процедура пыток у здешних товарищей явно отработана до будничности. Если и они попались, вполне вероятно, что уже лежат на дне реки, и может быть, для них придумали что-нибудь похуже. Но не исключено, что пленников заперли в правой избе — возле двери там почему-то неотрывно маячит один из аборигенов, не расстающийся с коротким копьем. Отвлекается лишь в редкие моменты, когда милиционер приходит в себя, возвещая об

этом душераздирающими криками.

Зачем он там стоит? Сомнительно, что сторожит продуктовый склад. Там наверняка содержатся пленники, и вероятность того, что это несчастные из той же компании, весьма высока. Даже если отбросить соображения помощи ближнему, выручить их было бы весьма кстати. Влад уже по горло нахлебался робинзонской жизни и осознал, что в одиночку здесь существовать непросто. К тому же не исключено, что это единственные нормальные люди, оставшиеся на планете. Аборигенов он к таким после увиденного причислить не мог и сильно сомневался, что сумеет с ними поладить.

С парой-тройкой спутников не страшно ночевать под открытым небом, проще разбивать лагерь, искать пропитание и воду. Не говоря уже о том, что совместно легче отбиваться от здешних хищников. Знать бы еще, в избе они или нет. Вдруг Влад ошибается и там действительно хранится ценная жратва? Или такие же прожорливые троглодиты, наказанные за какие-то провинности и дожидаящиеся теперь своей очереди к непростому столбу.

Будь у Влада винтовка с ящиком патронов, он бы, не раздумывая, перестрелял всех и проверил это. Снять наблюдателя легко — здесь и сотни метров нет, а он вызывает наибольшее опасение, поскольку засел на отличной позиции и вооружен луком. У других аборигенов метательного оружия не наблюдалось. С дробовиком все гораздо рискованнее. В трубчатый магазин помещается всего четыре патрона. Если один загнать в ствол и добавить, получится пять, что все равно недостаточно — даже если он сработает не хуже потомственного снайпера, то после пятого выстрела останутся два противника. Перезаряжается дробовик не так быстро, как хотелось бы, — если туземцы не струсят, ему придется сойтись в рукопашной сразу с двумя. У них топоры, копья, кинжалы и дубины, пользоваться ими, похоже, умеют. А вот он полный ноль в фехтовании, и бокс не тот вид спорта, на который можно возлагать надежду в подобной ситуации.

Рискованно, но разве можно вот так сидеть, позволяя дикарям пытаться и убивать его недавних спутников? Ведь ближе людей у него не осталось — даже не земляки, получается, а «одновременники». Так, наверное, надо их теперь называть.

Между тем к милиционеру подошел один из аборигенов. Почесав голое пузо, проглядывающее в распахнутой куртке, он похлопал жертву по щекам, потом что-то неразборчиво произнес. Сообщники, прекратив заниматься трудовой деятельностью, подошли, устроили короткий диспут. Из-за расстояния и негромких голосов Влад ничего не разобрал, но почему-

то заподозрил, что развлечение закончено.

Он частично угадал — пара аборигенов начала освобождать тело от веревок, остальные направились к правой избе. Оттуда донесся сдвоенный женский визг, затем из дверей выволокли отчаянно извивающуюся «училку». Значит, он не ошибся: как минимум двое пленников, а точнее, пленниц, еще живы. Судя по шуму, вторая — та самая мелкая, уж очень тонкий голосок.

Лиля, увидев, во что превратился милиционер, завопила втрое громче и, к ее чести, с гораздо большей прытью начала упираться. Садисты лишь хохотали над потугами несчастной, продолжая тащить к освободившемуся столбу.

Влад понял — или сейчас надо все решать, или постыдно разворачиваться и трусливо удирать в лес, смирившись с тем, что способен лишь на выстрел исподтишка в невооруженного. Все внимание врагов сейчас приковано к жертве — они упиваются ее ужасом, тащат неспешно, растягивая удовольствие. Наверняка и дозорный сейчас таращится вниз, отрешившись от всего внешнего. Лучше момента не будет.

Соскользнув на землю, поспешно зашагал к поселению, стараясь, чтобы ствол тополя продолжал скрывать его от наблюдателя. Тот, правда, мог из-за него выглянуть, но сомнительно, что именно в этот момент оторвется от столь приятного для сволочей зрелища. На ходу взвел ружье, торопливо загнал еще один патрон. Теперь у него пять карточных выстрелов, и надо постараться не промахнуться.

Вот и ограда. Жерди кривоватые, щелей между ними хватает, причем таких, что можно руку просунуть. Бросил беглый взгляд — хохочущие мучители все так же неторопливо привязывали орущую женщину к столбу.

— Обнаружена радиочастотная метка, — неожиданно раздалось в голове. — Производится идентификация. Идентифицирован малый копир гражданского назначения. Принадлежность: Восточная Ось. Предположительный статус: работоспособен.

Ничего не поняв, Влад выбросил пустые слова из головы. Не до разгадывания сейчас. Пульнуть в тех, что привязывают Лилю? Они так удобно столпились, что есть шанс двоих, а то и троих задеть — на такой дистанции картечь прилично успеет разойтись.

Ага... И Лилю в том числе может зацепить...

Решив не рисковать, вдоль забора пробрался к угловой избе. Аборигены, перекрывая ее новым тесом, по периметру расставили что-то вроде примитивных лесов. Вот на них Влад и надеялся. Не зря — легко взобрался, пригибаясь к скату, обогнул угол, выглянул во двор. Отлично —

все как на ладони. Прижав откинутый приклад к плечу, поднял ружье, прицелился в просвечивающуюся жердевую решетку настила на дереве. Там хорошо можно было рассмотреть ноги наблюдателя, поглядывающего вниз с противоположной стороны площадки.

Выстрел!

Если до этого Влад сильно мандражировал — страшно было бросаться в драку на семерых, тем более впервые в жизни попадая в столь кровавую заваруху, то, нажав на спусковой крючок, стал хладнокровнее глыбы льда. Все лишнее долой — теперь надо просто убивать и не позволить убить себя.

Картечь, хлестанув по настилу, разметала в стороны облако щепок и трухи, вгрызлась в ноги и пах лучника. Тот, как свешивался вниз, жадно наблюдая за началом пытки, так и полетел туда, почему-то без крика. Не успел еще достичь земли, как Влад навел ружье на следующего — копейщика, переминавшегося с ноги на ногу у дверей в правую избу. Караульному явно не позволили участвовать в общей потехе.

Выстрел. Выронив копье, абориген упал на колени, прижимая обе руки к животу. Вот этот закричал — сразу и громко. Уже забыв про него, Влад перевел прицел на крайнего справа — тот не участвовал в связывании жертвы, лишь нетерпеливо суетился рядом, поигрывая длинным обоюдоострым кинжалом. Наверное, ждал дозволения вспороть жертве живот. Этому картечь разворотила шею и плечо — кровь вырвалась фонтаном, обдавая оставшихся. Нельзя сказать, что они покорно готовились к смерти. Нет — пальба не заставила их разбежаться с воплями ужаса, на что втайне надеялся Влад. Они побежали, вот только в его сторону, и крики их были полны такой ярости, что ни о каком отступлении не могло идти и речи.

Враги мчались его убивать.

Передернуть цевье. Прицелиться. Выстрелить. Передний, самый здоровенный из них, но все равно уступающий Владу сантиметров на двадцать минимум, падает с развороченной грудью. Еще выстрел. Уже замахающийся копьем разворачивается от удара в плечо — рана кровавая, но не смертельная.

Итого — ружье разряжено, а на ногах осталось два с половиной противника. Не так хорошо, как планировалось, но и не самый худший вариант. Влад не стал тянуться в карман за патронами — не успевает. Первый абориген уже рядом, с ходу прыгнув, уперся рукой, наполовину влетел на площадку — лишь ноги не успел забросить. В правой руке шипастая дубинка, которой попытался ударить. Легко убрав бедро с

траектории движения оружия, Влад ответным сильным взмахом топора достал до руки, разmozжив кисть — отсечь ее тупое лезвие не смогло. Потеряв точку опоры, дикарь, вереща от боли, сверзился вниз, хорошо приложившись спиной о чурбак для колки дров.

Последний противник, единственный, кто не пострадал от агрессивных действий Влада, не стал пытаться взобраться на площадку. Вместо этого он с разгона всем телом налетел на жердь, поддерживающую ее угол. Подпорка не выдержала, все сооружение сильно вздрогнуло, та его часть, на которую приходился вес Влада, заходила ходуном, будто размышляя: рухнуть или устоять? Дождаться ее решения он не стал — хуже нет, если свалится наземь и там засыплет обломками конструкции. Прыгнул вниз добровольно, в полете ударив топором. Увы — не повезло. Зря он не довел оружие до кондиции — оно оказалось одноразовым.

Топор попросту соскользнул с деревяшки, полетев на вытопанную почву двора, и по голове аборигена стукнула лишь палка. Влад если лупил, то на совесть, поэтому даже эта пародия на удар заставила противника вскрикнуть, и вместо того, чтобы сразу атаковать толком не вставшего на ноги здоровяка, тот подался вбок, прижимаясь спиной к стене избы. Из этого неудобного, затрудняющего маневр положения он попытался уколоть копьем, но Влад, уже твердо стоящий на земле, перехватил его оружие за древко, рванул на себя. Абориген, не выпуская копье, был вынужден подчиниться силе — подался следом, чтобы в следующий миг ощутить, что такое кулак человека под два метра ростом, с подросткового возраста крепко дружащего с боксом.

Нокаут не получился — удар вышел не слишком удачным, под таким ракурсом Владу трудно было достать челюсть. Но все равно противник «поплыл»: выпустил копье, на полусогнутых шагнул назад, припадая спиной к избе. Влад, догнав, врезал еще раз, уже четко, не жалея ни свою руку, ни голову врага. Хрустнула кость, затылок с такой силой стукнулся о бревенчатую стену, что с ремонтируемой крыши посыпался плохо закрепленный тес.

Теперь точно все — глаза закатились. Вот и бокс пригодился, а он сомневался...

Обернувшись, Влад едва успел отбить удар копья — раненный в плечо не собирался успокаиваться. Голую руку прострелило болью — серьезно резануло, перехватить древко не успел, зато, прыгнув вперед, разорвал дистанцию — потеряв уже прилично крови, абориген заодно утратил большую часть прыти. Яростно заорав в перекошенное от нечеловеческой злобы лицо, Влад ото всей души врезал лбом в область переносицы,

ухватил противника за шею, шагнул за спину, с натугой присел, увлекая за собой изогнувшееся в дугу тело. Уже встав на колени, рванул захват в сторону с такой силой, что едва не оторвал врагу башку. Даже хруста позвонков не услышал в запале.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления.

— Давай, детка!.. Работай!..

Не забыв, что еще двое как минимум живы, вскочил, подхватив копье. Одним прыжком вернулся к избе, два раза пробил грудь оглушенного, кинулся к тому, который пытался достать его на площадке. Этот, приложившись о чурбак, не шевелился — похоже, ухитрился сломать спину. Влад — не доктор, уточнять скоропалительный диагноз не стал — просто со всей дури сверху вниз ударил так, что наконечник, пробив горло, застрял в костях шеи.

Вроде всем уже досталось, но расслабляться он не стал. Подняв с земли длинный кинжал, пробежался глазами по противникам. Тишина и спокойствие — все валяются, истекая кровью. У Влада тоже с ладони капало, но не настолько сильно, чтобы паниковать по этому поводу. Подняв ружье, перезарядил, покосился на Лилю. Та орать перестала, но смотрела на него взглядом человека, с которым сейчас лучше не общаться — не то душевное состояние. Решив, что с ее освобождением от пут можно чуть повременить, начал осматривать поселение на предмет уцелевших врагов и потенциальных союзников.

Заглянул в левую избу. Внутри сумрачно, какие-то мешки и корзины по углам, лежанки из жердей, очаг возле входа. Ни живых, ни мертвых не видеть. Направился к правой.

Здесь повезло больше — у дальней стены сидели связанные по рукам и ногам старые знакомые: Давид и та самая девочка, имени которой Влад не помнил, а может, и вообще не знал. Оба испуганно поблескивали глазами — или не узнавали старого знакомого, или он сейчас сам на себя не похож.

— Влад?.. Ты?.. — первым заговорил южный человек.

— Да. Я всех убил. Вы целы?

— Вроде да... Всех?!

— Семерых. Их столько было?

— Да. Развяжи меня быстрее.

Влад не стал возиться с узлами — ладонь горела, будто обожженная. Просто поработал кинжалом — хоть и тупой оказался, но веревки здесь такие убогие, что сибирским валенком перерезать можно.

Давид, получив свободу, начал неистово разминать конечности, тихо поругиваясь — видимо, всерьез затекли. Оставив парочку заниматься своими проблемами, Влад вернулся к столбу, перерезал путы, удерживающие Лилю. Не устояв на ногах, она присела, упираясь спиной в отполированное предыдущими жертвами орудие пыток, тихо заплакала. Вытирать ей сопли тоже не стал, направился к дальней стене. Как Влад и подозревал, то, что он издали принял за узкую калитку, ею и оказалось. Раскрыл, бросил взгляд на реку.

Берег в этом месте был высокий, обрывистый — метров пять, если не больше. Удобно — наверняка даже самое высокое половодье не достает до изб. От калитки вниз вела лестница, опирающаяся на вбитые в дно деревянные сваи. На них же стоял короткий, почти квадратный причал, к нему была пришвартована длинная лодка с задраным кверху носом. Другого ценного имущества не обнаружилось, новых противников — тоже.

Успокоившись, Влад прикрыл калитку, развернулся. Во дворе собралась вся публика. Женская часть плакала дружно, в обнимку, обе время от времени с ужасом косились на растерзанное тело милиционера. Давид поглядывал на него тоже нехорошо, но в глазах проскакивало еще и что-то другое, вроде неуместной радости — не повезло какому-то лоху, а не ему. В принципе нормальное чувство, но зачем же так явно...

Сопли и слезы — естественная реакция женского организма на самую незначительную трагедию, но Влада они раздражали. Хотелось побыстрее унести ноги из этого места, а тащить за собой двух дамочек в истерике, наоборот, — не хотелось. Поэтому первым делом надо убрать с глаз раздражающий фактор, а уж потом решать все остальное, причем командование придется брать в свои руки, так как доверять подобное Давиду не стоит. Понятно, кто руководил до этого, и до чего довело такое руководство, тоже понятно.

Бросив Давиду под ноги кинжал, Влад угрюмо, тоном, не терпящим возражения, заявил:

— Найди поблизости место с землей помягче и в темпе рой могилу — надо похоронить товарища. Я пока рукой своей займусь и осмотрю все здесь. Нам оружие понадобится и еда.

Тот охотно кивнул:

— Сейчас все будет. А с твоей рукой что? Серьезно зацепили?

— Вроде нет, но перевязать надо.

— Как ты вообще здесь оказался?

— Давай потом поговорим — не до этого сейчас.

— Да, ты прав.

— И это... Девочек тоже привлеки. Пусть делом займутся — это настроение выравнивает.

— Ты опять прав.

ГЛАВА 11

Если Влад что-то понимает в людях, то Давид только что безоговорочно признал за ним право командовать и оспаривать его вряд ли собирается. Хотя не собирается уступать роль первого зама — вон как резво начал ставить барышень на путь созидательного труда.

— Статус восстановления: завершение процесса первичной кольматации, временная реплантация мышечных волокон.

— Руку можно не перевязывать? — впервые мысленно, чтобы не напрягать спутников признаками явного умопомешательства, уточнил Влад.

— Статус восстановления: реплантация мышечных волокон.

Ничего не поняв, Влад решил на всякий случай перемотать рану — кусок платка у него с прошлого раза остался. Сорвав возле калитки несколько листков подорожника, спустился на причал, вымыл ладонь, изучил порез. С внешней стороны запястья, с виду чуть ли не царапина, да и кровь уже успокоилась. Но все равно перевязал, приложив «ботанический компресс».

Вернувшись наверх, никого там не застал, зато прекрасно расслышал, что за изгородью вовсю роют землю. Его подчиненные работают, и даже рыданий с их стороны не доносится. Жизнь налаживается.

Осмотрев тела, собрал все оружие в кучу: копья, дубины, ножи, пара кинжалов, большие топоры и топорики, деревянный лук, обмотанный кожей, и полный колчан. В некоторых изделиях железо откровенно дрянное, запущенное до ржавчины, другие, наоборот, сверкают так, что нет сомнения — коррозии почти неподвластны. Больше всего поразили наконечники стрел — совсем не похожи на грубые самоделки, как все остальное. Серый металл, идеальная полировка, трехгранное острие — будто на фабрике изготовлены.

Похоже на нержавейку, так же как еще несколько предметов. Познаний Влада в металлургии хватало, чтобы понять — скорее взрослый слон из куриного яйца вылупится, чем эти дикари смогут создать подобный сплав. Да они даже белья нижнего не носят, о каких высоких технологиях вообще может идти речь? Наверняка где-нибудь готовые нашли. Допустим — в тех же руинах. Даже не так — нашли там арматуру или что-то подобное, защищенное от коррозии, и перековали в примитивной кузне, а полировали уже вручную, долгими зимними ночами.

И одинаковые до миллиметра размеры тоже вручную получились? Сомнительно...

Влад даже пожалел, что не оставил хотя бы одного аборигена в живых. Поспрашивать бы, привязав к столбу. И не только по поводу наконечников, ведь оставался непоясненным главный вопрос — куда бы податься, чтобы выйти к нормальным людям и чтобы при этом по пути тебе брюхо не вспороли под примитивные шуточки и прибауточки. Сомнительно, что в этом убогом месте найдется иллюстрированный путеводитель с набором карт.

Покончив с осмотром тел, приступил к обыску избушек. Не сказать, что там обнаружили сокровища фараонов, но добра хватало. Орехи грецкие и лещина, мелкая рыбешка, завяленная до каменной твердости, вялая морковь, уже прилично проросшая — явно прошлогодняя, немного мелкой картошки такого же плачевного вида. Нашелся большой мешок зерна — рожь, пшеница или ячмень, Влад определить не мог, но при всей своей агрономической отсталости подозревал одну из этих культур. Под потолком болталось несколько крупных рыб и плоский кусок мяса — все закопченное до черноты. Возможно, прямо в избе и коптили — здесь, куда ни прикоснешь, слой сажи не меньше, чем в палец.

Встретилось и что-то вроде аптечки: связки различных трав, высушенные корешки, мешочки с какими-то порошками. К сожалению, невозможно понять, как и что ими лечить. А жаль — медикаменты бы не помешали.

Нашел и рыболовные принадлежности — пара удочек с волосяными лесками, деревянными с виду поплавками и грубыми крючками, на вид бронзовыми. Рядом и бредень обнаружился — небольшой, но за счет стандартной здесь грубости очень тяжелый. Еще трофеями стали несколько неприятно пахнущих шкур, бронзовый котел с крышкой, объемом чуть ли не с ведро, берестяной короб, заполненный грязной крупной солью, два точильных камня, пара игл и три мотка серых ниток, явно не фабричной работы. Кружки были, точнее, что-то, похожее на азиатские пиалы, а вот нормальных мисок ни одной. Зато ложки отыскались — деревянные, выдавшие виды, почерневшие от плохого ухода и отсутствия такого понятия, как мытье.

В одной из корзин нашлись вещи, отобранные у женщин, Давида и бедняги милиционера: мобильники, сумочки, бумажники, ключи и прочая дребедень. Очень порадовал нож — настоящий швейцарский или неплохая подделка.

А еще здесь же лежала кобура, и вместо огурца Влад обнаружил

внутри пистолет Макарова. Обойма, или, если придерживаться строгого соблюдения терминологии, магазин, полон, еще и запасной нашелся, тоже снаряженный. Ствол так себе — старичок, от которого отказываются, постепенно переводя армию и милицию на более современные модели. Но было бы странным обнаружить крутую пушку у столь малозначительного мента. Хотя и не принято плохо говорить о покойном, но думать-то не запретишь. Если бы ему и дали подобную штукину, то самому последнему в длинной очереди.

Озолотившись сокровищами, за большинством из которых в те далекие, канувшие в Лету годы даже последний нищий нагибаться не стал бы, Влад занялся самым соблазнительным, сознательно отложенным на десерт, — странным устройством, которое еще во время наблюдения привлекло его своим необычным видом.

Размерами и внешним видом эта штука напоминала микроволновую печь. По трем ее сторонам отросли прямоугольные крылья, в метр длиной каждое. Стекланные окошки, какие-то цветные символы под ними — у него похожая на кухне стояла, только объем под готовку раза в три побольше был. В уголке еле заметно при солнечном свете мигает крошечный красный огонек. Чем бы это ни было — оно работает или частично сохранило свои функции.

А еще крылья расправились не прямо, а под таким углом, чтобы солнечные лучи падали на них перпендикулярно или близко к этому. Кремниевые батареи? Устройство для зарядки? А что оно заряжает? И зачем такой массивный блок, к которому они крепятся?

Рядом стояли два чурбака: малый и большой. Первый использовался как табурет, второй как столик. На нем были разложены очень тонкие ровные палочки, расщепленные перья, что-то вроде опасной бритвы из нержавейки, которой, должно быть, их и распускали. Еще лежали те же самые аккуратнo-одинаковые трехгранные наконечники. Похоже, с первым предположением он не ошибся — здесь действительно изготавливали стрелы.

— Обнаружен малый копир гражданского назначения. Принадлежность: Восточная Ось. Предположительный статус: работоспособен. Проверить статус?

— Проверь, — разрешил озадаченный Влад.

Красный огонек на приборе мигнул, сменился зеленым.

— Статус малого копира: работоспособен. Ресурс: сорок два процента. Режим: зарядка универсальными накопителями. Остаточная емкость батарей: шестьдесят четыре процента от базовой. Уровень зарядки батарей:

тридцать шесть процентов от остаточной емкости.

— Для чего вообще этот копир нужен?

— Терминологическое несоответствие.

Влад, уже привыкнув к странностям взаимопонимания, перефразировал вопрос:

— В чем назначение копира? Что он делает? Для чего предназначен?

— Малый копир гражданского назначения предназначен для репликации неактивных малогабаритных предметов, уровней сложности не выше шестого.

Влад покосился на аккуратные, тускло поблескивающие, будто созданные под копирку наконечники для стрел, рассыпанные по чурбаку, и начал подозревать, что ему крупно повезло. Если правда то, о чем он сейчас подумал, это позволит решить кучу проблем одним махом.

— Как пользоваться копиром?

— Терминологическое несоответствие.

— Мне нужно скопировать неактивный предмет шестого уровня.

— Активировать интерфейс?

— Да.

В левом углу поля зрения возникло несколько строк текста. Читать было непривычно и, откровенно признать, жутковато, но Влад смирился. Надписи были на русском, но некоторые вообще непонятны, хотя слова знакомые. Например, как можно перевести «Особенности мостовой транзакции»? То, что буквы кириллические, ничуть не помогало — лучше уж китайские иероглифы, на них можно сразу смело плюнуть, потому как, даже имея пол-литра водки, ни за что не поймешь.

Разобравшись, что каждую строку можно мысленно выделять, далее раскрывая скрытый за ней раздел, он углубился в то, что, видимо, являлось инструкцией по эксплуатации. Спустя несколько минут, едва не заработав косоглазие и не свихнувшись от нервного напряжения, Влад понял, что не все так просто, как считал он поначалу. Устройство, непонятно как оказавшееся у дикарей, действительно являлось чем-то вроде ксерокса, в отличие от последнего копируя не текст, а предмет целиком: его вещество и структуру. Но были и сложности.

В ксероксе для получения копии текста необходимо соблюсти ряд условий. Должна быть чистая бумага нужного формата, картридж с краской, электричество в сети, и, само собой, устройство обязано работать без поломок. Здесь все похоже, но посложнее. Влад, поначалу размахивавшийся накопировать сто тысяч патронов и дробовики с пистолетами для всех, после чего с пальбой пройти по всем

направлениям, пока плохие дяди не закончатся, а хорошие не станут править миром, крупно обломался.

Вот что такое, допустим, патрон для дробовика? Влад никогда не пробовал их разбирать, но общее представление имел. Гильза из красной пластмассы с латунным донцем, внутри заряд пороха, пыж, сделанный неизвестно из чего, но, допустим, из синтетического волокна, спутанного в войлочную массу, далее свинцовые шарики картечи. Все это хозяйство закупорено, обжато. И? Слишком сложно для копира? Неизвестно, но вряд ли — если верить инструкции.

Вся проблема в другом. Латунное донце? Что такое латунь? Сплав меди и цинка. Хочешь получить этот предмет? Да без проблем, но будь добр загрузи в приемное отделение копира необходимые металлы в требуемом количестве. Порох? Точнее, если он не ошибается — нитропорох. А его из чего делают? Влад имел об этом весьма смутные представления, но вроде бы где-то слышал, что это продукт нитрификации целлюлозы. Из каких элементов она состоит? Если не ошибается, углерод и водород.^[1] Нитрификация — по сути своей добавление в формулу азота, а его полно в атмосферном воздухе, можно отдельно не искать. Углерода тоже везде полно: растительная масса, животная ткань или даже в почти чистом виде — уголь из погасшего костра. Пыж — синтетика из тех же веществ, что и порох, разве что азот не понадобится, хотя его и не жалко. Картечь, или пули свинцовые, а свинец просто так под ногами не валяется — Влад его еще ни разу здесь не находил.

Вывод: для того чтобы скопировать патрон, ему не хватает меди, цинка и свинца. Возможно, нужны еще какие-то добавки — копир требователен к точности рецептуры, хотя имеется и упрощенный режим, но это крайний случай, при котором работоспособность полученного изделия не гарантируется.

Можно использовать стреляные гильзы, но это все равно не решит проблему свинца. Разобрать один патрон и заменить свинцовую картечь железной, взяв потом его за оригинал? Не лучшая идея: вскрытый патрон менее влагоустойчив, твердое железо быстрее изнашивает ствол, а скопировать его не получится — размер выдающей камеры столь мал, что даже пистолет по частям не засунуть.

Ладно — с мечтой пополнить боезапас стоит временно признать облом. Не страшно — рано или поздно Влад найдет нужные компоненты. А вот кое-что надо сделать сразу. У копира была функция запоминания оригиналов. Затем, даже их не имея, можно в любой момент получить копии. Таким образом, и расстреляв все патроны, не надо отчаиваться —

останется шанс их воспроизвести.

Заодно и те детали пистолета и ружья, которые можно просунуть в камеру, надо запомнить. И зажигалку, и нож перочинный, и мобильники, фонарик, бритву из сумочки Лили, судя по «зрелой» навороченности содержимого, и вообще все, что влезет.

За этим занятием Влада застал вернувшийся Давид. Удивленно косясь на его манипуляции, сообщил:

— Мы могилу вырыли.

— Уже? Так быстро?

— Неглубокую. А что, глубокую надо?

— Да нет... Сойдет любая...

— Поможешь его дотащить, а то девочки... Ну, сам понимаешь.

— Да, пошли.

Удалившись от копира на несколько шагов, услышал новость:

— Критическая дистанция. Интерфейс неактивен.

Проклятье! С этой штукой нужно рядом сидеть, чтобы работала, а копирует она не мгновенно — над патроном около минуты думала, а на мобильнике вообще зависла на все пятнадцать.

Дотащив милиционера до пародии на могилу, Влад покачал головой:

— Для кошек и то глубже роют.

— Так лопаты нет, — отмазался Давид.

Требовать переделки Влад не стал. Доберутся до трупа дикие звери? Ну что поделаешь... В конце концов, кто ему этот человек? Да никто — случайный попутчик по несчастью. К тому же вряд ли аборигены эти жили сами по себе. Во-первых, у них нет женщин. Даже если предположить, что они не нуждались в дамах, будучи аскетами, или довольствовались вонючими прелестями друг друга, все равно кто-то их родил, где-то есть братья-сестры, дяди-тети, друзья детства, соседи и прочие. Наверняка они с ними поддерживают связь. К примеру, следов кузни здесь нет, зато полно самодельных железных предметов. Откуда? Значит, имеется мастер или мастера. Рано или поздно кто-нибудь сюда пожалует и, найдя родичей или друзей в таком виде, огорчится. Начнут носом рыть землю и мимо свежей могилы вряд ли пройдут, не заметив.

Влад не сомневался, что тело здесь долго не пролежит. Несчастному милиционеру устроят грубую эксгумацию.

Могилу зарыли с помощью крышки от котла — с нею дело пошло гораздо быстрее. Полезная вещь, к тому же в бронзе высокий процент меди. Еще бы цинком разжиться, и часть проблемы получения патронов будет решена.

Едва покончили с похоронами, как Влад вместо прощальной речи заявил о насущном:

— Я нашел немного еды — если не шиковать, на неделю, может, и хватит. Еще полезные вещи есть и лодка. В нее восемь таких, как мы, спокойно поместятся. Предлагаю погрузиться и погнать вниз по реке.

— Зачем? — заторможенно спросила Лиля.

— Затем, что оставаться здесь нельзя, — терпеливо ответил Влад. — У этих ребят могут иметься дружки. Хотите быть здесь, когда они вернутся?

Лиля даже вздрогнула — видимо, представила мысленно такую картину и бешено закрутила головой.

— Вот и я не хочу.

— А почему именно на лодке? — неожиданно спокойно поинтересовалась младшая.

— Тебя как звать?

— Лена.

— Лена, ты сможешь за день пройти пятьдесят километров?

— Ну... Не знаю... Наверное, смогу, если очень нужно будет.

— И не устанешь?

— Еще как устану.

— Посмотри на реку. Скорость течения в ней около пяти километров в час. Допустим, меньше — пусть будет три. Даже не шевеля веслами, которых там две пары, за пятнадцать часов, просто сплавляясь, можно пройти сорок пять километров, и никакой усталости. Не говоря уже, что на воде хищникам нас достать проблематично. А это важно — я с ними уже не один раз сталкивался и чудом остался жив.

— А люди?

— Что люди? Эта река стала раза в три шире, чем прежде. Приблизительно пара сотен метров. Вы видели лук их стрелка? Я хорошо рассмотрел — убогий очень. Сомневаюсь, что из такого можно прицельно накрыть на середине даже в узком месте.

— У них тоже лодки могут быть.

— Могут, — согласился Влад. — И что из этого? А если лодок не будет? Им тогда нас никак не достать. В то время, как нарвавшись на суше, без вариантов подставимся по полной — там ведь, кроме ног, ничего не надо. А еще на земле следы остаются, и я уверен, что такие ребятки их читать умеют. С какой скоростью мы сможем идти? Думаю, они гораздо быстрее. На обувь свою посмотрите — она не для серьезных походов.

— Он прав, — поддержал Давид. — Водой надо уходить. Может, дальше нормальные люди найдутся.

— Я тоже на это рассчитываю, — кивнул Влад. — Так что сейчас собираемся, грузим в лодку все ценное и отчаливаем. До темноты надо найти подходящий островок, там и заночуем.

* * *

Давид опять застал Влада у копира, да еще в тот момент, когда тот активировал режим перехода в транспортную форму. Подчиняясь мысленному «нажатию» на нужную строчку меню, «крылья» сложились гармошкой, центральный блок пискнул, мигнул желтым огоньком в углу окошка, верхняя часть подалась в одну сторону, средняя сдвинулась в другую. Затем обе чуть присели, после чего вернулись в прежнее положение, как бы заехав друг в дружку. Перед Владом теперь лежал параллелепипед размерами раза в два поменьше коробки для туфель — приличное уменьшение объема вышло, хотя все равно в карман не положишь даже теперь.

— Это что за дела? — изумился южанин.

Влад, недолго раздумывая, решил его посвятить в секрет находки. Ведь, как ни крути, ближе людей у него сейчас нет, и начать разводить тайны не лучший способ сплочения коллектива.

— Это копир. Вроде ксерокса штука, но может копировать вещи.

Как ни странно, Давид врубился в тему с ходу:

— Да что ты говоришь?! Вот, допустим, я туда сто баксов положу, и он что — сделает?

— Легко. Только нужны те же химические элементы, что в купюре, и минимум в том же количестве.

— Это как?

— Ну из чего бумага состоит?

— Из бумаги.

— На атомарном уровне это углерод, водород, кислород. Элементы. Понял?

— А... понимаю.

— Можно просто бумагу положить, чистую, и высыпать краски. Или даже рваных цветных журналов просто набросать, должно хватить. Хотя не уверен.

— Нет — журналов не хватит. Там еще лента есть, в баксах. Они из металла или что-то такое, не знаю точно, но в журналах такого не бывает.

— Ладно — еще проще: берешь две однодолларовые купюры,

бросаешь, нажимаешь кнопку, забираешь стодолларовую.

Прикинув выгоду, Давид заулыбался, а потом, вспомнив, куда его занесло, вздохнул:

— Раньше бы такую штуку иметь. О! Слушай! А вот сколько у тебя патронов к ружью? А?

— Четырнадцать осталось.

— Мало. Надо еще делать. Делай.

— Не могу. Свинца нет.

— Плохо. Давай из жмуrows выковыряю дробь или чем ты их там?

— Картечь.

Подумав, Влад решил, что будет некрасиво эту грязную работу оставлять на товарища:

— Давай вместе.

— Тебе нельзя — рука порезана. Плохо, когда в рану чужая кровь попадает. Ты их видел? Грязь бродячая, а не люди. Заразиться можно чем-нибудь очень нехорошим.

Влад только рад был спихнуть проблему на другого.

Давид подошел к делу основательно. Разделся до пояса, долго точил пару придиричиво выбранных ножей, затем приступил к разделке с хладнокровием бывалого патологоанатома. Владу не терпелось испытать копир в деле, и он, нажав на утопленную кнопку, вновь его активировал, дожидаясь первой порции свинца.

Увлеченность мужчин, передумавших бегом покидать жуткое место, заразила даже женскую часть отряда. Не желая оставаться рядом с «разделочным цехом», они перебрались на причал, но оттуда время от времени поднимались, заглядывали в калитку с интересом и отвращением.

Наконец Давид, сбегав к реке, вернувшись, высыпал горсть картечин:

— Вот. Этого на два патрона должно хватить. Пробуй.

Влад загрузил в выехавший короб широкого приемника добытую картечь, пару пустых гильз, кусок трухлявой древесины, охапку листьев, горсть речного песка. Решив, что этого достаточно, дал команду выдать патрон по образцу. Увы — не сработало. Устройство возмущенно замигало красным, а ниже меню в поле зрения зажглась надпись: «Нехватка элементов». Догадавшись на нее «нажать», как делал с другими строками раньше, получил список, и сообщил жадно поглядывающему Давиду:

— Эта штука говорит, что не хватает ртути, хлора и сурьмы. Не знал, что они в патронах нужны.

— Обязательно нужны — в капсульный состав, — неожиданно сообщил Давид.

— Откуда знаешь?

— Думаешь, я совсем дурак и с гор спустился? Да? Не совсем. Учился я, в горном институте. Недолго, да, но учился. Помню немного. А гор вообще не видел, кроме Крымских.

— В институте учили капсюльные составы делать? — не поверил Влад.

— Зачем? Человек много чего помнит. Не только то, чему в школе учат. Можно ружье возьми?

Влад кивнул и с интересом понаблюдал, как Давид с помощью палки и куска подкладки, оторванной от куртки милиционера, прочистил ствол. Тряпку бережно свернул, пояснив:

— На ней теперь сурьма и ртуть. И хлор, наверное, тоже.

— Хлора полно в соли, а она у нас есть. И вообще его вроде в живой ткани хватает — надо просто больше палок и листьев набросать. Думаю, сурьмы и ртути на тряпке мало — почти все улетело в воздух при выстреле.

— Пусть так, — согласился Давид. — Мы их все равно добудем.

— Как?

Давид зачерпнул горсть песка:

— Видишь? Что это?

— Песок.

— Правильно. А ты знаешь, что в песке этом все-все есть, любые элементы, существующие во Вселенной? Просто одних много, других мало.

— Ага. Слышал, что почти весь вес Земли на железо приходится, а вот того же золота тысячные доли процента.

— Неправильно. Железо на четвертом месте, а на первых кислород, кремний и алюминий. Но это верно для земной коры — в глубинах соотношения изменяются. Хотя кто там был, в глубинах?.. Только гипотезы разные есть... Влад, чего ты так странно на меня смотришь? Я же говорил, что в институте учился. Мало, но учился. Диплом нужен был, понимаешь? Купить его просто, но специалист без знаний, все равно что конь без копыт. Понимаешь?

— Ладно — проехали. Я так понял, ты собираешься копировать эту тряпку, используя речной песок?

— Да. Песок, камни — хоть и очень мало, но там всегда есть сурьма и ртуть. Мы их добудем.

— Хорошо. Собираю аппарат, и в лодку.

— Подожди! Скажи, как ты им управляешь? Ведь ничего сейчас не нажимал.

— Мысленно.

— А как это?

— Да не знаю я. Вот так получилось. Не могу объяснить. Давай — одевайся. И прихвати в лодку калитку и пару курток с самой толстой кожей.

— Зачем нам такое добро?

— Да есть одна идея.

Спускаясь к лодке, Влад думал, что с этим спутником ему точно повезло. Не настолько прост, как показалось на первый взгляд. Что касается копира и работы с ним, моментально просек и удивил своими познаниями и находчивостью. Или скорее Влад сам страшно тупил. Неудивительно после таких приключений — ведь семерых убил. Пусть и малорослики, но хищные, отчаянные, привыкшие отбирать жизни, а для него это в новинку.

Ему повезло, что сумел найти своих товарищей по несчастью. Жаль, чуть позже, чем хотелось бы, но и окончательно не опоздал. Теперь по пути можно их расспросить, как же они угодили в такой переплет.

ГЛАВА 12

— Мы тогда долго спускались в эту дыру, девочкам трудно приходилось, особенно Лиле, — продолжал рассказывать Давид, мерно работая тяжелыми грубыми веслами. — Потом, уже внизу, звали-звали тебя, а в ответ тишина странная. Тут плохое подумали, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Влад. — Решили, что бросил вас там? Не захотел связываться с таким балластом?

— А что нам еще думать было? — вскинулась Лилия.

— Да хотя бы то, что меня могло привалить в том туннеле — ведь все на честном слове держалось. Давид, ты видел ниже, по левой стене, шахту вертикальную? Недалеко от дыры.

— Видел, но заваленная она вся была. Никак по ней не выбраться. Это за тобой обвалилось?

Думая поначалу рассказать полную правду, Влад по зрелом размышлении решил ее серьезно подкорректировать и упростить. Необязательно всем знать про красную комнату и что в ней произошло, тем более сам толком ничего не понимает и уж тем более не имеет представления, как это передать словами. Да и полный рассказ займет много времени, а подолгу трепаться он не любил. Потому и счел правильным умолчать о телепорте — от расспросов детальных потом не отвертишься.

— Да. Поднялся на один пролет, и все зашаталось, еле успел в боковой проход заскочить, как рухнуло.

— Странно — мы вообще шум обвала не слышали, — удивился Давид.

— Да вы там дальше своего носа ничего не могли различить. Я когда под дырой проходил, услышал, как наверху ругаетесь, будто бабки базарные.

— Было дело, — смутился тот. — На нервах ведь все.

— Ну вот потому и не замечали ничего. А меня там запечатало — назад вернуться не смог. Сам небось помнишь, какие там глыбы навалены. Их за всю жизнь не разгрести, да и хрен с места сдвинешь.

— Помню. Согласен.

— Вот и пришлось мне двигаться в другую сторону. Блуждал под землей долго, около суток, наверное. Несколько раз находил скелеты в грубой коже — вроде той, что у захвативших вас гадов. С одного вот этот топор взял, только без топорщица — сгнило оно в труху. Выбрался на

равнину возле развалин города непонятного — на наш, старый, совсем непохож. Там вся земля была вымощена плитами каменными, по два метра каждая. Пораскинул мозгами и решил на север податься. В той стороне раньше река текла, а люди возле воды любят селиться. В развалинах ловить нечего — заброшено все давно, да и страшновато. Вдруг там радиация высокая или что-нибудь похуже? Вышел к Вонючке нашей, сливной канаве городской, только не Вонючка она теперь, а очень чистая — даже воду пить можно. Двигался вдоль нее, вышел к месту, где мост железнодорожный был раньше, а там ни моста, ни реки под ним. И вообще много нового — гор на севере у нас уж миллион лет как нет, если не больше. Видели?

— Ага, — отозвалась Лена.

— Не знаю, откуда они взялись. Может, вообще искусственные, а может, оружие применяли вроде тектонического и выросли из-за этого. Ведь удобная штука: бац — и дороги всех видов перерезаны капитально и очень надолго, не говоря уже о разрушении всего, что там стояло. Ладно — отвлекся. В общем, решил я пройти дальше, по долине — вдали что-то похожее на реку виднелось. И не прогадал: добрался до устья Вонючки. А возле него веселый хуторок увидел и потом крик слышал, но выходить не стал. Незаметно забрался на дерево, разглядел, что там, и заподозрил — вас, наверное, в избушке держат. Ну а дальше сами все знаете.

— И тебя не смогли заметить? Странно — с виду они муху за километр засечь могут.

— Я на вид увалень, но, если надо, умею вести себя тихо и незаметно. Детство в тайге провел.

— А ружье где взял? — не унимался Давид.

Говорить, что нашел в подземелье, было не самой умной идеей. Давид, похоже, в теме разбирается и понимает, что вещица осталась с тех самых старых милых времен, из которых их сюда занесло, и вряд ли бы протянула столько, тем более в таком отличном состоянии. Поэтому вынужден был признать:

— У меня оно с собой было с самого начала.

— Так вот что у тебя под пальто оттопыривалось! — понял наконец Давид. — Зачем таскал такое? А?

— Может, давай сам расскажешь, что с вами дальше было, чем меня допрашивать?

— Ну извини. Не хочешь — не говори.

А почему бы и не признаться? Ничего плохого в том, бесконечно давнем поступке Влад не видел и охотно поведал:

— В тот вечер, когда с вами столкнулся, человека я убил. Плохого

человека. Даже очень плохого. Давно пора было это сделать. Потом убегать пришлось от ребят его отца. В промзоне заблудился, и тут вышел из ворот ваш непризнанный гений и, приняв меня за кого-то другого, позвал за собой.

— Из банка ждали человека, вот и перепутал, — пояснил Давид.

— Это я потом понял. В общем, завел он меня в подземелье, а я и не думал сопротивляться, ведь там бы вряд ли стали искать. Послушали? Довольны?

— Влад... Ты мог бы и не рассказывать, обижаться на такое никто не будет. У каждого свои тайны.

— Ладно... проехали. Давай теперь ты.

— Не нашли мы тебя тогда, плохое подумали...

— Да понял я все — дальше рассказывай.

— Туннель тот в завал уперся, но сбоку вторая шахта нашлась, вертикальная. Совсем плохо в ней было, все на честном слове держалось, но выбрались мы почти до верха. Выход там оказался в другой туннель, и он обвалился тоже, а в яму солнце заглядывало — мы еще снизу заметили свет. Выкарабкались возле развалин, на юге их очень много было, а рядом нечасто встречались. И все теми самыми плитами вымощено, про которые ты сейчас говорил. Жара такая, что присели мы в тенике у руин, начал я прикидывать, что дальше делать, и тут с двух сторон посыпались эти твари. Наверное, издали нас заметили и подкрались. Мы даже сделать ничего не успели. Я сразу по затылку схлопотал и отключился, а когда в себя пришел, руки ремнем связаны, у остальных тоже. Примотали нас к длинной жердине всех и погнали куда-то. По пути не трогали, только отдыхать толком не давали — чуть замешкаешься, и по почкам палкой легко можно схлопотать. Я думал, загнусь — после того удара башка совсем плохая стала. Потом, возле других развалин, эти, что нас поймали, разделились. Большая часть ушла, не знаю куда, но надеюсь, что к чертовой бабушке, а четверо остались и гнали нас, пока не привели сюда. Местные с ходу примотали участкового к столбу, а нас в избу заперли. Есть не давали, выводили только по нужде, да и то редко. А сегодня начали... Ну ты сам видел, что они с ним сделали. Меня до сих пор трясет — сколько живу, ничего подобного никогда...

— Сколько всего было народа в той группе, что вас поймала?

— Сперва ровно десять, потом шестеро ушли.

— Ясно... Мне повезло — против такой толпы ружье вряд ли спасло бы.

— Не знаю. Ты шустрый. Всех семерых завалил. Воевал?

— Нет. Даже не служил. Студент.

— Выглядишь старше.

— Это из-за роста.

— Наверное...

— Зачем мы ищем людей? — неожиданно спросила Лиля.

— Скучно без них, — устало ответил Давид.

— Ну так одних мы уже нашли, и что из этого получилось?! — немедленно взвинулась женщина. — Повеселились?!

— Так поищем других. Правильно, Влад?

— Ага. Разнообразия хочется.

— И что?! Хотите все умереть, как... как...

— Здесь должны быть и другие, не такие, как эти.

— С чего ты так решил?!

— Когда искал выход, наткнулся на скелет. Свежий — пованивал еще. На нем была одежда из синтетики, зажигалка и разные современные нам вещицы или около того. Вот эту зажигалку у него взял — работает. Еще нашивка у него была интересная на куртке и документ, вроде пропуска. Очень похоже, что он так же, как мы, сидел в убежище, отрезанный от времени. Затем серебряный контур отключился из-за обвала или воды просочившейся, и бедолага тоже начал искать выход.

— И не нашел, — подытожила Лиля. — Что толку? Умер тот человек. И вообще мог быть всего один. Или не один, но другие тоже умерли.

— Может, и так, — согласился Влад. — Но я там бродил долго, не один раз видел остатки серебряных сеток. Технология остановки времени, похоже, использовалась повсюду. Помните мечты Федоровича? Он собирался бункеры строить и продавать. Кто знает — может, все у него получилось, и где-то в подземельях есть не одно помещение, забитое нормальными людьми. Не исключено, что и наши современники сохранились. Время от времени убежища раскупориваются, народ выбирается. Кому-то не везет, другие находят путь наверх. Если нормальные здесь есть, мы их найдем.

— Выбравшихся легче караулить возле руин, ведь именно там выходы из-под земли, — заметил Давид.

— Да. Но в тех местах слишком опасно. На равнине нас легко могут заметить издали. Прятаться вечно не получится, ведь надо искать еду, да и воды там нет, разве что спускаться за ней. Но это еще рискованнее — под землей я два раза находил одиночные скелеты «кожаных» и один раз пару. Правда, с ней не все ясно, но, скорее всего, тоже они.

— И почему ты думаешь, что именно у реки найти нормальных людей проще? — не сдавалась Лиля.

— По воде легче передвигаться и безопаснее. И вообще, у кого-то есть другие предложения? Если кто-то считает, что надо изменить направление или способ передвижения, то охотно слушаем.

Ответа не было. И правильно — лучше плохо плыть, чем хорошо идти.

* * *

Ночевку устроили на длинном, поросшем кустарником песчаном островке. На берегу хватало вынесенных в половодье деревьяшек, так что с топливом для костра проблем не было. Напрягало изобилие комаров, но они оказались совершенно дикими, изнеженными простой жизнью на экологически чистой природе и от запаха дыма мгновенно разлетелись.

Ели молча, да и после ужина разговоры не вели. Казалось бы — странно. Столько всего произошло, но обсуждать это никто не хотел. Достаточно слов, сказанных в лодке. Влад был только рад этому — пусть все в глухонемых играют, лишь бы не закатывали истерики по поводу и без. Женская половина коллектива напрягала — постоянно ждал с их стороны бурного всплеска эмоций, а это сейчас ни к чему. Их слишком мало — каждый должен быть сильным. Ошибка одного может стоить жизни всем. И это не образное выражение: ночь поделили на четыре промежутка, и на каждый назначили часового. Владу пришлось научить Лилу и Лену пользоваться пистолетом — ружье не доверил.

Если кто-то из них заснет на посту, а в этот момент к островку подберется лодка с «кожаными», их путешествие закончится, толком не начавшись.

ГЛАВА 13

Ночью никто не побеспокоил, зато утром, не успев продрать глаза, Влад выслушал жалобу от Лены:

- Мы хотели похлебку сварить, но без крышки в нее сыплется пепел.
- Так прикройте котел крышкой.
- Давид ее забрал и не отдает.

Влад, поднявшись, пошел разбираться с «кухонным грабителем». Тот обнаружился на дальнем краю островка. Забредя в реку по щиколотки, он предавался странному занятию. А именно: усердно елозил крышкой в воде, тихо и заунывно гундоса под нос какую-то песенку.

— Доброе утро, Давид. Жалоба поступила, что ты крышку конфисковал у тружениц кухни. Говорят, что похлебку с пеплом вперемешку есть придется.

- Да, Влад, так и есть. Поедим, не страшно — пепел не ядовитый.
- Что ты вообще делаешь?
- Сурьму добываю и ртуть.
- Как?
- Смотри.

Давид протянул деревянную пиалу, почти на треть засыпанную угольно-черным песком.

- Это что?
- Влад, это шлих.
- Какой такой шлих?
- Видишь песок речной?
- Ну?

— Он светлый, почти белый, потому что в основном состоит из обломков легких минералов. Но примесь тяжелых частиц всегда есть, просто мало их здесь. Смотри, что я делаю. — Давид, зачерпнув в вогнутую крышку порцию песка, окунул ее в воду и начал совершать поступательно-вращательные движения, отчего содержимое постепенно смывалось с краев. — Видишь? Так золото промывают, отделяя от рыхлой породы. Оно тяжелое, проседает на дно, вместе с другими плотными минералами. Вот если бросить сюда картечину свинцовую, что получится?

— Если так трясти будешь, на дне крышки окажется, быстро пройдя через песок.

- Вот! Все правильно понимаешь! В водной среде при

перемешивании рыхлого грунта тяжелые частицы всегда внизу оказываются. Если нам нужны только они, все, что сверху, надо убирать. Это я сейчас и делаю. Удобнее, когда работаешь специальным лотком, которым проводят опробование, доводку шлихов на приисках, а раньше даже золото добывали из песков на богатых участках. Но лотка нет, вот и горбачусь с крышкой.

— Давид, я не совсем понял, но какое отношение твое занятие имеет к сурьме и ртути?

— Ну, тут тоже все просто. Река длинная, притоков у нее много, песок этот с большой площади выносит, размывая самые разные породы. В том числе и те, где содержатся рудные минералы. Из-за своей тяжести они как раз и оказываются сейчас в этой миске.

— То есть если где-то река размывает месторождения сурьмы и ртути, то проблема решена?

— Необязательно месторождение. Сойдет даже бедное проявление, никому не нужное из-за мизерных запасов. Или древние осадочные породы, в которые превратился песок, принесенный с месторождения. В любом случае в этом шлихе содержание разных металлов гораздо выше, чем в простом песке. Понимаешь?

— Да. Понимаю. И еще я понимаю, что ты гораздо больше знаешь, чем говоришь. Похоже, пытаешься упростить все, чтобы я понимал.

Давид усмехнулся:

— Ну ведь надо соответствовать. Я же с гор спустился, оставив там ишака и восемь баранов ради того, чтобы мандаринами на базаре торговать.

— А они разве растут в Армении?

— Да какая разница? Главное, что многие в этом уверены. А я вообще в Армении не был никогда. Мама у меня еврейка, а отец армянин наполовину. У евреев родство положено считать по женской линии. Так кто я: армянин или еврей? Сам не знаю. Но мандарины — это ведь святое, не так ли?

— Ну... то, чем ты занимался на моих глазах, при первой встрече тоже можно к ним отнести. Говорят, собирался цех водочный под землей открывать? С размахом, солидно, чтобы спутники ЦРУ не могли шпионить за процессом производства. А то ведь, не ровен час, украдут технологические секреты.

— Не смешно. Водка давно уже не так актуальна, чтобы на такие сложности ради нее идти. Подвал тот приватизирован был, и не только он, а на площадь эту другие планы у серьезных людей появились. Надо было

очень быстро собрать все и потом доставить оптом. Только именно все собрать, без исключений, а этот «самоделкин» уперся рогом.

— Понятно. И ты это... Не строй из себя джигита с заснеженной горы, если, как выяснилось, еврейских кровей оказался.

— Говори уж прямо — жидом. Может, еще спросишь, не являюсь ли я заодно масоном?

— Конечно, спрошу.

— Вынужден признаться — я действительно законспирированный масон, невероятно опасный из-за сочетания еврейской и армянской крови. Вон, даже в светлое будущее пробрался и непосредственно в этот самый момент планирую очередной жидомасонский заговор. Пойдешь в соучастники?

— Легко.

— Скрепим договор кровью?

— Перебьешься. Так сколько надо этого черного песка, чтобы хватило на один патрон?

— Влад, я не знаю. Тут анализ нужен, химический, а как его провести? Лабораторий ведь нет. Только опытным путем. И вообще, хорошо бы в те горы податься. Там реки другие совсем, и шлих намывать проще — в этом песке его совсем мало. Это я точно помню.

— А остальное неточно?

— Что ты от меня хочешь? Я три курса проучился. Не начнись в стране бардак, закончил бы, а потом — аспирантура. Мне ученое будущее пророчили, говорили, что толк будет. А в итоге «мандарины»... Плохое тогда время настало...

— Мальчики! — донеслось с другой стороны островка. — Кушать!

— Вот курицы! — возмутился Давид. — Двести раз им говорил — не орать!

— Пошли. Быстро набиваем брюхо и сваливаем. Не нравится мне этот островок. Все время кажется, что с берега смотрит кто-то, а спрятаться здесь невозможно.

— Аналогично.

— Отплывем и место на берегу выберем, где почва не очень сухая, но и не болото. Надо попробовать червей накопать, а то здесь их нет.

— Рыбачить хочешь попробовать?

— Ага. Запасов у нас не так много.

Плавание по реке никогда не надоедает. С одной стороны, всегда все одно и то же: коряги и поваленные в воду сухие деревья, обрывы или плоские берега, лиственный лес по обеим сторонам. Но с другой — каждое новое место не похоже на предыдущие. Всегда находятся отличия. Обрыв, как прежде? Но здесь он выше, и еще ласточки устроили в нем сотни норок-гнезд. Поваленное высохшее дерево? Зато следующее почему-то стоит вертикально, будто выросло из дна, к тому же на самой стремнине — вон как вода бурлит за препятствием. А по левую руку плоский длинный луг, заросший изумрудной травой, а вон там голая песчаная коса, за которой поднимается четверка вековых дубов.

Постоянно случаются мелкие события, не дающие заскучать. Вот прямо по курсу через реку плывет здоровенный уж, а чуть дальше, забравшись на торчащую из воды корягу, за змеей плотоядно наблюдает какой-то темненький зверек с пушистым хвостом. По косе бродит медведь, с блаженным видом пожирая острые стрелки невероятно вкусной травы. Под левым бортом плеснулась огромная рыба, обдав лодку брызгами, а за кормой спикировала скопа, выхватив зазевавшуюся красноперку.

Сидишь себе на жесткой скамейке, ритмично двигаешь веслами и поглядываешь по сторонам — скуке места нет. По прикидкам Влада, меньше пяти километров в час делать они никак не могли. Даже с учетом ночлега цифра дневного перехода выходила фантастическая — в районе восьмидесяти километров. Нет — это как бы не так уж много, но попробуй столько пройти, когда в отряде из четырех человек две барышни в модных сапожках. А здесь единственное неудобство — солнце. Печет, не жалея. На многих участках от него можно укрыться под высоким обрывом или в тени свешивающихся к воде деревьев, но приближаться к берегу страшно. На реке лодка хорошо заметна, и кто знает, не попалась ли она на глаза «кожаным» или кому похуже?

Минус такого способа продвижения еще и в том, что, если на берегу имеются поселения, но возле воды никаких строений не поставлено, можно пройти мимо, ничего не заподозрив. При условии, конечно, что жители будут вести себя тихо, не разжигать дымного огня и не высовываться из зарослей. Но Влад считал такой вариант маловероятным. То место, где остались семеро «кожаных», не пряталось. Избы и забор прекрасно просматривались, не говоря уже о причале и лестнице к нему. По аналогии можно предположить, что и остальные здешние обитатели должны вести себя так же беспечно.

Возможно, им просто некого опасаться. Хотя тот забор, больше похожий на частокол, и наблюдатель на помосте предполагают иное.

Похоже, кто-то «кожаным» досаждают настолько, что им приходится серьезно, по местным меркам, заботиться о безопасности.

* * *

Лодка шла сама — веслами лишь чуток помогали, сильно не утруждаясь, обычно лишь удерживали носом по курсу. И когда Влад резко приналег, круто отворачивая от правого берега, Давид удивился:

— Ты чего? Хорошо ведь идем.

— Лестница.

— Что?

— Лестница впереди, по правому берегу. С обрыва к воде спускается. Наверное, и причал там.

— Хорошее у тебя зрение, а вот у меня дрянь. Читать любил по малолетству и совсем испортил.

— Лучше бы ты мандаринами занимался...

— Ага. И баранами. Хорошие глаза сейчас бы не помешали.

— Очки надо носить.

— Да как-то стеснялся — не идет мне, а линзы страшная штука. Стороной пройдем?

— Нет. Заглянем.

— Зачем?! — вскинулась Лиля.

— Затем, что нас с берега видно прекрасно. Сейчас еще есть шанс, что не заметили, а вот пока будем мимо проходить, не отвертимся. Если там толпа, попремся напролом. А если один-два, то прикончим, и они уже никому ничего не расскажут.

— Так если и расскажут, то что? Мы ведь никого не видели за весь день, ни одной деревни.

— На реке заливов много, в которые мы не заглядывали, и русло часто раздваивается, не говоря уже о притоках широких, где лодки могут проходить. Может, мы мимо сотни поселений прошли и не заметили ни одного. Соберут погоню по воде и берегу, потом хлебнем лиха.

— Но если здесь их полно, то погоню так и так могут послать, — продолжала волноваться Лиля.

— Могут. Если мы, как настоящие идиоты, попремся средь бела дня. А если дождемся темноты и тихо, не шевеля веслами, прошмыгнем, вряд ли заметят. Давай, Давид, под берег, к тому дереву склонившемуся. Под ним, похоже, причалить можно, и заметить там лодку будет очень трудно.

На разведку Влад пошел один. Толку от близорукого, имеющего проблемы с лишним весом Давида в таком деле будет мало, а вот вреда — наоборот. Да и девочек оставлять без мужского присмотра нельзя — не из тех они, кто без глупостей способен просидеть в ожидании неизвестно сколько времени.

Берег здесь, как везде, зарос кустарником и деревьями, обычно наклоненными к воде. Имелась и тропа, но кто ее вытаптывал — ноги, лапы или копыта, понять было трудно, особенно с почти нулевыми навыками чтения следов. Влад даже не пытался, прекрасно помня, что обувь у «кожаных» без каблуков и твердых подошв, оттиски которых можно легко заметить на любой почве. Он просто медленно продвигался вперед, часто останавливаясь, подолгу вглядываясь вдаль, пытаясь разглядеть через переплетение ветвей подозрительное шевеление. Ведь если лодку засекли, то, скорее всего, должны кого-нибудь послать проверить, куда она пропала.

На тропе было спокойно — ни зверь, ни человек не спешили навстречу, хотя быть в этом полностью уверенным нельзя: видимость не превышала полсотни метров, а дальше ветви сливаются в сплошную массу, лишь местами нарушенную «окнами», через которые Влад и надеялся приметить угрожающее движение. Если вдруг враги пойдут по чаще, плюнув на удобство передвижения, то там бесшумно ни за что не пробраться — дебри те еще. Он их обязательно услышит, тем более денек почти безветренный, кроны едва шевелятся и делают это почти беззвучно.

Из-за всех предосторожностей ушло не меньше часа, прежде чем Влад наконец различил среди ветвей что-то темное, вряд ли относящееся к лесу. Утроив бдительность, простоял минут пять, но ни одного подозрительного звука не донеслось. Держа ружье на изготовку, прошел еще чуть и, увидев наконец, что именно здесь стоит, испытал приступ дежавю. Даже на миг решил, что каким-то образом вернулся на много километров вверх по течению или вообще свихнулся на почве перенесенных приключений.

Те же матерые тополя со светлой корой и раскидистыми пышными кронами, дающими лучшую в этих лесах тень, после, разумеется, дубовой. Ни кустов вокруг, ни деревьев мелких — только эти великаны живописной группкой расположились. Один из них украшает середину двора маленького поселения: пара избушек по углам квадрата жердевого частокола. Снаружи подступы защищают два ряда наклоненных кольев,

среди ветвей виднеется наблюдательная площадка. Ворота одни, но есть еще узкая калитка на обращенной к береговому обрыву стороне.

— Я это уже видел вчера... — не сдержавшись, тихо пробормотал Влад.

Но имелись и отличия от встреченного в первый раз. Если вчерашнее поселение жило своей жутковатой, но активной жизнью, то это было мертво. Ворота выбиты, створки на земле валяются, калитка и вовсе исчезла, во дворе следы пожара: угол правой избы не просто закопчен — обуглен, а под второй навалена куча почерневших дров. Такое впечатление, что огонь занялся и почему-то потух. Хотя причины могут быть простыми — допустим, хлынул ливень как из ведра, а дерево и перед этим было не пересохшее.

Постояв немного, Влад не заметил ничего подозрительного. Уши тоже ни о чем не предупреждали. Ни движения, ни шума — обычная лесная жизнь, без человеческого присутствия. Даже голос в голове, и тот помалкивал.

Решившись, вышел на открытое место, быстро пересек поляну, остановился у ворот, осматривая створки. Их не просто выбили — кто-то изрубил петли. Похоже, очень сильно хотел попасть во двор и не стал дожидаться, когда хозяева откроют. Шагнув за изгородь, Влад увидел сразу два скелета. Один в кожаных штанах, второй без следов одежды. Тоже похоже на уже встреченное.

Обойдя крошечное поселение, Влад нашел еще семь скелетов. Все или ограблены догола, или оставлено немного. Кожаное тряпье стервятникам ни к чему, значит, поработал человек. На это же указывали характерные травмы пары черепов — когти и клыки такие пробоины вряд ли нанесут, а вот топор запросто. Неровное отверстие в лопатке одного костяка тоже указывало на применение металлического оружия — копье или дротик поработали.

Сваи причала подрублены, и он сверзился на воду, застряв среди торчащих со дна обрубков. Лодки не было. В избах кавардак: перевернутые корзины, разодранные мешки из той же грубой ткани.

Убедившись, что ни ценностями, ни неприятностями здесь не разживешься, Влад вернулся к товарищам.

— Почему так долго?! — встретила его Лиля.

— Ну как? — следом спросил Давид.

Проигнорировав вопрос женщины, Влад коротко описал увиденное:

— Это такое же поселение — точная копия. На него напали, поубивали всех «кожаных», забрали все, что смогли унести, остальное изломали.

Причал снесли, пытались сжечь избы, но почему-то пожар потух, толком не начавшись. Возможно, ливень помешал. Судя по состоянию скелетов, было это с год назад. Может, чуть меньше или больше.

— Вот, значит, как... Похоже, кто-то с этими ребятами воюет...

— Или они сами с собой, — пессимистично предположила Лиля.

— Может, и так, — не смог возразить Давид. — Но все равно признак хороший. Вот бы взглянуть на ребят, которые их режут, но где же таких найти...

— Будем искать, — упрямо произнес Влад, отталкивая лодку от берега.

* * *

Заночевали на похожем островке. Высаживаться на берег слишком рискованно, выбирать сушу побольше тоже опасно. Там обычно и кусты гуще, и деревья есть, а вся площадь одним часовым не просматривается, и скрытно подошедшая лодка может безнаказанно высадить десант головорезов. Хорошо бы и от костров отказаться, но почти всех мучили периодические проблемы с желудком из-за непривычной пищи и резко изменившегося образа жизни. Переходить при таких обстоятельствах на сыроедение чревато скверными последствиями. Докторов здесь нет — лучше даже по мелочам не болеть.

Но если кто-то и заметил огонь на реке, проверять не решился — ночь прошла спокойно, и утро тоже. А вот днем приключения решили, что нечаянные путешественники во времени хорошо отдохнули, и пора приниматься за старое.

ГЛАВА 14

Очередную лестницу на обрыве первым заметил Влад, как было и вчера. К сожалению, произошло это слишком поздно. Река здесь была стиснута обрывами с двух сторон, сильно сузилась, ускорила свой бег, а поселение, как назло, стояло за поворотом, так что увидеть его удалось лишь в самый последний момент, с расстояния не более сотни метров.

— Блин! Давид, не шлепай веслами! — громко зашептал Влад. — Поселок, отступить поздно. Может, не заметят, если тихо пройдем.

Надежда на это и впрямь была — вдруг дозорный в этот момент таращится на лес, а остальным не до разглядывания красот реки. Хотя один взгляд в эту сторону — и все.

Не повезло. Когда поравнялись с поселком, узкая калитка распахнулась и по лестнице бодро спустился «кожаный». Присев на краю причала, он зачерпнул деревянным ведром воды, выпрямился, направился было назад, но тут наконец понял — что-то не так. Развернулся, удивленно уставился на лодку, громко заорал:

— Беееесты!

Не переставая повторять непонятное слово, он, бросив ведро, шустро добрался до калитки, скрылся за изгородью.

— А вот теперь за весла! — крикнул Влад, начав грести.

В воздухе что-то прошелестело, в воду под правым бортом с тихим плеском вошла стрела. Со стороны поселка уже другим голосом прокричали:

— Не кидайте единоверца! Братья по вере! Выручайте!

— Ходу-ходу! — взмолился Давид. — Ты чего замер?! Стреляют же!

— Там, похоже, пленные у них. Минимум один. По-нашему кричит, хоть и странно как-то.

— Спасать удумал?

— Давид, если он из нормальных, то покажет дорогу. Нам очень нужен проводник.

— У тебя четырнадцать патронов, к пистолету еще шестнадцать, а их неизвестно сколько. Вот гад! Опять стрельнул!

— Далеко для лука, пугает только. Давид, гребите потихоньку. Еле-еле.

— Что ты задумал?

— У причала лодка стояла. Если погонятся, попробуем заманить к левому берегу и там перебьем.

- У них луки, а те бьют примерно так же, как ружье и пистолет.
 - Прикроемся. Зря, что ли, до сих пор калитку таскаем.
- Давид нервно усмехнулся:
- А ведь пригодилась. Предусмотрительный ты.

* * *

Видимо, четверка путников, двое из которых женщины, не представлялась грозной силой, связываться с которой противопоказано. От поселка толком удалиться не успели, как показалась погоня — похожая лодка, вот только с более многочисленным экипажем. Влад, чуть ли каждую секунду оглядываясь, в конце концов выдал вердикт:

— Их семеро.

— Как работать будем? — деловито спросил Давид, хотя было заметно, что сильно нервничает.

— У меня осталось четырнадцать патронов. Из них восемь с картечью, пять с крупной дробью и один пулевой.

— А зачем ты с собой такое разнообразие носил? — удивился Давид. — Если человека валить, то картечь, как по мне, надежнее всего и проще.

— Да когда ружье брал, для интереса немного разных купил и отстреливал, тренируясь. Не на войну ведь собирался, а одного прикончить — там много не нужно. Ну а как пошел на дело, забрал все, что оставались. Как думаешь — может, дробью попробовать?

Давид покосился назад — вражеская лодка быстро догоняла. Покачал головой:

— Ты их куртки видел? Кожа чуть ли не в сантиметр толщиной, еще и бляшки разные пришиты. Дробь, даже крупная, если и пробьет, сильно ослабнет, а там ребятки такие, что царапиной не испугаешь. Картечь, хоть по сути та же дробь, лучше за счет размера, особенно если не вблизи, а чуть подальше накрыть, чтобы разлетелась хорошо.

— Да я сам тоже так думаю. Тем более они кучно сидят. Патронов жалко — если новые не сделаем, пара таких стычек, и без них останемся.

— Сделаем, Владик. Обязательно сделаем. Не пора ли калитку закрывать? У них на носу лучник сидит и суется как-то нездорово.

Влад оставил весла в покое, перебрался на корму:

— Девочки, пригнитесь. Возможно, скоро в нас начнут стрелять.

— Грести надо быстрее! — взвилась Лиля. — У них лодка тяжелее

нашей, не догонят.

— Догонят... Эти обязательно догонят. Они могут каждые пять минут гребцов на свежих менять, а мы нет. Пригибайтесь.

После первой стычки, помимо прочего, трофеями стала калитка из двойного слоя крепко перевязанных жердин и пара курток. Влад дал задание женщинам их порезать и обшить деревяшку с двух сторон кусками кожи. В результате получился тяжелый грубый щит. Таскать с собой такой в бою руки отвалятся, а вот в лодке он не мешает. Поставь на корму, и отличная защита получится. Местные луки с виду несерьезные — вряд ли пробьют даже в упор.

Возле бортов начали падать стрелы — лодки опасно сблизились.

— Давид! Греби быстрее! Лучник у них один, надо, чтобы хоть немного выдохся перед дракой. А то пуляет, будто из пулемета.

— Да он раньше без стрел останется.

— Обнаружены боевые метаморфы. Количество: семь особей. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситуация: рейд, террор, погоня, последующая акция устрашения. Ситуационная рекомендация: поспешный отход, при невозможности полное уничтожение, последующий анализ вероятности вторичного использования нанитов.

В этот миг послышался хлесткий звук, щит, на который облокотился Влад, вздрогнул, чувствительно толкнул. Лучник добился попадания, но без толку. Высовываться, чтобы оценить результат выстрела, глупо, но, судя по тому, что наконечник не вылез с этой стороны, завяз где-то по пути.

Следом прилетело еще несколько стрел с таким же результатом — защита работала. Давид грести умел и ни на миг не подставлялся даже краешком, а щит тянулся по всей корме — никак мимо него в пассажиров не попасть. Лучник наконец и сам это понял — удары прекратились. Рискнув высунуться на миг, Влад увидел, что тот отложил свою деревяшку и замер на носу, сжимая в руке топорик с узким лезвием. Видимо, решил, что от рукопашной толку будет больше.

Вот только устраивать драку в узкой лодке против семерых убийц и садистов Владу не улыбалось. Чуть выждав, он высунулся еще раз и увидел, что расстояние сократилось метров до тридцати или сорока — точнее определить не мог. Пора.

Приподняв щит, положил его у борта. Надо на будущее предусмотреть в нем бойницу и крепления, чтобы стоял, не занимая руки, и стрелять можно было бы, не подставляясь. Лучник опять схватился за деревяшку, но Влад не испугался — уже не успеет. Присел на колени, прижал приклад к

плечу, никого не выбирая, просто прицелился в середину человеческой массы.

Выстрел, крики и вой — похоже, зацепило сразу двоих. Не тратя времени на изучение последствий попадания, передернул цевье, опять потянул за спусковой крючок. Новая порция воплей, кто-то в отчаянии швырнул копье, упавшее в воду с большим недолетом.

Еще выстрел, и еще. С вражеской лодки кто-то падает спиной вперед через корму, другой ныряет расчетливо, надеясь добраться до берега — не больше сотни метров надо проплыть.

Забросив ружье за спину, Влад вернулся на лавку, взялся за весла:

— Давид! Догоняем его! Не даем уйти!

— Стреляй! Недалеко он!

— Патронов мало! Забыл, что ли?!

— Ну извини!

Плавал «кожаный» плохо, что неудивительно в такой одежде — скинуть ее не догадался или не так это просто. На разворот лодки потратили много времени, потом на разгон, но все равно настигли перед мелководьем, не позволив встать на ноги. Влад, поднявшись, от души размахнулся и метнул копье. До цели оставалось метров пять-шесть — не промахнулся. Попало чуть ниже правой лопатки и вошло хорошо — на всю длину наконечника. Пловец без крика погрузился в воду, суетливо барахтаясь пошел ко дну, в последнем усилии все же сумел рвануть к поверхности, ухватился за борт подошедшей лодки. Давид, сняв весло с уключины, несильно стукнул его по пальцам, и он, отцепившись, исчез в глубине окончательно.

— Все. Теперь к лодке. Там вроде еще кто-то шевелится.

И правда, не все успокоились. Кто-то стонал, изредка вскрикивая среди тел, один, с нездорово бледным лицом, уселся на лавку переднего гребца, пытался одной рукой ворочать весла по очереди, но получалось плохо. Увидев, что за ним возвращаются, поднялся, взял копье на изготовку для броска, принялся поджидать подхода цели. Влад не стал рисковать, взял у Давида пистолет и метров с двадцати выпустил «кожаному» пулю в живот.

Больше сопротивления не встретили. Осторожно подплыв, взяли за копья, перекололи всех, кто подавал признаки жизни — в шоке, потерявшие много крови, они даже кричать громко уже не могли. Странно, что вообще не успокоились — в каждом по несколько попаданий.

Давид, впервые проливший кровь, побледнел, как бумага, а на Влада, наоборот, напала бесшабашность:

— Ну что? Как тебе? Отомстил им за прошлое? Хороша картечь, да? Вот найти бы копир побольше, сделать еще один дробовик, отпилить ствол, оставив минимум, тогда разлет будет такой, что одним выстрелом пятерым может достаться. Ведь четыре патрона потратил на семерых.

— На шестерых, — поправил Давид. — Один прыгнул в воду сам.

— Может, и его зацепило, но не сильно. Ствол у ружья короткий, зато на близких дистанциях это плюс.

— Может, и так, — не стал тот спорить и неожиданно, свесившись за борт, содрогнулся в рвотных спазмах.

— Тошнит? — усмехнулся Влад. — Это бывает. Кормежка у нас плохая. Эй, девочки! Приготовьте на ужин что-нибудь повкуснее! И можете нормально садиться — мы победили.

Выпрямившись, Лиля зло уставилась в глаза и прошипела:

— Доволен?! Опять убил и радуешься?!

— Еще как. Эти жмуры нас теперь точно не завалят. Давид, хватай их лодку на буксир. Вытащим к берегу, ценное прихватим.

— Да уходите уже отсюда, что там ценного может быть! — взбеленилась Лиля. — Мало вам рухляди?!

— Оружие заберем, веревка у них на носу хорошая. Супермаркетов здесь пока не встречалось, так что не брезгуйте даже малым. Нам в хозяйстве все пригодится.

Лодку вытолкали на мель, но высаживаться не стали.

— Потом осмотрим, — заявил Влад. — Теперь назад поднимаемся, к поселку.

— Зачем?! — уже чуть ли не рычала Лиля.

— Забыла, для чего мы вообще это затеяли? Пленники у них там, освободить надо.

— Совсем дурак?! Там может еще сотня таких быть!

— А представь, что это тебя там к столбу привязали, а кто-то мимо проплыл, не выручив! Ты кричала, орала, умоляла, а тебе раз — и кишки выпустили, да еще и посмеивались при этом! Так надо поступать?! Да?!

Сравнение Лилю проняло. Она наконец-то затихла и даже спала с лица. Владу не было дела до ее душевных переживаний — готовился к новому бою. Перезарядил дробовик, с горечью убедившись, что патроны сами собой не клонировались и с картечью осталось всего четыре штуки.

Влад не верил, что на берегу осталась сотня врагов. Его скромный опыт общения с «кожаными» включал в себя нападение на одно такое поселение и исследование заброшенного второго. Что в первом, что во втором хозяев было меньше десятка. Почему бы не предположить, что

здесь все аналогично? В погоню, получается, ушла большая часть, а на берегу осталось двое, ну пусть даже трое. Не так уж и страшно, особенно если у них не окажется луков, а это оружие, как он успел заметить, здесь широко не распространено: в лодке был всего один стрелок, в первом бою тоже.

Но, как ни крути, лезть в рукопашную страшновато. От раны на запястье лишь рубец розовый остался, возможно, и серьезную дыру его тело может одолеть, а вот спутники вообще не защищены. И если потерю женщин еще можно пережить, то Давид, как все больше убеждался Влад, не так одноклеточен, как показалось вначале. Это очень полезный спутник с багажом полезных навыков и знаний. Где он потом второго такого найдет? Ценные кадры надо беречь.

Лучше остаться без патронов, чем без такого человека.

И вообще, пора привыкать к холодному оружию. «Кожаные» не обременены выдающимися физическими данными — если на кулаках, можно смело против троих выходить с одной рукой. Надо бы руку эту не пустой держать — учиться новому. Пока что особых фехтовальных изысков враги не демонстрировали, копья тоже бросали не рекордно, а лук в деле не так страшен, как казалось. Но кто знает — может, имеются у них виртуозы этого дела, и было бы неприятно на таких нарваться, расстреляв перед этим боезапас.

ГЛАВА 15

За размышлениями время прошло молниеносно. Вот и причал показался. Никто не стоит там, не встречается, помахивая синим платочком, калитка по-прежнему распахнута, тишина и спокойствие. Впрочем, не совсем — опять заорали, уже устало и почти равнодушно:

— Чтоб вас без причастия закопали под стенкой нужника! Чтоб ваша жена была одноглазой беззубой уродиной, прелюбодейкой и каргой! Чтоб у вас одни дочери рождались, и все стали блудницами бесстыдными, а сын пусть будет лишь один, и тот евнух! Чтоб вы умерли самой поганой смертью! Чтоб вас, подохших, чумные кони перетоптали! Господи всемогущий, сделай так, чтобы...

Поток проклятий был по-своему интересен, немало говоря о личности хулителя и системе его жизненных приоритетов. Слова вроде русские, но звучат как-то не так. Ударения другие, паузы не к месту, некоторые слоги проглатываются или вовсе выпадают, но это не мешает понимать смысл. Хотя, если уж совсем откровенно, иногда его приходится угадывать.

Решив, что если пленник ругается столь бойко, то и общаться сможет, Влад решил с его помощью вывести обстановку:

— Эй! Ты на кого там орешь?!

— На вас! — осторожно ответили после паузы.

— И за что нам такая честь?!

— Так ведь, наверное, именно вы мимо проплыли, не выручив единоверца из плена страшного. Других здесь не видал и не слышал.

— Стоило из-за такой мелочи шум поднимать.

— Конечно, стоило! Меня запы к столбу привязали, и уже собирались брюхо вспарывать, но зачем-то все убежали.

— Сколько осталось?

— Да нисколько. Один я. Совсем один.

— А наблюдатель на вышке?

— Какой такой наблюдатель и что за вышка?

— Настил, что на дереве. Там есть кто?

— Был зап с луком, но со всеми подался. А чего это ты так чудно говоришь?

— Приезжий я. Издалека. У нас там все так говорят.

— Эй. Единоверцы. Вы это... Может, развяжете. А то эти отродья Техно ремней не пожалели, да еще и мокрых. Да будет их ад холоднее

самой лютой северной зимы!

Влад, не теряя бдительности, предупредил:

— Давид, подходим, я высаживаюсь, а ты сиди с пистолетом наготове. Сверху по всему обрыву изгородь идет, даже в широкую щель стрелять под таким углом из лука по тебе будет сложно. Я поднимусь, гляну, что там и как.

— А если в тебя прилетит? Вдруг там засада?

— Картечью угощу, и назад, а ты прикроешь, пока буду спускаться. Калитка узкая, только по одному смогут высовываться.

— Только не рискуй.

— Ты же знаешь — не рискую. Я в таких делах никогда не спешу.

— Может, дальше отплыть и берегом двинуться, как в прошлый раз?

— Нет. Если кто есть, все поймет и подстережет в кустах. Там заросли такие, что в трех шагах не заметишь, а вот поселки на полянах. Наверное, специально подступы расчищают, чтобы незаметно никто не подкрался.

Причал заскрипел и зашатался под весом Влада. Ну что поделаешь — не пушинка он. Лестница тоже бесшумностью не отличалась. Если кто наверху караулит, то все прекрасно слышит.

Пленник, если это действительно пленник, а не приманка, тоже услышал:

— Эй! Это вы?! Давайте быстрее, уже все затекло!

— А я вот никуда не тороплюсь, — буркнул Влад и, добравшись до верха, заглянул во двор.

Все, как в предыдущие разы. Такое же расположение построек, тополь примерно посередине, рядом с ним столб отполированный, на нем огненно-рыжий крикун лет двадцати пяти с хитрой физиономией отпетого пройдохи, а рядом, на земле, выпотрошенное тело предыдущей жертвы. Настил с этой точки просматривался плохо, но как Влад ни вглядывался, засечь наблюдателя не смог.

Дальше осторожничать смысла не было — если и есть засада, прятаться они могут только в избах, а оттуда толпой резко не вывалиться. Не опуская дробовик, шагнул во двор, быстро пересек, заглянул в первый дом. Пусто, если не считать лежанок, мешков и корзин. Во втором все оказалось аналогично.

— Обнаружена радиочастотная метка, — неожиданно раздалось в голове. — Производится идентификация. Идентифицирован малый копир гражданского назначения. Принадлежность: Восточная Ось. Предположительный статус: работоспособен.

Голос был какой-то странный. Сексуальная хрипотца из него ушла, и

походил он теперь на говор выдавшей виды базарной бабы. В чем причина «сбоя звуковых настроек», Влад не знал, он вообще мало что понимал в процессах, протекавших в его голове после посещения красной комнаты. И предпочитал об этом лишний раз не задумываться во избежание вывиха мозга в отчаянном усилии узнать все по результатам анализа пары крох информации. Вот и сейчас отмахнулся, обрадовавшись новости. Похоже, в этом клоповнике имеется второй копир. Если он в рабочем состоянии, обязательно надо прихватить. Влад уже знал, что заряжаются батареи медленно, поэтому, имея пару устройств, по сути, ускоряешь процесс в два раза.

А если в каждом таком поселке есть подобное оборудование, это вообще золотая жила.

— Ты чего там встал? — не унимался пленник. — Говорил же — нет здесь никого. Но если так и будешь столбом стоять, то дождешься, что придут.

— Кто? — машинально спросил Влад, думая о своем.

— Экий ты упок. Да запы, кто же еще. Ну, так развяжешь единовеца? А?

— И с чего ты взял, что я тебе единовец?

— Уважаемый миш, если ты думаешь, что я не чту истинного бога, то это вовсе не так. Чту всей душой и, как только спадут путы, тут же это тебе докажу.

— Миш?

— Прости за упока, но ты ведь и вправду миш. Такими черными только они ходят, ну и некоторые из братьев луддитов. Но на тех ты совсем не похож — не бородатый, и вообще какой-то не такой.

Решив, что пленник достаточно безобиден и к тому же пора налаживать с ним нормальный контакт, Влад вытащил нож, перерезал ремни. Освобожденный упал на колени, но не потому, что ноги не держали. Сложив молитвенно руки, затараторил неразборчивой скороговоркой что-то про бога, благодарность, тяжкий груз грехов, причастие, исповедь и прочее в таком духе.

Послушав этот религиозный поток сознания, Влад решил вмешаться:

— Ладно — верю. Действительно чтишь.

Мгновенно перестав засорять уши, рыжий раскрыл глаза, вскочил, клятвенно заверил:

— Потом домолюсь, когда уберемся из этого проклятого места. Ты ведь меня с собой возьмешь?

— А кто ты такой, чтобы я тебя брал с собой?

— Человек я, трудолюбивый и богобоязненный. Звать меня Диадох, сын Ревоката.

— И как же тебя, такого трудолюбивого и богобоязненного, занесло в проклятое место?

Рыжий чуть спал с лица и, забежав глазами, выдал:

— Это долгая и очень запутанная история, а запы могут появиться в любой момент. Может, если ты возьмешь меня с собой, я расскажу ее чуть позже?

— Отсрочку выбиваешь, чтобы сочинить правдоподобное вранье?

— Как мог подумать про меня такое! Видано ли дело, почти святому человеку врать! То есть мишу. Вы ведь живете почти в святости, да?

Влад не стал отвечать на скользкий вопрос:

— Если идешь с нами, то давай выгребай из домов еду и все полезное. А если найдешь ящик пластиковый, тащи мне.

— Какой ящик?

— Спустишься к лодке, тебе покажут какой.

* * *

Диадох от работы и впрямь не отлынивал, к тому же оказался очень коммуникабельным — не успел пару мешков стащить вниз, как со всеми уже перезнакомился. Даже Влада по имени называл, хотя тот не представлялся.

Странно, но Диадох ни у кого не вызывал настороженности или неприязни. Видимо, не ассоциировался с прежними аборигенами. Одет он был не в грубую кожу: безрукавка и штаны из шерсти, а еще притащил конфискованное у него при пленении одеяло с дыркой для головы — пончо. На ногах что-то вроде мокасин, но красиво сделанные, даже с узором каким-то.

Таская трофеи, он трещал, не умолкая, на одну и ту же тему: как он несказанно рад, что бог его спас в шаге от страшной гибели от лап нечистых, и как благодарит спасителей, хотя роль их невелика, ибо ими управлял сам Всевышний. Несмотря на столь выпячиваемую религиозность, Влад очень сильно подозревал, что искренности в ней так же много, как невинности у проститутки, вышедшей на пенсию. Должно быть, эти самые миши, за одного из которых Диадох принял спасителя, здесь вроде отшельников или чтимых старцев, и при них иначе себя вести противопоказано. Тем более рыжий наверняка опасается, что его могут

кинуть с обещанным билетом на лодку, оставив на берегу, вот и лезет из кожи.

Набор трофеев был стандартен — похоже, все эти поселения с помощью одного трафарета строились и снабжались. И еще очевидно, что к их обитателям Диадох не имеет отношения: другая одежда, по глазам видно, что не безумный головорез, и оружие интересное прихватил из одной избы: кривой лук, склеенный из древесины и рога. На вопрос Влада, умеет ли он им пользоваться, удивленно захлопал глазами и сообщил, что, наверное, умеет, поскольку это его оружие и пользоваться им он учился с пяти лет, начиная, конечно, с простенького игрушечного.

Влада информация порадовала. Кто знает, возможно, этот рыжий поможет экономить патроны. Его лук с виду на пару порядков совершеннее тех простеньких деревяшек, что состоят на вооружении у «кожаных», или, как теперь выяснилось, — запов. Если бьет дальше и метче, то проблем на воде вообще не будет — пока не закончатся стрелы, ни одна лодка не приблизится. А стрелы — не патроны, их делать гораздо проще. К тому же имеются трофейные.

Когда доплыли до оставленной лодки, Диадох, оценив количество тел и качество их упокоения, посмотрел на Влада очень странно и спросил:

— Чем это вы их так? Я слышал гром странный от реки.

— Считай, что их сам бог покарал моими руками. Разве не знал, что громом именно он повелевает?

— Я не луддит, но ты, миш, потише такое говори. Люди слабы, в массе своей мелочны и завистливы, могут плохое подумать, а там и сказать, да не тебе в лицо, а кому-нибудь другому. Тот дальше передаст, уже от себя приврав чуток, причем не одному, а троим сразу. И как дойдет до братьев, поведают им, что ты в постный день живьем младенца в святой воде сварил, после чего съел, изрыгая богохульные проклятья, стоя голым задом в сторону распятия.

— Этот милый юноша советует тебе, Влад, за базаром следить, — коротко и ясно перевел Давид.

— Пусть лучше расскажет о себе, как пообещал.

— А чего тут рассказывать? Живу как все, Солнце другим не заслоняю, Бога чту, закон соблюдаю.

— Как попал к этим милым ребятам?

— Милым?! Миш, да ты с шутками совсем меры не знаешь! Во сказал! Милым! Да волчица дикая милее этих выроdkов!

— Ну хорошо. Как попал к запам?

По глазам Диадоха было понятно, что рассказывать об этом он не

хочет — очевидно, из-за каких-то скользких моментов, но и отмалчиваться некрасиво перед спасителями. Так что начал он без энтузиазма:

— Пришлось мне в прошлом году на юг податься, поближе к границе. Прибился к купеческому каравану, за корм охранником, все равно ведь по пути было. Только напали на нас гопы лесные, я едва ушел, без добра оставшись. Дальше ногами землю топтал, поизносился и потратился, потому как честный человек, и грабить земельников никак не мог. Да и разве здешних ограбишь, если у каждого не дом, а замок настоящий и пара людоедских псов, все время не кормленных? Тут ведь совсем не так, как на севере — люди злее, сильнее и жаднее. Да и опасно до сих пор по Старволге честному человеку бродить. В степи голой, что по левому берегу, народ совсем озверевший. Будешь с голоду умирать, хлеба черствого не дадут, а вот обобрать до нитки запросто могут. На правом немногим лучше, а может, и так же. Все прижиться успели, чужаков не привечают, а те прут и прут, все манят их рассказы о богатствах несметных. Было богатство когда-то, да поделено давно, а таким, как я, доля не положена. Помыкался я и, прости, Господи, подрядился в лихую ватагу, что ходила в места плохие еще дальше на юг, к развалинам древним. Не подумайте, люди добрые, что совсем в грех впал. К блудливым вещам мы не прикасались пальцем, а брали только железо честное. Оно, конечно, тоже дело не сказать чтобы богоугодное, но платят за него кузнецы не жалея — на том и поднимали Новоград поначалу. Два раза сходил простым верблюдом — таскал вьюки, спину ломая, потому как ватага небогатая, все пешими делали, без корабля своего и лошадей особых, поскольку обычному коню там делать нечего. Да и не везде животина пойдет. Справил себе одежонку новую, лук сакский, монета зазвенела в кармане, мастеровые со мной за руку не гнушались здороваться, хоть спеси в новоградцах столько, что за год дубовой палкой не выбить. Но сколь веревочка ни вейся, а за любой грех кара неминуема, даже если он невелик. Пострадал я за жадность живота своего — лучше бы с голоду пух, как богобоязненные люди. Шли мы с грузом, дело к вечеру приближалось. Железо тяжелое, пот глаза застилал. Ну и прозевали — налетели на нас запы неожиданно. Наверное, давно следили и силу собрали. С дюжину их было, а нас всего шестеро. Лук даже натянуть не успел — за нож сразу взялся. Товарищи тоже, ну и пошла у нас сеча. Да только не сдюжили — четверых наших погубили, а меня и Шпынька повязали. Привели к Подонцу-реке, чтобы погубить на столбе поганом. У Шпынька грехов больше было, вот и замучили его первым, а меня вы освободили, за что спасибо вам и Господу нашему всемогущему.

Рассказ был короткий, но информации дал прилично. Выходит,

помимо примитивных поселений запов где-то севернее располагаются цивилизованные земли с городами и сельскохозяйственными угодьями. Естественно, до тех, современниками которых были Влад и его товарищи, они вряд ли дотягивают, но уже хоть что-то, а то были мысли, что их четверка — единственные нормальные люди на планете. Общество местное далеко от идеального, но и прежнее к идеалу тоже никаким боком не относилось. Значит, вписаться в него реально. Тем более что Диадокх в принципе ничем от них не отличался, как внешне, так и внутренне. Похожие устремления, язык, хоть и странноватый, иногда требующий интуитивного понимания отдельных слов, все равно русский, внешность человеческая — не какой-нибудь мутант пятиглазый.

Влад, наскоро проанализировав полученные сведения, решил, что надо и дальше потихоньку вытягивать из Диадокха информацию, которая поможет войти в здешнее общество безболезненно. Делать это следует осторожно — он и так странно косится, прекрасно понимая, что с его спасателями не все так просто. Больше не спрашивает, кто они и как оказались в здешних местах, а это звоночек — не хочет их настораживать. Думает, что тайна у них нехорошая, а может, и не одна, и ради ее сохранения легко прикончат любопытствующего или попросту оставят на берегу опасном.

Ну и хорошо. А то ведь Влад понятия не имеет, что рассказывать о себе. Правду? Но кто знает, как местные отнесутся к людям из прошлого. Диадокх круглыми глазами поглядывал на бок о бок лежащие у кормы копии, иногда при этом крестясь. Можно сделать вывод, что эти вещи ему знакомы и чем-то пугают. Судя по религиозным жестам, пугают своей нечестивостью — наверное, прикасаться к ним не рекомендуется. Местное табу или что-то вроде этого. Возможно, это распространяется на все древние вещи — то, что это несовременные предметы, очевидно. «Кожаным» с их примитивизмом подобные технологии не снились — к концепции 3D-ксероксов только-только начали подходить во времена Влада, причем речь там шла о несравнимо более примитивных устройствах. Сомнительно и то, что где-то на Земле остались анклавов с развитой промышленностью, продолжающей выпускать подобные штуковины, чтобы потом снабжать ими дикарей, ума у которых хватает лишь на копирование наконечников для стрел. Зачем им мышьяная возня, если пары танков хватит разогнать все местные армии, вооруженные луками и копьями?

Нет — это остатки былого. Но Влад и его спутники тоже своего рода остатки, так что и на них может распространяться табу.

Оставив Диадوخа перетаскивать трофеи из лодки в лодку, Влад отвел товарищей в сторону и коротко поведал им о своих опасениях. Давид охотно их разделил, заявив, что тоже подумывал о чем-то подобном, наблюдая за туземцем. В общем, решили больше слушать и меньше говорить. Дружными усилиями тянуть из Диадوخа по крупицам информацию о здешних порядках.

* * *

К вечеру Лена стала бледно выглядеть. Кашляла так, что, казалось, вот-вот разорвутся легкие, глаза слезились, лоб горел огнем. Влад надеялся, что это обычная простуда, но, после того как причалили на островок, облюбованный для ночлега, Лиля отвела его в сторонку и поведала о своих опасениях:

— Как думаешь, что с Леной?

— Понятия не имею — я не доктор. Может, простуда.

— Я тоже не врач, но еще утром она была здоровая на вид, и вдруг такой жар и кашель. Еле на ногах держится, а завтра может слечь. Ты знаешь, сколько лет мы просидели под землей?

— Нет, откуда?

— Я тоже, но, наверное, много. За это время могли появиться микробы, против которых у нас нет иммунитета. Может, от Диадуха заразилась.

— Но он не болен.

— Да, но зато может быть носителем. Не слышал, как целые племена вымирали после контактов с белыми путешественниками?

— Что-то такое слышал.

— Это потому, что болезни белых у них были неизвестны и организм не умел с ними бороться. Мы сейчас в положении тех индейцев.

— Вот оно как... Но, может быть, всего лишь простуда?

— Влад, я и сама не знаю. Возможно, панику поднимаю напрасно, вот и не стала говорить всем.

— Ладно. Завтра посмотрим.

ГЛАВА 16

Наутро Лена поднялась с большим трудом, девушку шатало, и не поддерживай ее Лиля, непременно бы падала через каждые три шага. Диадох, оценив ее плачевное состояние, предложил непонятное:

— Биота хоть какая-нибудь есть?

Влад понятия не имел, о чем идет речь, но подозревал, что вряд ли будет правильным отвечать утвердительно, поэтому покачал головой.

— Плохо. Биота ей нужна. И лучше сильная биота. Болезнь у нее плохая. Такое часто бывает у тех, кто в древние места ходит или рядом с запами побывает. Без биоты помрет девка, потому как худая до голых мослов, а недуг последние соки быстро высосет.

— И где можно взять биоту?

— Да у любого приличного аптекаря — в Новограде их человек пять точно есть. Не богоугодное занятие — над плотью так трястись, но люди часто болеют, и не нравится это никому, вот и приходится зелья брать.

— А далеко отсюда до Новограда?

— Ну до места, где Подонец в Старволгу заходит, завтра к вечеру доберемся. Но Луна стоит хорошая, ночи ясные, можно и по темноте идти, на веслах меняясь, тогда до полудня получится дойти. Потом придется вверх подниматься, но под берегами течение несильное, мешать почти не будет. Плохо, что мужиков всего трое, но даже так дня за два точно к Новограду подойдем. Если не сгорит за это время от жара, то на ноги поднимется.

— А дорого берут за биоту в Новограде?

— Да в Новограде даже помета куриного бесплатно не найдешь — там за все по восемь шкур дерут, — вскинулся Диадох, явно задетый за больную струнку. — Что ты хотел от икряников?

Кто такие икряники, Влад понятия не имел, но сейчас не время выпрашивать. Хороший момент подойти к самому больному вопросу:

— Понимаешь, Диадох, мы очень издалека идем...

— Ну это и полный упок поймет.

— Так вот: в пути мы поиздержались немного. Если точнее — денег нет. Вообще нет. А биоту бесплатно не дадут.

Тот, почесав затылок, спросил неожиданное:

— Оружие запов вам очень нужно?

— Не сказал бы, но не бросать же?

— Не надо бросать — добро ведь. Знаю я там мастеровых, которые его заберут. Дешево, по весу, потому как дрянное, но есть там и древний металл, хоть и мало, да и за простой цену дадут, пусть и невеликую. Еще, Влад, штука у тебя висит на плече, тоже по виду ох какая древняя — мало в ней веса, но тоже возьмут. А вон те поганые вещи, что у кормы лежат, ты бы бросил в воду от греха подальше. Не ровен час увидит кто, и, будь ты хоть три раза миш — плохо тебе придется. Уж прости за прямоту, но ты тоже закон блюсти должен.

— Денег полученных за оружие хватит на биоту?

— Смотря сколько и смотря какую брать.

— Чтобы хватило вылечить девчонку.

— Да разве это девчонка? Девка спелая, в бабы пора уже.

— Так хватит?

— Да много ли такой худой надо? Как по мне — хватит, еще и останется. Должно хватить, наверное. Я не лекарь и не аптекарь — точно сказать не могу.

Влад, не раздумывая, объявил внимательно слушающим спутникам:

— Ночевать теперь будем на ходу. Привалы только короткие, ноги размять, и сразу дальше. Лена, не возражай. Не знаю, что у тебя за болячка, но чем быстрее начнем ее лечить, тем лучше.

* * *

За день заметили остатки двух поселений запов. Диадох пояснил, что сюда в первые годы основания Новограда частенько приходили городские ватаги, мстить за набеги, потому теперь нечистые ведут себя здесь осторожно. Вот выше, там, где мели и быстрые перекааты мешают проходить кораблям, они продолжают наглеть, но эти места остались далеко за спиной.

Никто не напал, признаков человека тоже не встретилось. Спокойный денек, если не считать того, что пахать пришлось, как галерным рабам. Лене лучше не становилось, а наоборот, и это стимулировало получше кнутов надсмотрщиков.

Ночью ход пришлось сбавить. Речное русло здесь никто никогда не чистил — коряг хватало, а заметить их в темноте трудно. Островки и мели тоже мешали, к тому же было непросто держаться в струе течения — не уследишь за всеми поворотами. Но все равно старались.

К устью вышли задолго до полудня, что Диадоба очень удивило — он

и сам не ожидал, что получится так быстро идти. Лодка у запов грубой конструкции, такие раньше, наверное, называли челнами — выдолбленная или выжженная колода, тяжелая и неповоротливая.

Старволга, в которую впадал Подонец, если судить по названию, имела какое-то отношение к прежней Волге. Хотя, учитывая, что рельеф заметно изменился, пускай и не везде, уверенности в этом не было. Реки ведь вниз текут, а горы на севере, по идее, должны были перекрыть русло этой главной водной артерии европейской части России.

Влад Волгу ни разу в жизни не видел, но эта река показалась ему слишком скромной, чтобы считаться великой — или совершенно другая, или скудные остатки бывшего потока. Трудно на глаз определять ширину, но до километра явно недотягивает, хотя все равно приличная. Здесь можно смело не опасаться обстрела с берега даже в уости, да и заметить лодку непросто — теряется на просторе.

И вообще — слишком быстро до нее добрались, к тому же сначала должен был Дон встретиться, а уж потом Волга. Или он вообще куда-то пропал, или радикально поменял название, или Влад основательно подзабыл географию. И там, и там в нижнем течении по обоим берегам должны тянуться степи, но здесь, скорее, лесостепь. Обширные травянистые участки ограничиваются рощицами, а иной раз приличными лесными массивами. Если возле руин в поле зрения Влада постоянно попадали табунки лошадей, отдельные антилопы и маленькие стайки, то здесь с живностью было гораздо беднее. За весь день одного оленя на водопое увидели.

Под географические размышления было легче работать. Устали все до изнеможения. Даже Влад, самый крепкий из всех, начал испытывать проблемы, проклиная неудобное тяжелое весло. Руки стерты, заду тоже надоела грубая неровная скамья, глаза болят от солнечных бликов на воде, плечи и руки гудят и почему-то ноги тоже. Хорошо бы устроить длительный привал, но нельзя — попутного течения больше нет, стоит прекратить работать, и лодка в лучшем случае остановится, а в худшем ее начнет сносить. Не тот момент, чтобы время терять — Лена выглядела хуже и хуже, почти все время спала, причем сон ее больше походил на забытье. Несмотря на жаркий день, больную колотил озноб, она ничего не ела, но постоянно пила. И это тоже плохо — вода в Старволге была мутноватая. Вверху как минимум один город имеется, и Влад почему-то не сомневался, что система канализации там с экологией не дружит. Кто знает, не подцепит ли девушка еще что-нибудь болезнетворное в придачу к тому, что уже имеется.

Вечером не выдержали, пристали к острову, наскоро приготовили реденькую уху из пойманной рыбы. Не ради себя, а чтобы бульоном поить больную. Долго задерживаться не стали — вновь сели за весла. Ночью ухитрились налететь на корягу, да еще и лодка засела. Пришлось раскачивать ее, чтобы освободиться. Корпус проявил себя хорошо — течи не дал. Неудивительно — при такой-то толщине. Так что и в тяжести его, оказывается, имеются плюсы.

На следующее утро через пару часов после рассвета увидели на правом берегу что-то вроде крепости. Трехметровый частокол окружал невысокий холм, по склонам кольцами выстроились бревенчатые дома. Даже издали можно было увидеть рогатки у стен — достаточно закрыть ими промежутки между строениями, и получится пара внутренних оборонительных линий.

— Четырнадцатый форпост, — устало бросил Диадок в ответ на вопрос Влада.

— Это город?

— Это не пойми что. Раньше сюда селились те, кого из Новограда выгоняли, потом, после всех этих секвестров и распрей церковных, народ с монастырских северных земель повалил. Сюда целая община таких влилась и все под себя подмяла. Говорят, в строгости живут, работают много. Сам посмотри — в округе нераспаханных земель не осталось. Хлебом торгуют, но не через чужаков, а свои купцы имеются. Вон, на пристани, у них два челна парусных не зря стоят.

— За сколько такой до Новограда дойдет?

— Ну уж побыстрее, чем мы.

— Договориться можно, чтобы нас отвезли?

— Форпостники жадны больно...

— Оружие возьмут?

— Да они все возьмут, даже шкуру твою собственную. Говорю же — очень жадные. Можно попробовать сговориться — им лодка, нам дорога. Но, думаю, еще что-нибудь сдерут. И нечистые вещи за борт сразу бросайте или припрячьте их хорошенько. Если увидят, то худо нам придется. А на вас еще и крестов нет, так что запахнитесь все. Ох и попаду я с вами к луддитам на тяжкий разговор!

* * *

Хозяин лодок был по местным меркам высок — примерно метр

восемьдесят, пузат и бородат до неприличия. Из жестких волосяных косм лишь глаза выглядывали, причем посматривали цепко, ничего не упуская. Диадох, ловя его бегаящий взгляд, уговаривал с нешуточным вдохновением:

— Плохой человек с мишем странствовать не будет, так что все мы люди богобоязненные и закон чтим. Ни разору, ни другого убытка от нас ждать не надо. С лодкой тоже не обманем, а челн наш хорош и в хозяйстве пригодится.

— И чем же он так хорош? — прохрипел бородач. — Горбатый, тяжелый, еще и течет в сотне мест небось.

— Что ты! Как можно! На дно взгляни — ни капли сырости и ни пятнышка гнили. Всем хороша лодка, до слез жалко отдавать.

— Да челн это заповский, корявый, как все их нечистое добро. На кой мне такое убожество сдалось?

— Господа не гневи! Какое же это убожество?! Да в него зерна сто пудов влезет, еще и место останется. Ты как на ярмарку подашься, прицепишь груженный к себе и лишний товар привезешь.

В глазах бородача промелькнул огонек заинтересованности, и он уже другим тоном уточнил:

— А откуда у вас этот челн?

— Да у запов и взят. Миш с товарищами побил их, меня из неволи вызволил. Там еще один челн остался, но не было народа и его тащить.

— Это каким надо быть упоком, чтобы добро оставить! — возмутился бородач. — Нет гребцов, так на буксир взять надо было.

— Девка у нас болезная, ей биота свежая нужна, самая сильная, какой у вас быть не может, вот и спешим в Новоград. А с челном на буксире спешки не получится — задерживать будет.

— Тогда понятно — девка все же подороже такого корыта будет, — согласился бородач. — Если такое дело, дам я вам лодку и ребят расторопных. Только спешка — дело для судна вредное, и челна за такое маловато будет.

— Да Бога не гневи! До Новограда отсюда всего ничего!

— Так-то оно так, но вверх придется идти, а трудно это по малой воде.

— Какое трудно! Да тут течения, почитай, вообще нет! И в придачу орехов разных два мешка полных, ржи мешок почти полный! Да за такое всех нас на руках до Новограда где угодно донесут, еще и бегом, хором благодаря всю дорогу!

Краем уха прислушиваясь к торгу, Влад во все глаза разглядывал первое встреченное здесь нормальное поселение. Лагеря запов к таким

можно было относить с большой натяжкой.

Пристань, к которой они причалили, была невысокой, собранной из бревен, сверху неровно подтесанных, чтобы ходить было удобнее. Далее в береговом обрыве зияла врезка, по которой вверх, к воротам в стене, поднималась деревянная лестница. У ее подножия слева стоял аккуратный сарайчик с односкатной крышей, крытой розовой черепицей. Само селение разглядеть снизу не получалось, а идти туда, бросая процесс переговоров, будет как-то странно.

Праздношатающихся людей не заметно — лишь на скамейке возле сарая сидит сухонький старичок, полируя шершавым камнем новенькое топориче. Что он, что владелец лодки одеты почти одинаково: тонкие, скорее всего, льняные рубахи и брюки, похожие на джинсы. На ногах высокие кожаные сапоги, головы прикрыты фетровыми шляпами. У бородача на поясе короткий меч, дед тоже при оружии — там же болтается кинжал. С виду люди мирные, но чувствуется, что, если дойдет до дела, зададут жару.

— Лук у тебя хороший, — продолжал владелец лодок.

— Сакский лук за провоз?! Да за такую цену меня в ад и назад пять раз свозят! Прости, Господи, за язык мой, но довел жадина безбожный!

— Да не трусись — лук твое оружие, и брать его тоже грех, пусть и невеликий. Стрелы ведь есть к нему? Дал бы с десятков, и ударим по рукам.

— Десяток стрел?! Может, сбегашь назад, к Подонцу? Я там в вонючих тушах запов парочку оставил!

Влад, подойдя к торгующимся, молча вытащил из кармана жменю трофейных наконечников, высыпал в молниеносно подставленную ладонь купца:

— Сойдет?

Бородач, придирчиво осмотрев полученное, осклабился:

— Да ведь это запов работа.

— Что-то не так?

— Хороши они у них, все такое признают. И откуда только отродья Техно берут такие ладные вещи. Ох и адские дела небось замешаны... Еще бы жменьку... — неуверенно протянул купец, сам поражаясь своей наглости.

Влад внутренне усмехнулся. По дороге, размышляя над собственной платежеспособностью, он показал наконечники Диадоху, и тот сразу заявил, что ценят их достаточно высоко за качество и невозможно точное совпадение всех размеров, позволявшее делать стандартные стрелы, что ценилось самыми искусными охотниками и воинами. Дальше все было

просто. На одном из привалов Влад отошел в кусты, прихватив копир. Загрузил топор, подобранный в подземелье — размеры приемного отделения были на два порядка больше того, через которое выдавались копии. Решив, что раз стрелы стальные, то нужен еще и углерод, накидал веток, все это сдобрил речным песком и парой горстей намытых Давидом шлихов. В камеру для образцов поместил один наконечник, затем выбрал строку «скопировать». Опять загорелась предупреждающая надпись, доложив, что не хватает целой кучи элементов. К примеру, хрома и марганца. Но на нехватку железа и углерода техника не жаловалась, и Влад выбрал пункт «скопировать некорректно».

Его ожидания оправдались — он получил новый наконечник. Возможно, сталь была хуже и ржавела, в отличие от оригинальной, но опыт можно считать удавшимся.

Наделал наконечников про запас, пока не загорелось предупреждение, что не хватает железа. Вот теперь убедился, что не зря старался — хоть это и не деньги, но высоколиквидный мелкий товар. Как раз то, что надо для расчетов. Высыпал купцу еще одну жменю, предупредил:

— Только через полчаса мы должны плыть к Новограду.

— Если поможете мешки перекидать, то еще раньше выйдем, — никак не мог уговориться купец.

Мало того, что решил заодно какой-то товар в город закинуть, так еще, поняв, что с пассажиров больше ничего не получить, размечтался привлечь их в качестве грузчиков. Но Лена в таком состоянии, что продолжать торг, затягивая время, не хотелось.

— Договорились.

Бородач, плюнув в руку, выставил ее перед собой, в ожидании уставившись на Влада. Тот, поняв, что таким нечистоплотным образом здесь скрепляют договорные отношения, плюнул на свою ладонь, хлопнул ею по купеческой.

Сделка совершена.

* * *

Уже через пару минут все закипело. Влад наконец увидел поселение изнутри, и в принципе оно ему понравилось. Дома на обычные русские избы не похожи — скорее на те, что в вестернах показывать любят. Такой же тип постройки, только низких двойных дверей не хватает, через которые спиной вперед вылетают избиваемые ковбои. Легкие жилища, не для

холодного климата. По улочкам кое-где попадался народ, одетый скромно, но чисто, никакой грубой кожи или тряпья — шерсть, льняные ткани, если кожа и попадалась, то хорошей выделки, тонкая. У женщин ноги закрыты длинными платьями или юбками, и Влад заподозрил, что его спутниц в лучшем случае примут за легкомысленных особ, а в худшем последуют репрессии. Не сказать чтобы они в мини, но, по местным меркам, все равно что в театре нагишом. То-то бородач так таращился на прогуливающуюся по пристани Лилю. Поэтому Влад, забрав со склада первый мешок, набитый чем-то легким и мягким, на ходу попросил Диадوخа посодействовать с покупкой женской одежды. Хоть какую-нибудь, на первое время только.

Рыжий не подвел: забрал из лодки топор, взял у Влада десяток наконечников, вернулся с кучей тряпья, при осмотре которого Лиля сильно кривилась, и даже Лена, ради такого случая пришедшая в себя, молчаливо не одобряла приобретение. Но Влад был бескомпромиссен, приказав быстро в это переодеваться. Иначе не гарантировал ничего хорошего, так как, по заслуживающим доверия слухам, местные жители обожают топить легкомысленно одетых женщин в глубоких местах.

А еще Диадох разжился свежим хлебом и лукошком, где было много всего: вареные яйца, творог в берестяном туюске, кусок твердого сыра, кольцо кровяной колбасы, связка крупной сочной редиски и большой пучок зеленого лука. Когда он, пробегая мимо Влада, дал заглянуть носом в этот филиал пещеры Али-Бабы, у того чуть желудок не выпрыгнул, и рот наполнился литром слюны. Провожая взглядом спину добытчика, он вдруг услышал в голове уже подзабытый голос — последние дни тот помалкивал:

— Обнаружена радиочастотная метка. Производится идентификация. Идентифицирован малый энергоблок гражданского назначения. Принадлежность: Восточная Ось. Предположительный статус: работоспособен. Остаточный ресурс: ориентировочно девять процентов.

Покрутив головой, Влад не увидел рядом ничего похожего на древние изделия. Слева и справа дома, из-за одного доносится стук молотков по металлу — наверное, кузня. И где здесь может скрываться этот загадочный энергоблок?

Вот ведь жуки хитрые... Как там Диадох говорил? «Нечистые вещи за борт сразу бросайте или спрячьте их хорошенько. Если увидят, ох как худо придется». А сами, получается, балуются тем же самым. Или кто-то на свой страх и риск пронес в поселок запрещенное.

Хорошо бы с этим «кем-то» познакомиться и узнать, что же это такое — малый энергоблок. Вдруг в хозяйстве пригодится? Но мозг подсказывал,

что на пути выполнения этого желания ищущего поджидают как минимум тумаки, а как максимум — камень на шее и речной омут. Влад уже понимал, что владение вещами из прошлого здесь очень не одобряется, и тот, кто занимается этим тайно, не пожалеет сил, чтобы свою тайну сохранить.

Интересно, а что местные блюстители законов делают с теми, у кого подобные вещи в голову встроены?

Впрочем, лучше не знать...

* * *

Церковный наместник — звучит громко, и не только звучит, должность и впрямь серьезная. За просто так на такую не поставят — заслуги нужны немалые, твердость и последовательность проявлять в служении. И еще доверие не забудь заслужить, потому как выше тебя здесь никого не сыскать. На северных землях ни один светский владыка и слова поперек такому не скажет.

Но это на севере. Здесь, на самой границе, все совершенно иначе. Юг даже звание земли не получил — так и называют «дикие территории». Раньше сюда ссылали, да и сейчас продолжают. И даже в относительно цивилизованных местах, вроде Новограда, драки за подобные должности до сих пор не случались. Времена, когда иерархи пойдут сюда добровольно, еще не настали.

Нынешний наместник угодил на этот пост, в общем-то, без вины. Протеже опального уральского архимандрита скатился по лестнице церковной иерархии только за то, что не успел вовремя высказать презрение своему благодетелю. А тот ошибся с выбором стороны в застарелом теологическом споре, который едва не привел к расколу. Победители занялись секвестрами, раздачей постов тем, кто не ошибся, и наказаниями остальных.

Этому еще повезло. Глядишь, через пару лет территория получит статус земли и наместник станет истинным владыкой малого числа прихожан. А до тех пор пусть привыкает сносить унижения.

Вот как сейчас. Вынужден подчиняться всем приказам простого охотника на скверну — брата Либерия. Тот саном невелик, но из луддитов, а они царьков всех мастей ни во что не ставят, и уж тем более таких. Знай себе выслушивай приказы и в темпе исполняй.

Вот что его могло сюда привести?!

Натянув на лицо самую любезную улыбку, наместник поприветствовал опасного гостя:

— Здравия тебе, брат Либерий. Как доехали? Хороша ли была дорога?

— Прекрасная, — буркнул луддит и, проигнорировав стул, прошел к окну, после чего уставился на площадь и спросил неожиданно: — Заставы на въезде нет. Почему?

Наместник пожал плечами:

— А зачем? В окрестностях давно уже тихо и спокойно, а не как в прежние, бандитские времена. К тому же город давно без стены, и необязательно пользоваться дорогами наезженными, чтобы в него попасть. Торговый статус у него открытый, так что пошлины не взимают за въезд. Так зачем расходовать средства на бесполезную стражу?

— Иногда она может быть полезной. Как сейчас. Я и мои братья мчались сюда, едва успевая менять лошадей. Нам был дан приказ из самой цитадели.

Наместник подобрался — это очень серьезно. Вот только за что ему такое внимание со стороны высших иерархов?

— И что же заставило их послать тебя в наш город?

— Слово митрополита. Око показало, что где-то в вашей стороне прокричала сильная тварь. Еще одно порождение Техно.

— Прости меня, Господи, за грехи великие, но за что нашему городу такое наказание?

— Да при чем здесь город? Тварь выбралась из древних руин. Я не знаю, где она сейчас, но не удивлюсь, если окажется здесь. Их притягивает человеческий север. И что я вижу? Даже стражи порядочной нет. Здесь не то что одна тварь — здесь сам Техно со свитой и всеми демонами ада пройдет, и его никто даже не заметит.

— Простите, брат Либерий, но что толку от простых стражников в таком вопросе?

— Хотя бы то, что по их телам можно будет проследить путь твари. У меня приказ: найти ее. Ты должен помогать в этом. Это твой город. Надо, чтобы люди обращали внимание на чужаков и вообще на все подозрительное. Тварь обязательно проявит себя, и ее заметят. Так вот — надо, чтобы тот, кто заметит, знал, куда можно быстро доложить.

— Понимаю.

— Понимать недостаточно — надо сделать именно так.

— Может, у нас и нет стражи серьезной, зато имеются другие способы. Ты правду сказал — это мой город. Я знаю, кому следует рассказать о твари, чтобы все, от мала до велика, начали посматривать в оба глаза. Не

сомневайся — если древнее зло появится на моей земле, оно не сумеет остаться незамеченным.

ГЛАВА 17

Купеческой лодкой управлял экипаж из восьми молчаливых низеньких и коренастых мужичков. Старший сразу заявил, что если пассажиры и впрямь так сильно торопятся, то сам Бог велел им включиться в работу команды: три пары весел сами собой шевелиться не умеют, а непрерывно на них стоять трудно. Предложение Диадеха поднять парус было отвергнуто на том основании, что ветра почти нет, да и тот не попутный. На этом разговоры закончились.

Так что пришлось Владу и остальным продолжать карьеру галерных рабов. Диадеха это сильно огорчило, и он поминутно тихо костерил прощелыг форпостных. Мало того, что нагрели на сделке вдвое, так еще и припрягли. Давид на это вздыхал, сетуя, что его тогда оставили в лодке. Евреи и армяне — не те нации, против потомка которых местные купцы смогут хотя бы пять минут выстоять в честном торге.

Да уж... Влад об этом как-то не подумал...

Лене лучше не становилось — скорее хуже, так что, хоть и устали все, на веслах выкладывались на полную. Странно, но даже рыжий старался вовсю. Или и впрямь хороший человек, или выслуживается перед новыми товарищами с какой-то непонятной целью. Хорошо бы, если не подумывает их обусть при сделке по продаже трофеев или еще на чем-нибудь. А вдруг сдаст оптом местной инквизиции, как чернокнижников, якшающихся с запретными вещами. В глаза смотрит вроде бы с честным видом, но что-то там, в глубине, подозрительное проскальзывает, мутное...

На диких берегах Подонца было как-то проще жить. Эх, не будь там запов!..

* * *

К Новограду вышли на следующий день, ближе к середине. Еще на подходе стало очевидно, что места здесь плотно заселенные: изобилие мелких и покрупнее деревень, причем стен, как в Форпосте, не было ни у одной; обширные колосющиеся поля и полосы огородов; ветряные мельницы на холмах; пристани, грунтовые дороги по берегам. Даже издали можно было различить многочисленных всадников и пеших, часто проезжали конные повозки разнообразного вида. Жизнь кипела.

Из обмолвок Диадеха Влад понял, что не так давно здесь пролежала граница цивилизованных земель. Сюда устремлялись авантюристы со всех концов обитаемого света, делили землю, лупили друг друга почем зря, промышляли грабежами и всякими нечестными делами, совместно отбивались от запов и прочих нечестивых творений проклятого юга. Но потом граница отодвинулась дальше. Былые смельчаки постарели, отъели животы, обзавелись пухлыми женами, выводками жадных детей и крикливых внуков. Те и вовсе забыли, с какой стороны за меч держаться, и теперь здесь спокойный скучный край, где давно все поделено и предприимчивым людям трудно поймать жирную удачу за хвост. В основном все крутится вокруг четырех вещей: пшеницы с богатых местных черноземов, качественного железа, что приносят ватажники из опасных земель, кожи, сдираемой с диких быков, осетрины и черной икры — этим добром издавна славится нижнее течение Старволги.

Северные властители слишком далеко, чтобы посягать на эту территорию. Их притязания здесь никто всерьез не воспринимает, хотя закон люди чтят, и даже почтовых чиновников содержат, а в последнее время стали поговаривать о дорожных сборах. Пройдет еще лет двадцать-тридцать, и от былой вольницы следа не останется.

Влад не совсем разумел, при чем здесь свобода, почтовые сборы и прочее, но зато прекрасно понимал — раз край этот успокоился, чужаки вроде него слишком заметны. Нечего и думать с ходу выдать себя за своего — разведчики-нелегалы годами этому учатся, и все равно провалов не счесть. Осторожные расспросы подтвердили подозрение, что есть в этом мире местечки, подобные тому, старому, первоначальному Новограду, где и сейчас царит дух вольницы и народ в массе своей друг с другом знаком недавно или вовсе новички, причем пришедшие отовсюду. Вот туда бы податься, затеряться в толпе, вжиться, стать своим для этого изменившегося мира. И хорошо бы это сделать как можно быстрее.

На фоне всего уже увиденного город не впечатлил. Те же дома из вестернов про Дикий Запад, бревенчатые пристани, окна, набранные из мелких стеклышек. Просто домов больше, пристани длиннее, лодки возле них крупнее — такие уже можно кораблями называть.

— А где стена? — не понял Давид, тоже внимательно слушавший рассказы Диадеха.

— Какая стена? — не понял тот.

— Ты говорил, что город стоял в беспокойном месте, на границе опасной. И почему тогда его стеной не стали окружать?

— А... вот ты о чем. Стена вроде была раньше, но разобрали ее за

ненадобностью. Мешала — город ведь растет быстро.

— Ты знаешь, где здесь можно остановиться? — спросил Влад.

— Приличное место или как?

Влад покосился на впавшую в забытие Лену и понял, что экономить не следует. Вздохнул:

— Приличное.

— Найдем, — пообещал Диадок и добавил: — Но там лучше монетой платить, а не добром, иначе объегорят похуже, чем жадины форпостные.

Старший лодочник при этих словах нехорошо засопел и буркнул:

— Вот ваш Новоград. Проваливайте.

— Уважаемый, — вежливо обратился к нему Влад, — можно наши вещи и больная девушка побудут в лодке, пока найдем повозку подходящую.

— А чего ее искать? — оживился тот. — Сейчас дружка кликну своего, он и отвезет куда надо!

— Ну уже нет! — вскинулся Диадок. — Спасибо, но мы лучше сами! Шкуры у нас дорогие, а их ведь отдавать в уплату придется с вашими безбожными ценами!

— Ну так ищи побыстрее!

Ситуация осложнялась тем, что денег не было вообще — даже у Диадокха жалкие гроши. Чтобы добыть серебро, надо ехать в мастеровой квартал. Пока туда не съездишь, не получится отвезти Лену в спокойное место. Кредит как таковой здесь непопулярен или даже забыт — платить с отсрочкой могли лишь постоянные клиенты, к коим никто из спутников Влада не относился.

Пришлось ехать к мастерам всей оравой.

* * *

Старший лодочник, дождавшись, когда пассажиры уберутся, подошел к одному из портовых грузчиков, чуть приподнял шляпу:

— Здравия тебе.

— И тебе, — ответил работник пристани, повторив жест.

— А не скажешь мне, добрый человек, открыта ли сегодня церковная канцелярия?

— Так она у нас, почитай, каждый день открыта. К тому же вчера братья-луддиты пожаловали, так что, наверное, и ночью работать будет. Сам, должно быть, понимаешь.

Лодочник понимал. И еще понимал, что братья-луддиты не те люди, которые просто так шатаются из города в город. Если уж пожаловали, то жди серьезных новостей — очень редко без такого обходится.

И что теперь делать прикажете? Развернуться и поплыть назад? Ребята в команде свои в доску — никто перед чужими не обмолвится, что видел у пассажиров вещи поганые. Причем те их прятать старались, да только плохо получалось. Труба черная из свертка матерчатого выглядывала, да такая тонкая и ровная, что сразу видно — древняя работа. А две коробки одинаковых в холщовых мешках лодочник лично прощупать незаметно ухитрился, и много чего ему пальцы и ладони рассказали. Не ватажники — те честный металл таскают, ничем не похожий на запретные вещи.

Эти пассажиры — люди странные даже из-за одной их одежды. Женщины, правда, надели порядочную, припрятав былой срам, но слухи о бесстыдницах могут пойти. Особенно про ту, которая в брюках была — экая срамота невиданная. Да и юбка у второй такая, что блудница побрезгует. Раз форпостники сразу почуяли неладное, то и новоградцы поймут, а местным с доносом сбегать, что на стену высморкаться. Начнутся допросы, и узнают, откуда те в город попали, а тогда уже за лодочников возьмутся, потому как те смолчали, тем самым укрывая злодеев. А за укрывательство что полагается? Что-что — да ничего хорошего.

От греха подальше надо самому в канцелярию наведаться.

* * *

С кузнецами договорились на удивление быстро. Хотя чему удивляться? Диадох не раз имел с ними дело, помнил расценки, а они знали его, так что вся процедура состояла из разделения металла на две кучи: древний — повышенной ценности, и обычный. Затем каждую взвесили, посчитали результат на деревянных счетах, после чего отсыпали в мешочек мелких серебряных монет. Возничий, которому сразу кинули одну, повеселел. Хотя в «залог» ему оставляли женщин, все равно опасался обмана.

Дальше Диадох привел всех в самый настоящий салун. Все как полагается: с характерными двойными дверями. Вот только в зале за стойкой не наблюдалось батареи разнокалиберных бутылок. Немногочисленные посетители сидели за аккуратными столиками, наворачивая что-то съестное, но спиртного Влад не заметил.

Усатый мужчина лет сорока, находившийся за стойкой, новых

посетителей встретил настороженно, что неудивительно. Публика здесь с виду приличная, а эти вряд ли к такой относятся, если судить по одежде: грязная и рваная, еще и мешки неопрятные за плечами. Но при виде серебра нехотя наклеил дежурную улыбку «как я рад вас видеть» и проводил на второй этаж, где располагались комнаты. Небольшие, на одно окно, в каждой лишь одна низкая кровать, но стоило помещение за сутки столько, что на такие деньги можно дворец султана отгрохать.

И это называется приличие?..

Искать что-то другое или торговаться не было времени — Лена выглядела настолько плохо, что ее пришлось заносить, да и город не из дешевых. Хозяин «салуна», глядя на нее, предложил воспользоваться услугами ближайшего аптекаря, уверяя, что берет он недорого, а препараты продает качественные. Диадок ничего плохого про него не слышал, потому, оставив женщин и Давида в гостинице, направились напрямик по указанному адресу. В городе были даже названия улиц и нумерация домов — все, как в старые добрые времена.

Аптека не походила на те, в которых Владу доводилось бывать, но одно с ними роднило: специфический запах. Смесь разнообразных микстур, настоек, трав, таблеток создавала такой объединенный аромат, что когда с порога этим знакомым коктейлем шибануло в нос, на миг показалось, что попал в свое время. Старичок за стойкой на посетителей посмотрел без воодушевления — тоже внешний вид не внушил надежду на удачную сделку, но когда Диадок с ходу поинтересовался, есть ли у того свежая биота, чуток повеселел:

— Это вы по адресу зашли — свежее, чем у меня, не бывает. Все, кто торгует, у меня и берут. Брат мой почтовик, так что сами понимать должны...

Влад ничего не понимал, но кивнул с умным видом:

— У нас больная девушка. Очень больная. Нужна свежая биота, чтобы ее вылечить.

— Лекарю показывали?

— Нет.

— Без лекаря трудно сказать, сколько надо. Взглянуть бы на эту девушку.

— В гостинице она осталась.

— Далеко?

— «Два товарища», за углом которая.

— Знаю такую. Там Фарадий хозяин, он младший брат моего покойного друга детства и хороший человек. Если вы оплатите мои услуги

как лекаря и купите биоту, я сделаю все, что надо.

Диадокс покосился на Влада, молча кивнув, показывая, что сделка разумная. Тот, не раздумывая, согласился:

— Давайте так и сделаем. Это дорого будет стоить?

— Чем платить будете?

— Северной маркой, — ответил Диадокс.

— Одна доза свежей биоты девятнадцать монет, если потребуется больше, за следующие по восемнадцать. И за осмотр две марки, а каждый укол одна марка.

— Вы ее колоть будете? — непонятно заволновался Диадокс.

Аптекарь нахмурился:

— Неужели вы такие богобоязненные люди, чтобы отказываться от спасения самой жизни? Ведь если девушка так больна, как вы уверяете, помочь ей может только укол. К тому же церковь действительно не одобряет впрыскивания в кровь, но и не запрещает категорически. Это не считается грехом, требующим исповеди.

— Да ты никак считаешь, что миш недостаточно богобоязнен? — возмутился Диадокс.

Усмехнувшись, аптекарь покачал головой:

— Молодые люди, я видел в жизни многое и липового миша от настоящего отличу, даже если буду при этом в темной комнате с завязанными глазами. И, раз уж об этом зашла речь, не один я такой в городе. Дело, конечно, не мое, но вам бы лучше сменить одежду. Какая-то она на вас странноватая... очень необычная и смотрится подозрительно. Хотя признаю — пальто похоже на те, что носят миши.

— Так мы пойдем к больной или продолжим обсуждать мою одежду? — не выдержал Влад.

— Одну минутку — мальчонку только кликну, чтобы присмотрел за аптекой.

* * *

Влад не один раз смотрел старую добрую комедию «Кавказская пленница» и прекрасно помнил момент, когда троице похитителей невесты делали «прививки от ящура». В эпизоде фигурировал шприц чуть ли не ведерного объема и с иглой, больше похожей на шпагу. Подсознательно он и сейчас ожидал увидеть нечто подобное, но из аккуратного саквояжа аптекарь вытащил компактное изделие, хорошо узнаваемого вида и ничуть

не грубое внешне. Наполняя его из баночки темного стекла, он для начала ознакомил присутствующих с происхождением инструмента, а затем начал озвучивать диагноз:

— Инъектор этот вещь ценная. Создан самим Зимодием — тем самым знаменитым ювелиром Славского двора. Я себе, конечно, такой позволить никогда бы не смог, но довелось лечить одну особу, занемогшую в дороге до неприличия. До сих пор не знаю, кто это был — путешествовал тайно. В благодарность, помимо денег, получил вот это чудо. Не сразу, а спустя два месяца, через почту, когда уже забыл о том случае. А у девушки вашей запущенный случай южной лихорадки. Ее часто приносят те, кто в ту сторону шастает. Поговаривают, что ее миазмы парят над руинами проклятых городов. Еще говорят, что не стоит приближаться к телам убитых запов — от них тоже можно скверну подцепить. Церковь, правда, утверждает, что насылается болезнь не просто так, а за великие грехи, но грешников везде хватает, однако страдают только искатели, бродяги, ватажники и прочий люд, у которого имеются дела на поганных землях.

— Она выздоровеет? — тихо спросила Лиля.

— Скорее всего, да. Молодые гораздо легче стариков переносят такое, да и случай не такой уж запущенный. Когда она заболела?

— Не знаю, но заметили это четыре дня назад.

— Ну это совсем немного. У меня бывали случаи, когда даже на исходе второй недели человек поднимался, хотя, конечно, это уже почти чудо. Кстати, у вас тоже вид нездоровый, и не только у вас.

— Мы спешили, дорога трудная и долгая.

— Все равно осмелюсь рекомендовать биоту. Не в кровь, что вы! Достаточно принимать пилюли, и лучше не один день, а два или три. Если вы с юга пришли, то это самое разумное, что стоит сделать. К тому же биота в пилюлях слабая, денег много это не отнимет. Барышня, подержите, пожалуйста, руку девушки. А то дернется и повредит себе вену.

Зеленая жижа, заполнявшая стеклянный цилиндр шприца, Владу не нравилась. Он бы ни за что не позволил такое себе ввести — на вид страшная гадость. Небось иглу никто и не подумал кипятить после предыдущего пациента. Но у Лены сейчас такой вид, что в гроб стыдно укладывать, а другой альтернативы нет.

Укол больная перенесла спокойно — в себя не пришла.

— Ну вот и все! — радостно протараторил старичок. — Теперь давайте ей больше воды, когда очнется. Куриный бульон еще полезнее, но это, если примет. Не примет — завтра укол повторю, хотя, думаю, одного будет достаточно. Но мы предполагаем наилучшее, а Всевышний... Сами

понимаете.

Расплачиваясь, Влад спросил:

— А пилюли можно сразу взять?

— Ох я дурак! Не догадался прихватить! Взять можно, да только в аптеке они.

— Ну так я с вами схожу.

На выходе Влада догнал Диадох, виновато попросил:

— Можно я отлучусь?

— Ты же свободный человек — иди, куда тебе надо.

— Так-то оно так, но, может быть, вам еще какая помощь понадобится?

— Да пока вроде справляемся, спасибо.

— Надо в кабак сбегать, где ватажники собираются, рассказать, что с ребятами случилось. Может, кто знает, как родным весточку передать. Плохо это, когда пропадает родич безо всяких известий. А так хоть будут знать, в какой день свечку ставить. Ну и еще парочка дел есть...

— Иди. Если что, ты знаешь, где нас найти.

* * *

Получив у аптекаря бумажную коробку с большими зелеными пилюлями и устную инструкцию по их применению, Влад спросил у него, где можно найти приличную недорогую одежду, и, узнав адрес, направился прибарахлиться. Но, не успев выйти за порог, развернулся и неуверенно поинтересовался:

— А нет ли у вас случайно каких-нибудь пилюль со ртутью и сурьмой?

Аптекарь, посмотрев на него с подозрением, еле слышно ответил вопросом на вопрос:

— Вам зачем, молодой человек?

— Да мужик один, возле Форпоста, спрашивал, просил завезти. А я, балбес, названия позабыл, но помню, что со ртутью связано и с сурьмой.

— Серо-ртутная мазь или сулема?

— Не знаю.

— Ваш знакомый не чесался, когда спрашивал?^[2]

— Вроде нет.

— А со скотом он дела имеет? Впрочем, чего это я глупости спрашиваю — форпостник ведь. Скорее всего, речь о сулеме шла — при очистке коровников после больных животных ее используют часто. А что

до сурьмы, то, кроме как рвотное, ее у нас не применяют. Да и вряд ли вы у аптекарей даже такую найдете, потому что есть более надежные средства и не такие опасные.

— Неопасные?

— Да. Сурьма ядовита — много вреда от нее. Как, впрочем, и от сулемы. Из-за этого ее почти никто не использует, кроме разве что падших женщин.

— А им зачем ртуть?

— Не ртуть — сурьма. Глаза подводят, делая взгляд совсем уж блудливым. Слава богу, что в Новограде таких развратниц приструнили, хотя, надо признать, даже добропорядочные с виду женщины иной раз поддаются искушению, скрывая следы увядания молодости.

— А сулема есть у вас?

— Да сколько угодно. Вам во что наливать?

— Она жидкая? Посуды нет.

— Сулема твердая, но кристаллы ее продавать чужим людям никто не станет, потому как яд сильный. Достаточно малой щепоти, чтобы целую семью извести. Похлеще мышьяка гадость, и умирают от нее в страшных муках. Потому продаем в растворе. Достаточно крохотного кристаллика на бутыль.

— Можно мне все же взять сулемы твердой? Пусть будет по весу совсем мало, чтобы не хватило отравить человека. Сколько бутылей из такого количества выйдет?

— Ну... Десять-двенадцать, если жидко разводить, для скотоводческих нужд. Но...

— Я заплачу даже дороже, чем она стоит, — перебил Влад аптекаря. — Мне не улыбается с бутылками этой заразы тащиться назад в Форпост.

Аптекарь покосился на него с великим сомнением и неохотно буркнул:

— Хорошо, но, пожалуйста, будете поаккуратнее с ней.

Получив искомое, Влад чуть было на радостях не спросил, где здесь можно найти продажных женщин или хотя бы благородных, но непременно красящихся, однако решил, что это уже будет чересчур. И так аптекарю пищу для серьезных размышлений дал. А ну как пойдет стукнет властям, что чужак, выдававший себя за миша, интересуется ядами? Проблем лишних никому не нужно.

Выйдя на улицу, он приступил к выполнению следующих намеченных деяний: приобрести неброскую одежду и выведать, где здесь можно разжиться косметикой, содержащей сурьму. Если с последним пунктом выгорит, то проблема боеприпасов будет решена. Хотя, надо признать,

здесь, в городе, несравнимо спокойнее, чем на Подонце, — пока что даже мыслей хвататься за оружие не возникало. Но мало ли — надо думать о будущем.

* * *

Влад не видел, как старичок, выждав, когда клиент удалится, оставил аптеку под присмотр внука и поспешно направился в сторону центра города. Слишком уж странные эти чужаки, чтобы носить в себе вызванные ими сомнения. Липовый миш еще куда ни шло, но когда одежда сделана с такой тщательностью, что нет таких мастеров нигде поблизости, и похожая оказывается у его чернявого спутника... Они что — владыки, путешествующие тайно? И к чему им потребовалась сурьма и ртуть? Что одно, что другое — яды по суги своей.

И почему он позволил себя уговорить? Старый стал, совсем размяк, на любые уговоры поддается. Что люди скажут, если узнают, кто продал чужакам яд? Не дай бог такому случиться!

Положение аптекаря на землях, где власть церковников даже не столь сильна, как на севере, все равно щекотливо и не всегда безопасно. Он бы и рад промолчать, но, если что-нибудь нехорошее произойдет и выяснится, что биоту и все остальное странные чужаки брали именно у него, от беды не отвертеться. А он хоть и стар, но крепок и в могилу не торопится.

А вот куда следует поторопиться, так это к братьям-луддитам. Они будто специально нагрянули в Новоград именно сейчас. А может, и впрямь специально — жизнь научила аптекаря не верить в случайность подобных совпадений.

ГЛАВА 18

С одеждой вопрос решился быстро. В первой попавшейся лавке, торговавшей тканями и подержанными изделиями, Влад недорого приобрел кожаную куртку, пару льняных рубах и местные джинсы, оказавшиеся коротковатыми. Но что поделать — под его размер и дома трудно было подбирать одежду, а уж тут тем более. Все перемерил и остановился на лучшем варианте — разношены, чуток потасканы, на коленке заплатка, но зато выглядят не как шорты, в отличие от других. Пришлось взять и нечто непривычное — широкополую фетровую шляпу. Как он уже заметил, все мужчины здесь носили подобные головные уборы, а выделяться в толпе не хотелось. Остается еще Давида сюда затащить, хотя и жаба душит — денег осталось всего ничего. Надо срочно придумать способ незаметной зарядки копиров в городских условиях, после чего наделать побольше наконечников — самый ходовой и простой в изготовлении товар. Или что-нибудь другое придумать. Но в любом случае энергии процесс кушает много, а батареи, или что там вместо них, заполняются медленно.

С обувью не срослось. В готовом виде ее не продавали — надо было идти к сапожнику, где оставлять задаток и ждать пару дней. Влад был готов подождать, вот только за срочную работу просили столько, что бюджет не потянет. Придется повременить.

Зато с сурьмой все вышло просто замечательно. Опечаленный, выходя из мастерской сапожника, он чуть не столкнулся с барышней, и сразу догадался, что тень вокруг ее глаз вряд ли имеет естественное происхождение. Догнав, прямо спросил, где здесь можно приобрести средство для достижения подобного эффекта. Дама посмотрела на него изумленно, но все же снизошла до ответа. Влад быстро нашел указанную лавку, торговавшую всякой всячиной, и, выдержав удивленный взгляд хозяйки, получил крошечную баночку искомой субстанции.

Все — у него теперь есть и ртуть, и сурьма. Давиду не придется долгими часами горбатиться на промывке речного песка. Для начала изготовим сотни две патронов и пару тысяч наконечников. Разживемся серебром, с помощью которого найдем и вооружим несколько крепких парней. Потом, уговорив Диодоха на совместную авантюру (а он, скорее всего, согласится), вернемся на Подонец, пройдем повыше, где, по слухам, полно военных поселений запов, и разгромим еще парочку, а то и больше,

забрав оттуда копии. Раз в тех двух они нашлись, значит, можно предположить, что и в других все будет так же. У них ведь даже в мелочах все одинаково: план укреплений, количество и расположение изб, конструкция причалов и наблюдательной точки. И лучник всегда один, по крайней мере в тех случаях было именно так.

Имея четыре-пять копиров, можно будет выбиться в олигархи. Полная зарядка требует около десяти часов при ярком солнечном свете и чуть больше в темноте, а ее хватает, чтобы создать около шестидесяти наконечников. То есть в день можно делать порядка пяти сотен. С учетом того, что за пять штук дают серебряную монету, на хлеб с маслом хватит. А ведь это самый примитивный способ добычи хлеба насущного — есть и более выгодные. Можно копировать ювелирные изделия, линзы для оптических приборов — здесь Влад не видел ни биноклей, ни подзорных труб и был уверен, что такое добро пойдет на ура. Дорогая биота скорее всего имеет растительное происхождение и тоже напрашивается на копирование.

Умный человек при такой технике легко развернется. Год-другой, и он станет одним из столпов здешнего общества. Пусть в этой эпохе нет Интернета или хотя бы телевидения, но ему здесь даже начинает нравиться. В любом случае лучше, чем перспектива отправиться на дно карьера с тазиком цемента на ногах или нюхать тюремную парашу долгие годы.

Он не дурак — и сюда впишется.

Кстати, можно начать вписываться прямо сейчас. Идя по улице, Влад обратил внимание, что почти все пешеходы движутся в одном направлении. Выходящие из переулков люди присоединялись к потоку. Очевидно, где-то там намечается культурно-массовое мероприятие, и, раз уж срочных дел на сегодня нет, не мешает на него взглянуть. Так сказать — приобщиться.

Человеческий поток двигался к площади в центральной части города. С одной стороны ее подпирало здание невысокой, но длинной церкви — будто крокодил с крестом на макушке притаился, на другой стояло двухэтажное здание официального вида. Очевидно, ратуша или что-то в этом роде. Дома по другим двум направлениям не отличались от обычных, да и размерами значительно уступали.

Возле церкви на самом краю площади стоял высокий бревенчатый помост. Влад было решил, что станет свидетелем публичной казни, но ни виселицы, ни плахи, ни других орудий смерти не заметил. Народ дружно гудел, обсуждая какие-то мелкие городские новости, главным образом «Кто родил?», «Кто помер?», «Кто кого на чем надул?» — это было не слишком интересно и не проливало свет на происходящее.

Скучая, Влад прошелся по периметру площади, но не заметил ничего необычного. Разве что зелени здесь было много, в отличие от остальных районов — скверик на задах церкви и аккуратные деревца боярышника вдоль фасада ратуши или мэрии. А еще обратил внимание, что в этих, далеко не последних городских зданиях окна набраны из столь же мелких стекол, как везде. Будто фасеточные глаза насекомого. Смотреть через такие на мир не очень удобно, да и света они пропускают гораздо меньше, чем широкие. Вероятно, секрет изготовления больших стекол утерян. К сожалению, Влад тоже с ним знаком лишь теоретически, и не факт, что сможет перевести теорию в практику, а то бы устроил бизнес. Хотя, может быть, Давид в курсе — тот много чего знает.

— Обнаружены остаточные признаки присутствия метаморфов, — раздалось в голове, когда он приблизился к помосту. — Вероятна многочисленная гибель метаморфов.

Если это действительно место, где приводят в исполнение приговоры, то неудивительно. Возможно, именно здесь казнят пойманных запов. Хотя зачем их вообще ловить? Проще оставлять на месте. Удивительно, как голос в голове подмечает такое? И что с ним вообще случилось? Теперь будто мужчина говорит. Где же то сладкое воркование изначальное? Или хотя бы хрипы базарной торговли и по совместительству заядлой курильщицы?

Что-то в башке Влада меняется. Не к добру это.

— Почему голос стал другим? — задал он мысленный вопрос.

— Результат адаптации интерфейса.

— Какого еще интерфейса?

— Интерфейса владельца.

— Кто владелец?

— Ты.

— Владелец чего?

— Внутренней сети.

— Что такое внутренняя сеть?

— Личная биосеть владельца на основе биологических нейронов и дополнительных заменяемых цепей. Внесерийная. Прототип одиннадцать ноль шесть. Адаптация: в процессе. Имплантация: в процессе. Оптимизация: не выполнено. Индивидуальные настройки: не выполнено. Внешний контроль: не проводится. Разгон: не осуществляется. Проведено тестов: ноль.

— Так владельца чего именно?

— Внутренней сети.

Да уж... Именно из-за этого Влад редко решался допрашивать «внутренний голос». Тот как бы отвечал охотно, но не выдавал при этом ни крохи практической информации и, как правило, водил ответами по замкнутому кругу, вырваться из которого не удавалось.

И вообще — не любил он это занятие. Неуютно сталкиваться с тем, что в твоей голове что-то не так, как прежде. Мерзкое ощущение. Будто тараканы в черепе поселились. Лучше пореже об этом думать.

* * *

Пока Влад пытался копаться в голове, обстановка на площади начала меняться. Рокот народный стих, мужчины, один за другим, принялись снимать шляпы. Ему пришлось последовать общему примеру, из-за чего обе руки оказались занятыми, ведь еще и тюк со старой одеждой таскал, пожадничав выбросить добротное тряпье.

На помост взошли двое: один с виду будто старый добрый католический священник в сутане, но почему-то с поповской бородой, из-под которой выглядывал массивный серебряный крест. Второй в такой же черной одежде, вот только ничем не похожей на ту, что носят священнослужители. Брюки из грубой ткани, высокие сапоги, тесный зауженный в талии камзол, заостренная впереди шляпа такого же мрачного оттенка. Пояс широкий, без украшений, с него почти до земли свешиваются тонкие ножны со шпагой или мечом. Эдакий слегка обедневший испанский гранд в трауре.

Дождавшись, когда последние голоса на площади стихнут, тот, что в сутане, зычно, небось и у реки слышно было, заговорил:

— Здравия вам, люди Новограда. Да прибудет с вами благословение Господне. Чтобы не отнимать время, я коротко представлю нашего гостя и уступлю ему место. Как многие уже, наверно, знают, нас почтили своим приездом братья прославленного в веках ордена святого Лудда. Перед вами один из них: брат-примас Либерий. Многие из вас наверняка слышали о нем. Светоч веры, карающий меч ордена, кара Господняя для зла, которое издавна окружает святые земли. Он любезно принял мое предложение прочитать перед горожанами проповедь, в которой, кроме прочего, собирается донести суть дела, призвавшего его в наши края. Итак, мой брат по вере — ваше слово!

Священник отошел назад, а на его место шагнул «испанец» — единственный из присутствующих, так и оставшийся в шляпе. Глядя куда-

то поверх толпы, он, на первый взгляд, тихо, но на второй становилось совершенно очевидно, что слышно всем, у кого имеются уши, без предисловий и прочего начал свою проповедь:

— От начала времен снова и снова греховная сущность человека бросает его из одной пропасти в другую, и лишь истинная вера избранных спасает наш род. От сотворения мира минуло совсем немного времени, когда грехи в количестве множественном едва не погубили всех. Весь мир был скрыт под водами моря безбрежного, и лишь праведник с семейством и скотом разным, хоть и немногочисленным, сумел выплыть и продолжить наш род. Но недолго помнили про гнев Господа потомки праведника — вновь взялись за старое. С опаской, не всем грехам потакая, но и без них не обходясь. И сотворили они идол своего главного греха — бумагу, сатанинской лапой разрисованную, с печатью-пирамидой, и поклонялись бумаге той во всех землях. Как назывался тот грех?

— Жадность! — недружно выдала толпа.

— Да. Жадность, стяжательство, скаредность. Получив одно, бросали и тянулись за следующим. Все было поделено не единожды, но руки так и тянулись к чужому, ибо всеобщее потакание греху сему достигло тех вершин, за которыми всегда таится пропасть. Каждому хотелось иметь все, и даже более. Границ стяжательству не было. Бедные начали разорять богатых, богатые губили бедных из страха за кошельки свои, те части света, где было мало богатств, с лютой ненавистью накидывались на другие. Глупость преподносилась как достоинство, скромность осмеивалась, похоть выпячивалась, честь забылась. Землю губили страшными ядами ради пустых забав. Власть предрежающие потакали самым низменным страстям, управляли народами при помощи ярких и бессмысленных картинок, пропитанных блудом. И настал миг, когда жадность перешла через последнюю границу, а всеобщая глупость не позволила это понять, ибо правила миром именно она. Великая резня, один раз начавшись, не заканчивалась долгие годы. В тот раз Земля наша впервые вкусила особый яд, имя которому Техно, ибо впервые могущество созданий божьих достигло тех вершин, когда человек смог пройти по Луне. Деяния рук человеческих, оставшись без присмотра или выпущенные на волю, отравили воды и леса, нивы и сады. Великий голод и скорбь опустились на мир человеческий. Нечестивый дух довольно посмеивался, глядя, как мрет стар и млад, науськивая их, желая, чтобы ни единый не пережил битву скупцов. Но праведниками силен наш мир, вот и тогда смогли они на его остатках собрать уцелевших. Но ничему те не научились. Едва Земля очистилась, как новый грех обучал их. В страхе отказывая себе во всем

материальном, чтобы не предаться повторно греху стяжательства, они не чурались другого. Нельзя брать у соседа — ведь это жадность. Сосед тоже не должен ничего брать из твоих вещей, но в остальном его ничто не ограничивает. И ты тоже не ограничивай себя в удовольствиях, лишь не бери чужого. Омерзительно чудовищная свобода и вседозволенность — вот что началось. И закончилось тем, что больше всего люди вожделили плотского. Мужчины хотели многих женщин, молодых, старых и даже детей, а также других мужчин и мальчиков, разных животных и вовсе невообразимых неприродных вещей, что создавались нечистым железными руками, коими управлял проклятый дух Техно. Женщины переделывали себя в мужчин грешным образом, а мужчины превращали себя в женщин так же грешно, а то и в химер невиданных. Предела той гнусности не было. Многие умирали, раз за разом прикасаясь к поганым алтарям Техно, за что получали высшее наслаждение. Им не нужны были ни еда, ни питье — хотелось только трогать оскверненные вещи и пребывать от этого в похотливом непрерывном блаженстве. Люди травили себя ядами чудовищными ради грязной минутной радости. И когда неслыханный разврат перехлестнул через вершины, за которыми лишь пропасть, заполненная тьмой и скрежетом зубов, сошла с небес железная саранча, пришедшая с дальних звезд. Она принесла с собой смерть, невиданное безумие и ужасающие болезни. Как звался грех, что в тот раз едва не погубил всех?

— Похоть, — ответила толпа, уже дружнее.

Народ, похоже, заводился от этого немудреного рассказа. К тому же голос Либерия интонациями напоминал тот, что можно услышать на выступлениях гипнотизеров. Ох и непрост этот брат...

— Силами праведников вырваны были многие души из объятия греха похоти. Им дано было слово и оружие, с которым сокрушили саранчу и почти выжгли оставленную ею скверну. Одного из тех праведников звали Лудди, и орден наш назван в честь этого великого человека, при жизни ставшего мечом Господним. Его великая заслуга в том, что он узрел в саранче не просто попущение Божье или наказание, а дело рук сатанинских. Сам ад был в оружии саранчи, в ее колесницах небесных и других предметах, кои у них были обыденными. Они были чужды всему человеческому, но демоны, населявшие их, говорили голосами лукавыми, смущая слабые души. От этого предостерегал святой Лудди, требуя все чужое сжигать без жалости. Но не все к нему прислушивались. Отринув от себя похоть, люди, боясь вернуться к прошлому, повсеместно ударились в безудержную религиозность. Но в то время по миру ходило множество

лжепророков, и через них многие стали поклоняться ложным богам. Они сотворили себе идолов из того, что осталось от саранчи, смеялись над истинными святынями, кривлялись, кричали хулительное другим, а свою несправедливую веру выставляли как единственно истинную, и за то готовы были убивать тех, кто поклонялся другому. Так в конце концов и случилось — ложные пророки затеяли войну, и очень скоро вслед за ними в кровь погрузился весь мир. Это была долгая война, и именно тогда на Земле наконец появился во всей своей нечестивой мощи... Кто появился?

— Демон Техно! — взывала толпа.

Влад, оглянувшись, поежился. Выпученные горящие глаза, сжатые кулаки. Попади сейчас в эту толпу демон Техно, ему можно будет только посочувствовать.

— Верно. Десница Сатаны, вызванный грехами многими, кровью и вещами, оставленными звездной саранчой. Разум человеческий у многих смогли использовать странно, у других улучшали, а из третьих сделали нечто совсем иное, доселе невозможное. Силы человеческие достигли могущества, никогда до этого невиданного. Чистой мыслью управлялись инструменты, дающие еду, одежду, кров и питье. Другие земли, что летают вокруг далеких звезд, стали новыми местами обитания для многих людей. И они же стали их могилами, ибо первая война прошла именно по ним, мало трогая Землю, потому как защиту для нее смогли сотворить сильную, обойти которую врагу не удавалось. Но недаром Техно восстал из преисподней — предметы могущественные, с которыми человек мог прикасаться к звездам, привели к гибели. Нашелся способ обойти защиту Земли, и проистекал он от вещей, которые могли менять саму суть времени, останавливать его, поворачивать вспять или даже многократно ускорять, предавая праху все, что не вечно по праву рождения.

Проповедник указал рукой куда-то на север:

— Что за горы лежат там?

— Мертвый хребет!

— Правильно. А знаете, почему его так называли? Потому что создан он был, вопреки естественному ходу событий, нечестивым замыслом Техно, руками вероотступников и тех, кто поклонялся ложным богам. В то время там, где сейчас тянется хребет, располагались земли, на которых жил народ истинной веры. Силы тьмы заставили время идти быстрее. Оно пошло так стремительно, что в один миг состарились и умерли все, кто там был. Рассыпались в прах деревья, камнем стала почва и, сопротивляясь неизбежному, со стоном огненным вздыбилась земля, из-за чего возникли горы. И столь силен был тот стон, что от него даже те, которые жили в

стороне, истекали кровью, которая сочилась из чернеющих тел, они слепли и теряли слух. Страшная дрожь прокатилась по всему миру, сметая с земли города и страны. Рушились храмы и дома, море приходило в пустыню, а равнина превращалась в пропасть огнедышащую. В один день Земля стала другой, но даже это не остановило войну. К тому времени Техно уже не нуждался в огромных мастерских — даже самый малый дом мог предоставить ему все, что было нужно для битвы. Ребенок мог в один час наслать болезнь на целый город, человек, изменивший своему природному естеству, принимал в себя часть духа Техно и становился сильнее дикого животного. Десять таких одержимых могли голыми руками победить армию великую, да только не было больше таких армий — лишь кучки безумцев и их несчастные жертвы. Иной раз по глупости совершались беды великие, когда тупица, найдя вещь с печатью Техно, о которой не знал ничего, потому как забылось потаенное знание, трогал ее, и она выпускала зло, в ней заключенное. Терялись мудрые книги, множились суеверия. Люди впадали в дикость, а война, раз начавшись, все шла и шла. Теперь для этого не нужен был человек. Зачем, если глубоко в подземельях, в храмах нечестивых, Техно своими лапами творил зло, раз за разом выпуская его в мир людской. Не стало еды, и многие люди в тех подземельях запирались от самого времени. Годы для них проносились за мгновение. При нужде силы ада их освобождали, давали в руки оружие и велели нести лютую смерть тем, кто не поддавался искушениям лжепророков. Отчаянье овладело даже праведниками, ибо не видно было конца кровавому безумию. Лишь Техно радовался, жадно взирая на страдания рода людского. Кто сумел остановить его в тот раз?

— Праведники! Орден Луддитов! Сам Бог! — вразнобой заорали в толпе, из-за чего Влад сделал вывод, что вопрос оказался слишком сложен для этих простых людей.

— Правильно, — согласился Либерий. — Были это праведники, основавшие орден Луддитов при истинной церкви, и деяния их благословил сам Бог, снизойдя в виде тайных откровений до святых отцов-основателей. Он дал им три правила, соблюдение которых помогло спасти остатки рода людского. Давайте сейчас все вместе повторим их вслух. Итак, правило первое:

— Не поддайся соблазну Техно!

— Да. Именно так. В труде добывая хлеб свой насущный, не старайся потакать лени созданием предметов, труд твой греховно облегчающий. Ибо, шагая таким путем, можно дойти до места, возврата из которого нет. Слишком просто погубить душу в обмен на мелкие радости мира. К чему?

Жизнь коротка, и радости останутся позади, а впереди будут ждать муки вечные, ибо душа наша тоже вечна. Все вы слышали о людях с юга и запада. Однажды превращенные в кровожадных дикарей, они век за веком проливают кровь и распространяют заразу, ибо по сути своей они носители нечистого духа Техно, потому как человеческое естество объединили с темной сутью — темными артефактами, что остались от небесной саранчи. Хотите для себя такой участи?

— Нет! Ни за что! Да ну его на хрен! — взвыли в толпе.

— Тогда скажите второе правило, данное свыше.

— Не прикасайся к старым вещам!

— Да — нельзя прикасаться к тому, в чем могут быть скрыты частицы духа Техно, ибо осквернишься и следом станешь одержимым, не помнящим друзей и родных. Все мы знаем про такие случаи, когда отец казнит люто жену свою и детей родных, уже не ведая, что творит. А все почему? Да потому, что ходил туда, куда не следует ходить, и трогал то, от чего держаться надо подальше. Я слышал, что многие люди, населяющие ваш край, не видят ничего дурного в том, чтобы ходить на юг и запад. Там древняя отравя почти сошла на нет, и можно искать железо в развалинах. Кузнецы делают из него утварь, платят ходокам правильным серебром, сами богатеют и радуются этому. И не думают, что грех от этого не становится менее греховным. Ведь даже братья мои по ордену не всегда могут определить, что за вещь перед ними. Простой кусок металла, светлый артефакт, способный принести пользу, или машина нечистая, в коей продолжает теплиться дух Техно. Откуда это знать простому люду? Впадая в грех жадности, вы рано или поздно доведете себя до совсем уж страшного греха. Трудом своим добывайте железо, из честной руды его выплавляя руками чистыми. Только такое железо, без печати греха и без опасения, что скрыта в нем частица Техно. Бог велик и мудр и потому дал нам третье правило, которое уменьшает число соблазнов для слабого духа человеческого. Какое это правило?

— Убей Техно!

— Правильно. Нашел древнюю вещь? Разбей ее молотом, не касаясь голыми руками. Она не поддается честному железу? Не касаясь голыми руками, заверни в грязную холстину и брось в огонь жаркий. Что останется, утопи в месте глубоком. Сосед твой тронул такую вещь рукой? Скажи священнику, который живет в твоей деревне или городе — тебе обязательно помогут. Если беда случилась и стал сосед твой или сын твой одержим духом Техно, убей его без жалости, ибо это уже не человек. Затем предай тело огню и моли у Господа прощение для грешной души, которая

поддалась соблазну. Убей Техно! — неожиданно громко выкрикнул священник.

— Убей Техно!

— Убей соседа, ставшего рабом древней вещи!

— Убей соседа, ставшего рабом древней вещи! — повторила толпа.

— Убей своего сына, ставшего рабом древней вещи! — почти взвыл проповедник.

— Убей своего сына, ставшего рабом древней вещи! — оглушительным дружным криком поддержала его вошедшая в раж толпа.

— Война не закончена. Она будет идти до тех пор, пока не сгинет последняя технотварь и не сгорит последняя вещь с его духом в огне очистительном. Следите за близкими своими и соседями. Чем живут и куда устремлены их помыслы. И если увидите странное, немедленно говорите священникам, ибо чем раньше заметили скверну, тем легче ее выжечь. Не поддавайтесь соблазну сами: молот, огонь и вода — вот предметы, коими дозволено прикасаться к техно-грязи. Следите за теми, кто является из других мест. Особенно с юга. Среди них могут быть не только одержимые, но и люди древних эпох, пресыщенные забытыми грехами, навеки проклятые, верные рабы Техно, его исчадия и десницы. Их до поры спрятали с помощью покрывала Техно от самого времени, чтобы, выпуская в нужный час, освобождать зло из тайных мест, кои для них тайной не являются. Только погубив скверну человеческую и яд саранчи, мы обречем спасение. Война убила почти всю землю, лишь малая ее толика осталась пригодной для жизни, хотя и здесь долгие годы люди страдали от смертоносной отравы. Сюда приходил народ из других земель, каялся в вере своей неистинной и принимал единственную. Мертвый хребет зарос лесом, но война со злом как шла, так и идет — его заполонили нечестивцы, для которых Техно милее истинного Бога. И пусть гибнут немногие, но это продолжается. Так быть не должно. Кто остановит Техно окончательно?

— Мы!

— Верно! Мы последние хранители рода человеческого! Хотите Царствия Божьего на всей Земле?!

— Хотим! Да!

— Тогда убей Техно!

— Убей Техно!

— Убей!

— Убей!

— Вы хотите убить Техно?!

— Мы хотим убить Техно! Мы хотим убивать!

— Я и мои братья не просто так прибыли в ваш город. Неделю назад святые старцы нашего ордена, чья святость позволяет видеть скрытое от других, услышали крик с этой стороны. Страшный крик. Нечеловеческий. Крик сильной твари новорожденной, порождения подземелий древних. Выбравшись, она не станет спать и предаваться страстям человеческим. Она пойдет по мерзостному пути, указанному Техно, и многие беды это принесет всему нашему миру. Остаткам мира. Что надо сделать с тварью, когда обнаружим?

— Убить! Убить! Молотом его! Убить! В огонь ее! А кости в Старволгу! В омут!

— Обнаружены признаки угрозы. Ситуационная рекомендация: покинуть место массового мероприятия религиозного толка; всеми способами скрыть наличие внутренней сети; ни при каких обстоятельствах не сообщать о посещении древних подземелий.

Только тут до Влада дошло — он именно тот самый злодей, которого все присутствующие неистово мечтают порешить молотом, сжечь в огне, а прах зашвырнуть в омут. Именно он выбрался из древнего подземелья, и, возможно, фанатики действительно смогли это как-то засечь.

В нем скрыта частица того самого Техно, хотя жизни можно лишиться всего лишь за то, что таскался с копиями. Ну и ружье можно до кучи привлечь, с мобильником и фонариком вместе.

— Убей! Убей Техно! Убей! — скандировала толпа.

Денек был теплый, но Влад поежился.

* * *

Скот. Человеческое стадо. Достаточно внятно и просто объяснить им, что следует делать, и они пойдут за любым вожаком. Рабы страстей, готовые пресмыкаться за возможность прикоснуться к чему-то, что выбивается из скучного ритма их размеренного существования.

Либерий презирал подобных тупить и не любил выступать с проповедями перед толпой, хотя братья, все как один, заверяли, что лучшего оратора трудно найти. Выливать на стадо олухов поток слов, в которые сам если и веришь, то далеко не во все, и презирать их, будто грязных тараканов... Трудно это и гадко. Словно в помойку окунулся.

Но иногда надо наступать себе на горло и делать то, что не нравится. Глядишь, и в этом стаде найдутся те, кто поможет ему в поисках.

ГЛАВА 19

Сбежать сразу Влад не решился. Слишком подозрительно будет выглядеть со стороны, если одиночка потихоньку отойдет от беснующейся толпы и попытается скрыться за углом. Такого могут запросто записать в злостные пособники Техно, после чего прикончат или в лучшем случае сперва обыщут, найдут мобильник, который он не догадался оставить в гостинице, после чего опять же прикончат, но уже не ногами затоптав, а утопив в реке то, что останется после торжественного сожжения.

Да всего лишь один внимательный взгляд на его туфли может привести к ненужным подозрениям! Такие здесь не делают, у него уже было время в этом убедиться. Подошва наверняка из синтетики, а местные сапожники применяют лишь материалы естественного происхождения, что неудивительно. Ведь за кусок пластмассы здесь небось сразу донос настрочат — никто связываться не станет. Так что он — матерый болван, если до сих пор не понял, куда угодил, и ведет себя будто беспечный баран.

А женщины в гостинице? Наверняка Лиля выстирает свои старые тряпки и повесит сушиться на всеобщее обозрение. Смотрите, люди добрые, на «молнии», никогда здесь не виданные, на бисер пластиковый, кожаменитель и прочее, к чему даже прикасаться запрещено. Откуда эти барышни появились? Из Форпоста приплыли? Да что вы говорите? Получается, с юга. А с ними еще и двое странных мужчин, и мешок, в котором что-то подозрительно-прямоугольное? Отличные новости, давненько в нашем Новограде не казнили посланцев Техно, а тут сразу четверо нарисовались. Исключительно удачный денек выдался, пойду, закажу два воза мокрых дров. Почему именно мокрых? Ну так это же элементарно — удовольствие растянуть...

Мысленно припомнив внимательные взгляды лодочников, грузчиков на пристани, хозяина гостиницы, аптекаря и многих прохожих, Влад едва не застонал. Если голос в его голове никто не слышит, кроме него, а наглядных следов изменений нет, то в остальном все очень плохо. Они столько наследили на своем коротком пути, что если народ здесь не в шутку скандирует подобные призывы, то дело очень плохо. Наверняка уже строчат доносы, а может, уже успели настрочить и даже отнести куда следует.

Сваливать надо, и побыстрее. А как же Лена? Она ведь нетранспортабельная. Да хрен с ней — если помрет по дороге, то

похоронят. Оставаться здесь нельзя.

С трудом дождавшись окончания проповеди, Влад поспешно покинул площадь. Он торопился в гостиницу.

* * *

Новоград был, по старым меркам, небольшим райцентром с населением тысяч в пятнадцать. Приблизительно, конечно, — точно такие вещи рассчитывать Влад не умел. Всех жителей можно было бы легко разместить в нескольких четырнадцатизэтажках, но, к сожалению, таких строений здесь не водилось. Народ не стремился к компактному проживанию — улочки раскинулись далеко во все стороны.

Гостиницу они сегодня выбрали поближе к кварталу мастеровых, чтобы не везти измученную Лену далеко. Владу теперь пришлось пересечь полгорода и дойти почти до окраины. Наконец, впереди показалось здание гостиницы, и он уже начал мысленно составлять короткую эмоциональную речь, в которой донесет до спутников всю степень грозящих им неприятностей, после чего они должны быстро зашевелиться и смотаться. Но мыслительный процесс был грубо прерван — откуда-то с боку подскочил Диадох, бесцеремонно ухватил Влада за рукав, настойчиво потащил за ближайший угол.

— Ты чего?! Отпусти! Да что с тобой?!

— Тихо, Влад, бегом за мной, пока тебя не заметили. Да не сопротивляйся! Ты же настоящий лось, я тебя против воли не смогу волочить! Быстрее! Заметят, и вместе сгинем! Да не стой!

Неохотно подчиняясь нажиму спутника, Влад, оказавшись за углом, предупредил:

— Я тороплюсь, так что давай быстрее объясняй.

— К своим торопишься?

— Да?

— Ждут там тебя.

— Кто?

— Да уж не девы красивые! Братья-луддиты. Знаком с такими? — Диадох испытующе уставился Владу в лицо.

— Лично не знаком и знакомиться не хочу.

— Верно мыслишь — даже последний упок такого знакомства не захочет. Да только луддиты никого не спрашивают. Влад, Давида и Лену с Лилей увели, я сам это видел, но ничего сделать не мог. Луддитов семеро, и

еще им три городских стражника помогали. Стражники и два брата в гостинице остались, тебя ждут. Не ходи туда — повяжут.

— Почему ты мне помогаешь?

— Ну... Ты спас меня... тогда.

— И все?

Диадох настороженно оглянулся, потом, решившись, придвинул губы почти к самому уху Влада и скороговоркой зашептал:

— Я беглый, с севера. Кузнечеством мы жили, и не в добрый час приладил отец к мехам колесо, что водой крутилось. А кто-то донес. Пришли луддиты, отца убили, двор пожгли, меня к монахам в услужение. Сказали народу, что богу угодно, когда меха рука человека или скотина живая крутит, а воду неволить никак нельзя, потому что подобное угодно Техно. Вот как это вообще может быть?! Ветер, значит, мельницы пускай крутит, а воде запрещено?! Я много чего насмотрелся и наслушался, а правду от остального отличать умею хорошо. Не смогли монахи голову мне задурить — как сил набрался после побоев, так и подался на юг. Погоня, может, и была, да не догнали. А здесь луддиты редкие гости, жить можно почти спокойно. Решил я осесть, прибил к ватаге таких же беглых и бесшабашных, а остальное ты знаешь.

— И? Ты не ответил на вопрос.

— Да разве непонятно? Я такой же, как ты, — сын работяги, которого святые без вины определили в слуги зла. Но отец мой добрейший человек был, хороший очень. Через добро в нем все шло, Бога чтил и от семьи это требовал. Да только зря все — убили из-за какого-то колеса деревянного, узрев в нем нечисть. Влад, я за тобой наблюдал не один день и много чего рассмотрел. Ты, может, и не такой хороший, как отец мой, но зла в тебе, того, о котором церковники завывают на все лады, тоже нет. Так же, как в товарищах твоих. Но только вещи нечистые вы с собой носили зачем-то и не скрывали того, хотя всякий знает, к чему это привести может, если прознают братья. Еще рану ты на руке перевязывал, но повязка однажды соскочила, и я заметил, что там шрам чуть заметный, а не рана свежая. Расспросил женщин, и сказали мне, что недавно ты крепко поцарапался о копье. Не зарастает так быстро у обычных людей. Вы другие, не такие, как все. Скажи без вранья былого: кто такие?

Влад не стал раздумывать над созданием новой легенды, более адаптированной к проясняющейся картине здешнего мира. Раз Диадох до сих пор не выдал, то вряд ли выдаст, а правда, сколь бы странной ни была, возможно, на пользу пойдет.

— Я не знаю, сколько лет мне и остальным. Мы люди очень давних

времен. Нас обманом завели в пещеру, где остановилось время, и выбраться мы смогли только сейчас. Наверху все сильно изменилось — наш мир был совсем не такой. Я вначале даже думал, что людей вообще не осталось. Ну а дальше ты тоже сам все знаешь — добрались до реки, там с тобой встретились.

— Да вы древние! — восторженно выдохнул Диадок. — Про таких, как вы, церковники все время предупреждают. Говорят, сам Техно выпускает вас из подземного заточения, чтобы вы несли в мир смерть.

— Возможно, так оно и есть, хотя поклянусь, чем хочешь, — о Техно впервые сегодня услышал.

— Я давно уже не такой верующий, как мог бы показаться, — отмахнулся Диадок. — Хотя вера моя не напускная: Бога чту, а церковь — нет. В монастыре была библиотека, где держали запрещенные книги, но мне удалось в нее пробираться не один раз. Даже труды самого проклятого Фотия довелось почитать. Влад, таких, как я, здесь хватает. Вера святых отцов уже давно не та, что была изначально. Старая могла отличать добро от зла, а новая всех гребет, кто хоть чем-то выделяется из толпы покорной. Беглых, подобных мне, здесь много очень, потому как веру не сердцем учат чтить, а вбивают в головы, будто молотками. В глупую башку легко входит, а вот в остальных лишь сомнения такие способы приумножают. Влад, я беглый, а ты древний. Кто знает, может, сам Бог задумал так, чтобы мы встретились. Ты помог мне, а я тебе. Мы можем разойтись в стороны, а можем пойти дальше вместе. Одному в этом мире трудно, я давно это понял. Хочешь, друзьями станем? Или даже побратаемся. Наскучило мне просто так идти по течению, не зная, куда оно заведет. Ты сейчас для меня то самое колесо водное, запретное. Согласен и дальше помогать мне, как помог уже однажды? Я тебе помогать буду все равно — согласия не спрашивай. Отец колесо на пользу служить заставил, вот и ты, думаю, пользу можешь принести, и немалую, ведь не зря вас так боятся церковники. Времена нынче меняться начали со скоростью дивной. Люди с севера хлынули, монастырям раскольничьим почета больше нет, землю у них отбирают владыки даже светские, не говоря о церковных, ссоры и распри от этого, вера шатается в умах, люди к запретному тянутся, иного хотят. Ох, не зря ты именно сейчас появился! Что-то обязательно случится!

— Диадок, чем могу, всегда тебе помогу. Но сейчас товарищей моих надо выручать, ты знаешь, где они?

— Да в церковной канцелярии или в тюрьме шерифской.

— Точнее узнать можно?

— Можно, конечно, только зряшная это затея.

— Почему?

— Я видел семерых луддитов и троих стражников. Еще в канцелярии свой охранник есть. Может, братья тогда не все в сборе были. Большая сила у них получается, а нас только двое. К тому же, если шуметь начнешь, как тогда на реке, город переполошится, народ за оружие возьмется, пойдет на бабаханье взглянуть. Люди здесь трусоватые, если честно, но толпой смелы весьма, когда противников раз-два и обчелся.

— Стрелять всерьез не получится — то оружие осталось в гостинице. Опасался по городу ходить с ним после твоих предупреждений. Пистолет только прихватил, но он гораздо слабее. И еще там два копира были — вещи из развалин, прямоугольные такие...

— Я помню.

— Они тоже нужны. Оружие надо выручить, копиры и Давида с девочками. Что с ними вообще дальше будет?

— Это, Влад, зависит от того, что им луддиты вменяют. Если просто якшались с нечистыми вещами, то, скорее всего, просто побьют молотами и сожгут, пепел над рекой развеяв. Если признают, что в них скрыто сильное зло, то повезут на север, в цитадель братьев. Там с такими, по слухам, очень страшно поступают. Связывают железной проволокой, кладут в гроб и заливают расплавленным свинцом. У них целый подвал забит такими слитками.

— Как прелестно... Значит, в любом случае казнь?

— Да они в последние годы никого не милуют. Озверели вконец — ни за что лютой смерти могут предать. Думаешь, зря их все так боятся? Влад, если нас схватят, тоже не помилуют. А нас непременно схватят, если сунешься своих выручать.

— Луддиты эти каковы из себя? Вояки хорошие?

— Не знаю — драться не доводилось. Всякие бывают, если по виду судить. Но по старым делам вроде не кролики безобидные — убивать умеют.

— Брата Либерия видел?

— Нет. Он что, тоже здесь?

— Да. На площади проповедь читал.

— Плохо. Известный луддит. Он как раз вояка хороший — все так говорят. Когда-то был воином не последним. Говорят, в бою на западной границе ему по мужской части повредили что-то, и лекари ничем помочь не смогли. После чего и подался в орден. Но, думаю, врут — и не такие раны лечат, за несчастными исключениями. Но то, что он здесь, совсем плохо. Значит, дело важное очень, раз такой не поленился приехать. Всерьез

взялись. Смотри, вон как раз один из братьев выходит. Даже двое.

Из гостиницы вышли два бородатых мужика, одетые во все черное — сапоги, «джинсы», куртки-безрукавки. Невысокие, не первой молодости, но крепкие, и взгляды нехорошие — такие знают себе цену и мнение окружающих не уважают. Один нес на плече толстый железный прут, расширяющийся на манер бейсбольной биты, второй — мешок с угловатым содержимым.

Влад сделал охотничью стойку:

— Мои копиры несут!

— Чего?! А... понял. Ну да — к реке тащат. Там, в тихом местечке, побьют палицей и закинут в омут. Как раз к обрыву направились, под ним глубины столь страшные, что местные даже рыбачить опасаются, потому что сомы там с большую лодку вырастают, если слухам верить, и питаются всем, что в рот попадет, а рот у них не меньше ворот амбарных.

— Ружья не вижу...

— А чего это такое?

— Ну та черная штука, длинная, с трубкой, что я все время таскал.

— А... помню. Ну да — странная она. Братья небось себе взяли, старшим показать, чтобы описали и запомнили. Наверное. А эти штуки кому нужны? У запов их постоянно находят.

— Мне нужны.

— Я видел, как ты возился с ними, но не понял зачем.

— Идем за ними!

— Ты что?!

— Отберем копиры.

— Шутишь?! Только не здесь. Возле реки место тихое, тем более в такой час. От пристани не так уж близко — трудно будет разглядеть нас. Если без шума справимся, то никто не заметит. Правда, они точно шуметь начнут и гнаться люто.

— Не погонятся.

— Это почему же?

— Потому что мы их убьем.

Нервно сглотнув, Диадок согласился.

— И верно. Если уж взялся за оглоблю, то тяни весь воз.

— Ты лучше лук натяни, а не про воз думай.

— И с натянутым луком по городу бродить?! Хочешь, чтобы вся стража при шерифе примчалась и бока нам намяли?!

— Ну извини, я ведь древний и со здешними порядками незнаком.

— Это ты прости, забываю, откуда ты взялся. Меч тут из ножен

доставать нельзя, тетиву при въезде снимать положено. Лук натянуть быстро можно, вот только стрелы у меня простые — охотничьи, а братья под одеждой кольчуги и панцири носят.

— Не пробьют?

— Вряд ли. В шею нужно целить или по ногам. Лучше, конечно, в шею, но туда еще попасть надо суметь.

— У них серьезного оружия не видно. Уже проще.

— Почему не видно? Вон, палица железная, у второго кинжал длинный, а в сапогах ножи наверняка.

— Ладно, посмотрим, какая там на месте обстановка будет.

* * *

Обстановка на месте была спокойная — Диадох не ошибся. Длинная улица привела к пустырю, посреди которого паслась привязанная ко вбитому колу серая коза. Чуть дальше местность обрывалась — за десятиметровой отвесной стеной, сложенной плотной глиной, текла Старволга.

Глядя, как луддиты неторопливо вытаскивают из мешка копиры, Влад торопливо протараторил:

— Я сейчас на них наброшусь, а ты отсюда поддерживай стрелами. Только смотри, чтобы тебя со стороны домов не заметили.

— Не бойся — за кустом спрячусь. И ты поосторожнее — ребятки эти на вид тертые.

Выбора у Влада не было. Неизвестно, выручит он дробовик или нет, но для сегодняшнего плана очень нужно было кое-что изготовить при помощи копиров. Батареи там за время путешествия, несмотря на все эксперименты, зарядились прилично — хватит на многое. К тому же в их памяти сохранены параметры кое-каких полезных вещей из старого мира — нельзя таким добром разбрасываться. И Давида ни за что нельзя оставлять — он, пожалуй, гораздо ценнее дробовика будет. Влад уже понял, что этот мир не слишком рад появлению древних жителей, и кто знает — может, старые знания позволят если не изменить его в удобную сторону, то хотя бы выжить. Без этих знаний они, по сути, ничем не отличаются от здешних обывателей.

К тому моменту, когда Влад приблизился на расстояние нескольких шагов, бородачи успели вытащить оба копира. Один, который покрепче, уже собрался замахнуться железным прутом, но краем глаза заметил

движение и обернулся. Очень удачно — Влад врезал ему прямым в челюсть, отправив в нокаут. Второй резво отскочил, выхватывая кинжал из ножен. Ухмыльнулся, перекинул оружие из руки в руку:

— А вот и наш великан! Сам пожаловал!

Стрелять из пистолета Влад не хотел — грохот будет такой, что обязательно любопытные подтянутся. Но и бросаться на нож с голыми руками — тоже не дело. Мужик, похоже, умеет обращаться с такими вещами и пырнет без колебаний. Доставать свой? Вряд ли хорошая идея — кулаками Влад владеть умел, а вот холодным оружием нет. Поэтому, потянув несколько мгновений, шагнул в сторону, освобождая простор Диадоху.

Тот не подвел — стрела с широким наконечником двинула бородача в скулу с, такой силой, что у того голова назад откинулась, до хруста в шее. Влад, шагнув вперед, добавил в челюсть, поморщился — костяшки свело болью. Надо бы перчатки завести для таких ситуаций.

— Ты их убил?! — спросил подскочивший Диадох.

— Нет. Просто оглушил.

— И что дальше делать будешь? Ведь очнутся.

— А что ты предлагаешь? Взять и горло перерезать обоим? Они ведь никого из наших пока что не убили, а после такого мы точно вне закона будем.

— Мы так и так вне их закона. Влад, ты или воюй, или сдавайся, но так, как сейчас, не поступай. Этих жалеть нельзя — нас они точно не пожалеют. Я пошел за тобой ради настоящего дела, а не такого...

Слова Диадоба Владу не понравились. Похоже, товарищ считает, что он проявляет глупую мягкотелость или, возможно, питает не самые плохие чувства в отношении луддитов. Как бы там ни было, падать в глазах единственного союзника нельзя.

Подняв с земли выпавший кинжал, Влад, присев над бесчувственным телом, собрался было со всей дури вогнать клинок в грудь.

— Стой! Кольчуга под одеждой! Горло режь!

Перерезать человеку горло Владу еще не доводилось. Скажи ему это еще неделю назад, сблевал бы от одной мысли. Раньше он до того боялся крови, что на тренировках и соревнованиях бледнел при виде простого рассечения брови или разбитого носа. Немало насмешек пришлось стерпеть из-за этого. А тут такое... Но человек из тех тварей, которые быстро привыкают к чему угодно. Это его роднит с такими известными приспособленцами, как крысы. Вот и сейчас, хоть и поморщился, выполнил неприятную работу, буркнув Диадобу:

— Прикончи второго, и давай их в реку сбросим.

— Ты погоди. Кольчуги снимем — нам пригодятся, а потом животы вспорем и камни в нутро засунем. Застегнем куртки — и в воду, тогда точно не всплывут.

— Мы вроде воюем, а не в мясники нанялись?

— Так мертвяков прямиком к пристани течение принесет, а возле нее народ днем и ночью шатается, и фонари в темноте горят, пусть и тускло. Если заметят, сразу тревога поднимется.

— И так поднимется, когда хватятся, что их нет.

— Пока хватятся, пока поймут, что дело серьезное, какое-то время обязательно пройдет, а вот после того, как найдут тела, сразу переполох закипит.

— Ладно, уговорил.

ГЛАВА 20

Даже сейчас Влад, увы, не мог наклепать патронов хотя бы к пистолету — отсутствовал свинец. Наверняка в городе его можно найти без проблем, хотя бы в том же квартале мастеровых или на рынке, но увы — днем как-то не догадался, да и не до этого было, а сейчас появляться в людных местах до темноты чревато. Там наверняка уже ищут пропавшего ложного миша, стража пристально вглядывается в лица, сообщает встречным приметы подозреваемого. С таким ростом его легко заметить в толпе.

Послать Диадوخа — тоже не выход, он для другого нужен. Например, чтобы принести смолы от примеченной еще по дороге к реке бочки, купить в посудной лавке маленьких бутылок, а в дешевом кабаке, где языки развязываются даже у немых, выпросить о том, где расположились приехавшие луддиты. Владу провернуть подобное было гораздо труднее. Его богатырское сложение играло сейчас против него, выступая в роли хорошо заметной приметы — во всем городе вряд ли с десятков похожих на него найдется, да и тех все знают как облупленных. Диадоху проще — спрячет рыжие волосы под шляпу и легко в толпе затеряется, даже если и его ищут.

«Большая деревня», в которой чужаку трудно затеряться. Вот и пришлось сидеть в кустах у реки, в ожидании товарища выковыривая из глинистой почвы окатанные камешки. Заготовив приличную кучку, перешел к более сложным вещам. Достал из кармана пальто, с которым так и не расстался, дробовой патрон, вскрыл его с помощью ножа. Поочередно занес в копир данные по дробу, пыжу и пороху. Затем загрузил в отсек для сырья ветки и листья, куски глины, пучок травы. Если Давид не ошибался, то бездымный порох на атомарном уровне состоит из кислорода, углерода, водорода и азота. Первые три элемента в изобилии содержатся в растительной массе, да и азот там есть. И еще из него в основном состоит атмосфера, а воздух в приемник сам собой попадает — его не нужно загружать принудительно. Глину он просто так закинул — вдруг тоже пригодится.

Осталось проверить, что получится.

Влад не стал загружать в щель для образцов аккуратные зеленоватые квадратики нитропороха. Зачем, если данные о них уже занесены в память устройства? Сейчас главное выяснить, сколько за один раз можно получить

из загруженной массы.

Вскоре он убедился, что получается приличная горсть, при условии если растянуть процесс на три раза, после каждой порции закрывая и открывая дверь отсека для загрузки сырья. При этом туда с еле слышным шумом втягивало воздух, из чего Влад сделал вывод, что растягивать приходится из-за нехватки азота. Ничего страшного — надолго из-за этого «алхимия» не останавливалась.

Кстати, из глины тоже требовалось что-то, потому что «протестовать» копир переставал только после добавления новых ее кусков взамен отработанных. Что именно оттуда использовалось, Влад разбираться не стал — не до исследований сейчас.

Потянулась монотонная работа. Он раз за разом загружал отсек для сырья, высыпая полученную продукцию в шляпу. Все же не зря приобрел эту деталь гардероба — очень пригодилась. Люди здесь появлялись редко. Один раз пара мальчишек в стороне прошла, да еще старуха забрала свою козу, не обратив внимания на следы крови — хоть и затоптали их и присыпали, но мало ли. Влада, укрытого в зарослях, никто не заметил, но он все равно держался настороженно, поглядывая по сторонам в поисках подкрадывающихся братьев-луддитов.

Вопреки опасениям, создание пороха слабо сказывалось на емкости батарей. Наконечники разряжали их гораздо быстрее. Очередная загадка, каких накопилось немало. К примеру, энергию развернутые панели предоставляли как в солнечный день, так и в темную ночь, причем почти с одинаковой скоростью. Отсюда следовал вывод, что вовсе не Солнце является основным ее источником. Но тогда что? Даже Давид понятия об этом не имел, невразумительно разглагольствуя о гравитационном поле, космических лучах и прочих вещах, в коих, похоже, сам разбирался менее чем слабо.

Солнце начало садиться, когда вернулся Диадок. Причем не один — с ним появился мужичок, даже на всеобщем фоне выглядевший коротышкой. Правда, плечи и специфическая фигура выдавали, что не слабак.

Предвосхищая вопросы от насторожившегося Влада, Диадок пояснил:

— Это Саламан, но все зовут его Болтун, и ты тоже так зови. Беглый, как я. Дружок он мой по ватаге — должны были вместе идти, как всегда, да животом он занемог, съел чего-то не то, вот и пришлось остаться. Луддитов любит, как собака палку, — поможет во всем. Ты ведь не против, чтобы он с нами остался?

— Ручаешься за него?

— Как за себя!

— А ты что скажешь, Саламан? Или Болтун?

Ответом Владу было молчание, и Диадок поспешно протараторил:

— Не обижайся, но он всегда молчит, если не знает, что сказать. Очень стеснительный человек, но в драке ох как хорош.

— Хорошо. Если ты ручаешься, то пусть остается. За вами никто не следил?

— Да как тут проследишь? Народу здесь мало, каждого издали заметно, даже в сумерках. К тому же я сам почти не показывался — Болтуна в людные места посылал. Вот что принесли.

Вывалив перед Владом все заказанное, он скороговоркой отчитался:

— Луддиты возле церкви обосновались, в том доме, где канцелярия, куда доносы сносят кляузники. Ночуют вроде в трактире «Красный петух», который за углом — четыре комнаты в нем сняли на втором этаже. Про твоих не расспрашивали, потому как насторожиться даже совсем синие забулдыги могут, а потом скрутят и сволокут, куда надо, а нам ведь это вовсе даже не надо. Моя морда рядом с вашими мелькала, и узнать могли, хоть и почти чужой здесь. Да и Болтун не слишком разговорчивый, чтобы беседы вести.

— Я уже заметил...

— Купил бутылок разных, как ты наказывал. Брал самые корявые, бракованные. За них много не просили, а то ведь денег ты дал мало, и я свои доплачивал. Да молчи ты — какие между нами могут быть счета. Это я просто, чтобы ты запомнил, — кто его знает, на что еще серебро может понадобиться? Про смолу тоже не забыл, и веревку принес, пеньковую, старую, как ты просил. За нее платить не пришлось — возле колодца приметил и срезал. Пусть грех, но малый. Мы с тобой такое непотребство затеяли, что про украденную дрянную веревку вспоминать точно не станут. А для чего тебе она сдалась? Вешаться собрался или кого другого повесить? А может, вязать?

— Почти... Приглядывай за округой, мне сейчас отвлекаться нельзя, а то совсем стемнеет, и не успею ничего приготовить.

Приготовить оставалось не так много. Взяв первую бутылку, и впрямь корявую, Влад с помощью зажигалки растопил смолу, заливая ею стекло относительно ровным слоем. Затем, подогревая черную поверхность (быстро остывала), начал вклеивать в нее плоские камешки, так что в итоге сосуд стал похож на уродливый ананас без хвоста.

Впрочем, хвост тоже планировался.

Бутылку по самое горло засыпал порохом, после чего с помощью смолы облепил обрезок веревки несколькими слоями того же пороха.

Закрепил его одним концом так, чтобы он утонул в огнеопасной массе, другой остался болтаться снаружи.

Все — бомба готова. Влад внимательно слушал размышления Давида по поводу копиров и запомнил его идею создания простейших гранат. Там, правда, фигурировали жестянки с нитропорохом, обмазанные смолой и облепленные кусочками железа, но приходится работать с тем, что можно достать быстро и без проблем.

Ну не делают здесь металлические банки для консервов, следовательно, и жестянки вряд ли в ходу. Вот и пришлось брать бутылки. Они, конечно, легко бьются при ударе, но Диадох выбирал самые уродливые и с толстыми стенками — если не об камень со всей дури, то могут выдержать приличную нагрузку. Это, конечно, в теории, а практика покажет. В любом случае более приемлемых и легкодоступных оболочек за отведенное время Влад придумать не сумел.

Пришла пора учить Диадоха:

— Эта штука называется бомбой.

— Ух ты! А я грешным делом подумал, что просто бутылка. Для чего она? Греховная или нет?

— Подозреваю, скорее греховная, чем нет. Видишь этот порошок?

— Не слепой вроде.

— Смотри.

С этими словами Влад поднес к кучке пороха тлеющую веревку. Вспыхнуло яркое пламя, мгновенно опавшее. Диадох дернулся, покачал головой:

— И впрямь грешное что-то — никогда не видел такого огня, да и слышать про него не доводилось.

— Это порох. Старое вещество, у вас его не делают. Представляешь, что будет, если он вспыхнет в этой бутылке?

— Огонь будет очень сильный. Да?

— Не то слово. На него если, вот как ты сейчас, сядешь посмотреть, то сразу без глаз останешься.

— Ты это... осторожнее с бутылкой-то, — заволновался Диадох.

— Но не это главное. Если поджечь веревку, огонь быстро побежит внутрь, потому что она порохом густо обмазана. Как добежит, весь заряд вспыхнет мгновенно, и бутылка разлетится на сотни осколков, выпуская пламя. Вместе с ними и камни полетят, которыми я стенки облепил. И лететь они будут с такой скоростью, как ты стрелы выпускаешь, если не быстрее. Что будет, если попадут в человека?

Диадох и впрямь к дуракам не относился:

— Если стеклом приложит, то порежет здорово, а если камнем... Больно, наверное, очень будет, если камнем.

— Не просто больно, а убьет или покалечит. Скорость такая у камня может набраться, что кожу и плоть пробьет. Но даже если не пробьет, мало не покажется. А сейчас представь, что такая бутылка влетит в комнату, где братья-луддиты собрались. Что получится?

— Да тумачок они получат, причем все — камней тут до хранища.

— Верно. Осколками посечет, оглушит грохотом, обжечь может.

— Я понял! Ты хочешь забросать этими твоими бомбами церковную канцелярию?!

— Еще не знаю, но бомбы нам точно пригодятся.

— Да уж — не помешают. Хотя по мне, так лук надежнее. К тому же наших может задеть.

— А там разве нет подвала для задержанных?

— Да откуда мне знать? Я туда ни разу не попадал, а самому заглядывать почему-то не хотелось. От таких мест порядочному человеку следует подальше держаться.

— Понятно... Тогда будем действовать по обстановке. Сейчас сделаю еще несколько бомб, и будем ждать полуночи. Как народ в городе успокоится, так и пойдем.

ГЛАВА 21

Ночи в Новограде лишь самую малость не дотягивали до натуры, с которой Малевич рисовал свой «Черный квадрат». Электрическое освещение здесь не практиковалось, что неудивительно, и с мраком боролись редкие тусклые фонари на перекрестках. Конструкция их была проста, главной деталью выступал масляный светильник. Уже в трех шагах от них слона трудно разглядеть, так что толку почти никакого. Влад с двумя спутниками легко огибал эти пяточки, неспешно продвигаясь к центру города. При этом он ломал голову над одной маленькой проблемой: как в случае удачного нападения уходить?

Трудно представить, какова будет реакция жителей на пистолетные выстрелы и грохот разрывов бомб, а надежды на то, что удастся разобраться по-тихому, маловато. Если народ дружно повыскакивает на улицы, да еще и не с пустыми руками, к тому же не следует упускать из виду недавнее фронтирное прошлое многих... Пробиваться через подобные толпы будет непросто...

Хотя есть один вариант — рвануть к пристани. По пути там квартал мастеровых и рынок, где ночует не так много людей. Есть и жилые дома, но их гораздо меньше, чем в других направлениях.

И что потом? Дальше останется один путь — по воде. Придется отталкиваться от этого. В любом случае это лучше, чем ретироваться пешком. Лошадей в городе хватает — вон сколько яблок конских под ногами попадает. Соберут отряд верховых и легко настигнут.

Вот и знакомая площадь. Помост на месте, но уже без проповедника. Толп или просто одиночек празднующих тоже не наблюдается. Хотя полностью уверенным в последнем быть нельзя — с мраком здесь сражались два тусклых фонаря у входов в церковь и мэрию, и битву эту они безнадежно проигрывали. Если встать в сторонке и не шевелиться, то вряд ли тебя заметят.

Диадок тоже это понимал и осторожно прошептал:

— Давай подождем немного. Посмотрим. Если кто сторожит на улице, он себя выдаст.

— А здесь часто сторожат?

— По городу два-три человека ночью бродят, еще сторожа у складов на пристани и рынке бывают. А здесь, не знаю.

Подождали несколько минут. Тихо и спокойно, лишь собака где-то

вдали заливается, а с другой стороны доносится невнятное пение человека, не сумевшего противстоять низменному соблазну нажраться в хлам. Торчать здесь всю ночь Владу не хотелось, и он решился:

— Давай, подходим.

— Мы точно обалдели! На канцелярию напасть удумали! — прошептал Диадох с нескрываемым восторгом.

Владу, если честно, было нерадостно. Скорее страшновато. Даже на запов идти не сказать чтобы приятно, а здешние двуногие хищники должны быть гораздо умнее и, следовательно, — опаснее. А еще напрягало воспоминание об их милых обычаях. Для него они точно не пожалеют проволоки и свинца. Каково будет лежать спеленатым со всех сторон и ждать, когда на тебя хлынет поток расплавленного металла? Брррр...

Площадь пересекли по краю, стороной миновав фонари. Вдоль стены церкви подошли к скромному одноэтажному домику на ее задах. Фасад на два окна, посредине дверь, к которой ведет высокое крыльцо. По местным меркам, очень скромное строение. Рядом никого не видно, но свет горит — народ внутри бодрствует.

Это даже хорошо — врываться во мрак, не представляя, что там ждет, последнее дело.

— Диадох.

— Чего?

— Обогни дом с другой стороны и глянь, светятся ли там окна. Если светятся, то загляни. В темные не вздумай заглядывать — тебя легко заметят изнутри.

— Сам понимаю, ждите.

Болтун вытащил из-за пазухи увесистый топор, положил его обухом на плечо, многообещающим взглядом уставился на дверь церковной канцелярии. Оценив его отточенные движения, Влад догадался, что такой штукой он не только дрова колоть умеет, в сложившейся ситуации это радовало.

Лишь бы в спину от него не получить. Без году неделя здесь, а уже обзавелся союзником, который, в свою очередь, привел странного друга. Поди пойми, что на самом деле у аборигенов на уме, если чувствуешь себя древним египтянином, угодившим в Китай эпохи культурной революции. Хорошо бы учебники почитать здешние, если такие имеются, или книги серьезные. А то на основании одной проповеди и скупых рассказов Диадоба цельная картинка не складывается, а это значит, что можно ждать сюрпризов.

Диадоба стоило вспомнить, как нарисовался:

— Темно там в окнах. Только с фасада свет горит.

Плохо. Получается, выведать, что происходит в задних комнатах, не получится. Кто знает, а вдруг там сотня здешних инквизиторов. Набились, как селедки в бочку, и терпеливо ждут нападения?

— Подходим к фасаду и смотрим в окна. Если там окажутся наши, то ворвемся через дверь. Если наших не будет, а будут луддиты, причем много, кину им бутылку или даже пару, потом тоже влетаем в дверь. Они будут оглушены и ослеплены, поэтому в первые мгновения не смогут сопротивляться всерьез, даже если не ранены. Поняли?

Диадох кивнул и попросил:

— Если много их будет, кидай сразу две бутылки, а лучше три. Тогда точно, если не убьет, так поранит. Наверняка.

— Посмотрим...

Перебежка к фасаду канцелярии. Болтун, все позабыв, кинулся было к двери, и Влад едва успел его остановить, ухватив за пояс и прошипев в лицо:

— Куда! Стоять! Слушай, что говорят!

Оставив коротышку за спиной, вытянулся на цыпочках, заглянул в окно. Их здесь располагали на высоте, недоступной для обзора со стороны среднестатистических прохожих. Но Влад по росту сильно выбивался за средние рамки, и проблемы для него это не составляло.

Запоздало подумал, каким образом из этой ситуации выкручивался бы Диадох, окажись окна на задней стороне дома освещенными. Плохой он командир, если при планировании упускает такие важные моменты.

Стекло было мутное и неровное, сильно искажающее изображение. Да и света в доме не столь уж много. Но увиденного хватило, чтобы понять диспозицию. За окном находилась длинная комната, протянувшаяся на всю длину дома. В ее дальнем углу виднелась дверь, причем прикрытая. Центр помещения был занят массивным квадратным столом, за которым расселось четверо мужчин. Один из них был занят крайне любопытным делом — вертел в руках дробовик. Оставшиеся устали на одиноко стоящий стул, на котором скромно восседал Давид. Руки его были связаны за спиной, он что-то поспешно говорил, но слова расслышать не удавалось.

— Обнаружена радиочастотная метка. Производится идентификация. Идентифицирован широкополосный сканер военного назначения. Принадлежность: Восточная Ось. Предположительный статус: устаревшая конструкция, работоспособен, находится в режиме пассивного анализа источников излучения.

Вот тебе и святые люди! Зачем им в хозяйстве древняя вещь, да еще

такая непонятная? Ведь копии они себе не забрали — сразу ломать и топить потащили. Ладно — не время сейчас голову забивать лишними вопросами.

Разглядев все, что требовалось, Влад обернулся к сообщникам:

— Там четверо луддитов или стражников, они, похоже, допрашивают Давида. Он перед ними на стуле сидит.

— Плохо, — нахмурился Диадох.

— Почему?

— Бомбы нельзя кидать, а то его может покалечить.

— Если их и впрямь четверо, то и без бомб справимся. Вышибаем дверь, врываемся. Пока они из-за стола будут подниматься, мы подскочим и пару точно успеем отоварить.

— Отоварить?! Ты им что-то продать хочешь?! Шутишь, что ли?!

— Ну в смысле ударить. Хорошо так ударить — топором и этим. — Влад показал трофейную железную палицу. — Ты если с порога выстрелишь и не промахнешься, то трех сразу уложим, а с последним легко справимся вместе. Лишь бы в задних комнатах никого не оказалось.

— Ну так что? Вышибаем двери?

— Сперва тихо постараемся подняться. Лишь бы крыльцо не закрипело.

Доски и впрямь слегка поскрипывали под весом злоумышленников, но Влад надеялся, что за шумом допроса это не расслышат. К тому же успел убедиться, что звукоизоляция здесь приличная — даже прижимая ухо к стеклам, не мог разобрать слова, только невнятное бормотание.

Болтун, прикинув к двери, вытащил короткий тонкий нож, провел в щели, отрицательно покачал головой.

— Похоже, они не закрылись, — пояснил его действия Диадох.

— Почему?

— Откуда мне знать? Наверное, не боятся ничего. Да и чего им здесь бояться? Это ведь не граница. Попробуй на такого косо посмотри, не то что тронь.

— Двое исчезли. Разве не повод опасаться?

— Про это, может, пока не проведали. Их, наверное, не хватились еще.

— А дисциплина у них хромает... Ладно, ребята, мы не болтать сюда пришли. Я влетаю первым, ты, Болтун, за мной. Лупишь крайнего справа, а я левого. Ты, Диадох, стрельни в тех, которые дальше всех сидят. Сам выберешь, в какого лучше. Готовы? Тогда поехали!

Бить в дверь Влад не стал — просто толкнул плечом с ходу, начиная наращивать скорость. По глазам даже не резануло — слишком слабый свет

давала масляная лампа, а вот братья-луддиты, повернув головы на шум, дружно заморгали. Наверное, нервная реакция. Палица была примитивной — просто дубина из чистого железа длиной сантиметров восемьдесят, чуть расширяющаяся к концу, с пустотелой рукоятью. Эдакая бейсбольная бита, только потяжелее гораздо. Даже Владу пришлось двумя руками делать замах — боялся выронить после удара.

Стукнул хорошо — с горизонтального замаха, прямо в нос уже начавшему подниматься инквизитору. Тот улетел назад, будто мячик для тенниса, без звука, если не считать деревянного грохота завалившегося стула. С другой стороны стола хрястнул топор, и тоже удачно — на щеку Влада брызнуло теплым и противным. Ни малейшего омерзения не почувствовал — нервы скоро стальными станут при такой жизни.

К чести луддитов, ни один не застыл столбом — все четверо после резкого раскрытия дверей попытались вскочить. Двоих сразу будто ветром сдуло, третьему в грудь вонзилась стрела. На этот раз наконечник был боевой — трехгранный. Тот самый — от запов. Влад их сделал несколько штук на берегу, а заменить ими охотничьи срезни дело нескольких минут. С такого расстояния кольчуга не спасла — раненый спиной вперед дошагал до задней стены, сполз по ней, пытаясь ладонями остановить просачивающуюся кровь.

Последний отступил было к нему, выхватывая короткий меч, но, поняв, что там его легко достанет лучник, бросился к дальней двери. Возможно, трюк бы и удался, но Давид, до этого сидевший с обалдевшим видом, раскрыв рот в таком изумлении, будто изображал из себя гостеприимно распахнутый скворечник, вдруг подобрал челюсть и бросился под ноги луддиту. Тот, не успев среагировать, споткнулся основательно и шумно растянулся на полу. Догнавший его Болтун резко втянул воздух, занеся топор, и с шумным выдохом опустил его с дурной силой, способной расколоть на дрова смолистую сучковатую чурку.

Хлопнул лук, обернувшись, Влад увидел, что раненый застыл со второй стрелой в глазнице. Неопасный уже был, но все верно — никто не сможет рассказать о случившемся.

— Давид! Тут еще есть кто-нибудь?!

— Вроде нет, но были. Ушли куда-то.

— А наши?

— Все здесь, там, за дверью. Помогите освободиться.

Руки его оказались не связанными, а закованными в легкие кандалы. Но по указаниям Давида нашли инструменты, сняли с него железо. Освободили женскую часть команды, их тоже пришлось расковырять. Само

собой, Влад прихватил ружье, а потом настала очередь других конфискованных предметов — их держали в ящике возле стола. Очень может быть, что в доме есть масса других, не менее полезных вещей, но все понимали — время работает не в их пользу. Шум могли услышать, или сюда идут остальные луддиты, да еще и со стражниками вместе. Хотя много ли может оставаться церковников? Было семеро, из них шестеро уже на том свете. Один Либерий где-то шляется. Но мало ли — вдруг к ним подмога прибыла, к тому же информация, добытая Диадокхом, не внушала доверия.

Сейчас удалось победить, не заплатив собственной кровью, но в следующий раз могут появиться раненые, и как тогда уходить? Достаточно одной Лены. Та хоть и поднялась на ноги, передвигала ими еле-еле, да и выглядела, будто персонаж фильма о занимательных и кровавых приключениях восставших мертвецов.

Пора сваливать из этого гостеприимного городка.

* * *

Дуракам везет — авантюрный план мало того, что удался, да еще и в дальнейшем не возникло проблем. Четверка мужчин и две женщины, из которых одну приходилось поначалу тянуть за руки, а потом и вовсе нести, прошла через весь город незамеченной. Если кто-то их и увидел, то шума не поднял. Даже собаки лаяли лишь изредка и без особого энтузиазма. Далеко в стороне прошел ночной сторож, выдавая себя светом фонаря, но тоже не создал ни малейших проблем.

А вот в речном порту жизнь теплилась, несмотря на полуночный час. На пристанях и возле складов горели десятки фонарей, в их свете можно было разглядеть снующие фигуры. Вдали то ли разгружали, то ли воровали что-то из большой лодки, неподалеку от центра событий злобно переругивались два мужика. Подозрительную шестерку сразу заметили — не успели те до пристани добраться.

— Эй! Куда вас нечистый дух несет?! — донеслось издали.

— Вниз по реке спешим, — крикнул в ответ Влад.

— Тссс! — вскинулся Диадокх. — Никому не говори, куда мы идем, а то потом на след наведут!

— Не переживай — сам знаю. Да и куда нам деваться, если не вниз — погоня и так поймет.

Короткий ответ, данный непонятно кем, вопрошающего не успокоил. В

свете фонарей замелькали приближающиеся с разных сторон фигуры. Видимо, у местных сторожей, работающих на разных купцов, была система взаимовыручки на случай появления залетного ворья, и сейчас беглецам угрожала разборка с толпой мужичья, что в их планы не входило.

Владу уже надоело тащиться с бутылками, для создания которых потратил кучу сил и времени, причем совершенно зря — так и негодились. Но руки, как говорится, чесались, и он решил устроить напоследок фейерверк, заодно пугнув здешний народ — вряд ли после такого осмелятся сунуться.

Достав зажигалку, чиркнул, поднес слабо рокочущий голубоватый огнемёт к фитилю. Тот занялся неровно, то вспыхивая с ворохом искр, то затухая. Похоже, конструкция его не слишком надёжна. Надо бы в будущем подумать об усовершенствовании. Если оно, конечно, будет — будущее... Размахнувшись, Влад что было сил швырнул бутылку в направлении подбирающихся мужиков с таким расчётом, чтобы упала с недолетом и не посекала, в общем-то, безвинный народ осколками. Он помнил, что земля там щедро сдобрена опилками и конским навозом, а камней не видать, что благотворно должно сказаться на корпусе бомбы.

Увы — надежда не оправдалась. Во тьме отчетливо и печально звякнуло, а затем полыхнуло так, что на миг осветило всю округу до мельчайших деталей. Видимо, фитиль все же поджег порох, уже высыпавшийся из разбившейся бутылки, и тот безобидно и почти мгновенно сгорел, без осколков и грохота.

Вторую бутылку бросать не пришлось — испуганно загомонив, народ резко остановился, а кое-кто даже начал отступать. Послышались крики, призывающие стражу и шерифа, но тем никак не успеть — Диадох уже отвязывал лодку.

— Влад! Давай! Все давайте! Уходим!

— Там весла хоть есть?! — уточнил Давид.

— Есть! Все есть! Быстрее, а то вот-вот сбежится весь город!

Влад последним спустился с пристани, оттолкнул лодку. Бросив последний взгляд на суматоху, усмехнулся. Недолго пришлось гостить в славном Новограде. В начале дня явился, ночью пришлось убегать. И опять по воде.

— Диадох, правь так, чтобы они видели — мы вниз уходим.

— Нам так и так только вниз дорога. Если у Форпоста не перехватят, то вырвемся на юг, а там попробуй еще нас поймай.

— Ага. Так они и подумают. И потому соберут погоню на быстрых лодках, с крепкими гребцами и парусами. И по берегу конных пустят,

форпостных поднимать. Догонят... После такого обязательно догонят...

— И что нам тогда делать?

— Попробуем перехитрить. Как только отойдем, развернемся назад. Какой город дальше, на севере, и далеко ли до него?

— До приличного, вроде Новограда, очень далеко, но к утру можно успеть до Трактового добраться. Деревня, по сути своей, но побольше Форпоста. А зачем тебе знать такое?

— План есть.

— Что за план? — заинтересовался Давид.

— Делаем рывок на север. Перед рассветом прячемся в камышах, в Трактовой отправляем Диадох и Болтуна. Кстати, познакомьтесь — хороший человек, и топором работать умеет, что в наше время весьма ценно. Они местные, вряд ли в городе вызовут подозрение. Их задача купить повозку, куда мы все поместимся, и на ней уже будем уходить. Потому что водой нельзя. Когда они поймут, что мы не ушли на юг, здесь даже рыбам тесно станет. По крайней мере я так думаю.

— Ага, правду говоришь, — кивнул Диадох. — По воде опасно, а пешими никак нельзя — Лена совсем слабая, так что придумано хорошо. Только непонятно, куда уходить станем?

— Я думал, ты нам расскажешь.

— Почему я?!

— Ну не я же. Забыл, что мы все древние? Ничего не знаем о том, что здесь сейчас происходит. Но я слышал, будто на границе нравы попроще. Так, по твоим словам, было в Новограде в дни его основания.

— На фронтире и впрямь проще, хоть и опаснее для шкуры. Если хочешь от луддитов спрятаться, то лучше места нет, потому как все, у кого с богобоязненностью не все ладно, там как раз и ошиваются.

— Думаю, мы там тоже сможем устроиться.

— До западного фронта никак не дойти — очень долгий путь получается, а у нас вид подозрительный, ищут луддиты, в повозке вещи поганые. Не выйдет.

— А другие варианты?

— Мертвый хребет подходит. До него не так далеко, и порядки тамошние будто для нас созданы. Если точнее — говорят, что нет там никакого порядка, но нам как раз такое и надо.

— Верно. Значит, пока что решаем так: лодку в камыши, вас посылаем за повозкой, потом уходим в горы.

— Ага. Так и сделаем. Вот только повозка нужна двуконная, а бесплатно их никто не отдает. Не говоря уже о лошадях. Влад, у тебя много

серебра осталось?

— А то ты не знаешь?

— Влад, нам нечем платить.

— Выкрутимся. Не первый раз. Лена, ты как?

Девушка ответила сонно:

— Гораздо лучше, но слабость такая, что шевелиться не хочется.

— Отдыхай. Будешь пить пилюли. Они слабее уколов, но аптекарь говорил, что тебе и одной порции должно хватить при спокойном режиме. Но режим беспокойный...

ГЛАВА 22

Схлестнувшись с прославленными братьями-луддитами, Влад пришел к выводу, что привычка терроризировать мирных обывателей не лучшим образом сказалась на их боеспособности. Потеряв двоих, они не начали поиски и не усилили меры безопасности. Очевидно, случилось это из-за того, что потерю попросту не заметили. То есть в их рядах наблюдались шатания в разных направлениях, безо всякого контроля или же с контролем нестрогим. Для военизированного формирования подобное недопустимо.

Дверь дома, где располагались трое задержанных, оказалась незакрытой. И это при том, что прекрасно знали — как минимум два сообщника задержанных разгуливают на свободе. Не могли же они не допросить персонал гостиницы, народ на пристани, аптекаря и прочих людей, с которыми те контактировали. Знали, но не приняли элементарных мер безопасности.

В канцелярии оказалось всего четверо бойцов, причем дом снаружи не охранялся. А ведь даже одиночный охранник мог доставить хлопот. Подкрасться к нему непросто, выстрел из лука необязательно свалит сразу — раненый начнет кричать или даже забежит в здание. Но эти ребята, похоже, считали, что деревянная коробка с распахнутой дверью ничем не уступает замку с гранитными стенами и поднятым над глубоким рвом мостом.

Никто из четверки не успел оказать сопротивление. Лишь один выхватил оружие, но при этом позорно не сумел перепрыгнуть через закованного в кандалы пленника, что много говорило об индивидуальной боевой подготовке братьев.

Вывод — их слава несколько преувеличена. Возможно, у них и есть хорошие бойцы, но Владу не повезло с ними столкнуться. Точнее, повезло.

Интересно, а каков брат Либерий в деле? Такой же разгильдяй?

Лучше не знать...

Лодка поднималась вверх по течению, держась ближе к левому берегу — он слабо заселен, да и погоня, если будет, направится по-другому. Хотя Влад надеялся, что в свете предшествующих событий можно ожидать только одного: все до единого бросятся ловить беглецов на юге.

Сам он не просто так сидел, предаваясь раздумьям. Активировав копии, он занимался изготовлением наконечников для стрел. Другого высоколиквидного, компактного и простого в производстве товара он не

знал. Те же пилюли биоты стоили прилично, но копир категорически отказывался их штамповать, выдавая сообщение о завышенной сложности оригинала и его биологически активной природе. Что это означает, Влад понятия не имел — до сих пор, с подобным не сталкивался. Может, оно и к лучшему — хоть и дорогие штуки, но попробуй еще их продай, тем более оптом. Насколько Влад понял, товар этот долго не хранится, так что делать запасы смысла нет. Отдать задешево аптекарям? Не выйдет — те берут лишь через проверенные каналы, а не у подозрительных чужаков. И правильно — мало ли что им подсунут вместо хорошего лекарства, а потерянную торговую репутацию ох как трудно потом восстанавливать.

Вот и пришлось вспомнить про наконечники. Их берут везде и охотно, хотя за большое количество опять же вряд ли дадут полную цену. Еще минус — работа с железом сильно напрягает батареи копиров. Те не так быстро заряжаются, да и не всегда возможно держать их в раскрытом виде. Сейчас ради этого всем пришлось потесниться — половину лодки, почитай, занимали «крылья».

Зато с сырьем проблем нет. Болтун оказался зараженным острой формой хомячества — утащил у луддитов ящик с кандалами и не надорвался. Зачем ему столько, пояснять не стал, зато Влад сейчас не имел проблем с железом. Хотя из одной палицы можно было наделать очень много. Но лучше ее приберечь для дела — хорошая штука, гораздо удобнее непривычного меча или топора. Не имея навыков, рискуешь себе по ноге заехать, и это в лучшем случае. А палка вещь простая — ею всякий хоть как-то махать сможет. К тому же нет инструмента, чтобы ее на куски порубить.

Ночью никто не встретился — местные в темноте старались по реке не ходить, разве что в крайних случаях. Плыли молча — звуки по воде разносятся далеко, и кто знает, чьи уши сейчас вслушиваются в ночь. Лишние следы лучше не оставлять.

При первых признаках приближения рассвета резко повернули к правому берегу, прошли вдоль него пару километров, пока не обнаружили приличный залив, заросший тростником — такие здесь нередко встречаются. Заплыли туда, потом возникла новая проблема — не могли подобраться к берегу из-за растительности, а затем оказалось, что он заболочен.

В общем, уже по свету наконец сумели высадить Диодоха и Болтуна без приключений.

Передавая им наконечники, Влад закреплял в их головах инструкции:

— Никому не трепитесь, что вы не одни здесь, и вообще о себе

поменьше рассказывайте. Лучше отшивайте любопытных с ходу. По три часа не торгуйтесь, но и сразу не продавайте и не покупайте — подозрительно выглядеть такое будет. Не забудьте взять одежды простой, крестьянской, чтобы на всех хватило, с запасом. Еду и емкости для воды тоже загрузите — нам желательно идти без остановок и не светиться по деревням в поисках пропитания. Пустых мешков наберите и овса для лошадей не забудьте. А еще — брезент или холст надежный, накрывать повозку от дождей...

— Да помним мы все! — отмахнулся Диадох.

— Хорошо. Но не дай бог что-нибудь забудешь! В проволоку заверну и свинцом залью, причем лить буду по капельке!

* * *

Потянулись часы ожидания, которые Влад потратил с толком — завалился спать. В заболоченном заливе даже днем хватало комаров, но они его почему-то не кусали, отчего Давид сильно завидовал — его ведь жрали с превеликой охотой. Лена тоже спала — ей полезно, Лиля, глядя в воду, будто в зеркало, с помощью самого острого ножа пыталась сделать короткую, но симпатичную прическу. Небось втихомолку слезами обливалась, лишаясь своих лохм, но Влад был категоричен — дальше она поедет, маскируясь под парня. Луддиты будут искать троих мужчин и двух женщин, так что хотя бы в этом надо запутать следы.

Диадох с Болтуном вернулись за полдень.

— Все взяли, только припасов маловато. Уж прости, но за наконечники тут такую цену давали, впору заплакать. Деваться некуда, пришлось отдавать.

— Ладно, я чего-то подобного и ожидал, — не расстроился Влад. — Слушайте все. С этой минуты мы переселенцы из Приуралья. Так называется край, где эпидемия была в прошлом году? — уточнил он у Диадоха.

— Да. Много там народа померло, я же рассказывал.

— Вот и хорошо. Спасаясь от болезни, покинули свои дома и идем в поисках лучшей доли. Мы простые крестьяне, вольные, а не какие-нибудь беглые. По дороге ничего подозрительного не видели и ничего не воровали — свои припасы имеются. Это на случай расспросов. Бедный селянский люд здесь одевается скромно, вот и мы все сейчас переоденемся. Ты, Лиля, свои обрезки спрячь под шляпой. Если придется, допустим, зайти в

церковь, где головные уборы снимают, лицо опускай, потому как за мужика иначе сойти будет непросто. Я и Лиля поедem в повозке. Нас надо будет со всех сторон обложить мешками и накрыть рогожей. Искать будут в том числе больную девушку и мужчину огромного роста. Так что ни ее, ни меня никто не должен видеть.

— Мешков мало, — предостерег Диадох.

— Пустые взял?

— Да — как ты говорил.

— Набьем их травой, листьями, ветками. Много весить не будут, и если не осматривать, со стороны покажется, что добром заполнены.

— Хорошо придумано, а то подозрительно, что почти пустые идем. Какие переселенцы без кучи добра?

— Никаких постоянных дворов и ночевков в деревнях — только на природе.

— В темноте гопы могут озоровать, — предостерег Диадох.

— Их мы как-нибудь переживем, а вот погоню луддитов вряд ли. Я так понимаю, они могут много народа поднять?

Диадох почесал затылок и обратился к Давиду:

— Ты им рассказал, что из древних будешь?

— Нет, они сами мне это заявили, осмотрев одежду и разные вещицы. Мне кажется, что с мобильниками церковники знакомы. Или видели что-то, на них похожее.

— Плохо... — нахмурился Диадох. — Из-за древних они весь край поднимут.

— Но в горах у них власти нет? — уточнил Влад.

— В горах ее ни у кого нет, да и страшно им туда соваться. Не любит тамошний люд братьев. Без армии туда идти нельзя, а ее собрать — дело небыстрое, да и вряд ли до такого дойдет. Смысл? Незаметно она не подберется, движется медленно, так что можно легко уйти.

— Значит, план тот же — идем к горам. Крестьяне, кстати, туда ездят? Переселенцы? Вроде тех, под которых мы маскируемся?

— Туда всякие ездят, но в основном беглые.

— По пути ловят таких?

— Бывает и ловят, но не думаю, что часто. Некому этим заниматься, потому как нехорошая работа и неблагодарная — вряд ли денег дадут, зато легко можно вилы в брюхо схлопотать. Шерифы следят за порядком в городках и селах, и если жителей что-то не касается и не мешают чужие ничем, то глаза на такое обычно закрывают. Луддиты почти все на севере, сюда редко наведываются, и только в спокойные места, вроде Новограда.

Хотя не знаю, что сейчас начнется. На моей памяти древних ни разу не ловили.

— Посмотрим, — подвел черту Влад. — Ну давай, показывай наш новый тарантас.

* * *

— Вот мне интересно: этот хребет возник в один день и все, кто там жил, исчезли бесследно? — продолжил нескончаемый допрос Давид.

— Так все и случилось — Богом клянусь, — ответил Диадох. — Была там равнина с городами, реками и озерами, и вдруг земля задрожала, и выросли скалистые пики. Так священники говорят и сказания. Для всех, кто в стороне жил, это заняло мгновение, а вот тем, кто угодил туда, не повезло. У них даже не века, а много больше миновало, хотя никто столько не прожил — то оружие сразу убивало все живое: людей, зверей, деревья. Горы возникли совсем мертвые — ни травинки, ни букашки, за то и получили свое название.

— Мне уже не кажется ваша идея удачной, — расстроился Давид.

— Да ты что? С той поры знаешь, сколько миновало? Нет? Никто не помнит. Леса там выросли, озера и реки появились, зверья всякого видимо-невидимо, случается запы шастают, как по всему фронтиру. Говорят, что в первые годы горы рассыпались быстро, будто время продолжало там идти гораздо шустрее обычного или что-то сильно подтачивало их твердь. Но за века все успокоилось, и теперь неприступных скал почти нет. Разве что на севере остались. Почти везде холмы высоченные, долины между ними, и лишь по вершинам много камня непролазного. В ясную погоду видно, что склоны зеленые почти везде. Не волнуйся, Давид, — горы давно уже не мертвые.

— Утешил. Люди чем там живут? Села, города есть?

— Городами там называют три халупы, рядом поставленные, а если шалаш одинокий, то деревня. Не знаю, правда ли — рассказываю то, что от других слышал. Сел, думаю, нет, потому как в селе обязаны церковь держать, а люд тамошний если и вспоминает о святом, то лишь когда богохульствует. Чем живут? Да всяким. Скот пасут в предгорьях, ну и воруют его на востоке, отчего горцев там никто не любит. Сеют что-то крестьяне — им на роду написано сеять. Охотники пушнину добывают, ватаги сколачивают в верховья Подонца — там зубров и бизонов бьют сотнями и тысячами, потом шкуры или кожи везут сюда, на ярмарки, или

заезжим купцам отдают, хотя мало кто там торговать решается. Пройдут годы, и народ остепенится, станет все, как в Новограде, а фронтир отодвинется дальше на запад и юг. Земля очищается, бабы рожают быстро, и как ни мрут люди, а их все больше становится, и места всем не хватает. Потому и прут в опасные земли, причем кто зря не пойдет, только самые бесшабашные. Думаешь, отчего луддиты там не появляются? Одно дело тупым землепашцам головы морочить, а другое — крепким ребятам, которые крови не пугаются, умеют и лук натянуть, и мечом пырнуть. Проповедовать среди такой публики можно, но только один раз, после чего тебя на ближайший погост снесут. Ведь не просто так многие ушли, а потеряв родных на кострах или в застенках пыточных, куда за пустой оговор всякий угодить может. Закон всегда на стороне братьев, ведь суд им отдан. Что делать простому человеку, если не хочет с таким мириться? Только уходить восвояси. Вот и уходят.

Слушать разговоры Давида с Диадокхом Владу не надоедало — за счет этого он постепенно повышал свой уровень знаний о нынешнем мире. К тому же других развлечений в дороге не было. Ехал он в гнезде из мешков, прикрытом от чужих глаз грязной рогожей. Со стороны казалось, что повозка заполнена добром по край высоких бортов, но на деле настоящего груза было очень мало. Увы — финансы не располагали к тратам. Так что в основном работали пустышки с травой и ветками, создавая впечатление приличного имущества переселенцев. Вряд ли кто-то заподозрит, что там прячут двоих беглецов. Со стороны — заурядная картина: четверка молодых мужчин ищет лучшую долю.

Жаль, что повозка не отличается повышенной проходимостью, да и местность хоть пока что равнинная, но изобилует оврагами, ручьями с болотистыми берегами, полосами непролазного кустарника. Без дороги двигаться невозможно, а здесь велик шанс нарваться на любопытные глаза, потому приходится не терять бдительность.

Встречный народ — такие же крестьяне, только, скорее всего, настоящие. На чужаков смотрели странно, но здоровались вежливо и в расспросы не лезли. Лишь один, обгоняя на пустой повозке, пристал, но только мало что в уши получил. Диадокх неохотно буркнул, что едут они к дяде, который еще в позапрошлом году подался на запад, а теперь прислал весточку, приглашая тех, кто выжил. Вот и едут к нему. Куда именно? А чего ты такой любопытный? Хочешь гопам про нас рассказать, чтобы подстерегли потом на дороге? А где тут у вас ближайшего шерифа можно найти?

После таких вопросов любопытного сдуло попутным ветром, и больше

на таких не нарывались.

* * *

Ночлег устроили возле оврага, по дну которого журчал ручеек с чистой и холодной водой. Поставили на огонь котел — единственную посуду, пригодную для приготовления пищи, забросали в него прошлогодние вялые овощи — стоили они немного, а прикончить их желательно побыстрее. Похлебку сдобрили несколькими горстями пшена, Болтун накидал каких-то трав, посолил. Бурда получилась та еще, но даже Лена ела с завидным аппетитом, что свидетельствовало о несомненном прогрессе выздоровления.

Эх... сюда бы еще мяса хоть какого-нибудь...

Выскребая дно котла, Диадох вдруг заливисто расхохотался.

— Ты чего? — удивился Давид.

— Да представил, как нас сейчас на юге ищут. Небось всю реку прочесали с разных сторон, а без толку.

— На север пойдут, — буркнул Влад.

— Ну и что? Лодку мы утопили — не найдут.

— Зато в Трактовом расспросят и узнают, что была там пара чужих, продававших кучу наконечников от запов. И вспомнят, что мы, в Новограде появившись, то же самое делали поначалу. Да и в Форпосте тоже засветились с ними. Начнут спрашивать других и быстро поймут, что ушли мы сушей, на повозке.

— А ведь твоя правда... — нахмурился Диадох. — Ну день мы точно выгадали, а может, и больше. Дорог здесь очень много, крестьяне с чужаками говорить не любят, трудно будет узнать, куда именно мы подались. Здесь вся степь в селах и деревнях, а пути между ними, что паутина — всех никто не знает. Попробуй здесь найди кого. Рек больших нет, чтобы мосты можно было перекрыть, а через мелкие — много бродов. И горы вон — заметно ближе стали. Ты не видел, потому как вылез уже вечером, а мне хорошо заметно. И ведь это еще не целый день шли. Еще немного, и холмы потянутся, а потом выше станут.

— И дорог там станет гораздо меньше, — предположил Влад.

— Ну... наверное... Только и народ там уже не тот, да и не так много его.

— Ладно. Завтра идем так же — без остановок и всех любопытных вежливо отшиваем.

На следующий день, будто накаркал, довелось столкнуться с новым любопытным. И это оказался здешний шериф. Дорога привела к крошечному городку, домов в полста, и обогнуть его не получалось. Развернуться — тоже не вариант — подозрительно. Вот и пришлось через него проехать.

Жизнь в таких местах скучна и бедна событиями, так что проезд телеги с четверкой запыленных незнакомых крестьян можно считать сенсацией. Давид при виде лавки громко предложил реализовать накопившийся запас наконечников, возможно, даже на бартерной основе. Не зря ведь ночами заряжали копиры, пуская в них все новые и новые порции кандалов. Влад, помня, что с припасами дело обстоит туго, поддержал идею, и пришлось остановиться.

Городок не был избалован вниманием добытчиков, промышлявших по опасным землям, и такой товар получил статус эксклюзивного, тем более что за него не надо было платить серебром — переселенцы были согласны на обмен. В повозку отправилось несколько мешков с крупами и мукой, соль, сало, масло. Взяли немного посуды, лопату — в дороге нужный инструмент, пакет местного чая — грех не попробовать. И что самое приятное — удалось выторговать полукилограммовую свинцовую гирьку. Теперь будет из чего делать картечь. В разгар погрузки и пожаловал местный шериф.

Влад, слушая все из-под рогожи, еще не зная, кто пришел, заподозрил официальное лицо. Тот, поздоровавшись, как-то сразу, между делом, перекинулся парой слов с торговцем, выведав все детали совершающейся операции. Затем так же, ненавязчиво, начал выяснять, откуда идут переселенцы и где разжились такими чудесными наконечниками. Давид помалкивал — его говор слишком заметно отличался от местного, Лиля тоже держала рот на замке, зато Диадох пел за всех. Поведал о страшном море в Приуралье, о том, как померли все женщины и дети, о дяде, перебравшемся в эти богатые черноземом края и о его весточке с приглашением, которая дошла чудом. А что до наконечников, так по пути встретились с парой ватажников, промышлявших добычей древнего металла на юге, вот у них и купили, соблазнившись смешной ценой. Те были зверски пьяны и отдали за крошечные деньги. А сейчас вот оказалось, что припасов маловато, и стыдно пустыми перед дядей появляться.

Шериф повторил расспросы на разные лады несколько раз, привычно пытаясь поймать на расхождениях, и обошел повозку со всех сторон, после чего начал недоумевать, ведь мешков тугих в ней полно. На что Диадок честным голосом ответил, что почти во всех овес, а другой еды, почитай, не осталось уже. Дело, конечно, хорошее, вот только нравится он лишь лошадям, а человеку не очень.

В общем, до обыска дело не дошло, но разговор Владу не понравился. Если сюда нагрянет погоня, первым, кого начнут расспрашивать, будет именно шериф, а он обязательно запомнит все подробности. К тому же нетрудно понять, что в мешках вовсе не зерно, но по этому поводу ни слова не было сказано, что подозрительно. Или служитель закона попросту полный дурак, а это вряд ли.

Может, и Лилю мешками привалить? Да куда ее — места вообще нет, к тому же она и секунды тихо не может просидеть, ерзает и в разговоры вступает. А ведь как ни прячь лицо и грудь, а наметанный глаз легко ее от мужиков отличит.

Дилетантский у них подход к маскировке, но попробуй организуй что-нибудь получше в такой ситуации.

О! Надо ей челюсть подвязать и всем говорить, что ее лошадь лягнула. Тогда прекратят лезть с расспросами люди вроде этого шерифа, а то ведь женский голос замаскировать не получится. Да и лицо меньше выдавать будет.

ГЛАВА 23

Все, как прежде, — монотонная дорога и почти нескончаемый допрос Диадоха Давидом. Он и Болтуна пытался разговорить, но пока что тот не поддавался на провокации, вот и приходилось доить единственно доступный источник информации.

— А вот запы эти откуда взялись?

— Церковники говорят, что от грехов великих.

— Ага. Я полностью с ними согласен. Ну а на самом деле как?

— Что в начале было, про то я не ведаю. Всякое слышал: будто это дети и внуки людей, которые жили в тех краях, а потом, уже на войне, под яд небесный попали. Другие толковали, будто народ тот много якшался с вещами, оставшимися от саранчи звездной, и оттого другими стал. Одно я знаю точно — многие из ватажников сами запам становились. Истории не раз слышал, как те ловили наших мужиков, а потом пропавших замечали на Подонце с погаными вместе. И были они такими же дикими.

— Может, врут?

— Может, и так. Но только время от времени собираются запы большими бандами и далеко на север заходят. Три года назад почти до Новограда одна такая шайка добралась. По пути разоряют деревни, людей убивают люто, но многих с собой уводят, и если их встречают потом, то точно такими же. Женщин у запов опять-таки нет, а как рождаются тогда? Может, где-то на юге есть свои города или селения, где баб держат, а может, нет ничего такого, и попросту превращают других в подобных себе, тем и размножаются. Каким способом — не ведаю, а говорю то, что видел и слышал от других.

— А почему тебя не стали превращать?

— Наверное, не успели.

— Но товарища твоего просто убили. Зачем, если можно было сделать своим?

— Не знаю я, зачем. Кто их, поганных, поймет? Может, он им не подошел почему-то или другие соображения имелись.

— А почему этих запов до сих пор не перебили всех?

— Пробовали не один раз. Много их поселков разорили, но только те опять появляются. Говорят, с юга новые приходят. Туда ходить никто не станет. По слухам, раньше пробовали, но не возвращался никто. Ватажники только по краям касаются, а дальше ни ногой. Яд там древний или что

другое, да только смерть оно всем приносит, а может, и погибель души. Вот запам почему-то хоть бы хны. И как прикажешь их извести, если туда дороги нет никому? И еще слышал от деда, что повелось племя это от особых солдат, созданных в давние времена. Им тогда в жилы заливали часть крови от Техно, после чего они не знали пощады и страха, убивая женщин и детей без жалости. Может, вы, древние, лучше про такое знаете?

— Нет, Диадох. Те здания, что на юге, не в наше время поставлены. При нас совсем другое было — город там стоял, ничем не похожий на то, что теперь осталось. Я подозреваю, не один век прошел, прежде чем такое начали строить. Мы не знаем, что это за люди были, чем жили, что именно изобретали. Понятия не имею, о каком яде и саранче говорят ваши церковники. Впрочем, не удивлюсь, если они и сами этого давно уже не понимают. Потерянное знание превратилось в миф, мало похожий на реальность...

— А в ваше время жизнь была лучше?

— По мне, так гораздо лучше.

Влад счел нужным встрять в разговор:

— Не согласен. Как тебе сказать... Где-то лучше, где-то... Я вот грибок подцепил. Чем только его не выводил, как только не лечил. Денег столько угробил на это дело, да без толку. А попал сюда, и все — будто не было. И болезнями местными мы до сих пор не заразились, хотя должны, наверное — микробы нынче другие, иммунитета нет против них. Биота помогла? Не знаю... Хотя тебе это вряд ли понятно, так что лучше помолчу. С другой стороны, и убивать никогда не приходилось, и даже не видел такого, если не считать телевизор и кино. Правда, один раз умудрился. В тот самый день, когда все случилось. Но об этом я тебе расскажу чуть погодя. И еще никто не угрожал связать меня проволокой и залить свинцом, а здесь это обычное дело, если тебе верить.

— Луддиты на расправу не скупятся.

— Да, милые ребята... Пока что я так и не понял полную структуру вашего государства. У вас ведь нет единого правителя над всеми землями?

— Не... Ты что... Да и кто будет подчиняться такому? Как можно обо всем в одиночку заботиться? Никак ведь не поспеешь везде. Есть вольные края, где правят избираемые мэры или комиссары, есть целиком церковные земли, а есть диктатории, где правит один, по наследству или выбором из главных семей. По-всякому люди живут, и только Церковь у нас едина. Когда совсем плохо стало везде от яда и проявлений Техно, всем, кто сюда спасался, условие ставили: говорить только на старом русском и веру принять истинную, дурную напроць позабыв. Даже реформу церковную

провели, чтобы иноверцам проще было приживаться.

— У Церкви власть большая?

— В тех землях, где правят церковники, самая полная власть. В других по-всякому. Суд за ними высший, где-то и низший, каторги свои, стража дорожная тоже за ними часто, и прочее, все даже не упомяну. Если подумать, то да — выше, чем Церковь, правителей нигде нет. Разве что где-то далеко остались места без яда, с которыми связи нет, но про такое только байки ходят, а правду никто не знает. И еще есть церковники светские, а есть монастырские. Меж собой у них нелады. Раньше вторые сильнее были, но сейчас первые на себя перетянули, секвестры затевают один за другим, отчего одни беды простому люду.

Впитывая новую информацию, Влад занимался полезным делом. Скрючившись в своем укрытии, возился с копиром. Загрузил в приемное отделение скрутку медной проволоки, взятой бесконечно давно, а именно — десять дней назад со скелета перед светящейся дверью. Само собой — камни, глина и песок, ветки, листья, кости, горсть пороха отсыпанная из бутылки-бомбы, соль, куски кандалного железа, стреляные гильзы — спасибо, что в свое время догадался их собирать, хоть и не все сохранил. Не забыл про сулему и тушь сурьмяную.

На выходе получал продукцию — патроны для дробовика и пистолета. Всего вышло одиннадцать двенадцатого калибра и шесть для пистолета, после чего копир начал жаловаться на нехватку серы и ртути.

— Там никого не видать? — тихо спросил Влад из-под рогожи.

— Да вроде нет, — ответил Диадох.

— Ну тогда «ура»! Я одиннадцать патронов для ружья сделал и шесть для пистолета.

— Еще делай! — жадно потребовал Давид.

— Не могу. Вроде серы не хватает, и ртути чуть-чуть осталось. Сера разве нужна? Ты ведь ничего не говорил.

— Раз копир пишет, значит, нужна. Хотя и странно — порошок ведь не черный.

— И еще патроны у меня, похоже, двух видов. Один я вообще не могу скопировать, потому что для него требуется барий.

— Видимо, разные капсульные составы. Если не ошибаюсь, тот, что с гремучей ртутью, разрушает сталь при выстреле, и стволы быстрее изнашиваются. Так что на будущее лучше барием разжиться, хотя не имею понятия, где его можно взять.

— Редкий элемент?

— Да что ты! Полно везде. Только, хоть убей, не припомню, где можно

найти его минералы. Но зато точно знаю, что в морской воде его прилично растворено, и если получить из нее весь набор солей, то, наверное, одного килограмма хватит на сотню патронов, ведь капсули очень мелкие.

— Моря я здесь не видел.

— Можно и речную воду выпаривать, но это очень долгий процесс. Будем думать.

— Ладно — про барий пока забудем. Что по сере?

— Проще всего найти кусок пирита или гипса — тоже надолго хватит. Но можно и без них обойтись — серы в животной и растительной ткани прилично содержится. Тухлые яйца воняют так, потому что выделяют сероводород — обычный газ при разложении. Так что подбрасывай ветки и кости. Жаль, Лиля, ты волосы свои выбросила — тоже могли сгодиться.

— Ну уж простите! Может, мне ради вас вообще налысо подстричься?

— Надо завести какую-то емкость под остатки из приемника, — заметил Влад. — Если я сейчас очищу камеру, много полезного потеряется. Здесь же ртуть осталась, сурьма, свинец, а при работе копира все в мелкую труху превращается.

— Горшок глиняный, из тех, что для воды ребята взяли, сойдет?

— Сойдет. Главное, его не разбить по дороге.

— Не было печали! Приехали! — недовольно протянул Диадок.

— Что еще такое? — тихо спросил Влад.

— Брод впереди, и плохой очень. Берега топкие, дно, наверное, тоже. Лучше выгрузиться вам с телеги и помогать, а то, если завязнем, надолго можем застрять.

— Может, лучше объезд поищем? — предложил осторожный Давид.

— Какой объезд? Назад, через тот городок с шерифом любопытным? Скажем, что дядя неправильно дорогу описал? И время нам тоже терять нельзя. Выбирайся, Влад. Дорога вообще тихая, свежих следов нет. Видно, местные и впрямь объезд удобный знают, а мы вот уткнулись сдуру.

Влад, если честно, был только рад выбраться из заточения и размять ноги. Не так-то просто здоровому молодому парню целый день париться под рогожей, к тому же в скрюченной позе. Но не успел выпрямиться, как пришлось замереть — события начали развиваться в неожиданном направлении.

— День добрый, любезные труженики сохи. Куда это вы путь держите, причем по нашей роще и дозволения на это не спросив? Оно, конечно, спешка виновата, да только невежливо так с хозяевами поступать.

— Гопы, — напряженно сообщил Диадок.

— Много? — уточнил Влад.

— Пятерых вижу.

— Эй! Мил человек! Чего ты там под нос себе шепчешь? Аль грешным делом в штаны навалил от радости, что нас узрел, и мух теперь подзываешь на пир?

— Гнутый, чего это ты распелся? — спросили уже другим, более грубым и серьезным голосом. — Это же лапотники скудоумные, мукой притрушенные, нечего с такими упоками лясы точить. Все, как подсыл от Суслика говорил: три мужичка молодых и глупых, а с ними женка пригожая. Что ж вы, дурни, ее подстригли так коротко и в тряпье грязное завернули? Думали спрятать? У людей ведь глаза на лице, а не на задѹ, как, наверно, у вас. Грех такую красоту прятать. Да ты, барышня суконная, не стесняйся — смотри прямо. Сейчас узнаешь, как настоящие мужики охаживать умеют. Правда, братва?

— Гы-гы-гы!

Влад по шуму догадался, что расстояние между разбойниками и повозкой быстро сокращается. Смех уже в десяти метрах, если не ближе. Пора.

Откинув рогожу, вскочил на ноги. И впрямь пятеро: одеты практически в такое же крестьянское тряпье, выдавшее виды, вооружены копьями, переделанными из кос, гирьками на ремне, ножами, у одного топор. Да уж — небогато. Но какая дорога, такие и тати — в подобных местах сокровища инков не возят. Вряд ли это вообще профи, живущие разбоем, — скорее всего местные жители, устав бороться с неурожаем, начали таким образом подрабатывать. По-хорошему, их бы отпустить, отполировав морды кулаками, а копчики сапогами, но только не будет этого. Они увидели Влада и этим подписали себе приговор. Нельзя, чтобы начали рассказывать о странных переселенцах, в повозке у которых прячется парень огромного роста.

Ведь селяне здешние не привязаны к домам. Ездят в городки за товарами, на ярмарки и рынки продавать выращенное и добытое. Общаются с теми, кто проходит через их деревни: бродягами, гонцами, коллегами по образу жизни. До луддитов слух дойдет очень быстро, и можно не сомневаться, что по скорости они беглецов серьезно превосходят, и не догнали до сих пор только потому, что не знают, в какой стороне искать. А теперь узнают — рост Влада отличная примета.

Нет — не узнают.

Разбойники замерли, ошеломленные неожиданным появлением нового действующего лица — здоровенный детина вылетел из-под куска рогожи, будто чертик из коробочки. Вскинул дробовик, выстрелил. Вот на этот раз,

почти как в кино, получилось — передний, так и стоявший с разинутым ртом, мгновенно завалился на спину. Следующим упокоил того, что стоял чуть правее, потом того, который дальше всех находился, после чего спрыгнул с повозки, надеясь, что оставшиеся подрастеряли свой и без того невеликий боевой задор.

Так и вышло: один бросил копье, упал на колени, молитвенно вскидывая руки, второй, не расставаясь с топором, бросился в заросли. Припустив за ним, Влад крикнул:

— Всех добивайте! Никто не должен уйти!

Он надеялся, что переводить четвертый патрон не придется. Догонит, свалит с ног и ножом добьет. Копиры вещь хорошая, но пока что бесперебойное производство боеприпасов не налажено. Однако разбойник, подстегнутый его криком, припустил столь проворно, что стало очевидно — быстро затеряется в чаще, разросшейся у реки. Пришлось выждать момент, когда тот выскочит на прогалинку, и тогда, не опасаясь, что картечь остановят ветки и деревья, подстрелить. Причем не слишком удачно — разворотил бок, после чего гоп некоторое время бежал даже быстрее. Но кровопотеря быстро сделала свое дело, и вскоре Влад взялся за нож.

Вернувшись, обнаружил, что приказ выполнен — раненые добиты, тот, который молил о пощаде, тоже лежит с раскрытой головой. Диадох с Болтуном деловито обыскивали тела, стаскивая в кучу немудреные ценности.

— Трупы в реку, как с теми луддитами, которые в городе первыми попались, — приказал Влад. — И в темпе — нам еще телегу через брод перетаскивать!

Все сделали быстро и без разговоров — попадаться кому-нибудь на глаза при таких обстоятельствах не хотелось, а на грохот выстрелов кто угодно мог заглянуть. К тому же Диадох впервые видел и слышал вблизи работу дробовика, а Болтун и вовсе не имел представления об оружии древних, так что прониклись оба — поглядывали на ружье с испуганным уважением. Только теперь осознали, почему их спутники такое внимание уделяли проблеме каких-то непонятных патронов.

Да — это вам не лук. Диадох даже натянуть тетиву не успел, не то чтобы выстрелить. Слишком быстро закончился бой. Точнее — избиение.

Уже на другом берегу рыжий сплюнул и злобно протянул:

— А шериф тот был на суслика мордой похож. Помните?

— Я его не видел, — ответил на это Влад.

— Чем-то да, похож, — согласился Давид. — Будто у норки со сложенными лапками стоял. Почти так же — пальцы за пояс засовывал, а

он у него очень высокий.

— А гопы как раз про какого-то Суслика говорили. Сдал он нас.

— Шериф с разбойниками якшается?! — удивилась Лиля.

— А то ты ментов не знаешь?! — усмехнулся Давид. — Все сходится — он тогда хорошо тебя рассмотрел и понял, кто ты. А эти четко знали, что тут трое крестьян и женщина переодетая. Мало нам было луддитов, так еще гопы нарисовались.

— Да разве это гопы, — презрительно отмахнулся Диадок. — Мошкара трусливая. Шериф совсем жадный, раз не брезгует крестьян проезжих грабить.

— Ведь рядом с городом, на его территории — это просто наглость, — заметил Влад.

— Не его уже. Он в городе за порядком смотрит, а дорога городских не касается. И вообще мы проезжие, заступиться за нас тут некому. Легкая добыча. Это в смысле, что он решил, будто добыча легкая. А мы с острыми зубами оказались. Ох и громко рокошет твоё оружие — будто гром гремит. Это что же — на один грохот один патрон требуется?

— Да.

— Тогда надо их побольше наделать. С таким оружием нам даже сотня луддитов не страшна.

— Это ты загнул. Я могу быстро выстрелить четыре раза или даже пять, но потом придется перезаряжаться, и это займет время. Видишь трубка нижняя? В нее всего четыре патрона помещаются, а пятый можно в верхнюю загнать. Нижняя называется магазин, а верхняя — ствол.

— Магазины в городах бывают. Это лавки большие.

— Просто слова одинаковые. Верхняя трубка — ствол. Вот именно из него вылетает картечь свинцовая. Помнишь бутылки и камешки на них?

— Ну да.

— Так вот картечь — это шарики из свинца, и летят они куда быстрее тех камней. Думаю, даже кольчугу пробьют хорошую, если не очень издалека.

— А панцирь?

— Не знаю. Смотря какой. Кстати — насчет расстояния. Воооон, то дерево видишь, что к воде склонилось?

— Ну.

— В него мне уже трудно попасть будет, а еще труднее всерьез подранить человека рядом с ним. Разве что пулей, но ею попасть гораздо сложнее.

— Гы! Да я из лука легко!

— Вот-вот! Так что насчет сотни луддитов забудь. Даже если бы у каждого из нас имелся дробовик, они издали стрелами засыпят безнаказанно.

— Понятно.

— Раз понятно, я назад, в повозку, и сваливаем отсюда в темпе. И так столько времени потеряли.

ГЛАВА 24

Брат Рамоний не слез — едва не грохнулся с лошади. Зад одеревенел, бедра горели огнем, в спину будто прут раскаленный вонзили, да так жестоко, что вошел в районе шеи, а выбрался около копчика. Шуточное ли дело — третий день в седле, почти без сна. Тут любой страдать начнет. Бросив поводья Мерхаку, попросил:

— Напои коня и спроси у торговца, где здесь можно купить лошадь. Ты без заводной остался, а это не дело. А я пойду с шерифом поговорю — вон, показался уже.

Шериф, как лицом, так и движениями суетливыми, да и позой смешной чем-то напоминавший степного суслика, и впрямь не смог пропустить появление в городке троицы всадников. Все серьезного вида: в черное одеты, будто на похороны собрались, при мечах на поясах, к седлам у парочки приторочены самострелы. Кони хорошие, причем числом пять штук, что не совсем понятно — если заводные, то каждому по одному должно полагаться, иначе нехватка получается.

В общем, служитель закона направился разбираться. Не такое оживленное здесь место, чтобы появление даже одиночного чужака власти проигнорировали. От троицы отделился один, статный, средних лет, с загорелым обветренным лицом, выдающим человека, слишком много времени проводящего на открытом воздухе. Встретились напротив входа в лавку, причем гость городка представился первым:

— Рамоний, орден святого Лудда.

Шериф, бросив изучающий взгляд на его крест, мгновенно поскущнул и сильно пожалел, что проявил интерес к чужакам. Глядишь, и без разговора могло обойтись. Но теперь деваться некуда:

— Приветствую, тебя, уважаемый. Меня зовут Салик. Я здешний слуга закона.

— Я уже догадался. Скажи мне, уважаемый Салик: не проходили через ваш тихий городок чужие люди? Речь идет о последних днях. Их несколько человек, среди них могут быть две женщины, из которых одна хвора, а вторая длинная и худая, один рыжий, один невысокий и с очень широкими плечами, при топоре, один рослый и жирный, хотя и не как боров. А еще мог быть почти великан — молодой мужчина. Скорее всего они передвигаются на широкоосной двухлошадной повозке с высокими бортами. Вроде тех, что у обозников военных, если доводилось видеть

такие.

Слушая описание разыскиваемых и их транспортного средства, Салик лихорадочно думал, что же ему на это отвечать. Когда он послал мальчишку с запиской к Щелястому, то ожидал, что дело не займет много времени. Заранее поставил условие, чтобы погубили всех — никто не должен уйти. Тела подальше в рощу затащить, а туда волки часто наведываются и быстро до костей обточат. Искать их некому — чужие, а если кто и объявится, то можно честно сказать, что были такие, но ушли дальше. Себе заранее вытребовал все, что везла повозка. Скорее всего, там наконечники ценные должны оставаться — не все же эти жадины отдали. И вообще там, похоже, много чего интересного. Не зря ведь про овес ввали — по виду мешков любой упок поймет, что зерном там и не пахнет. Скрывали что-то, а что обычно скрывают? Правильно — ценное имущество. С лошадьми не стал связываться. Мало того, что клячи старые и никому не нужные, так еще приметными могут оказаться, и доказывать потом, откуда кровавый товар взял. Жизнь шерифа в такой мелкой дыре скучна и бедна, вот и приходится изворачиваться. Давно бы сменил место, да только все хорошие давно заняты, и конкурентов там не терпят.

От Щелястого целый день не было известий, мальчишка, вновь посланный на хутор, вернулся с плохими новостями — старший ушел и больше не объявлялся.

Куда делся? Воображение Салика тут же нарисовало три огромных мешка, доверху набитых легендарными наконечниками запов. Этот товар везде с руками оторвут, а в северных землях за него можно выручить вдвое больше, чем здесь. Наверное. Ох не зря переселенцы груз рогожей прикрывали — было что прятать. Неужели этот тупой бык решил объегорить благодетеля, подавшись отсюда с захваченным сокровищем?

И почему он сам не обыскал телегу?! Идиот! Не хотел переселенцев настораживать!

Мучимый дурными предчувствиями Салик на рассвете при помощи пинков поднял с супружеского ложа тугодума-помощника, велел ему вооружиться, сам прихватил саблю и арбалет старый, после чего направился разбираться с гнусным негодяем.

Но для начала решил осмотреть брод, где все должно было случиться — ведь сюда подались чужаки и в этом месте неминуемо должны были остановиться, наткнувшись на препятствие. На лугу обнаружились подозрительно примятая трава и пятна на зелени, очень похожие на кровь. Заметив на топком берегу следы волочения каких-то тяжелых предметов, Салик загнал помощника в воду, велел шастать туда-сюда, ногами

прощупывая дно. Это принесло результат — удалось найти тело. Выглядело оно плохо — с распоротым животом, из которого выпал слизкий ком плотной глины, с лицом, разбитым наполовину, но во второй половине легко угадывалась вороватая физиономия Гнутого — правой руки Щелястого.

Что тут произошло? Почему Гнутый так нехорошо помер? Кто его упокоил и так по-бандитски похоронил? Чужаки? Да они с виду мухе крыло всей кучей оторвать не смогут, не говоря уже о большем. Хотя, если вспомнить... Зачем женщину так скрывали? Чтобы в пути ребятишки крутые не соблазнились да не потешились? И чего им такой радости бояться? Бабе ведь только в прибыль, а до прибýtка все крестьяне жадные.

Как-то все подозрительно, причем только тогда до Салика это начало доходить. Или он зря на чужаков наговаривает? Может, подельники Щелястого перессорились и до смертоубийства дошло? С чего бы вдруг? Наконечники не поделили? Или что поценнее обнаружилось?

Так ничего и не узнав, Салик вернулся в город. А теперь вот заявили луддиты в поисках тех самых крестьян. Да крестьян ли? Ох, непросто все... И что ему теперь отвечать? Что были и ушли себе дальше? А ну как допрос устроит, мелкие детали выпытывая? Не хотелось бы, чтобы о скользком приработке узнали посторонние. Тем более ТАКИЕ посторонние. Это, конечно, грех невеликий, сам он к поганому не прикасается, в церковь, единственную на всю округу, ходит регулярно, соблазнам страшным не поддается, да и не было их здесь отродясь. Но попробуй им объясни потом. Хоть в Новой Земле суд за ними только церковный, но вздернуть шерифа всеми забытого городка могут легко, и никто их проклинать за такое не станет.

Сказать, что знать ничего не знает? Это, конечно, можно, да только вряд ли уже получится. Вон — второй черный в лавку подался, а там ему обязательно расскажут и про чужих, и про наконечники. И тогда Салику точно не поздоровится — врать луддитам, конечно, можно, но не вздумай на этом попадаться.

Вот такие мысли стремительно пронеслись в голове погрустневшего шерифа, пока Рамоний рассказывал о приметах беглых и их повозки.

— Были такие здесь, — решил Салик. — Повозку я видел и еще видел рыжего. Коротышка там был плечистый, хоть и без топора. Какой-то парень среди них ходил уж очень странный на вид — нежное лицо, будто женское, тощий и высокий. Сейчас вот думаю — а не баба ли переодетая, вымахавшая с оглоблю? Но хворой не выглядела — наоборот. Великана

точно не было — его бы я точно заметил. Разве что в повозке спрятался. Ну так на лиходеев они не походили, я и не стал их задерживать или обыскивать. Вы уж простите за нерасторопность, но откуда мне было знать?

— Когда они здесь были?

— Позавчера, где-то между утром и полуднем.

— Что делали?

— В лавку заехали, провиант разный брали, посуду, еще какие-то мелочи. Расплачивались, что интересно, не деньгами, а наконечниками для стрел, которые у запов добывают.

Рамоний с тоской поглядел назад. Если скакать сутки напролет и там быстро найти Либерия, появится шанс организовать нормальную погоню. Да только время будет безнадежно упущено, а беглецы и так почти на два дня обгоняют даже его тройку, дальше всех ушедшую. В самом лучшем случае получится разрыв уже дня в четыре. Теперь он убедился, что древние двигаются к горам, а там истинной Церкви действовать гораздо сложнее, если не сказать хуже.

Шериф местный недотепа тот еще, хотя чего еще можно ожидать в таком пыльном убогом месте? И слишком туго соображает — вон как долго молчал после описания примет. Здесь, наверное, все такие. К ним можно заходить в дома, выбивая двери, собирать в мешок все ценное, неспешно прелюбодействовать с женами и дочерьми, выходить, громко хлопнув дверью, и лишь на улице в спину услышать малость запоздавшее приветствие.

Древние погубили шесть братьев. Целых шесть. Причем сами не потеряли никого, а двое погибших сгинули бесследно. И это в городе, где у каждого угла сто глаз! К тому же они умеют завлекать к себе людей. В рыжем почти сразу был признан пришлый северянин по имени Диадох, в коем не без оснований подозревали беглого с монастырских земель. А в Трактовом с рыжим был непонятный коротышка, и вовсе неизвестный. Поди пойми, сколько их теперь. Или они облик менять умеют? Великана уменьшили? А что — всякое может быть. От технотварей что угодно можно ожидать.

Рамонию не поставят в вину, если он вернется за помощью. Ведь всякий поймет — трое ничего не сделают там, где шестеро приняли смерть. Но и похвалы за такое поведение не жди. Да и за спиной шепотки пойдут, что трусоват брат оказался.

Он не был трусом, но и к безрассудным дуракам не относился. Противник силен, непонятен и опасен. Гнаться за ним в прежнем составе

смысла нет, — сам сгинет и людей своих без толку погубит. Придется выкручиваться за счет местных ресурсов.

— Шериф, мне нужно срочно послать гонца в Трактовый. На месте ему хорошо заплатят, но только если действительно прискачет быстро.

Прикинув в уме вероятный барыш, Салик решил тут же заполучить долю:

— Помощник мой дурак еще тот, но наездник отменный — быстро доставит.

Тот ведь и впрямь дурак — наивно верит в любую чушь, что ему шериф в уши заливает ведрами, и ни на миг не усомнится, что награду следует поделить на две равные части, одну из которых отдать Салику. Хотя какая, к Техно, половина?! Ему и четвертой части жирно будет!

Сладкие мечты обломал луддит:

— Ваш помощник пригодится мне здесь.

— Зачем? — спросил шериф, тщательно скрывая следы разочарования.

— Мы должны догнать эту повозку. Люди, точнее, твари в облике людском, на ней странствующие, опасны. Они уже убили шестерых и будут убивать еще.

Это он верно подметил. Салик мысленно прибавил к числу жертв еще пятерых, только теперь догадавшись, куда запропастилась шайка Щелястого. Можно поспорить на что угодно — остальная четверка возле того же брода на дне лежит. Небось раки тамошние в шоке от нежданно свалившейся радости.

— Мне нужны добровольцы. Соберите отряд из вызывающих доверие горожан, причем сделать это надо быстро. У каждого должно быть при себе две лошади, оружие, запас еды на неделю. Предупредите, что берем только опытных и выносливых наездников, потому что гнать будем почти без остановок. По окончании погони каждый участник получит хорошее вознаграждение, для чего я лично приведу отряд к церковной канцелярии.

— Можно поинтересоваться насчет размеров вознаграждения? — деловито уточнил шериф.

— Двенадцать северных марок за день погони.

— Каждому?

— Да. Если кого ранят в бою, получит вдобавок еще тридцать и бесплатное лечение биотой. Возможно, даже больше дадут, но своей властью я обещать это не могу, лишь надеюсь. Лично вам, если быстро соберете отряд и лично его возглавите, наградные будут вдвое увеличены, а вашему помощнику в полтора раза.

Салик тут же решил, что обычной оплаты помощнику более чем

достаточно, и понял, что за день можно запросто срубить тридцать монет. При таких перспективах не очень хотелось торопиться со сбором отряда — надо бы как можно больше людей созвать, чтобы вся округа потом была ему обязана за приработок, но подлый луддит отдельным условием выставил быстроту.

Ладно, кое-какой народ собрать Салик сможет без задержек. Городок бедный, межсезонье на дворе — народ от безделья предается мелким грехам и скуке. Да если подумать, то получается, что от большой толпы и смысла нет — ему за количество доплату не пообещали, так что в окрестные фермы гонцов слать не станет. Хватит местных бездельников.

Надо еще как-то раскрутить их на то, чтобы поделились прибылью со своим шерифом, подогнавшим им непыльную работенку, а потом поводить луддитов за нос, как можно дольше затягивая погоню.

Рамоний плохо знает жизнь, раз пообещал оплату за каждый потраченный день.

* * *

В отличие от Салика, даже не задумавшегося о причинах столь щедрой оплаты, Рамоний жизнь знал прекрасно и к тому же не страдал забывчивостью. Отлично помнил, что древние уже убили шестерых, а может, и больше. Глядишь, и количество тех, кого придется награждать, окажется поменьше первоначального числа добровольцев.

Живые получают по двенадцать, раненые надбавку за кровь и бесплатное лечение, а мертвым луддит ничего не обещал.

ГЛАВА 25

Горы вздымались стеной, подпиравшей всхолмленную степь. Хребет, прежде казавшийся бесконечно далеким, вырос чуть ли не на полнеба. Уже можно было разглядеть детали: лесистые пологие склоны предгорий, бесплодные скальные зубья, заснеженные вершины, проглядывающие далеко на севере. Казалось, до цели рукой подать, но это лишь обман зрения — к ней еще ехать и ехать. Тем более с привалами и непредвиденными задержками, как сейчас.

Пусть каменные вершины еще далеко, но предгорья усердно подготавливали путников к встрече с ними. Чем далее, тем скуднее становилась почва, все больше и больше попадалось камней, причем зачастую очень крупных, скалы взрезали землю куда ни глянь — в любом овражке или береговом уступе еле заметного ручейка. Подъемы сменялись спусками, деревянная повозка, купленная недорого со всеми вытекающими из этого последствиями, начала проявлять себя с не лучшей стороны. Вот и сейчас ни с того ни с сего отвалилось заднее правое колесо и весело укатилось вниз. К тому времени извивающая дорожка вывела как раз к вершине невысокой, но очень широко раскинувшейся холмистой гряды, и гнаться за ним пришлось далековато. Теперь Диадокх и Болтун прилаживали его на место, а ничего в этом не понимающие остальные беглецы занимались кто чем.

Влад возился с копирами — заряжал и вычищал короб для сырья. Сверху обзор отличный, и появление посторонних можно будет заметить издали, успев спрятать преступные предметы и приметных людей. Иногда мир отсутствия оптики радует приятными возможностями.

Кувшин, предназначенный для нереализованного сырья, был заполнен уже почти наполовину. В данный момент Влад вычищал в него труху из второго копира, лениво подумывая, что, если не решат проблему добычи всех элементов периодической системы, в итоге погрязнут в отходах, складываемых из-за жалких миллиграммов редких компонентов. Вот бы их как-то отделить от общей массы ради компактного хранения.

Было скучно, и своей задумкой он поделился с Давидом. А тот вдруг возьми да брякни:

— Не знаю, как ты управляешься с этими штуками, ведь ни кнопок, ни рычагов, ничего другого нет — или темнишь в чем-то, или гений непризнанный. Но ты там, в голове своей, полистай инструкцию, если есть,

или просто покопайся. Техника очень непростая — выделяет из сырья нужные элементы в нужных пропорциях и группирует атомы так же, как в образце. Может, там отдельно предусмотрена функция выделения элементов и в придачу даже накопления их где-то во внутреннем хранилище, а то что за ксерокс без картриджа. Так что обязательно покопайся.

Управление копиром было простейшим. Несколько строк меню — выдели нужную, и действие совершится: выдвинется лоток для сырья, запомнит параметры объекта, скопирует. Все что пожелаешь. Надписей вроде «Выделить элемент» Влад не замечал по причине их отсутствия. Но сейчас, изучая все то же меню, вдруг обратил внимание, что буквы стали четче, строки разделились на два ряда, сгруппировавшись в простенькую табличку. Или он случайно что-то нажал не так, или прибор каким-то образом оптимизировал связь с владельцем.

Надписи «Другое» в конце списка он что-то не припомнит. А она тем не менее есть. А ну-ка...

Спустя несколько секунд, когда первое ошеломление схлынуло, Влад с головой забрался в изучение прочих возможностей прибора. Какое там выделение элементов — это еще цветочки в сравнении с тем, на что, оказывается, способен копир.

И как он раньше не замечал эту строку?!

Хочешь выделить из сырья нужный элемент? Без проблем — просто выдели его символ в раскрывшейся таблице. Проблема все же есть? Какая? Его всего-навсего пара сотен атомов, и ты даже не заметишь их в лотке выдачи? Да нет никаких проблем — выбери пункт «сохранить». Превратить копир в полноценный склад не получится, но около килограмма поместиться должно.

— Давид.

— Что?

— Ты гений.

— Спасибо на добром слове. Неужто нашел?

— Да. Сам не пойму, как раньше не заметил. Тут изменения произошли, и, возможно, просто не видно было. В общем, копир может любой элемент выделить и даже сохранить в небольших количествах.

— Приятная функция.

— Да это еще цветочки. Тут есть что-то вроде описания модельного ряда. Начиная от малых копиров к средним и далее к большим, с камерой выдачи примерно в два кубических метра.

— Во как? Да ведь это уже не копир, а цех какой-то. Можно

мотоциклы производить, к примеру. Сырье лопатами загружай, выделяй, что нужно, остальное высыпай. Удобно. Нам бы такая штука не помешала, только где ж ее найти...

— В том-то и дело, что искать не надо!

— Как это?

— У копира есть функция «Нарастающая репликация». Если надо, он превращается в следующую модель того самого восходящего ряда, уже более крупную. Ее можно еще раз переделать, и так далее, до того самого, с камерой в два куба.

— Судя по тому, что ты до сих пор не бросился переделывать, есть какие-то трудновыполнимые условия?

— Естественно. Копир должен быть прилично заряжен и находиться в положении для работы. И еще нужна целая куча элементов, причем я даже понять не могу, каких. Не все — знакомых много, но про остальные ничего не знаю.

Давид протянул Владу острый камешек, показал на выход ровной плиты песчаника рядом:

— Нарисуй значки, которые тебе непонятны.

Влад начал нацарапывать символы, и вскоре Давид выдал вердикт:

— Мало кто помнит про эти элементы из-за того, что таблица Менделеева, по сути, трехмерна.

— Не понял?

— Ты никогда не обращал внимания, что обычно три семейства выпадают из общего полотна — для них в таблице оставлено по одному месту, а сами ряды элементов приводятся ниже, потому что на двумерной бумаге иначе трудно отобразить.

— Что-то такое помню...

— Лантаноиды, актиноиды и суперактиноиды. По-хорошему эти семейства надо перпендикулярно основному полю размещать, но приходится выкручиваться по-другому.

— К чему ты это объясняешь?

— К тому, что мало кто из студентов или, тем более, школьников обращает на них внимания. Элементы эти редкие, заданий с ними не задают, и вообще глаз хуже запоминает то, что на периферии. Даже я могу ошибаться во всем, что сейчас наговорил. Ну что ты хотел от недоучки? Но если я прав, то для увеличения копира понадобится куча элементов из лантаноидов. Их принято называть редкоземельными.

— Я так понял, от слова «редко»? — нахмурился Влад.

— Да. Думаю, среднее содержание в земной коре таких элементов

граммы на тонну или доли грамма. А нам понадобятся килограммы. Вот и представь, сколько породы потребуется переработать.

— В сырьевой лоток вмещается около пары литров. Допустим, два кило камней легко влезет. Тонну придется загружать пятьсот раз, ради получения килограммов лантаноидов эту цифру можно умножать на тысячу.

— Учти — копир еще и энергию расходовать будет. Не знаю, сколько, но будет.

— Сейчас проверю, — буркнул Влад, засыпая лоток для сырья отходами из кувшина.

Затем выбрал в меню «Выделить свинец в виде металлического слитка с температурой окружающего пространства», оценил полученный кусочек примерно в десять грамм и, прикинув, на сколько процентов процесс разрядил батарею, еще больше приуныл:

— Тут, думаю, совсем просто было элемент выделить, я ведь свинец в чистом виде добавлял. Но даже для килограмма металла из такого сырья понадобится несколько раз заряжать копир. Итого, на одну модификацию придется пятьсот тысяч раз делать загрузку и неизвестно сколько раз зарядку. В самом лучшем случае это около полумиллиона минут — сам переведи в дни.

— Примерно год непрерывной работы одного копира, — быстро прикинул Давид. — Цифру можно смело умножить на два, но потом разделить, потому что копиров у нас два. И сколько выгадаем при этом в итоге? Что получится?

— У нового копира все объемы удвоены. Пистолет вряд ли сможем скопировать — он даже в разобранном виде не поместится. Хотя точно не знаю... А вот в следующем номере копира обязательно влезет — там опять удвоение. Даже если не получится, четвертая модель точно справится.

— Но, как я понимаю, редкоземов потребуется гораздо больше?

— Да. Нереально столько добыть. Кремний, алюминий, медь и прочее — не проблема, а вот эти...

— Я тебя нечаянно ввел в заблуждение. Да — содержание лантаноидов в земной коре ничтожно. Но при этом их активно применяют в промышленности, и стоят они не так уж дорого. Так же, как другие редкие элементы, образуют повышенные концентрации — месторождения. Найдем такое — и все проблемы решим.

— Ты уверен, что найдем?

— Нет. Но тогда найдем водотоки, размывающие гранитные массивы, а лучше пегматитовые поля, обогащенные редкоземами. Не уверен, что с

моими любительскими познаниями смогу это сделать, но у нас ведь имеется своя химическая лаборатория с экспресс-анализом. Будем добывать шлихи на разных реках и ручьях, пока не найдем те, где высокое содержание нужных нам элементов.

— А найдем?

— Есть такой минерал — монацит. Он чуть ли не везде встречается. В войну немцы им присыпали свои деревянные мины, не содержавшие металлы. Чтобы потом снять минное поле, ходили со счетчиками Гейгера — монацит радиоактивен. И редкоземов в нем просто прорва.

— Так его везде можно намыть?

— Нет, но не такая уж великая редкость. Посмотри туда, — Давид указал на север. — Диадок говорил, что эти горы, едва возникнув, начали быстро разрушаться. Туда даже люди не могли сунуться — непрерывные обвалы, камнепады, селевые потоки. Это продолжалось веками, пока все внезапно не успокоилось. Странно, конечно, но откуда нам знать, что за природа была у того оружия? На поверхность при этом подняло прорву самых разных глубинных пород, а потом очень быстро размыло. В ручьях и реках отложились тяжелые минералы. Влад, кто ищет, тот всегда найдет, тем более в таком месте. Выберем дерево подходящее, вырежем нормальные лотки, чтобы с мисками убогими не корячиться. Как попадетсЯ богатое место, поэффеКтивнее оборудование соорудим. Один копир на зарядке всегда будет стоять, второй в работе. Справимся, хоть попотеть и придется.

— Мало нас для серьезной работы. Надо ведь еще и жить чем-то.

— Ерунда. Люди там есть, а где есть люди, там всегда развиты товарно-денежные отношения. Будем теми же наконечниками заниматься.

— Страшновато мне опять за них браться. Слишком заметный след оставляем. Ведь всем интересно, откуда мы столько приволокли? У запов десятка три взять за счастье, а мы торгуем сотнями.

— Можно другой кузнечной мелочовкой заняться. Те же гвозди, например, или цепи делать, копируя одно звено. В шлихах, помимо редкоземов, много чего попадаетсЯ. Железо, само собой, но еще и золотишко, платиноиды, серебро, цветные металлы. Мало, конечно, но попутно добывать реально, так что приработок будет.

— У меня почему-то дурные предчувствия. Даже с учетом тех разбойников, очень легко продвигаемсЯ, а тут еще такие отличные новости...

— Ну хоть в чем-то же нам должно повезти? Диадок сам не знает, где мы, но уверен, что через два-три дня в такие места забредем, куда луддиты

без большой армии сунуться не рискнут. А собрать ее не так просто, тем более в этих краях.

— В данный момент к дробовику у меня девять патронов с картечью, четыре с дробью, один пулевой. Сейчас можно без проблем выделить серу, накапливая ее по чуть-чуть в копире, и потом изготовить еще. Запасусь патронами до полного разряда копиров.

— Да. Мало ли — ружье здесь аргумент весомый.

— Нам надо как можно быстрее сделать большой копир, где реально скопировать дробовик. Он не вечный, тем более что у меня нет инструментов и смазок хороших для него. До этого момента надо пользоваться им пореже, чтобы не изнашивался. Потом внесу его в память прибора, и можно хоть об пень разбивать.

* * *

К вечеру погода начала ухудшаться, солнце быстро померкло, а потом хлынул такой ливень, что, несмотря на все предосторожности, сильно намок груз, не говоря уже о людях. Хлестало так, что дорога превратилась в грязевую реку.

Укрытия не было — каменистые пустоши да лысые холмы в гривах скальных выходов. Даже деревья перестали встречаться — крестьянам неинтересна столь скудная земля. Нет — где-то рядом они жили, но выбирали участки с плодородной почвой, которой здесь почти не наблюдалось.

Непогода так напрягала, что Влад даже был готов изменить своим же правилам и попроситься на ночлег. Да только не к кому — могильная темень кругом, не нарушаемая ни единым огоньком.

Ночь тянулась очень долго, а под конец, вымокшие и замерзшие, они столкнулись с новыми неприятностями.

Судьба словно мстила за удачное открытие новых свойств копиров.

* * *

Неладное заметил Болтун, когда встал на пост — сменялись по очереди. Костер почти не горел — лишь дымил. Дрова нормальные здесь были редкостью, а после дождя тем более все отсырело. Хорошо, что местные ребята в любых условиях легко огонь разводили. Влад и сам так

умеет, но возиться приходится подольше — для него это все же скорее хобби, потому как часто на рыбалки в глушь выезжал, а вот для них — важная часть жизни. Но даже им не удалось собрать приличное количество топлива — пришлось экономить.

Когда Влада толкнули в плечо, он проснулся мгновенно и так же мгновенно подобрался. Пусть и попал сюда всего две недели назад, но тело уже уяснило, что для сохранения шкуры нельзя ни зевать, ни суетиться. Из темноты незнакомым голосом тихо прошептали:

— Зверье приближается. Хреновые дела.

Только тут дошло, что это не чужак, а всего лишь Болтун. Неудивительно — ни слова от него до сих пор никто не услышал.

Поднимаясь, Влад тихо произнес:

— Буди остальных.

Развернул относительно сухой кусок вощенного холста, убедился, что вода до дробовика не добралась. Это хорошо — какие бы звери ни водились в предгорьях, вряд ли им понравится картечь. Сейчас у него с нею двадцать шесть штук, четыре все тех же дробовых, а на самый тяжелый случай три с пулями — ими даже лося-переростка можно свалить или гризли. К пистолету двадцать четыре патрона — штука не такая серьезная, но тоже хорошая. Влад чувствовал себя вполне уверенно.

Диадох, отойдя от костра, быстро вернулся и сообщил:

— Сволки. Стая. Не знаю, велика ли, но вряд ли меньше десятка.

— Это что за твари? Волки? — не понял Давид.

— Нет. Не совсем. Похожи на волков, только шкура цветастая, будто у пятнистых собак. И волк только в бескормицу опасен, а эти в любую пору. Поодиночке их не увидишь или там парами — если ходят, то не меньше десятка, а иногда совсем уж несусветные стаи собираются.

Влад, было испугавшись, что сейчас подвергнется нападению мутантов вроде памятного «слоника», успокоился. Всего лишь помесь волка и собаки. Обычный зверь, почти милый.

— Может, они не станут нападать? — испуганно спросила Лена.

— Да запросто, — согласился Диадох. — Они сейчас просто наблюдают. Если решат, что мы слишком для них сильны, то могут уйти.

— Давайте костер побольше разведем, — предложила Лиля. — Все звери боятся огня.

— Сволки не боятся, — ответил на это Диадох, но охапку сырых веток все же подбросил, отчего некоторые из спутников тут же закашлялись.

— Девочки — лезьте на телегу, — приказал Влад.

— Так лучше будет, — одобрил Диадох. — А мы станем спинами к

повозке и не подпустим их.

— Может, самим туда забраться? — осторожно предложил Давид.

— Нет. Они тогда лошадей точно загрызут, да и нам туго придется, если начнут прыгать со всех сторон. Ловкие твари. Если с той, что в лицо вцепиться норовит, еще можно справиться, то с теми, что сзади накинута, уже труднее. Спина должна быть прикрытой.

Лошади начали испуганно ржать, затравленно поглядывая по сторонам.

— Они приближаются, — зловеще предостерег Диадох.

— Ты их видишь?

— Нет. Но слышно, как лапы по воде шлепают, а лужа здесь одна всего осталась — воон там, неподалеку. В других местах вода быстро впиталась.

Влад вытащил из мешка одну из бутылок, поднес фитиль к костру, дождался, когда тот, зашипев, займется искрящим огнем, швырнул без сильного размаха, стараясь, чтобы с землей сосуд соприкоснулся боком и дальше пошел накатом. Расчет оправдался — бомба упала без трагического звона, покатилась, то ярко вспыхивая, то почти затухая, а затем вдруг оглушительно лопнула, ослепив вспышкой.

Зазвенело, о бок повозки что-то ощутимо стукнуло. Запоздало подумал, что могло и самого задеть, пусть и не сильно — оружие все же сомнительное и ни разу по-настоящему не опробованное. В ответ на фейерверк никто не взвизгнул от боли, не завыл в предсмертной тоске, не побежал прочь с обиженным поскуливанием. Вместо этого в пламени опадающего взрыва Влад на миг успел увидеть вытянутые тени, мчавшиеся к повозке. Десять, двадцать? Не успел ни сосчитать, ни осознать. Просто подхватил дробовик, прижимая приклад к плечу.

Повезло, что грозовые тучи успело унести и жалкие обрывки облаков не могли скрыть землю от лунного сияния. Не сказать чтобы стало светло, но разглядеть движущийся объект можно даже после того, как неподалеку вспыхнул увесистый заряд нитропороха.

Прицел в середину мчащейся массы, выстрел. Вой, визг, рычание злобное, но не разглядеть — успокоил ли хоть одного всерьез. Ввести, выстрелить. Вот сейчас точно увидел, как зверь закувыркался в агонии. И еще раз, а потом шаг назад, спиной к надежному борту повозки, и быстро, как можно быстрее набивать магазин, держа в уме, что один патрон загнан в ствол.

Успел зарядить лишь два, когда стая налетела. Синхронно шагнувшие вперед Диадох и Болтун кольнули самых жадных, бросившихся к лошадям.

Одного хорошо, второй развернулся на угрозу, кинулся бесстрашно, чтобы взвзвить и распластаться у ног с раскрытым черепом — коротышка прибегнул к излюбленному оружию.

На повозке завизжали. Влад, обернувшись, увидел, что пара хищников обошла заслон, влетела наверх. Лиля или Лена, а может, обе сразу, догадались обрушить на себя стену мешков — теперь до них так просто не добраться. Сволки отчаянно работали челюстями, разбрасывая в сторону хлам из пустышек и рассыпая овес. Влад выстрелил в одного почти в упор, второй в ответ бросился вперед, но лапа застряла между тюками, и он тоже получил свою порцию свинца.

В плечо что-то с силой ударило, спасла только богатырская статья. Зверь, не сумев сбить жертву с ног, только и успел, что вцепиться в плечо. Кольчугу под фигуру Влада так и не подобрали, и клыки, прокусив куртку, вошли в плоть. Стрелять было неудобно, ждать, когда челюсти начнут рвать всерьез, тоже не хотелось — бросив ружье, все равно ведь на ремне болтаться останется, Влад вогнал хищнику пальцы в глаза, сдавил со всей дури в попытке их соединить, рванул на себя. Повезло — подействовало. Хватка разжалась, не успев натворить серьезных дел, зверь с визгом отлетел в грязь.

Отпрыгивая от него, Влад хотел было добить шустрого, но увидел, как Диадок отчаянно полосует ножом некрупного сволка, терзающего его левое предплечье. Не раздумывая, вскинул ружье, помог товарищу.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления.

Все — патронов в дробовике больше нет. Подхватив с повозки палицу, Влад, на бегу размахиваясь, подскочил к товарищам, со всей своей немалой силы заехал в бок подвернувшемуся зверю — даже ребра лопнули с мерзким треском и брызнуло горячим.

— Копьями меня прикрывайте!

Большому человеку трудно приходится при покупке обуви и одежды, зато такая вот железная палка для него все равно что для обычного обывателя трость. Легко и быстро можно размахивать. Сволки это поняли не сразу, и он успел встретить ударами по голове троих — те один за другим бросались на отбившуюся от человеческого стада фигуру.

До остальных дошло, что хоть от стада фигура отбилась, но при этом не стала менее опасной, а скорее даже более. Влад крутился волчком, стараясь достать остальных, но быстро поумневшие хищники отпрыгивали в стороны, пытались устроить вокруг него хоровод, но ничего не получалось — ободренные Диадок и Болтун слышали просьбу насчет

копий.

И в этот момент наконец раздался пистолетный выстрел. Непонятно, почему так медлил Давид, но сейчас пули пришлись кстати. Воздух огласило визгом, затем еще одним. Ничего не понимающие звери получали одно ранение за другим и никак не могли помешать двуногим созданиям убивать сородичей. Людей очень мало, но кусаться умеют за троих.

Во тьме послышался повелительный рык, стоя, будто единый организм, отпрыгнула в сторону и помчалась прочь. Пара секунд, и даже при свете луны их уже не разглядеть.

Влад вслед швырнул еще одну бомбу, затем подскочил к повозке, прижался к борту спиной, прислонил рядом палицу и, торопливо набивая магазин дробовика, громко спросил:

— Все живы?!

— Вроде да! — ответил Диадох.

— Девочки, вы как?!

— Тут мы! — пискнули из-под мешков.

— Диадох, как рука?!

— Да чуть задело, но ерунда.

— Ничего себе «чуть»! Я все видел — он ее рвал!

— Так я левую подставил, а она в тройной коже, чтобы, из лука стреляя, тетивой не порезало. Ты просто позабыл. Даже сволк не смог прокусить с ходу.

— Да, точно, забыл. Болтун — тебя не покусали?

— Ногу ему грызнули, но крови мало — не помрет, — ответил за молчаливого товарища Диадох.

— Давид, ты как?

— Да вроде живой.

— А чего не стрелял сразу?

— Прости, Влад, — перепугался. Неожиданно все и так быстро...

— Ладно — бывает. Девочки, выбирайтесь. Сейчас надо раненых починить как можно быстрее. Давид, ты единственный, кого не задело, так что занимайся костром. Кидай в него все, что осталось, и доски начинай отламывать от повозки.

— Да зачем повозку ломать! Ты что!

— Нам она уже не понадобится.

— Это почему же?

— Потому что вручную мы ее тащить не сможем, а лошадей больше нет. Пока мы отбивались от одних зверюг, другие их загрызли. Так что ломай борта — нечего жалеть. Деревень со скотными дворами поблизости

нет — новой тягловой силой разжиться нам негде. Приехали...

ГЛАВА 26

В невероятно изменившемся мире к некоторым вещам относились просто. Владу трудно представить ситуацию, при которой после ночного нападения стаи хищников рыбаки или туристы, наскоро заштопав кровоточащие раны, начали бы как ни в чем не бывало обсуждать перспективы утренней ловли щуки на блесну. А здесь такое в порядке вещей.

Сволки, к счастью, никого не сумели опасно ранить. Болтуну сразу два вцепились в ноги, но у одного зубы завязли в голенище сапога — изделия внушительной крепости, второй, хоть и прокусил кожаную штанину, развить успех не сумел. Похожим образом пострадал Диадох — понимая, что ничего другого сделать не успевает, подставил в раскрывшуюся пасть хорошо защищенную левую руку. Зверь попался упорный — продолжал ее жевать, несмотря на все новые и новые ножевые раны, так что помощь Влада пришлось кстать.

Ему, кстать, не повезло сильнее всех — плечу серьезно досталось, хотя боли почти не чувствовалось. Да и не волновался он — был уверен, что заживет быстрее, чем на собаке. Даже гораздо быстрее — прецеденты уже случались.

Укусы кое-как промыли, засыпали порошком из целебных трав. Влад настоял, чтобы все — и раненые, и не пострадавшие — приняли по пилюле биоты. Пусть ее очень мало осталось, но для профилактики обязательно надо. Ночка та еще: вымокли, продрогли, перенервничали, познакомились с зубами хищников. После такого легко свалиться от болезни, а этого сейчас допускать нельзя.

Закончив с медицинскими делами, начали обсуждать сложившееся положение. Лошадей оживить вряд ли получится, значит, чтобы продолжить путь с удобствами, надо добыть новых. Поблизости деревень не наблюдалось, но найти их не проблема — куда-то ведь эта дорога ведет. Но не факт, что там есть кони на продажу, да и наконечники — валюта не абсолютная, могут не принять. Заняться разбоем — тоже не вариант, тут не такое оживленное движение для него. Можно неделю просидеть, но так никто и не проедет. С учетом того, что погоня вряд ли успокоилась, такие задержки ни к чему, так же как и рысканье в поисках подходящих населенных пунктов.

Вот и получается, что лучший вариант — продолжить движение

пешком. Но здесь тоже без проблем не обошлось. Лена, хоть и очухалась, все равно с виду оставалась слабоватой. Возможно, это у нее от природы — насколько Влад помнил их первую встречу, тогда она тоже статью не блистала. Сомнительно, что сможет выдерживать долгие пешие переходы. Лиля покрепче, но недалеко ушла от младшей подруги. Обычные городские барышни.

Положение усугубляется обувью — у всех, кроме Диадоха и Болтуна, она не предназначена для походов по пересеченной местности. Туфли Влада выглядели плохо, хотя пока держались, Давид тоже не очень жаловался. У Лены более-менее, а вот у Лили каблуки великоваты, а левый сапог вот-вот начнет просить каши. Для езды на телеге Диадох ей соорудил что-то вроде кожаных обмоток, но подолгу в таких бродить не сможешь, тем более по камням.

Почесав затылок, Болтун обрезал с лошадей всю сбрую, распустил на узкие ремешки свою куртку и начал что-то быстро плести. Диадох пояснил, что в итоге получатся кожаные лапти. Они лучше подходят для гор, чем какие-то загадочные «поршни», но на будущее надо разжиться хорошей кожей. Лучше бычьей или зубра, можно бизона. Лосиная тоже сгодится. Из нее, если не гнаться за красотой, можно сделать удобную и долговечную обувь, а сейчас придется довольствоваться временной.

До утра Болтун успел сплести несуразные лапти для девушек. Влад и Давид денек-другой могут подождать — их обувь пока держится.

О том, чтобы замаскировать богатырский рост Влада и нездорово выглядящую Лену, не могло быть и речи. Ну не в карман же их прятать теперь?

* * *

Рамоний стоял возле брошенной повозки и равнодушно осматривал следы побоища. Если поначалу, увидев это место издали, он не сдержался, и в глазах возник огонек острого любопытства, то, убедившись, что, кроме животных, здесь никого не осталось, почти потерял интерес.

Да и на что он надеялся? На чудо Господне? Что стая сволков уничтожит тех, кто с легкостью и невиданной наглостью убил шестерых братьев? В голодные зимы на севере эти хищные отродья порою сбиваются в целые армии, способные разорить приличную деревню. Но ведь сейчас лето, и здесь не север. Сколько их было? Двадцать? Тридцать?

Повернулся к Мерхаку, который в мирской жизни был не последним

охотником:

— Что там со следами? Сколько было тварей?

— Брат, ты о каких тварях спрашиваешь? — вежливо спросил тот. Справедливый вопрос...

— Я о тех, которые на четырех лапах.

— Не могу сказать точно. Двадцать пять, может, чуть меньше или чуть больше. Не иначе как сам Техно помог нечистым — очень трудно отбиться от такой стаи без Божьего попущительства.

Что ж... почти угадал. Рамоний еще раз пробежался взглядом по полю боя. Две лошади и тринадцать туш сволков. Половина стаи полегла, неудивительно, что остальные отступили, бросив начатое. К тому же, судя по кровавым следам, не все ушли целыми. Может, раны таковы, что сдохли в ближайшем овраге.

— Брат Мерхак, а ты уверен, что двуногих здесь было шестеро?

— Да. И ступни у одного такого размера, что давно не видел подобных.

— Наш великан объявился.

— Похоже на то.

— Скажи, а могут шестеро человек, причем среди них были две женщины, перебить половину стаи, а вторую половину стаи заставить разбежаться?

— Не слышал о таком. Даже не знаю... Будь дело на удобном месте, и чтобы у каждого лук тугой, то еще можно. Но только сволки не глупы, и на отряд лучников в открытую не кинутся. А здесь такое и вовсе невозможно. Дело сразу после дождя было, ночью, в темноте. Вдали зверя не разглядишь, а вблизи одну-две стрелы разве что второпях выпустить успеешь. Еще если в латы облачиться целиком, вряд ли прокусят, а сам можешь кинжалами колоть. Только это вовсе будет чудно — никто давно такие доспехи не таскает, разве что в некоторых землях на турнирах. Неудобные они. Да и не было здесь ничего такого. Тут дело нечистое.

— Это и так понятно, но в чем именно?

— Раны у зверья диковинные. Будто от стрел, но не совсем. Я одну расковырял, и вот. — На ладонь Рамония упал чуть сплюснутый увесистый шарик, покрытый кровью. — С виду свинец, но как он попал так глубоко, не знаю. Еще стекла мутного осколок. Тоже в ране нашел. Как такое могло произойти? Тоже не знаю. У этих вот от копья отметины, а зато посмотри на вон того.

— У него голову расплющило.

— Верно. Будто положили башкой на наковальню и молотом врезали.

Но не вижу я здесь ни молота, ни наковальни.

— Может, тот великан огрел чем-нибудь увесистым?

— Если так, то этот великан очень страшен. Не доводилось никогда про такие удары слышать. Я следы нашел — дальше они пешком пошли. Без лошадей ведь. В повозке крупы остались, овощей немного, овес кормовой, кувшины здоровые. Но самое ценное, похоже, с собой унесли.

— Сможешь идти по следу?

— Не везде. Горы близко, местами сплошной камень выходит. На нем не разглядеть ничего.

Рамоний повернулся к нетерпеливо переминавшимся с ноги на ногу добровольцам:

— Можете забирать, что хотите.

Цена даже зимней шкуры сволка невелика, а уж летняя почти даром идет, но жадное воинство, получив разрешение делать что угодно на поле чужой битвы, бросилось туда с радостными криками. Тут же послышалась ругань и завязалась вялая потасовка, на которую никто не смотрел. Подумаешь — не поделили что-то. Некогда отвлекаться на ерунду — надо хватать все, до чего загребущие руки дотянутся.

Шкуры хищников, конина, мокрый грязный овес — в хозяйстве все пригодится. За сутолокой жадно наблюдал шериф — хоть сам ничего не хватал, но явно планировал и себе долю заполучить. У этого прохиндея обязательно получится.

Рамоний безглаголиво поморщился, отвернулся. Семнадцать добровольцев не внушали даже крохи доверия. Отребье, непригодное для драки в грязном кабаке, не говоря уже о большем. Из-за них ему тогда до утра пришлось задержаться в городке — раньше никак не получалось выйти. Не дожидаясь отстающих, бросились в погоню, в первый же день потеряв половину набранных. То лошадь захромает, то вдруг согласившийся было передумает и с бранью развернется или отстанет молча. Если первоначально сила казалась приличной, то вскоре луддит пожалел о своей поспешности — с ее остатками страшно даже подумать выходить на древних.

А после увиденного здесь стало еще страшнее. Это что же за создания, положившие тринадцать сволков и отделавшиеся всего лишь потерей лошадей. Да и то случайно — видимо, молодняк хищный порезвился, проигнорировав рык вожака бросаться исключительно на двуногих. Теперь беглецы не привязаны к дорогам — могут идти, где вздумается, не оставляя следов и свидетельств тех, кто их повстречал.

Хотя они и без того явно не боятся оставлять за собой натопанную

тропу. Чего стоит одна та плита на холме, исписанная нечестивыми письменами, похожими на латиницу, давно запрещенную как язык богослужений иноверцев. Рамоний на всякий случай переписал их себе, дабы показать мудрым братьям, втайне дивясь наглости беглецов. Улепечивают, но не стесняются такое за собой оставлять. Для чего? Насмежаются над погоней? Или ритуал богомерзкий проводили, без которого обойтись не могли?

Этого он не знал, но начал подозревать, что беглецами они себя не считают, раз ни во что не ставят погоню. Значит, они ее не боятся. Силу в себе чувствуют неодолимую.

И что прикажете делать, имея за собой двух братьев и семнадцать болванов, не пригодных вообще ни на что? Он бы их всех охотно обменял на остатки стаи сволков, даже понимая, что те, ослабленные потерями, схватку вряд ли выиграют. Но все равно шансов у зверья будет побольше, чем у этого отребья.

Добровольцев не жалко — ведь для того и набрали, чтобы мясом глупым поработали. Но как бы не пришлось к уже потерянным братьям прибавлять еще троих. Тем более если один из них ты сам — жить-то всем хочется, и перед собой можно в этом признаться.

Пустая земля, где мало кто живет, а те, которые все же соблазнились скудной местной почвой, поглядывают на Рамония косо и наотрез отказываются помогать в святом деле. Даже деньги их не соблазняют — после городка лишь троих смогли привлечь, да и те в тот же день отстали.

Ох, как все плохо...

ГЛАВА 27

— Места эти вроде бы по указу хозяина имеют, вот только указов разнообразных столько развелось, что небось в каждой земле по одному, отличному от других имеется, а то и по два припасено у самых запасливых. Все, кому не лень, время от времени объявляют, что земля между Мертвым хребтом и Подонцом принадлежит именно ему, а всякие посторонние поползновения запрещаются. Бумага на то и создана, чтобы ее марали дураки всех рангов — к делу она никак не относится. А дело такое, что нет здесь хозяина. Никакого нет. Люди есть, а вот хозяина нет.

— Так не бывает, — возразил Давид.

— Еще как бывает, — ответил на это Диадокх. — Вот что, допустим, делает совет Новограда, которому вся земля окрестная подчинена? Городом, само собой, занимается, приглядом за шерифами в подчиненных городах и селах. Следят за дорогами, для чего на заставах у мостов собирают сбор небидный. Всем ведь понятно, что грунт подсыпать, канавы копать и мосты ставить кто-то один должен, причем серьезный, а не те, кто рядом в деревне на три двора живут. Строить если надумал, разрешение надо получить, бесплатное, ведь если земля невыкупленная, то запросто объявят самоселом и пожгут. Почта тоже дело нужное, потому как при станциях охрана имеется, и переночевать можно в тепле, не боясь, что гопы последнее отберут, а то и прирежут. Власть все ругать любят, но это же власть — от нее и польза немалая бывает, а не только разорение. Но здесь ее нет. Ты сам себе охрана — никто не поможет никогда. Не жди, что мост на тропе увидишь — никто их не строит. Дороги? Позабудь про них: бери фургон с колесами самыми большими и надейся, что степь будет ровной на всем пути. Станций почтовых тоже не встретишь.

— Раз власти нет, значит, никому эти места не интересны.

— Зачем говоришь так? Многим интересны. Ведь люди здесь часто шастают. Не совсем здесь, а чуть к югу, где поровнее, стада бизонов проходят в сезон. Там не охота, а работа каторжная. Народ их бьет столько, что мухи перестают летать — раздуваются от сожранного до размеров воробья и лапками кверху падают. Стервятники тоже пешком ходят, пузо по земле волоча. На шкурах и коже, что отсюда привозят, почитай, и поднялись южные территории. Воняет почему так мерзко возле пристаней? Потому как от кожевен дух приносит. Кожа всегда нужна, и чем больше, тем лучше: на одежду, обувь, упряжь, доспехи, меха кузнечные и много

чего еще. Вот и выгодно получается ею заниматься. Охотники лагеря ставят, но подолгу в них не живут. Крестьяне тоже не селятся. Почему? Да твари часто забредают с юга, а это никому не нравится. Толпой охотятся люди, потом дружно уходят. Вместе не так опасно, а вот одиночке смерть верная, если наткнется. Даже без тварей опасностей хватает. Сволки за стадами бизонов ходят стаями неисчислимыми, лев степной может подстеречь, вода во многих местах плохая — хворают от нее сильно, а свежую биоту здесь ни за какие деньги не достать.

— Получается, кроме бизонов, здесь ничего ценного нет?

— Земля хорошая, плодородная, да только кто осмелится сеять в таких местах? Может, и другие богатства есть, про то я не ведаю. Сбил ты меня с мыслей прямых, не о том говорить начинали, а насчет Мертвого хребта. Северная его часть — стена сплошная. По слухам, нет в ней удобных проходов, а через лед и снег никто в здравом уме не пойдет. Хотя слышал и другое — есть тропы. За ней, еще дальше к северу, местность болотистая, гиблая, а дальше начинаются старые земли, на которых род человеческий спасался в самые тяжкие времена. Там, за болотами, свободных земель, конечно, нет и не будет уже — все делено и переделено много раз. А вот к югу от стены горы невысокие, местами и вовсе их нет — так, холмы кое-где натыканы. В долинах или на плоскотинах и землю сыскать можно под пашни, и зверья разного хватает, в том числе и пушного, ручьев и речек рыбных не счесть. Лес хороший повсеместно, в нем шишка крупная, ореховая, ценная. Твари от Подонца не забредают — наверное, лень им на такую верхотуру забираться. Человек, если захочет, проживет. И вот на горы вообще не слышно, чтобы кто-то претендовал. Церковь в давние времена объявила их проклятым навеки местом, и никто против указа такого даже в шутку не пойдет. Оно, конечно, и у впадения в Старволгу Подонца места такими были объявлены, но затем состоялся великий собор, на котором объявили о снятии проклятия. Для этого целую армию при святых старцах посылали, левый берег освящать во множестве мест. Кресты ставили на холмах, над водой обряды совершали. Пока такое с Мертвым хребтом не сделают, нельзя будет объявлять здешние земли свободными. Армия для этого великая потребуется, чтобы безбожников выгнать, и по ритуалу на каждой вершине придется кресты огромные воздвигать. Работы не на один год, а народ, который там обитает, очень не любит церковь.

— И много там народа?

— Да кто их считал? Недовольных церковниками немало, и неизвестно, сколько их там осело. Да и просто лихие людишки, от закона

сбежавшие, недоимщики, должники. Честные охотники, которые на бизона ходят, в зимнее межсезонье там часто оседают и пушнину заготавливают. Встречаются и такие, которым просто не сидится на старых спокойных местах, вот и переселяются в поисках лучшей доли. Власти там единой нет, но совсем без нее тоже не обходятся. В городках редких всегда есть главный или совет из главных. Кто-то ведь должен за порядком присматривать? Торговцы туда ходят новоградские за мехами, орехом лесным, вкуснее которого нигде нет, а уж масло из него просто незаменимое, еще — рыбой из ручьев горных, что тоже больше нигде не ловится. Осенью там что-то вроде ярмарки проводится, где шкуры бизонов, ну и другого зверья продают телегами. Местные там тоже за порядком следят, чтобы ворье и гопы не мешали честным купцам.

— У нас с этой властью проблем не будет? — уточнил Влад.

— Не власть это, а так — присмотр мелкий. Да и какие могут быть с нами проблемы? Если ты не подсыл церковный и не душегуб неисправимый иль вор, то никому вообще не интересен. Приходи и живи, только другим жить не мешай, потому как народ там суровый и при случае любой может за лук или топор взяться.

Под «краеведческие» разговоры дорога казалась легче. Даже Владу было непросто идти: в лапти то и дело проникали острые камешки, вытащить которые на ходу невозможно. Приходилось останавливаться, развязывать ремни, затем опять завязывать. Камни покрупнее больно впиваются в непривыкшие к неровностям ступни даже через переплетенную толстую кожу, колющие сучки выходящих по земле чахлах кустиков тоже добавляют негативных ощущений. Дорога то вниз идет круто, отчего колени к вечеру начинают побаливать, то, наоборот, карабкается на склоны, а идти вверх с поклажей ох как нелегко. Не пустой ведь — на одном плече связка из двух мешков с копирами, старой одеждой и провизией, на другом — дробовик, в руках железная палица. Даже крупному и неслабому человеку трудно приходится.

Горы нависали со всех сторон — беглецы наконец добрались до своей цели. Диадох, правда, уверял, что надо идти еще день или два, пока доберутся до краев, куда луддиты точно не сунутся. Но остальные верили ему слабо, уже начав понимать, что его знания о местной географии и порядках слишком общие, иногда противоречивые, и в деталях безоглядно доверять нельзя. Вон скалы на склоне выходят, а вон ручей проточил настоящий каньон с почти отвесными каменными стенками. И ничего, что вершины сглаженные, больше на макушки холмов похожие — все равно это уже Мертвый хребет.

Обернувшись, Влад оценил состояние Лены, как «еле на ногах стоит». Он уже знал, что она вот-вот начнет отставать и придется замедлить ход. Но зато, если сделать привал, пусть даже минут на десять-пятнадцать, потом девушка сможет почти нормально идти около часа. Это гораздо выгоднее, чем плестись с постоянными остановками.

Пологий подъем заканчивался вершиной, поросшей чахлой травой и отдельными кустиками, с ветками, изгибающимися во все стороны или даже закручивающимися штопором. Отсюда открывался вид на долину, что протягивалась от северного подножия, на ее дне сверкала ниточка бурной речушки. Хороший обзор, и ветерок приятный задувает. День почти безоблачный, время чуть за полдень — жарковато идти.

— Привал! — скомандовал Влад, плюхнувшись на заросший лишайником плоский камень.

Спутники с облегчением приземлились кто куда, многие начали скидывать обувь, подставляя натруженные ноги под холодящий ветерок. Несколько дней странствий превратили отряд в банду обносившихся бродяг. Диадок и Болтун в своих кожаных одеяниях теперь мало чем отличались от свирепых запов — даже лица такие же мрачные, не обещающие ничего хорошего. Крепкие ребята, но тяжелая дорога даже их измотала.

Влад тоже устал, но внешне это не сказывалось. Да и внутри резерв еще приличный — чувствовал в себе силы шагать до самого вечера без остановок. Он и раньше хлюпиком не был, а здесь будто второе дыхание открылось одновременно со зверским аппетитом. Видимо, акклиматизация прошла успешно или свою лепту вносит то, что сотворили с ним в красном подземелье. Он старался об этом лишний раз не задумываться, да и голос давненько помалкивал, не напоминая о странных событиях. Разве что при работе с копирами постоянно сталкивался со своей ненормальностью, особенно когда пытался объяснить любопытному Давиду, каким образом управляет их работой. Ну и при нападении сволков и последующем быстром излечении убедился, что по-прежнему не совсем нормален.

Кстати — никаких кнопок, сенсоров и прочего для дублирования команд на стенках копиров не было. Приборы изначально спроектировали под «телепатическое» управление, что обладеживало. Возможно, раньше всем людям внедряли в голову чипы или что-то в этом роде — это было рядовой операцией, как, допустим, прививки. Достаточно удобно — можно заниматься важными делами, не шевеля даже пальцем, да и потерянную вещь легко обнаружить по предупреждению о радиочастотной метке.

«А чего это он развалился, будто последний бездельник? Ведь не

просто так о копирах подумал. Пусть привал короткий, но собрать и разобрать их — дело одной минуты, так что нечего терять время». Развязав мешки, Влад поставил приборы рядом, активировал режим зарядки. Все — пусть батареи напитываются энергией.

— Олень пробежал! — громко заявил Диадох, показывая куда-то в сторону зеленеющего ниже по склону хвойного леса.

Влад, посмотрев туда, ничего не увидел, но товарищу поверил — звери здесь часто показывались. Жаль, при таком темпе продвижения некогда заряжать копиры и, следовательно, выделять нужные химические элементы, чтобы потом пополнить запас патронов. С прошлого раза их количество не увеличилось, так что расходовать боеприпасы на охоту неразумно — лучше приберечь для серьезного дела. Диадох, правда, несколько раз стрелял из лука и добыл увесистого тетерева с жестким мясом, но серьезную дичь даже не задел.

Ничего — когда обоснуются в хорошем местечке, начнут устраивать нормальные охоты. Много ли добудешь на ходу? Такая толпа издали заметна — серьезный зверь не подпустит.

И не только глазами заметна — минимум гигиены, который беглецы могли себе позволить, не избавлял от запаха немытого тела, все более усиливающегося. Влад бы сейчас многое отдал за хорошую баньку.

Непоседливый Диадох, крутя головой во все стороны, вдруг напрягся, мрачно выдал:

— А вот это уже не олень. И не олени. Всадники. С юга идут.

Взглянув туда, Влад почти сразу увидел, как в седловине, которую они миновали еще до полудня, движется несколько вытянутых пятнышек. И правда, всадники.

— Их десятка полтора, — продолжал Диадох.

— Вижу. Они, похоже, по нашему следу движутся.

— Думаешь, погоня?

— А ты сам веришь, что такая толпа появилась тут случайно?

— Но мы ведь в горах! Вот же обнаглели! Сюда хода луддитам нет!

— А кто им помешает? Лично я никого, кроме нас, здесь до сих пор не видел.

— Что мы будем делать теперь? — перепугалась Лиля.

Уставившись в сторону преследователей, Влад задумчиво произнес:

— Не так уж их много. Диадох, у луддитов луки бывают?

— Ага. И луки, и арбалеты. Любят они стрелу или болт пустить.

— Хреново. Надо найти место, где можно прикрыться от обстрела. И чтобы конному туда ворваться было нелегко.

— В лесу лучнику труднее, — заметил Диадок.

— Ага. Только и мы не сможем их обстреливать издали. Вон, у реки, груды камней, и вроде даже скалы торчат. Думаю, лучше там засесть и встретить дорогих гостей.

— А давайте лучше убежим, — предложила Лена. — Я не устала, честное слово, смогу очень быстро идти.

— Возможно, и сможешь, но лошадь сможет еще быстрее, — ответил на это Влад. — Поднимаемся, и ходу вниз. Надо успеть до камней раньше, чем они, а то на открытом месте затопчут конями, и ружье не спасет.

ГЛАВА 28

Подходящее укрытие Влад облюбовал в сотне метров от речки, на пологом подъеме, тянувшемся до вершины того самого холма, где они устраивали недавний привал. Здесь землю разрывал вытянувшийся параллельно берегу неровный скальный выступ — будто щербатая челюсть великана выступила. Ветер, вода, морозы подтачивали камни, от них отламывались глыбы, сползая вниз, так что до самой воды их целая россыпь образовалась. Размеры у них были всевозможные — от мелких булыжников, до громадин, за которыми легко укроется конь.

А где конь спрячется, там человек тем более. Влад еще на подходе оценил плюсы позиции и повел народ в обход каменного нагромождения, напрямик спустившись к воде. Но, пройдя по течению сотню шагов, вновь направился вверх, после чего начал организовывать засаду. Преследователи, двигаясь по следу, пройдут мимо затаившихся беглецов, что можно использовать для неожиданного нападения. Лишь бы не послали впереди разведчика, который оценит нехитрый маневр «дичи» и предупредит остальных.

Но луддиты и не думали высылать дозорных или разведку — двигались кучно. Или такие же беспечные, как прежде, или имеются другие причины, Владу неизвестные. Но какие? Потерять друг друга боятся? Даже такому далекому от батальных дел человеку, как он, было очевидно — отряд, идущий толпой, подставляется всеми своими силами сразу, целиком отдавая противнику инициативу.

Ладно — пусть ведут себя так, как им заблагорассудится. Непохоже, что это военная хитрость. Беглецам такое поведение очень помогает — вместо того чтобы атаковать одного-двух дозорных, они смогут накрыть всех сразу.

Диадох забрался на один из зубов каменной челюсти и затаился на его неровной вершине. Хорошая позиция: если по нему начнут стрелять, ляжет среди камней. Влад укрылся за длинным плоским валуном — если встать на колено, идеальное местечко для пальбы. Будто в тире. По соседству расположился Давид. Стрелок из него аховый, но аборигенам передавать пистолет смысла нет, — они ничего подобного никогда в руках не держали. Болтун засел правее всех. Метательного оружия у него не было, зато со своим топором он прикрывал единственный путь для конного — вдруг противник догадается рвануть к ручью, а потом, развернувшись,

ударить снизу. С других сторон лошадь через обломки не проберется — умное животное ни за что не поставит копыто в место, чреватое переломом.

Осторожно изучая приближающийся отряд, Влад насчитал шестнадцать всадников и вдвое больше лошадей — за каждым тащилась запасная, или, как их обозвал Диадокх, заводная. Термин вроде старый, еще давних времен, но нельзя быть в этом уверенным, если личный опыт кавалериста заключается в единичной поездке на пони по ближайшему парку, совершенной в возрасте десяти лет.

Если не мазать, то дело можно решить шестнадцатью выстрелами. Вот только Влад сильно сомневался, что после нападения враги будут стоять неподвижными мишенями, позволяя себя убивать одного за другим. А если еще в ответ начнут пулять, совсем худо станет — он со времен убийства у ресторана помнил, что под огнем неприятеля меткость значительно ухудшается. Хорошо, если первыми пятью патронами не промахнется. Отряд, потеряв около трети состава, заодно растеряет и боевой дух. К тому же можно рассчитывать на Диадокха — уж одного точно успеет достать до начала серьезного противодействия.

Ладно, чего гадать, через несколько минут сам все увидит.

Быстро спускаются... гады...

* * *

И опять противник показал себя с самой худшей стороны. Никто не оторвался от общей массы, чтобы проверить подозрительное нагромождение камней, среди которых можно было бы укрыть роту. Следопыт, продвигавшийся впереди, оторвался от основных сил шагов на десять, да и то лишь потому, что его никто не обгонял, боясь затоптать знаки на земле. Позади всех, чуть отстав, держался всадник с хитрым настороженным лицом, чем-то похожий на суслика, но даже он по сторонам головой не крутил, а смотрел исключительно в спину впереди едущим, причем странным взглядом — будто все, кто впереди, должны ему большие деньги.

Владу пришлось медленно опустить голову — до врагов было слишком близко, и могли заметить. К тому же он от кого-то слышал, что пристальный, а то и враждебный взгляд человек способен ощущать. Не надо их нервировать раньше времени.

Сидя за камнем, проанализировал увиденное. Тринадцать всадников похожи на бродяг — обтрепались, грязные, и вид такой, что младенца не

напугать. Но вот трое резко выделяются из общей массы. В темной, относительно аккуратной одежде, у одного арбалет, второй с луком, причем натянутым. У двоих мечи, у третьего трудно было разглядеть арсенал, но, наверное, тоже не с перочинным ножичком приехал. Такое впечатление, что к хорошим бойцам прикомандировали толпу отребья вроде тех гопов, так неудачно напавших у брода.

Вывод: надо постараться в первую очередь «успокоить» эту непростую троицу. Скорее всего, командование осуществляют именно они, и, оставшись без руководства, основная масса, и без того выглядевшая не слишком устрашающе, растеряет остатки прыти.

Осторожно скосив взгляд, Влад дожидался момента, когда из-за камня покажется следопыт. После этого придется подниматься на колено и стрелять как можно быстрее, чтобы, опустошив магазин, успеть его перезарядить и вновь включиться в процесс избиения настойчивых преследователей. По уговору, именно он должен начать первым — это будет сигналом для остальных.

Предусматривалась и скрытая выгода. Судя по тому, как быстро зарубцевалось погрызенное плечо, способность организма к самолечению никуда не пропала. Враг, естественно, поначалу все внимание будет уделять тому, кто высунется первым. Если и заденет Влада, шансы выжить у него повыше, чем у других.

Спутники полезные — их беречь надо.

Левее хлопнула тетива лука, впереди кто-то мучительно вскрикнул, истошно заржала перепуганная лошадь.

Проклятье! Диадок, будто последний остолоп, напрочь позабыл, о чем договорились перед боем, и высунул первым!

Владу ничего не оставалось, как подниматься, прижимая ружье к плечу. Всадники мельтешили, как блохи на бездомной собаке. Часть разворачивалась к скале, на которой укрывался рыжий, остальные просто замерли, а следопыт так и продолжал спускаться к реке — видимо, отрешился от всего суетного, все внимание растрачивая на поиск следов.

Ловить среди этого хаоса «черных» в прицел оказалось задачей нетривиальной — те почему-то не лезли вперед. Но Влад все же попытался — навел дробовик на голову в остроносой шляпе, потянул за спусковой крючок. Быстро взвел, выстрелил еще раз, а последние три патрона потратил уже на ближайших, прытко двигавшихся к скале. При этом они здорово подставлялись — можно было лупить в открытый бок, а не через лошадиную голову и шею. Двоих снял наглухо — не поднимутся, а у третьего не вовремя оступился конь, за что и схлопотал заряд картечи

вместо всадника.

Быстро проталкивая в трубку магазина красные цилиндрики с желтыми шляпками, Влад прислушивался к звукам боя. Лук Диадиха хлопал через равные промежутки времени — небось лупит, даже не думая прятаться, встав во весь рост. Впрочем, с его оружием по-другому проблематично. Пистолет быстро треснул два раза, потом затих. Скорее всего, Давид, помня инструкции, нырнул за камень, чтобы повторить обстрел с другой стороны, откуда его, скорее всего, не ждут. Может, даже подумают, что «пистолетчиков» двое, и будут бояться больше.

Загнав четвертый патрон, приподнялся, одновременно взводя ружье — возиться с пятым чересчур роскошно. Выстрелил в первого попавшегося, мчащегося на камень, за которым укрывался Давид. Шляпа сбита, болтается за спиной на шнурке, рот разинут в крике, в руке занесенное копье с длинным наконечником. Влад выстрелил, почти не целясь, успев увидеть, как от головы разлетаются кровавые брызги. И в этот же миг в бок ударило, резануло болью.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления, — «чистокровно мужским» голосом напомнила о себе искусственная шизофрения.

Чуть обернувшись, Влад увидел одного из «черных». Тот, опуская разряженный арбалет, спешил укрыться за соседом — рядовым всадником, к тому же растерявшимся почти до полного паралича. Отпускать такого хитрого стрелка нельзя, но не успеть — пришлось первым выстрелом снести «паралитика». Но и это мало помогло — противник припал к лошадиной шее, развернув коня, и ничего не оставалось делать, как плюнуть на него. Не стоит переводить патрон на животное.

Отпустить? Ну уж нет!

Лошади, как Влад уже успел убедиться, являлись одушевленной трусостью в неразбавленном виде. Несмотря на размеры, пугались всего — любого шума и резкого движения, а иногда начинали паниковать и вовсе без видимых причин. Раз уж враг не стесняется превращать своих животных в укрытия, то не мешает применить тяжелую артиллерию.

Достать бутылку, поднести к короткой веревочке огонек зажигалки, бросить, не глядя, куда-то в район арбалетчика. Почва здесь — камень на камне, так что Влад не удивился, расслышав звон бьющегося стекла. Фитиль до ума довести не успел — так же искрит не хуже бенгальского огня, так что шансы на воспламенение высыпавшегося пороха очень высоки.

Все — можно подниматься.

Как Влад и рассчитывал, лошадям не понравилась неожиданная вспышка, случившаяся чуть ли не под копытами. Парочка со ржанием взвилась на дыбы, причем всадник на одной из них не удержался. Остальные отреагировали спокойнее, но наездники тоже потеряли контроль над ними. Арбалетчик из всех сил тянул уздечку, стараясь развернуть взбесившееся животное в прежнем направлении, но не успел — Влад оказался быстрее.

Затем удачно подвернулся второй «черный» — сориентировавшийся луддит бросился вниз, намереваясь обойти засаду с правого фланга. При этом хорошо подставился, но тут сплеховал Влад — промахнулся. Всадник, правда, дернулся, но это, видимо, от испуга — грохот ружья должен впечатлять местных. Помня, что в магазине остался всего один патрон, чуть помешкал, тщательно целясь, и на этот раз попал — противник свалился с седла.

На этом бой можно было считать законченным. Вряд ли прошла минута после начала. Несколько суетливых выстрелов — и все. Большая часть врагов даже не подумала сопротивляться — сразу развернула лошадей и умчалась прочь. Так торопились убраться подальше, что даже заводных побросали. Те, которые в первые мгновения направили коней к скале, надеясь покарать одинокого, как тогда им показалось, лучника, подставились под пистолет Давида — там лежали двое, и с душераздирающим ржанием билась попавшая под пулю лошадь. Третий «черный» лежал на спине, но здесь обошлось без огнестрела — из лица вертикально, будто тонкая мачта диковинного корабля, торчала стрела с серым оперением — таких у Диадоха в колчане полно. Еще пара растерявшихся от скоротечности избиения бойцов крутилась под обстрелом лучника, а следопыт упрямо объезжал каменный завал, пытаясь заехать во фланг.

Влад неторопливо, уже без суеты, перезарядил дробовик, встретил следопыта выстрелом в лицо, затем достал одного из мечущейся парочки. Второго в тот же миг снял Диадох.

Все — лишь лошади без всадников разбегаются, и далеко впереди, на склоне, видна россыпь быстро удаляющихся фигурок. Улепетывают без оглядки.

Выбравшись из укрытия, Влад приблизился к арбалетчику — тот все еще подавал признаки жизни, но это ненадолго. Странно, что вообще не умер сразу — из пробитой шеи хлещет кровь, ухо разорвано, в скуле дырка. Видимо, череп не пробил.

Подойдя к умирающему, встал над ним, навел дробовик,

требовательно, почти крича, спросил:

— Вы одни?! Сколько еще идут за нами?!

Тот, зажимая ладонями продырявленную шею, булькнул кровавыми пузырями и неразборчиво пробормотал:

— Изыди в свой ад, технотварь в облике человеческом.

Слева подошел Болтун, мимоходом разнес топором лицо умирающего, пошел добивать остальных. Таким образом допрос завершился, толком не начавшись.

Может, и к лучшему — вряд ли «черный» из тех, кто в подобной ситуации сообщит врагам что-нибудь полезное.

— Ребята, кого зацепило, давайте займемся ранами. Потом собираем трофеи и быстро уходим. Это может быть передовой отряд, а основные силы отстают. И хорошо, если отстают сильно.

* * *

Беглецы наловили лошадей, выбрали из них лучших, а оставшихся — дешевых мустангов, отпустили, сняв сбрую. Собрали оружие, обыскали тела, все ценное набив во вьюки. Нагрузившись трофеями, продолжили путь, направляясь напрямиком на север.

Выждав, когда они скроются в лесу на противоположном берегу, из кустов выбрался шериф. Он деловито начал ловить мустангов — хоть и никчемные животные, но тоже чего-то стоят. Богоотступники оказались столь любезны, что на одном даже оставили сбрую — без седла ехать неудобно.

Сперва лошади, потом можно снять более-менее ноское тряпье с тел — беглецы им тоже побрезговали.

Хотя вопрос насчет беглецов спорный — непохоже, чтобы они трусливо убегали. Скорее шли своей дорогой, ничего не опасаясь. Вон как лихо целую толпу разогнали — сам он едва успел в кусты нырнуть, здорово исцарапавшись и трижды прокляв луддитов с их поганым серебром.

Ничего — главное, что жив остался. С ожидавшейся наградой, скорее всего, следует распрощаться, но он свое возьмет. Сделает крюк, продав по пути все, что здесь осталось, — хорошая прибыль выйдет. Жаль только помощника — дурак упал одним из первых.

Тем лучше — шериф точно знал, что деньги тот держал в поясе. А дураков в мире хватает — найти нового будет просто.

ГЛАВА 29

За шестнадцать дней, миновавших с той секунды, когда носатый гений закрыл дверь бункера, Влад столько раз дрался и убивал, что уже начал сбиваться со счета. Может, это наказание за те выстрелы возле ресторана? Своего рода очищение кармы еще большей кровью? Этого он знать не мог, к тому же не верил в мистику, но зато понимал — на будущее надо как-нибудь попытаться уменьшить степень рисков, которые возникают на каждом шагу. До сих пор все схватки проходили с разгромно победным результатом, но вечно так продолжаться не может.

На этот раз тоже легко отделались. Израсходовали одну бомбу, одиннадцать патронов для дробовика и восемь пистолетных. На поле боя остались девять врагов, остальные удрали и вряд ли вернутся. Владу болт распорол бок, но даже не пришлось делать операцию по извлечению — вскользь прошел. Хуже оказалось с Болтуном — заработал стрелу в бедро. Говорили же не высовываться, так нет — выскочил, топором размахивая, вот и схлопотал. Не пискнув, выдержал манипуляции с острым ножом, после перевязки съел пилюлю биоты и как ни в чем не бывало отправился ловить лошадей.

Силен мужик...

Больше раненых не было. Диадох тоже получил стрелу в плечо, но она не справилась с кольчугой. Скорее всего, с широким наконечником оказалась, для охоты, а не против бронированных целей. Такие лежали в колчанах у обычных лучников, а боевые нашлись лишь у «черных». Вот и отделался синяком — повезло.

Всех лошадей Диадох брать не советовал. По его словам, большей частью это старые мустанги, которые и в молодые годы не были особо ценными, а сейчас с ними будет одна морока — трудно уследить за таким количеством своенравных животных, если спецов по ним лишь двое. Снять сбрую с тех, кто подпустит, и пусть бегают — если не забыли дикую жизнь, то не пропадут. А пропадут — не очень-то и жалко. Спешить надо, а не о мелочах думать.

Подозревая, что этот отряд был предвестником куда больших неприятностей, собирались в темпе, наверняка не все ценное отыскав. Плевать — время дороже. То, что древние не умеют ездить верхом, тоже напрягало. Диадох подобрал всем самых спокойных животных, но это не означало, что обойдется без проблем.

Верхом Владу даже понравилось. Пусть они и никудышные всадники, но такой способ передвижения гораздо быстрее пешего. Да и комфортнее. Одно то, что от мешков на плече избавился, значило очень много.

А вечером, у костра, разведенного под сенью исполинских кедров, Владу пришлось отвечать на неприятные вопросы.

* * *

Началось все неожиданно. Давид, глядя, как Влад с помощью подручных средств пытается прочистить ствол дробовика, спросил:

— А почему у тебя плечо уже зажило? Трех дней не прошло, а там лишь пятна розовые на месте ран. Даже шрамами их не назовешь.

— У него все так зарастает, — ответил за Влада Диадох. — Рука порезанная так же затянулась.

— Как это может быть? — удивилась Лена.

Влад и без того понимал, что рано или поздно придется давать непростые пояснения, к тому же надоело все таскать в себе. А ну как Давид что-то посоветует — он уже не раз доказывал, что умом не обделен.

— В тот день, когда мы сюда угодили, я попал в странное место. Оно располагалось глубоко, и там все хорошо сохранилось. И еще там работали какие-то... какие-то приборы непонятные, и механизм дверей... В общем, не все было заброшено, как в других местах. И там мне, похоже, в голову встроили какую-то штуковину. Принудительно. Видимо, автоматика так была запрограммирована. Вы не смейтесь и не считайте за психа, но что-то во мне со мной говорит, советы дает, хоть и тупые обычно. И благодаря этому я могу работать с копиями. В поле зрения что-то вроде компьютерного меню возникает — просто пробегаю по строкам, выбирая нужные действия. Если я получаю рану, пусть даже совсем пустяковую, голос говорит, что запущена процедура восстановления. После этого быстро прекращается кровотечение, и уже на следующий день все заживает. Даже шрамов не остается. Просто ровная кожа без загара. Такое уже не один раз было.

— Хотела бы я попасть в такое подземелье... — с нескрываемой завистью произнесла Лиля.

— Да без проблем — я прекрасно помню, где оно. У меня ведь в голове чуть ли не полный план всех тех подземелий, благодаря этой встроенной штуковине. Но не думайте, что это приятно. По милости этого «подарка» уже несколько раз было так больно, что едва не сдох. А уж

привыкнуть к голосу в голове каково? К тому же он меняется. Раньше со мной общалась приятная женщина, теперь какой-то мужик. Есть и другие изменения. Не удивляйтесь, если в один прекрасный день моя черепушка внезапно лопнет. Я уже сам не знаю, чего ждать от этого.

— Да у тебя в голове голос самого Техно! — неожиданно, с ноткой суеверного ужаса, выдал Диадох.

— Это что еще такое?

— Луддиты говорят, что у древних в голове звучит голос Техно, который приказывает им творить зло.

— Ну мне он ничего такого вроде не приказывал. Хотя смотря что считать злом...

— Грехи совершать призывал?

— Если ты о прелюбодействе и сотворении идолов с целью дальнейшего им поклонения, то ничего подобного не было. И вообще, Диадох, запомни — нет никаких демонов, есть устройство древнее вроде моего ружья, но меньше и сложнее. Оно, вероятно, размещено в голове. Лечит, пытается защищать, помогает работать со сложной техникой. Это просто вещь, созданная людьми. Вроде колеса твоего отца. Ничего дьявольского.

— Фантастика! — выдохнула Лена, в честь такого разговора прекратив подремывать.

— Ничего фантастического в этом не вижу, — возразил Давид. — Еще в наше время постоянно велись разговоры о скором введении чипов-имплантатов для инвалидов. Вроде цифровых камер, которые могут заменить слепым зрение. Достаточно перспективное направление было. А уж до чего могли дойти в будущем... На этих копирах вообще нет внешних органов управления — только через твою, Влад, голову можно с ними работать. Логично предположить, что в эпоху, когда их создавали, у каждого человека была встроена система, подобная твоей.

— Я тоже так думаю.

— И зря раньше не сказал. Не один я твои странности подмечал — это напрягало всех.

— Ну уж извините. Знаете, как непросто признаться, что в твоей голове покопались всерьез?

— Влад, после всего, что с нами случилось, это мелочи, не стоящие долгого разговора. Скажи мне три недели назад, что я буду соучастником убийства девяти человек, после чего вечером у костра начну общаться с человеком, которому в голову имплантировали что-то вроде лечащего компьютера, я бы... Гм... Нет приличных слов, как бы я отреагировал на

подобное заявление.

— Ты точно сможешь найти дорогу в то подземелье? — уточнила Лиля.

Влад кивнул.

— Хочешь и себе такую штуку заполучить? — спросил Давид.

— А разве незаметно?

— Заметно... Каждый бы захотел... Но особо не надейся. Как я понимаю, техника старая, Владу, возможно, просто повезло, а мы не перенесем операцию. Расскажи, кстати, как проходила эта операция.

Влад рассказал. С подробностями, вроде той, что даже орать от боли ему не давали. Народ проникся еще больше, и Давид сделал вывод:

— Действительно устарело там все, если оперируемый так страдает. Не должно быть такого.

— Там на вид как раз все новенькое.

— Возможно, оборудование рассчитано на человека будущего, а это мы для него устарели, — поддержала Влада Лиля.

Давид указал пальцем на Болтуна:

— Разве он чем-то отличается от нас? Я не заметил.

— Ну, внешне нет, а внутри мало ли что окажется. Ведь много лет прошло, человек мог измениться.

— Лошади не изменились, и человек таким же остался. Как все другие животные.

— Я видел других. Совсем других, — заметил Влад. — Двух тварей, ни на что старое не похожих. Даже три. И вспомните запов — они тоже не такие.

— Да такие же. Просто дикари или, может, секта у них злобная. Ничем внешне не отличаются.

— Да? А почему голос в моей голове обзывает их «боевыми метаморфами»? На обычных людей он вообще не реагирует. Разве что на площади, когда луддит читал проповедь, предупреждал об опасности.

— Метаморфы?

— Да.

— Метаморфы... Метаморфизм... Метаморфические породы — породы, изменившиеся под действием температуры, давления и... Влад, очевидно, эти запы измененные.

— Поясни.

— Не знаю, просто из терминологии следует.

— Я еще в подземелье и у руин видел тварей, которых голос называл так же.

— Видимо, не зря те места люди стороной обходят. Может, там что-то вроде такой же комнаты красной есть, и не одной, только внедряют в них чипы попроще. Например, делают из людей и животных послушных роботов, отдают им приказ, и те выполняют. В войну, допустим, запустили процесс, а система до сих пор работает. Это только предположение. Надо бы при случае у запов в голове покопаться...

— Думаешь, они зомбированы технически?

— Ага. Очень удобно. Противник превращен в союзника. Пусть туповат, зато исполнитель. Учитывая тягу запов к пленным, пожалуй, тех тоже тянут на переделку. Вот потому на те места и все, что с ними рядом, никто не претендует. Хотя непонятна роль Церкви. Ей бы, наоборот, технологии развивать, восстанавливать, чтобы покончить с запами и им подобными как можно быстрее. Я так понимаю, что территория, где живут люди, не столь уж велика. Народ плодится, там тесновато становится, а расширяться некуда. А рядом прорва места, вот только туда не сунешься.

— Технологию развивать? — спросил Диадок. — Да ни один церковник не станет привечать культ Техно.

— Технология — не культ, — возразил Давид. — Колесо водное, которое твой отец поставил, это развитие технологии кузнечного дела. Разве есть в этом что-то нечистое?

— Луддиты сказали, что есть.

— Дураки твои луддиты.

— Это, конечно, верно, но...

— И святого Лудда никогда не было.

— Откуда знаешь?!

— Термин знаком. Задолго до моего времени в истории был период быстрого развития технологий. Из-за того, что новые способы производства давали больше продукции и она была дешевле, чем та, которая делалась вручную, многие мастера оставались без работы. Они протестовали против машин вроде той, что твой отец поставил, и часто ломали их. А называли себя луддитами. Ничего религиозного в этом не было, и уж тем более не было святого Лудда.^[3]

— Тебе бы с Либерием в богословии посостязаться, — ухмыльнулся Диадок. — Складно говоришь, хотя бывает и непонятно.

— Как-нибудь позже. На дыбу или костер всегда успею.

В том, что эта местность не так уж необитаема, как могло показаться, убедились уже на следующий день — ближе к вечеру.

До того момента ехали через сплошной экологический рай. Ни мусора под ногами, ни пеньков от деревьев погубленных, ни дорог, натоптанных лошадьми и наезженных телегами, не говоря уже о деревнях или более значительных населенных пунктах. Зато лес такой, что глаз не отвести: толстенные кедры и сосны, в местах повлажнее такие же ели, на южных склонах лиственные великаны. Вода в реках и ручьях столь чиста, что, положи на дно книгу, наверное, за тридцать метров глубины можно будет каждую букву разобрать. Поляны, усыпанные огромными замшелыми валунами, похожи на селения волшебного карликового народца, скалы по вершинам долин напоминают величественные замки. То и дело при виде путников разбегаются олени, лоси, косули, кабаны, медведи. Зайцев и прочую мелочь вообще невозможно пересчитать, а птицы настолько безбоязненны, что, если высыпать овес на ладонь, садятся и начинают клевать.

Такого полного отсутствия признаков человеческой деятельности на прежней Земле даже в заповедниках не увидишь.

Дорога была нелегкой. Это пеший везде проберется, а лошадь — скотина привередливая, и с проходимостью у нее похуже. Приходилось пользоваться звериными тропами вдоль ручьев и речушек, ровными, незахламленными буреломом склонами. Хуже всего давались броды — животные наотрез отказывались ставить копыта в быстро текущую воду, сквозь которую искаженно просматривалось неровное каменистое дно. Где-то силком тянули, в других случаях выбирали менее пугающие лошадей броды.

Подойдя к слиянию очередного ручья с речушкой, обнаружили избушку.

Спешились, подошли с оружием на изготовку. Низкое строение из ошкуренных бревен. Двускатная далеко вытянутая крыша напоминала строения запов и тоже была крыта тесом. Дверь нараспашку и подперта колом. Заглянув внутрь, Влад с трудом разглядел жердевые лежанки вдоль стен и очаг посредине. Окон не было, единственный источник освещения — проем, который он сейчас заслонил.

Диадох протиснулся мимо, бесцеремонно снял со стены ворох закопченных шкур, авторитетно заявил:

— Охотников изба. Зимой здесь живут, когда пушного зверя промышляют.

Поглядев на клонящееся к закату солнце и усталые лица девушек,

Влад предложил:

— Может, здесь ночлег устроим?

— Можно, — согласился Диадох.

Других ответов не было, и Влад счел, что предложение принято единогласно.

За похлебкой, приправленной подстреленным Диадохом фазаном, поговорили о находке и решили, что обитаемые места должны располагаться где-то рядом.

Откуда такой вывод проистекал, Владу было совершенно непонятно, ведь, кроме избушки, никаких признаков человека до сих пор не заметили. Но странным образом тоже согласился с мнением остальных.

Бродить без карты, не имея понятия, где оказались и куда следует направляться дальше, смертельно надоело.

* * *

Утро началось с неприятностей. Не успели выступить, как на первой же переправе через заурядный ручей, каких не один десяток по пути встретился, сломала ногу одна из лошадей. И по закону подлости одна из лучших — некапризная, спокойная. Ее поэтому закрепили за Леной. Несчастную скотину пришлось добить, Болтун вырезал пару кусков мяса, на что даже девушки не стали кривиться — тоже начали дичать.

Или приспособливаться.

Ближе к полудню выбрались к хорошо натоптанной тропе, тянущейся с юго-запада на северо-восток. Отчетливо можно было рассмотреть следы подошв и подкованных копыт. Видно было, что бродили здесь давно и упорно, а не погоня свежая натоптала. Посоветовавшись, решили дальше двигаться по ней, выбрав направление на северо-восток. Этот путь должен был завести еще дальше в горы, что беглецов вполне устраивало.

Через час встретились наконец с первым местным жителем.

Одинокий всадник двигался навстречу, и Влад чуть расслабился. Погоня если и продолжается, то ее появления стоит ждать с противоположной стороны. О местных опасных нравах красноречиво поведал тот факт, что незнакомец остановился вдали, а затем и вовсе развернулся, не позволяя к себе приблизиться.

— Эй! Мы не сделаем тебе ничего плохого! — крикнул Влад, не желая напрягать аборигенов.

— Вы кто такие? — донеслось в ответ.

— Переселенцы. К вам вот решили податься.
— А телеги ваши где?
— Далеко. Это долгая история. Ты не подскажешь, где бы нам деревню найти или городок?
— Если так и будете ехать, то еще до вечера увидите Гнобырь. Паршивый городок, самый большой по эту сторону от Лихого перевала.
— Спасибо.
— Пожалуйста. Поезжайте.
Незнакомец так и не позволил к себе приблизиться. Съехал с тропы, отошел далеко вниз, дождался, когда чужаки пройдут, и лишь потом вернулся и продолжил путь. Даже рассмотреть его вблизи не получилось, но то, что Влад увидел, не удивляло. Ничего странного — все уже не раз встречал здесь. Одежда в основном кожаная или даже целиком, но и в Новограде можно было таких встретить.
На ходу усмехнулся:
— Здесь тоже шляпы носят. У этого была. Кожаная.
— Голову всякий мужик должен покрывать, особенно в таких местах, — непонятно заявил Диадок.
— Это зачем?
— Чтобы все видели — порядочный идет, а не зап. Запы голову не покрывают.
— Ну знаешь ли, я запов, хоть в шляпе, хоть без, отличу от нормального!
— Так-то оно так, но обычай надо блюсти.
— А почему шляпы перед церковниками иногда снимают?
— Тоже обычай. Перед церковниками и правителями северными положено снимать. Если просишь чего, тоже снимай. И на похоронах не стой в шляпе. И за обеденный стол с покрытой головой не садись.
— Все, как было у нас, — заметил Давид.

* * *

Незнакомец не обманул — до городка добрались ближе к вечеру. Перед этим еще несколько раз сталкивались с местными — конными и пешими. Некоторые вели себя беспечно, другие — подобно первому. Были и вовсе лучащиеся дружелюбием и засыпающие вопросами, на которые отвечать приходилось осторожно и скупно. По одежде всякие: и в коже, и в тканях разных, а один даже в шкуре, будто дикарь. С аккуратными, по

местным меркам, прическами и нечесаными лохмами, приличные на вид, и такие, что пробу негде ставить.

Все разные — как, впрочем, и везде.

И особых отличий от тех, кто жил в Новограде и его окрестностях, Влад не заметил. Разве что одежда чуть беднее выглядела, но в остальном — все так же.

Гнобырь общим типом архитектуры тоже напоминал Новоград, уступая разве что размерами, причем очень значительно. Деревянные дома, как правило, в два этажа, вытянутые по фасаду, с балконами, широкими дверями, обилием окон. Только вместо стекол что-то непонятное. Вроде пленки слоющейся. Когда Влад это высказал вслух, Давид тут же предположил, что это слюда. Видимо, со стеклом здесь совсем туго, если пользуются заменителем.

На улице особой суеты не наблюдалось, но движение не прекращалось. Какие-то женщины туда-сюда ходят с пустыми руками или узлами, у крыльца заведения с многообещающей вывеской «Напейся и проспись» стоит покачивающийся мужчина с вывернутыми карманами и взглядом, устремленным в незримую даль — вероятно, пытается отыскать там смысл жизни. Куда ни кинь взгляд, можно увидеть таких же аборигенов. Народ живет, порядок соблюдается, городок если не процветает, то и не вымирает.

Куда здесь следует обращаться новичкам, никто не знал, но выпрашивать не пришлось — местные сами сделали первый ход. Не успели добраться до центра, а это бы заняло не больше пяти минут, как навстречу подъехал представительного вида мужик на непоседливой вороной лошади. Кожаная куртка блестящая, вся в начищенных бронзовых бляшках, на голове шляпа столь широченная, что аисту вместо гнезда подойдет, высокие сапоги с такими же сверкающими шпорами, как бы не из серебра, и вышитые бисером штаны. Произойди такая встреча еще недели три назад, Влад бы решил, что перед ним очередной альтернативно ориентированный человек, но сейчас уже знал, что так одеваются те, кто хочет подчеркнуть свое богатство или статус.

— День добрый. Я вижу, вы прибыли издалека?

— Да, — подтвердил Давид.

— Меня зовут Ревокат, я мэр этого славного городка.

Представив себя и своих спутников, Влад осторожно сообщил:

— Мы приехали издалека и надеемся здесь поселиться.

— Откуда именно?

— Из разных мест, — уклончиво ответил Влад.

Оглядев плохо застиранные пятна крови на одежде, мэр констатировал:

— Вижу я, что в дороге вам скучать не приходилось. Хочу предупредить кое о чем. Некоторые считают, что здесь можно делать абсолютно все, что заблагорассудится. Но это не так. У нас есть закон, который тоже не следует нарушать. Если попадетесь на воровстве или душегубстве, то пеняйте на себя.

Диадох, охнув, указал куда-то в сторону:

— Церковь! Здесь церковь!

— И что удивительного?

— Так ведь у вас нет церковников.

— Верно — без них обходимся. Но людям совсем без святых обрядов никак нельзя. У кого свадьба, у кого похороны — подавай священника. Вот и у нас есть — свой. Монах это беглый, к костру приговоренный за еретические идеи. Но какое нам дело до его идей? Отпевать умеет, венчать тоже, в душу с проповедями надоедливыми не лезет, грехи отпускает, хоть оптом, хоть в розницу, и не жадный. Город церковь построил и дом ему, но себя обеспечивает сам. Огород держит, отличные помидоры выращивает и так их квасит, как ни у кого не получается. Когда к концу зимы набегают сюда охотники, чтобы лишить нас запасов пойла, так первым делом просят миску «святых помидорчиков» под кедровым маслом.

— А... Ну тогда ладно, — успокоился Диадох. — И это. Не воры мы. Из рыбинских земель я, отца моего так же, как тебя, звали, и смерть он принял на костре церковном, никому не сделав ничего плохого.

— Такое частенько случается... — согласился Ревокат.

— Товарищи мои... В общем, у них тоже нелады с церковью. Очень большие нелады. Луддиты за нами погоню направили и догнали в предгорьях. Отсюда и раны. Опасаемся, что не всех мы тогда разогнали и побили — могли еще остаться и продолжать гнаться.

— Ну, след ваш уже тяжело найти — ночью дождь прошел, вода различия стирает, а дорога и тропы с нее хорошо утоптаны. Поди теперь разбери, вы прошли или кто другой. Но не будет никто смотреть. Луддиты сюда ни за что не сунутся — можете не волноваться насчет них.

Влад покачал головой:

— Армии у вас, как я понимаю, нет, постов на дороге тоже не видел.

— Зачем посты? У нас каждый сам себе дозорный. Как только увидят кого-то, на подсыла луддитов похожего, так сразу и трезвонят всем. И если не зря трезвон пошел, то и солдатом тоже каждый может стать, причем быстро. Соберемся и таких навешаем, что мало не покажется. Бывало такое

уже, и не один раз. Нет, не сунутся они за вами. Если хотите в городе остаться, то есть работенка хорошая — лесопилку чуть ниже по реке новую ставят, там руки всегда нужны. Еще ватага собирается в степи, за бизонами, вас тоже могут взять, если понравитесь, и женщинам будет доля, если станут кашеварить и обстирывать. А за ласковую заботу еще и доплату могут получить. Не подумайте — я не говорю, что они непорядочные, просто роль женщины в охотничьих ватагах проясняю. Если на лесопилку подадитесь, то там вам кров будет, ну а с охотниками сами договаривайтесь. Они уже почти догола пропились, так что через день-другой придется выступать, а это время как-нибудь перебьетесь, если за постой платить нечем.

— Средства у нас есть, хоть и немного, — ответил на это Влад. — Скажи, мы можем селиться где захотим? В городе, в окрестностях? Или какой порядок?

— Если в городе, то на улице ночевать запрещено — только под крышей, хоть бы и в сарае. Но на это надо будет дозволение у хозяина получить. За городом — хоть на макушке дерева спите, никто слова худого не скажет, но на чужие подворья не лезть и на три полета стрелы в темное время не приближаться. К огородам и полям тоже не подходить, а то хватает своих воров. Надумаете строиться, тогда ко мне. Если земля, где дом ставите, ни за кем не закреплена, то в городе каждый может получить площадь на выделенном месте. Небольшую, но на дом хватит. И огороды тоже прилагаются, но если город разрастется и они станут мешать, то придется переносить. За городом, если дальше четырех тысяч шагов, обычные участки полагаются втрое больше. Если нужно будет еще больше, тогда придется доплатить. Но пока если кто и платит, то под землю для лесопилок, кузниц, мастерских. Да — и еще. Надумаете кожей заниматься или другим чем вонючим, то ближе трех тысяч шагов к Гнобырю делать такое нельзя. И выше по течению в реку не гадить — воду из нее для питья, скотины и полей берут.

— Все ясно. Еще что-нибудь нам следует знать?

— Если надо будет, спрашивайте — за ответы денег не возьму. И решайте побыстрее, куда приткнетесь. На крестьян вы не похожи, а бездельников своих хватает. Окажетесь хорошими работягами и пристроитесь в городе, ни о чем не пожалеете. Жизнь будет простой, легкой и сытной. А забулдыгам никудышным везде плохо во всем, при всяком порядке и даже без него.

На этих словах Ревокат поехал дальше. С процедурой «оформления документов на въезд», похоже, покончено. Беглецы наконец достигли

вожделенных гор, населенных столь свирепыми и непобедимыми людьми, что даже луддиты боятся сюда нос сунуть.

Несокрушимый воин гор, стоявший напротив «Напейся и prospись», наконец определился с дальнейшими планами на вечер. Прямо, как стоял, нестибаемо рухнул лицом в кучу конских яблок, после чего почти мгновенно захрапел на всю улицу.

— Мы не в сказке, но жить здесь можно, — сделал вывод Давид.

ГЛАВА 30

Потратив уйму сил и времени, чтобы уйти от луддитов и добраться до безопасных мест, беглецы как-то не задумывались о том, что будут делать после. А здесь не оказалось тех, кто любезно проводит новичков за ручку через все колдобины местных реалий. Теперь надо самим определяться, как быть дальше. И если в критических условиях роль Влада как лидера никем не оспаривалась, то сейчас он всячески от нее отпихивался.

Ну трудно ему с ходу вписаться в совершенно незнакомую и не совсем понятную жизнь.

А вот Давиду проще — наверное, действительно что-то эдакое есть в его предках с обеих сторон, позволяющее быстро ко всему приспосабливаться.

— Значит, так. Я уже понял, что это за городок. Устроиться здесь мы, конечно, сможем, но нужен начальный капитал. Сразу скажу — без дома своего при земле тут делать нечего, и не уверен, что мы сумеем его построить. С новых людей, таких, как мы, тут будут драть вчетверо больше положенного для своих. Потому что тут деревня дружная — все переженились, перебежали по всем женам, сестрам и мамам, по десять раз дружили и двадцать раз били друг другу морды. Знают, что сегодня ты обдерешь, а завтра обдерут тебя, потому и честь блюдут. А мы никто, и звать нас никак, так что поначалу будет трудновато.

— Ты о чем вообще? — не понял Диадох.

— Да я о жизни. Влад, ты не забыл про редкоземы?

— Нет.

— На дворе начало лета, сидеть здесь нам нет смысла. Потому быстро толкаем лишнее торговцам, покупаем все, что нужно для жизни в лесу, и начинаем шлаться по округе. На каждом ручье делаем остановку и начинаем мыть шлихи. Заряжаем копиры, анализируем состав шлихов. Как только находим богатые, занимаемся серьезной добычей. Попутно клепаем наконечники, если они здесь будут пользоваться спросом. Но думаю, что рынок местный невелик, и насытим быстро — о десятках тысяч можно даже не мечтать. Можно еще слитки железа делать, меди и прочих металлов, что в шлихах будут встречаться. Их тоже стали продавать. Не забываем и запас патронов восполнять, а то осталось мало. Ты, Диадох, можешь охотой заниматься. Пусть не денег ради, но чтобы мясо всегда было. До зимы, думаю, успеем капиталом обзавестись, а уже после нее

подумаем о доме. К тому времени со всеми перезнакомимся, понемногу втянемся в коллектив. Народ тут в основном, как мы, — беглый, издали пришел, и не слишком давно. Так что на чужаков если и смотрят косо, то лишь поначалу. Увидят, что мы ничего плохого не делаем и работать любим, а это важные плюсы — таких везде ценят.

— Ты забыл, что у нас нет кузни или домны, так что возникнут вопросы по поводу того же железа.

— Скажем, что мы древние и у нас свои способы его добывания.

— Вот так и признаешься?

— Ты еще не понял, куда попал? Здесь плевать, кто ты и откуда. Лишь бы не мешал другим жить, а мы мешать не собираемся. Вы все поняли? Предлагаю еще до вечера отсюда свалить в горы и перед этим запастись всем необходимым.

— Не спеши! — Диадок вскинул руку. — Мы все устали, а лавки здешние уже закрываться начали, потому как торг здесь лишь утром и днем, как положено. Я предлагаю, устроиться на ночлег в городе, а уже с утра заняться покупками, неспешно собраться и уехать. Ручьи и речки, что тебе нужны, здесь в каждой долине и под каждой горой, далеко искать не придется. Устроим лагерь, и добывай свои шлихи, раз это так важно. Хорошо я придумал?

Возражать не стали. Действительно, к чему такая спешка, если уже добрались до цели.

Влад даже не заподозрил приближения проблем, когда Диадок попросил у него несколько монет, так как свои истратил в Новограде, запасаясь всем необходимым для атаки логова луддитов. И когда он ушел вместе с Болтуном якобы подышать свежим воздухом и выведать у аборигенов местные новости, тоже ничего плохого не подумал.

* * *

Ночлег вышел роскошным. В городке, как оказалось, работали сразу три гостиницы. Две из них отвергли из-за шумности — они совмещались с далеко не фешенебельными кабаками, где всю гудели разнузданные звероподобного вида мужики в грязных кожанках. Видимо, те самые охотники, спешно пропивающие последнее. Третья тоже сочеталась с заведением «общепита», но в отличие от первых двух на вывеске было указано, что, кроме легкого пива, спиртного не подают, да и то не больше пяти кружек на человека, а пьяных, собак и продажных женщин в зал не

пускают.

Влад подозревал, что найти среди охотников грамотного не так-то просто, но внутри и впрямь оказалось спокойно. Народ чинно обедал, обсуждая какие-то свои дела. Из обрывков чужих бесед можно было сделать вывод, что в основном речь идет о торговых сделках. Видимо, именно здесь собираются местные купцы.

Такой контингент вполне устраивал. Здесь точно обойдется без пьяных песен под окнами и крикливого мордобоя.

А еще при гостинице оказалась самая настоящая баня. Влад, как только узнал, чуть не затрясся. Платить за нее отдельно не требовалось, зато требовалось соблюдать очереди женскую и мужскую. Народ собрался чистоплотный, так что пришлось подождать, но зато потом Влад оторвался. Здесь были веники березовые и дубовые, жидкое мыло с ароматом лесных ягод, парилка, из которой едва живой выползал. То, что надо усталому беглецу, спасшемуся после долгой и упорной погони. И даже пиво холодное имелось, и отказаться от кружки после всего невыносимо трудно даже заслуженному активисту общества трезвости.

Для таких, как Влад, прямо на месте можно было приобрести новое белье, и он обзавелся льняными трусами и рубахой. Трусы смешные — по колено, и чуть тесноваты, но его размер, наверное, во всем городе не сыскать.

Рассевшись в предбаннике в чистом белье, распаренный, чистый до того, что к коже страшно прикасаться — скрипит, Влад мелкими глотками потягивал холодное пресноватое пиво и думал, что жизнь налаживается. И когда дверь резко распахнулась, не сразу понял, что идиллия закончилась.

В помещение, нарушая правила раздельной очереди, ворвалась Лиля и отчаянно завопила:

— Влад, там убивают Диадوخа и Болтуна! Иди быстрее, а то Давид побежит один, и его тоже убьют!

С сожалением поставив высокую узкую кружку из массивной керамики, Влад попросил:

— Выйди за дверь, пока окончательно не убила свою репутацию.

Он уже понял, в чем дело, вспомнив и деньги, и прогулку намечавшуюся. Дурак он, раз сразу не допер, к чему все идет.

Ну куда могут податься двое молодых, не обремененных заботами мужчин после долгой и трудной поездки? Некоторые вроде него в баню, а другим непременно надо отметить окончание пути, посмотреть, как живут люди на новом месте, ну и себя показать.

Ситуация стара как мир — двое никому не известных приезжих

подались в увеселительное заведение, контингент которого в вечерние часы состоит главным образом из субъектов, которым просто так напиться уже надоело, а отправляться под стол еще рановато. Друг друга знают как облупленных, дрались столько раз, что им известны все особенности строения лицевой части черепа у каждого посетителя. А тут раз — фортуна! Подвалило! Новые морды, еще ни разу не битые!

Влад сомневался, что дело дойдет до смерти, но выручать ребят и правда надо. Хотя, если вспомнить звероподобные морды охотников, может, и прибьют. А еще если Давид побежит сам, скорее всего, дело дойдет до стрельбы. Неизвестно, как на такое посмотрит мэр, особенно если дело осложнится трупами.

Надо поторопиться!

* * *

Влад успел вовремя. Диадок лежал посреди улицы, пытаясь встать, но падал снова и снова под ударами на удивление прилично одетого мужика, внешностью похожего на Гоголя в период расцвета его творческого дарования. Двое верзил откровенно бандитского вида раз за разом окунали Болтуна в поилку для лошадей — от кислородного голодания он уже еле шевелился, но все равно пытался вырваться. Еще трое стояли на крыльце того самого «Напейся и проспись», наблюдая за происходящим. Все шестеро хохотали, будто на комедию попали, что, впрочем, так и было.

Подойдя к тому, что был похож на Гоголя, Влад счел необходимым поприветствовать:

— Добрый вечер.

Тот, потрясенный чужой вежливостью, столь неуместной в такой момент, обернулся, успев увидеть, как к голове приближается что-то стремительно размытое. Оставив первую жертву ответных действий валяться рядом с Диадоксом в грязи и конском навозе, Влад проследовал к увлекшимся «топителям» и вырубил их такими же одиночными ударами в челюсть. Одного, правда, пришлось чуть развернуть перед этим — неудобный ракурс.

Тренер так и не сумел вбить в него нечто более сложное. Практически все удачные выступления Влада сводились к примитивному стремительному коронному в челюсть, ради которого он выкладывался по полной, заставляя раскрываться противников.

Но этих заставлять не было необходимости.

Болтун, освободившись, с предельно сосредоточенным видом прошел мимо троицы на крыльце — те уже не смеялись и смотрели с легким недоумением. Далее коротышка вломился в двойную дверь, чтобы через пять секунд вылететь обратно, спиной вперед. Приземлившись на улице, он начал барахтаться в грязи, силясь встать, чтобы, скорее всего, пойти на очередной заход.

Вздыхнув, Влад решил, что чистое белье он, пожалуй, надел зря. Судя по пьяному гулу, внутри народа хватает, а он хоть и крепкий парень, но к непобедимым не относится. Однако дело того стоит — раз уж взялся, надо все доводить до конца. Пусть знают наших. Репутация человека складывается из поступков, в том числе и не слишком умных. Если доказать, что новенькие способны постоять за себя, это может пойти на пользу в щекотливых ситуациях.

Пьяную троицу на крыльце Влад нокаутировал тем же способом, причем ни один не успел ничего сделать или сказать. Стояли, вытаращив глаза, падая по очереди сбитыми кеглями. Возможно, он нарушал какой-то местный ритуал, который нужно непременно проводить перед тем, как дать в морду, но ему было плевать. Он нездешний и не обязан поступать, как все.

Зашел внутрь. Дым коромыслом, у стен на грязном полу валяются пьяные, а может, и мертвые тела, на столе танцует самка нильского крокодила, экстатически закатывая мутные глаза и пытаясь эротично задирать юбку жестом, напоминающим действия кочегара при загрузке топки углем, выполняемой с помощью совковой лопаты. Вместо стульев лавки, на них восседают субъекты, одетые разнообразно, но все как один в неравной степени нетрезвые. Воняло дешевым табаком, мочой, блевотиной и еще чем-то омерзительным, будто где-то в углу вот уже месяца три валяется разлагающееся тело неудачливого посетителя.

Влад еще не успел оценить всей прелести открывшейся картины, как к нему подкатили. Сразу три охотника, один пьянее другого, все, по местным меркам, серьезного сложения, хотя в сравнении с ним выглядели блекло. Средний с ходу начал разговор «за жизнь»:

— Что-то я тебя никогда здесь не видел? Откуда такой столб здоровенный взялся?

— Из дома, — ответил Влад, оценивая диспозицию.

— Гы-гы! Да ты шутник! Что морду отвернул?! Небось не хочешь со мной даже пива выпить?! Да?!

— Легко, — охотно ответил Влад, после чего подхватил с ближайшего стола недопитую кружку, вылил ее на голову заводилы и, вырубив его все

тем же коронным в челюсть, начал обрабатывать его соратников.

Одного тоже успел достать, но последний не вовремя отшатнулся, и удар вышел смазанным. Но все равно охотника крутануло, и равновесие, до того уже подкошенное возлияниями, подвело — упал, запутавшись в собственных ногах. От души пнув его, чтобы уж наверняка, Влад проревел:

— Здесь еще остались живые церковные крысы, которые посмели поднять руку на моих друзей?! Быстрее отзывайтесь, не задерживайте!

Вопрос был задан политически правильно. Скорее всего, посетителей, принимавших участие в драке и еще не понюхавших его кулака, хватало, но высказываться никто не спешил. Даже затуманенные алкоголем мозги смысл термина «церковная крыса» понимали как принадлежность к организации, которую здесь, мягко говоря, не очень любили. Устраивать диспут по этому поводу со странным чужаком тоже никто не рвался — его молниеносная расправа сразу над тремя задирами впечатлила, и незаурядные внешние данные — тоже. Здесь так не принято. Драка — это долгое таскание друг друга за отвороты рубах и курток, куцые удары без замаха, словесные угрозы и оскорбления, выбрасывание на улицу и прочая работа скорее на публику, чем во имя результата. Ну, принято так отдыхать у ребят. Им завтра в степь, на долгие месяцы. Ни женщин, ни выпивки, жратва тошнотворная, запы, подстерегающие зазевавшихся, копыта бизонов, стадо которых, если промчится по тебе, для погребения оставит лишь грязное тряпье. Перед такими делами было бы глупо не отвязаться напоследок.

Ну и потом, по возвращении, когда в карманах забренчат монеты, тоже не грех...

С этим шагающим шкафом удовольствие от честной драки вряд ли получишь. Он ведь будто гвозди забивает — один удар, один... отдыхающий. Ни тебе долгого таскания за грудки, ни ругательств сочных. Ну кому интересен такой мордобой?

В общем, после слов Влада воцарилось молчание. Выждав томительные десять секунд, он облегченно заявил:

— Нет? Получается — это были последние. Если еще какие-нибудь объедки луддитские появятся, обязательно дайте мне знать. Всего наилучшего — я пошел.

Развернувшись, он вышел на улицу, где едва не столкнулся с Диадокхом и Болтуном. Поддерживая друг друга, они поднимались по ступенькам. Все не могут уgomониться.

— Далеко собрались? — поинтересовался Влад.

Диадокх чуть заплетающимся языком пояснил:

— Сейчас мы тут все на хрен разнесем! Это здорово, что ты пришел! Стой в дверях и никого не выпускай, а то разбегутся! Если нас кто-нибудь выкидывать станет, нас тоже не выпускай! А то достали уже, гады!

— Не так быстро. Я там уже завалил всех, кто после вас на ногах остался. Все наказаны, пора назад, в гостиницу. Нам вставать рано, а вы пьянку затеяли.

— Пьянку?! Да мы только пиво, и то совсем чуть-чуть. Они небось дурман в него добавляют, вот почему перед глазами все так плывет, что трудно по мордам попадать. Подожди! Так мы победили?!

— Да. Всех побили, и пора домой. Пойдемте.

— Я вам помогу, — подскочивший Давид, взиравший за действием с безопасной дистанции, ухватил Диадоха под свободную руку.

— Неплохо погуляли, — слабеющим голосом произнес тот.

Болтун буркнул что-то неразборчивое, и троица единым организмом направилась в сторону гостиницы.

Шагая вслед за ними, Влад думал, что народ здесь хоть и вида зверского, но в душе добрый. Ведь не встали, не навалили ему всей толпой — как ты ни маши кулаками, но сорок даже серьезно пьяных мужиков тебя затопчут.

До чего удачно! Даже одежду сохранил и мыться заново не придется.

Хотя с местной баней такому надо только радоваться.

ГЛАВА 31

Давид распрямил лист бересты, приготовил карандаш и вопросительно уставился на Влада. Тот, погрузившись в себя, бегло изучил результаты анализа, выданные копиром, после чего начал диктовать:

— Шестьдесят один процент железа.

— Я и без тебя прекрасно знаю, что тут полным-полно железа. Его, между прочим, везде полно. И даже знаю, что в основном из-за магнетита и гематита. Ты ценное выдавай, не тяни резину.

— Тут марганец есть, около трети процента, два с половиной процента серы, около процента титана, полпроцента хрома. Платина есть, но очень мало — запарился считать нули после запятой. Редкоземов еще меньше, да и не все.

— Они обязательно есть, просто, если содержание ниже критической черты, данные не выводятся. Мы ведь это уже установили — забыл?

— Да помню я, помню.

— Давай дальше перечисляй. Только не спеши, я записывать не успеваю, когда начинаешь тараторить.

Вот уже седьмой день Влад безвылазно сидел на одном месте, вместе с женщинами. Остальные мужчины ездили по округе, от ручья к ручью, добывали в них шлихи, попутно охотились, собирали грибы, ловили рыбу. А он заряжал копиры, обустроивал лагерь, охранял, само собой — ведь Лилу и Лену одних в таком лесу не оставишь.

Хозяйство невеликое: две палатки из плотной ткани, похожей на брезент. Для лучшей водоустойчивости ее натерли мягким воском. Всех лошадей, кроме шести, продали, и за теми, которых оставляли в лагере, тоже надо было присматривать. Даже стреноженные, они могли уйти далеко, а в округе хватает хищников. Городок километрах в пяти, но там не удивляются, поутру обнаружив на улице медвежьи следы.

То дров принеси, то лежанку перекосившуюся почини, то стол из жердей сооруди, то еще что-нибудь. Копиры как бы сами заряжаются, но позволить батареям заполняться доверху нельзя — надо, чтобы энергия шла в дело и процесс ее накопления не останавливался. Приглядывал постоянно, если требовалось, переводил шлихи на концевники или выделял железо слитками. Естественно, и про более редкие элементы не забывал — пускай во встроенном хранилище набираются. Еще лотки для промывки вырезал, из заготовок, заказанных на лесопилке. Так что вроде и

скучно живется, но постоянно при деле.

Даже к спорту вернулся. Из толстой кожи сшил мешок, заполнил его ради разнообразия кедровыми орехами, которые здесь продавали по смешным ценам, и лупил по утрам и вечерам ногами и руками. Вряд ли тут доведется поучаствовать в соревнованиях по классическом боксу, так что надо развиваться всесторонне, без оглядки на традиции. Начал даже подумывать о баньке своей, а то мыться в деревянном тазике совсем не то.

Голос в голове не беспокоил, никто не пытался убить. Живи да радуйся.

Вот только вожаков редкоземельных элементов, ради которых все и затеяли, как не было, так и нет. Давид что-то болтал о породах неперспективных, малой площади водосборов и коротких водотоках, но Влад подозревал, что он просто цену себе набивает умными словами, на самом деле понятия не имея, в чем проблема. В первый же день пришли к выводу, что таскаться всем табором от ручья к ручью занятие глупое. Пока снялись, пока поставили — прорва времени и сил затрачивается. И самое главное — во время переходов копиры заряжать не получается. Ну не приторочишь их к вьюку в раскрытом виде. Страшно за «крылья» — вдруг поломаются. Не хотелось бы потом разбираться в строке меню под печальным названием «Ремонт».

Вот и поступили умнее. Поставили базовый лагерь, а мобильная группа делала вылазки для обследования все новых и новых водотоков.

Но округа уже почти вся изучена. Давиду приходится забираться так далеко, что едва до темноты возвращаться успевают. Пора сниматься и переносить лагерь в другое место. Какое? Влад понятия не имел. Ну нет у него карты с указанием водотоков, в которых можно разжиться редкоземельными элементами в приличном количестве. Давид, при всех его познаниях, тоже молчит, как партизан, угодивший в гестапо.

Зря он все же не доучился, когда была возможность.

Одно душу радует — Влад с гордостью покосился в сторону ящика. Снимать крышку не стал, и без того в день по двадцать раз любуется. Внутренности разделены на три отделения. Самое большое, занимающее львиную часть объема, до половины забито патронами с картечью, в двух малых по четыре десятка с дробью и пулями. Отдельно льняной мешочек с парой сотен пистолетных. О былом дефиците вспоминал теперь с содроганием. Есть еще один ящик, но он в сторонке хранится. Там жестянки, сделанные местным кузнецом. Набиты порохом, с фитилями, пропитанными раствором селитры — ее удалось купить у местного аптекаря. Обмазаны клеем, на котором держатся подогнанные друг к

дружке мелкие слитки железа. Давид грозился, что в будущем замутит настоящую взрывчатку, но даже без нее бомбы теперь на много порядков лучше былых стекляшек.

Свинец, медь и латунь для патронов, кстати, тоже взяли у торговца. Но остальные элементы своими силами добывали или пользовались старыми запасами.

Лиля, полоскавшая тряпье у речушки, поднялась, уставилась в сторону уже хорошо натопанной тропы:

— К нам кто-то едет.

Сказать ухитрилась кокетливо, еще и позу картинную приняла. Мужу, оставшемуся на хозяйстве, целый день внимание с двух сторон — женскую натуру не изменить.

Влад не ожидал неприятностей — к ним уже не один раз забредал местный охотник, живущий в лесу и зимой, и летом. Вроде отшельника. Почти не говорил. Сядет, чаю попьет, оставил разок в подарок пару рябчиков. Через день является, скучно, наверно, одному все время, а в город почему-то не любит наведываться. Но тот пеший, а этот верхом. И не один...

Насторожившись, Влад повесил на плечо дробовик, проверил нож на поясе, прислонил к ящику с патронами свою неразлучную палицу — если что, ухватит, не нагибаясь.

Когда сумел хорошо разглядеть первого всадника, удивился. Сам мэр Гнобыря пожаловал. Все так же «модно» одетый. После него небось пауки лесные рыдают — его шляпа все их ловчие сети на себя собирает. Второй прикинут скромнее, но и не в кожу дешевую, зато вид гораздо представительнее, чем у Ревоката. Властность в каждой черте лица просматривается.

— Здравия тебе, Влад! — издали крикнул мэр.

Не из избытка вежливости, а на всякий случай. Вдруг его сослепу не узнали, и рука на тетиве дрогнет. В этих беспокойных краях не всегда радуются появлению гостей, а уж незваных тем более.

— И тебе здравия, Ревокат.

Влад уже привык, что слово «вы» здесь применяется только во множественном числе. Женщина перед тобой, мужчина, священник высокого сана — со всеми на «ты» надо, а то не понимают, к кому еще обращаешься.

Мэр и незнакомец спешили, привязали лошадей к деревцам, поприветствовали женщин. Влад, как хозяин, предложил чаю, гости отказываться не стали, присев в ожидании на подтесанное бревно,

используемое в качестве лавки. Устроившись напротив на ящик с патронами, Влад уставился ожидающе:

— Это Рикс, мой старший брат, — представил мэр спутника.

Видя, что Влад никак не отреагировал на это имя, нахмурился:

— Ты разве о нем ничего не слышал?

— Нет.

— Странно... его вроде все знают.

— Я здесь человек новый, живу в лесу, мало с кем знаком.

— Все равно как-то странно. Вы тут вконец одичаете, раз даже про таких людей не знаете.

Владу надоел треп ни о чем, и он взял быка за рога:

— Мимо проезжали или специально нас искали?

— И то и другое. Дела у меня здесь, а вот Рикс специально приехал, парой слов перекинуться с тобой.

— Ну так начинай перекидываться.

Брат мэра впервые за весь разговор открыл рот:

— Говорят, вы золотишко ищете?

— А что — это запрещено?

— Ну что ты. Ищи на здоровье, мешать никто не станет. Если найдешь, даже участок получишь. Возьмешь лук, выстрелишь, и от тебя до того места, где стрела упадет, вся долина твоя будет — добывай, не пуская других. Если пропадешь или бросишь, через год, кто-нибудь другой может забрать твое. Это давний наш закон. Только богатого золота здесь никогда не было, вот и бросали всегда, едва начав добычу. А уж здесь, под городом, даже чтобы наперсток наполнить, придется год корячиться. Нет здесь золота вообще — только время зря тратите.

— Ну мы все же попробуем найти.

— Дело ваше, — кивнул Рикс. — Людишки приезжали от Новограда. Хорошие ребята, словам их верить можно. Говорят, братья-луддиты великий переполох устроили. Собрали всю стражу и еще добровольцам клич кинули, искали целую шайку святотатцев, да так и не нашли. А еще охотники рассказали, что за Ведьминым ключом интересное видели. Целая куча мертвецов свежих — волчий пир, но только вряд ли звери поработали. Что интересно: трое из них с крестами святого Лудда. Такие, сами знаете, кто носит. Следы говорят, что в засаду они попали, причем народу в засаде было шестеро, как вас. И пришли вы с той стороны. Разве не удивительно?

Скрывать смысла не было — все равно ведь прекрасно знают, кто резню устроил, тем более сами в этом признавались еще в первый день, потому Влад ответил честно:

— Ничего удивительного, потому что засада эта нашей была, а убили мы луддитов, которые за нами от самого Новограда гнались. Чтобы не было вопросов: те шесть братьев, которые в городе погибли, тоже наша работа. Надеюсь, это не составит проблему? Я слышал, что луддитов в этих краях не сильно любят.

— Ну что ты — какая может быть проблема? Убили и убили — меньше собак, легче дышать. Но лихо вы — полтора десятка за собой оставили. Ох, не зря луддиты настолько возбудились — что-то с вами не так.

— Насколько я понимаю, каждый из здесь живущих по два костра заслуживает, поэтому не надо на нас пальцем показывать.

Братья синхронно хохотнули, и Рикс кивнул:

— Правду говоришь — все мы хороши. Но вот с вещами такими лишь вы одни якшаетесь всерьез, — указал на заряжающиеся копии.

— Это запрещено?

— Что ты, ни в коем случае. Просто странно это все... Влад, тут люди любопытные, присматривали пару раз за тем, что ты делаешь. Говорят, что умеешь с погаными вещами обращаться. Это так?

— С этими умею.

— Ты древний? — неожиданно спросил мэр.

— С чего ты взял?

— Слухи ходят, что луддиты как раз за древними гонялись, — ответил опять Рикс. — И всякий знает, что с такими штуками обращаться могут только одержимые вроде запов и древние. На запа никто из вас не похож, так что...

— И что с того, если я, допустим, древний?

— Если опять про «запрещено» начнешь, то ничего. Да будь ты самим Техно, нет в горах закона против него. Живи да другим не мешай, вот и все. Древние не первый раз приходят, так что хоть и дивно это, но не такая уж редкость великая. При прапрадедах последняя война из-за них случилась. На землях, что сейчас под Новоградом, пришедшие древние свою страну сделали, прогнав невеликую стражу в крепости малой оружием страшным, спасения от которого не найти. Было этих то ли людей, то ли демонов немного, но сила великая — близко к ним не подойти. Луддиты тогда достали из своих кладовых похожее оружие, а может, и получше, и после битвы не осталось от тех древних никого.

— Братья, получается, сами якшаются с погаными вещами?

— Ты вот человек с виду неглупый, вот и сам подумай: отчего у Церкви столько власти? Почему, не имея великих армий, она любому

правителю приказывает, и тот подчиняется? Да потому, что луддиты сохранили часть знаний с тех времен, когда люди были равней демонам, и оружие тогдашнее тоже сохранили, объявив его святыми артефактами, прикасаться к которым дозволено лишь братьям ордена. Лежит это оружие до поры в тайниках, а как понадобится, так достают, и тогда никто противостоять им не может. Вот и не связываются — боятся. А тем только этого и нужно. Тормозят народ, не дают подниматься. Боятся, что другие сами дойдут до знаний потерянных и станут равными церковникам по силе. Вот у твоего друга отца на костер отправили за колесо водное. А все почему? Сегодня его колесо вода крутит, а завтра уже машину, что без воды и ветра работает, придумает. Вот и останавливают огнем.

— Оружие, что луддиты хранят. Оно какое? Как действует?

— Всякое говорят, и кому верить, не знаю. Слишком много лет прошло с последнего бунта, который они успокоили древним оружием. Рассказывают про огонь, сжигающий армии, про лучи, вроде солнечных, но много ярче, тоже в огонь все превращающие. Еще о сере кипящей, выжигающей внутренности, о самой смерти, с небес падающей на головы. Думаю я, врут при этом много, но и правды доля должна быть. Страшное оружие есть у луддитов, потому что мало их очень, а боятся их все, и никто с ними не связывается. Древние для них, получается, угроза великая. Ведь знания могут иметь про то, как сделать такое оружие или спастись от него. Потому и охотятся на них со всем усердием. Сам Либерий по ваши души пожаловал.

— Он один из главарей луддитов, как я понимаю?

— Мелковат для главного, но там, где надо засучить рукава и казнить без счета, равных ему нет. Даже свои его мясником зовут. Думаю я, не отступится он. Попробует и здесь достать. Армию вряд ли для такого дела соберет, да и скрыться от нее просто в лесах, а вот убийц подослать может запросто. А вы возле самого города торчите, все знают где, слухи расходятся. Дело, конечно, ваше, но я бы подумал насчет смены места.

— А поконкретнее?

— Можно в город перебраться. Там чужаки на виду, и подобраться к вам незаметно труднее будет. Народ, как ты уже понял, луддитов не привечает, и все до одного защищать вас будут. Можно податься дальше в горы. Под северной стеной есть места интересные, куда даже своих не допускают — только избранных. Вас, думаю, пустить не грех, и сидите потом спокойно. Хотя тоже опасности есть. Горы ведь до сих пор без хозяина, только из-за указа церковного, а его отменить недолго. Тем более у них раскол почти на нет сошел, Церковь, как никогда, едина, и собор

решение быстро вынесет. Я так думаю. И тогда нам всем нелегко придется. Северная стена только кажется непроходимой, а на деле перевалов там хватает. Хотя и трудно, но армии пройдут. Нет у нас сил против северных правителей выстоять, вот и закончится наша вольница. И может так случиться, что вы это ускорите, поскольку очень уж злы луддиты. Мало того, что древние появились, так еще братьев побили с легкостью и ушли. Это — как насмешка.

Из пространных рассуждений Рикса Влад понял только одно — не стоит соглашаться на эти укрытия под северным хребтом. Мутное это дело. Скорее всего, Рикс под предлогом противодействия вражеским замыслам хочет использовать древних для своих надобностей каких-то. К примеру, подгребет под себя тему с копирами. В общем, если не знаешь, во что все выльется, лучше держаться стороной. Из одной беды выползли, в другую попадать неохота, да еще и добровольно.

Все же есть в горах власть — Рикс рангом явно повыше своего братца, а не просто из леса выбрался. На какие-то интересные убежища намекает, на малые силы жалуется. Пусть малые, но все же, получается, есть. Не просто банда анархистов, а банда, контролирующая обширную территорию. Вон, несмотря на всю вольницу и наличие «спецконтингента» в лице вечно пьяных охотников, отрывающихся в городке за все месяцы тяжелого труда и жизни в лесу, порядок строгий. Побить могут, а вот про убийства не слышно было. Так что не прав был Диадох в том давнем споре.

С этим Риксом лучше не ссориться, но и соглашаться на его вроде бы мимоходом сделанное предположение Влад не хотел. Ввязываться в то, чего не понимаешь, — последнее дело. Лучше как-нибудь самому вписываться в этот мир, с краешка. Не тот случай, чтобы хвататься за любую помощь — как бы в итоге не заплатить за нее по тройному тарифу.

— Ты говорил, что раньше где-то здесь участки золотые народ брал. Где именно?

— Ищете золото, но даже не знаете места, где его уже пробовали добывать? — усмехнулся Рикс.

— Ну да, мы же здесь новенькие, — прикинулся простачком Влад.

— Да уж... Надо на север от Гнобыря идти, пока не доберешься до брода через Кипящий ручей. Его легко узнать — дорога там черными скалами зажата с двух сторон, и на вершине каждой стоит по здоровенной сосне. Дальше надо идти по ручью вверх, пока не выйдете к истоку. Это болото, мокрое, но без трясин, плоское, деревья там почти не растут. Слева его огибает старая тропа, что золотодобытчики натоптали. Не знаю, как сейчас — может, совсем заросла, а лет десять назад я по ней проходил

нормально. Главное — не сбивайтесь с нее, следите за пеньками и ветвями обрубленными, потому как путь долго через лес вести будет. Конному там часов пять, и сориентироваться, если нездешний, тяжело. Как выберетесь к ручью, он Жимолостным называется, переходите на другой берег, потому как на правом все камнями засыпано непролазно, и вниз двигайтесь до тех пор, пока он в речку не впадет. Раньше ее называли Крепчаком, а теперь Золотой. Все потому, что как раз на ней и пытались золотишко добывать. Но мало его там, да и от города далековато, дорога неудобная. В общем, бросил народ этим делом заниматься. Хочешь попробовать?

— Ты сам говоришь, что лучше нам держаться подальше отсюда. А там, как я понимаю, люди редко появляются, никто про нас не будет знать.

— Да. Если и пожалует живая душа, то поздней осенью, когда за пушниной народ пойдет. И то вряд ли — не слыхал я, чтобы в тех краях охотился кто. Скучный там лес, земля плохая, не будь золота, никто бы вообще туда заглядывать не стал. Так что правильно мыслишь — не найдут вас там. Но если что, не забывай мои слова. Надо будет, помогу на севере укрыться. Луддитам сюда, конечно, хода нет, но на каждой тропе стражу не поставишь, да и подкупить могут наших. Всякие люди здесь бывают, и не всегда хорошие.

— Я понял.

— Так ты точно решил податься на Золотую?

— Еще не знаю, надо с товарищами посоветоваться. Но с этого места мы точно уйдем, причем скоро.

— Хорошо. Ну тогда удачи тебе, а мы дальше поехали.

— А чай? Уже закипает.

— В другой раз попьем, извини уж, не за ним приезжали.

— Это я тоже понял...

— На Золотой, если столбы встретите межевые, не обращайтесь внимания. Участки те давно брошены, и делайте на них что хотите.

* * *

Уже в сумерках вернулись Давид, Диадок и Болтун. Они привезли очередную порцию шлихов, в которой было полным-полно железа и по чуть-чуть других элементов. Почти вся таблица Менделеева, кроме тех, которые так сильно нужны.

Очередная пустышка.

Влад за ужином пересказал им почти дословно всю беседу и свои

предположения по поводу сказанного и недосказанного. Давида сильно возбудила информация о том, что луддиты хранят древнее оружие. Лицемерно получается — занимаются тем, за что карают других, прикрываясь религиозными побуждениями. Впрочем, имея большую дубину, можно плевать на то, как твои действия выглядят в глазах мыслящих людей, — эпоха, из которой они сюда угодили, изобиловала еще более экстравагантными примерами двуличного политического поведения.

А Влада куда больше волновало предупреждение Рикса. Ведь и вправду их до сих пор легко достать. Луддиты могут послать небольшой, но крепкий отряд, способный пройти через предгорья скрытно. Достаточно пары десятков тех «черных», чтобы задать жару, и дробовик с бомбами могут не спасти. Хоть подступы к лагерю просматриваются, но это все же не крепость. Да и большую часть суток из мужчин здесь один Влад, так что подловить их порознь — не проблема.

Да самый последний городской забулдыга прекрасно знает, где именно обосновались эти залетные золотоискатели. Слишком они беспечны. Ну разве можно так расслабляться? Валить отсюда надо — однозначно, валить.

Влад предложил пустить в городе слух, что они уходят на Золотую реку, благо приметы пути он уже выведал, о чем можно дать понять нескольким ушам, чьи владельцы — главные болтуны Мертвых гор. Но Давид, услышав про давние золотые разработки, возбудился во второй раз:

— Так! Не надо никому ничего говорить. Мы поедем именно туда.

— Зачем? — удивился Влад. — Дорога туда трудная, долгая, а золота почти нет. Можно гораздо ближе найти укрытие.

— Да при чем здесь укрытие? Вот что, по-вашему, такое — золото?

— Металл такой, — блеснул эрудицией Диадох. — Дорогой очень — раз в тридцать подороже серебра.

— Ты прав, — кивнул Давид. — Но дело не только в цене, к тому же, как я понял, содержания золота там слишком малы для выгодной разработки. Но золото само по себе в месторождениях не бывает. С ним всегда целый комплекс других элементов.

— Редкоземельных? — насторожился Влад.

— Про такое не помню, да и не в этом дело. Раз там есть золото, значит, есть и породы, которые здесь не встречаются. Я так понимаю, весь этот район вообще бесперспективен, с точки зрения поиска редких земель, как раз из-за пород, его слагающих. А там что-то новое, со своим набором элементов. К тому же золото, как правило, один из признаков бурной геологической истории. Там могут оказаться несколько комплексов различных пород, и тогда обязательно найдем, что нам нужно. Влад, туда

обязательно надо съездить. Здесь мы уже все обшарили, и впустую.

— Я не против, тем более ты сам решаешь, где надо искать.

— А я вот думаю, что Давид и золото хорошее найдет, — заявил Диадок.

— Почему так решил?

— Да местные, как встретят, вечно о золоте разговор начинают, думают, что мы его ищем. Так они и десятой доли тех слов, что Давид говорит, не знают. Он гораздо их умнее. Понимает все. А нам золотишко не помешает, а то пашем-пашем, а серебра сильно не прибавляется.

— Вообще-то мы работаем не ради него. Ты забыл, что если сумеем сделать копир большого размера, то каждый сможет получить ружье и пистолет или даже два?

— Да помню я, и работе всегда рад. Но только с монетой в кармане и ружьем на плече жизнь гораздо веселее, чем с одним ружьем.

ГЛАВА 32

Дорога оказалась не просто плохой — ужасной. Даже там, где Рикс, гад эдакий, обещал «старую тропу золотодобытчиков», вымахали столь непролазные дебри, что догадаться о ее существовании можно было только по трухлявым пенькам и смолистым затесам на некоторых деревьях. Много раз теряли направление, возвращались назад, проклиная нескончаемый лес.

Когда наконец блуждание по плоскому водоразделу закончилось спуском в долину и ручьем понизу, никто не был уверен, что это тот самый — Жимолостный, о котором рассказывал Рикс. Ягоды эти здесь были, но они всегда в здешних краях у воды есть, так что — не показатель.

Спросить не у кого, пришлось перебираться через заваленное валунами русло и двигаться вниз, в надежде, что не заблудились.

А еще на переправе одна из лошадей сломала ногу. Ну не везет отряду с тягловой силой... Это добавило проблем — пришлось перераспределять груз.

Вечером третьего дня, потеряв уйму времени из-за проблем с поиском дороги, вышли наконец к реке, надеясь, что это та самая, вожденная — Золотая.

Не хотелось уже ни золота, ни редкоземельных элементов. Вымыться и отоспаться.

* * *

Ранним утром Влад, выбравшись из палатки, первое, что увидел, — вопиющий случай нарушения устава караульной службы. Давид, вместо того чтобы зорко охранять подступы к лагерю, забрался в воду по колено и всю работу делал деревянным лотком.

Ну никакой дисциплины...

— Эй! Давид! Доброе утро! Будь я злодеем луддитом, ты бы сейчас плыл вниз по течению с перерезанным горлом, а мы вслед за тобой!

— Прости, Влад, не смог удержаться.

— Ты не сможешь, другой не сможет, так и сгинем здесь! Ну что — нашел свое золото?

— Во-первых, не мое. Во-вторых — нашел. Оно здесь есть, но очень мало, и мелкое совсем. Правда, другого от косы речной ждать трудно. Вот,

посмотри.

Влад, осторожно ступая по камням, забрался в реку, подошел к Давиду. Тот протянул лоток с черным пятном шлиха в уголке.

— Вот. Видишь?

— Если ты о золоте, то не вижу. Обычный шлих.

— Да ты приглядиись. Видишь мааааленькая песчинка желтая, явно металлическая? Поблескивает заметно.

Последовав совету, Влад и в самом деле обнаружил, что в темной массе черных песчинок сверкает желтым совсем крохотная, наверное, не больше десятой доли миллиметра.

— А ты уверен, что это золото?

— Абсолютно. Смотри еще фокус.

Давид зачем-то подул на шлих, потом зачерпнул лотком чуть-чуть воды, перегнал ее в уголок, показал результат:

— Смотри, что с золотом происходит.

Происходило нечто неладное, о чем Влад и поведал:

— Фигня какая-то. Золотинка эта плавает, как деревянная. Ты точно уверен, что это золото?

— Да. При определенных условиях заставить его плавать можно. Естественно, это работает только для совсем мелких частиц, желательно чешуйчатой формы.

— Век живи, век учись. Может, и топор при некоторых условиях можно заставить плавать?

— Не исключено. Давай, что ли, включай копир, и проверим, чем богата эта речка. Я уже грамм сто шлиха намыл, пока вы спали.

* * *

Состав у шлиха оказался интересный. Нет, он, как прежде, был главным образом богат железом, но попадалось множество элементов, до сих пор никогда не встречавшихся или встречавшихся изредка и в мизерных концентрациях. Вольфрам, ниобий, тантал, цирконий, свинец, медь, золото и металлы платиновой группы, барий и много других.

Барию Влад обрадовался — можно будет изготавливать патроны второго вида, не так разрушительно действующие на ствол ружья. Но больше всего радости доставили долгожданные редкоземы. Они здесь были, и пусть в незначительных количествах, но побольше, чем раньше. Это приятный признак — первая перспективная находка.

Давид тут же обрисовал свое видение дальнейших работ:

— Значит, так: река эта длинная, течет издали, в нее куча ручьев впадает. Один из них, скорее всего, и размывает редкоземельное месторождение. Наша задача найти именно его и встать там лагерем. Так что, думаю, лучше всего использовать прежнюю тактику. Оставляем здесь лагерь, затем обследуем округу.

Влад покачал головой:

— Такая тактика оправдывала себя в районе города, да и то местами трудно бывало. Тропы, дороги — вы по дебрям тогда почти не ходили. А здесь они повсюду. Пять километров преодолеть уже подвиг, тем более с лошадьми. Давайте проще поступим: вы вдвоем делаете короткие вылазки по окрестным притокам, потом, если ничего не находим, поднимаемся на десяток километров вверх. Придется снимать лагерь через каждую пару дней, но так гораздо удобнее выйдет, да и безопаснее. Здесь такая глушь, что на весь день оставаться одному с девушками мне неохота.

— Да не бойся ты — девушки у нас не кусаются, — пошутил Давид. — Ладно, давай по-твоему, но, если будет возможность, попробуем отходить подальше.

Здесь не так уж плохо — звериные тропы такие попадаются, что можно на телеге проехать.

* * *

Потянулись прежние будни. Влад торчал в лагере при копирах, хозяйстве и женщинах, мужики занимались разведкой ручьев. Им здесь было чуть проще — проверяли лишь притоки Золотой. Первый раз перебираться пришлось через два дня, второй — через три. Находки множилось, теперь они знали, где можно без труда застись цветными металлами, где шлик богат сурьмой, а где из него можно выделять ртуть в приличных количествах. Им бы такой изначально получить, в ту пору, когда над каждым патроном трястись приходилось.

Для копиров заготовили кучу элементов, которые требовались. Титан, вольфрам, ниобий, цирконий и прочие. Не хватало лишь редкоземельных — их запас пополнялся очень медленно. Такими темпами придется не меньше года работать ради увеличения одного прибора.

Удача улыбнулась после третьего переезда, который произошел на восьмой день работ. И что самое забавное — высылать поисковый отряд не пришлось.

Переезды происходили по следующему принципу: новый лагерь ставили километров за пять-десять от того места, куда максимально доходили поисковики. Естественно, двигались только вверх по течению, ведь именно там должен располагаться источник, откуда в русло попадают редкоземельные минералы.

Вот и в третий раз облюбовали не место, а сказку, вблизи впадения в реку едва заметного ключика. Долина его была крута, а русло на финишной прямой проходило в каньоне с почти отвесными стенами, сложенными серым известняком. По всей их высоте вода проточила гроты, и самый нижний был будто создан для того, чтобы в нем обосноваться.

Исследовав его, убедились, что люди здесь уже бывали. Остались следы очень давнего костра под скальным козырьком. Скорее всего, золотодобытчики тоже оценили удобство этого места, да и по ключу заметны были следы старых раскопок.

Не стали возиться с палатками — от непогоды отлично защитит свод грота. Пока народ занимался обустройством лагеря, Давид привычно уклонился от рутинных обязанностей, бросившись мыть шлих в устье ключа. Заготовив приличную порцию, вернулся, начал канючить:

— Влад, ну давай, посмотри на копире, что здесь.

— Вечереет уже, иди лучше дрова помоги собирать, а то опять на костре придется экономить.

— Да что их тут собирать — сушняка горы по берегам. Ну давай проверим, вдруг что интересное.

— Это интересное прекрасно подождет до завтра.

— Неужели тебе самому не любопытно.

— Слушай, я устал, меня осы покусали, лицо теперь чешется, а тут еще ты нудишь под ухом.

— А ты включи копир, и никто потом нудить под ухом не будет.

Уломал, хитрец...

Когда Влад, изучив информацию по химическому составу шлиха из ключа, осознал увиденное, первым делом изнывающему от нетерпения Давиду сообщил неожиданное:

— Лагерь тяп-ляп ставить не будем — всерьез остановимся.

— Зачем? А, ладно, как скажешь. Ну что там по шлиху? Не тяни резину!

— Мы нашли то, что искали.

— Серьезно?! Не может быть!!! Что там?!

— Редкоземы. Железа, конечно, многовато, чуть ли не семьдесят процентов, но в остальном полтора процента того, что нам надо.

— Обалдеть! Ну ладно, железо — это опять же магнетит, скорее всего, в основном. Его можно убрать спокойно — поднести топор или нож, и он прилипнет. А уже остальное закидывать в копир. С лотком хватит корячиться — соорудим простенькую промывочную установку и отбивать шлихи до черноты тоже не будем, а то много теряется. Да, Влад, ты прав: лагерь надо всерьез ставить. Может, получше пещеру найти? Вон их сколько по склону. Соорудить лестницу, и никто врасплах не застанет.

— Лошадей тоже по лестнице заставим подниматься?

— Ну их можно внизу оставить. Сделаем деревянные решетки, оградим этот грот, и на ночь можно будет сюда загонять. Даже медведь быстро не сломает.

— В принципе неплохая идея... Наверное, так и сделаем. Давай остальным расскажем о находке — порадуем.

— У меня на этот случай сюрприз есть. Помнишь, перед тем как покинуть Гнобырь, я с ребятами мотнулся в город, купить припасов?

— Ну?

— Так я там еще кувшин с забористым пойлом взял, как раз для такого случая. Давай праздник закатим, Влад? Народу надо, вымотала такая жизнь давно уже. Даже Диадох с Болтуном устали. Слишком долго мы в лесу торчим.

— Пьянку затеять решил?

— Чуть-чуть — не грех, а благо и сплочение коллектива.

* * *

Лагерь обустроили капитальный. На высоте метров десяти от земли обнаружился удобный грот — места достаточно, забраться туда трудно, а на последних шагах без лестницы вообще смертельно опасно — падать хоть и не слишком высоко, но на острые камни. Единственный минус — в дальней части зиял лаз, который далее расширился, приводя в сырую пещеру. Куда она ведет, исследовать не стали за неимением фонарей и хороших факелов. Поступили проще — перегородили проход двойной решеткой из жердей, чтобы никакая зверюга не забралась с тыла. Такими же оборудовали «конюшню». Теперь даже если часовой проспит, лошади внизу поднимут такой шум в случае опасности, что быстро проснется.

В долине ручья, по настоянию Давида, выкопали целую шахту — яму метра три глубиной. Породу для промывки брали именно оттуда, так как, по его словам, наиболее богатые тяжелыми минералами слои

располагаются в самом низу наносов. И в этот раз он не обманул — и впрямь намывалось столько, что копиры не успевали перерабатывать.

Редкоземельные элементы потихоньку капали в копилку, народ теперь поисками не занимался и от лагеря удалялся лишь для охоты. С горными работами и копирами легко справлялись двое, а остальные, чтобы не бездельничать, вечно что-то обустроивали. Когда в одном из гротов соорудили простенькую баньку, быт вообще налажился.

Обстановка вечного аварийного аврала осталась в прошлом, народ успокоился, начал вновь вспоминать о радостях мирной жизни. Давид то сходил, то расходился с Лилей, с нескончаемыми ссорами и покаяниями, Лена по очереди клеилась то к Владу, то к Диадоху и почему-то одинаково не нравилась обоим, из-за чего, похоже, начала комплексовать. Как всегда бывает в тесном коллективе при долгом и скучном сосуществовании, иногда вспыхивали мелкие конфликты, но в серьезное они не перерастали.

Влад уже начал мечтать, чтобы поскорее пришла осень, ударили морозы, после чего придется уходить на зимовку в город. Бедствовать они не будут — ключ, помимо редкоземов, был богат и на золото. В день его набиралось от пяти до двадцати граммов, еще и серебра примерно столько же. В Гнобырь вернутся если не богачами, то достаточно зажиточными людьми.

Так бы все и сложилось, но на исходе второго месяца подошли к концу припасы. Можно, конечно, жить на дарах леса и реки, но к хорошему быстро привыкаешь, вот и сейчас мысль о том, что придется жить без лепешек, крупы и чая с медом, напрягала. Проблему решили просто: отправили Диадوخа и Болтуна в город. Каждый взял по две лошади, так что привезти смогут прилично. А Влад с Давидом спокойно справятся с прочей работой — все равно мыть больше, чем успевают перерабатывать заряжающиеся копиры, невозможно.

* * *

Ночью, после проводов Диадوخа и Болтуна, Влад неожиданно проснулся от голоса в голове:

— С попытки поиска коннекта прошло два с половиной стандартных месяца. Режим автоматического поиска коннекта не деактивирован. Повторяю поиск коннекта. Статус: доступных сетей не обнаружено. Коннект невозможен. Начинаю повторный сброс аварийных маячковых пакетов — приготовиться к передаче. Статус передачи: старт.

Позвоночник от копчика до макушки скрутила боль, еще не забытая, та самая, что отравила его в небытие после того, как выбрался из подземелий. Влад и сейчас не смог это выдержать — вырубился, только тут поняв, что голос не просто мужской — это теперь его собственный голос.

— Статус передачи: завершена. Статус поиска коннекта: ожидание.

* * *

Брат Либерий проснулся от назойливого писка. Будто в палатку влетел комар-переросток. Ничто в этом горном лесу неспособно издавать противный звук такой силы.

Откинув одеяло, он сел, подтянул к себе мешок из плотной ткани, вытащил из него холщовый сверток. Внутри него скрывался диск размером со среднюю тарелку, его поверхность слабо мерцала, а почти на периферии красным огнем пульсировала яркая точка. Ткнув в нее пальцем, он дождался, когда цвет сменится на зеленый, после чего спрятал поганую вещь и выбрался на улицу.

Для начала привычно огляделся по сторонам. У костра исправно дежурили часовые: брат Лум и один из здешних лесных бродяг. Последним доверять вообще нельзя, поэтому на пост без присмотра никогда не ставили. И ночевали они не в палатках, а в охотничьей избе — так было легче их контролировать.

Вроде все тихо и спокойно. Тайный лагерь спит, признаков приближения врага не обнаружено.

Забравшись в соседнюю палатку, он тронул за плечо спящего там человека. Тот проснулся молниеносно и первым делом ухватился за рукоять кинжала:

— Брат Палмат, это я.

— Уже понял. Что-то случилось?

— Малое око указало место, в котором опять прокричала тварь.

— Мы сможем его найти?

— Око слишком несовершенно, и будь это далеко, не смогло бы указывать. Я успел запомнить, где вспыхнуло красным, и теперь мы знаем направление. Придется для начала пойти в обход оживленных мест, но дальше к западу нас уже вряд ли заметят. В горах трудно загадывать наперед, но, возможно, за день или два доберемся.

— Брат, ты уверен, что мы справимся?

— Нет, но разве у нас есть выход? Коллегия не решилась собирать

армию. Старые глупцы думают, что древние сгинут сами собой, без нашей помощи. Но мы оба знаем, что это не так. Даже если смерть найдем свою, она, может быть, подтолкнет их к правильному решению.

— Рано ты о смерти думаешь. С нами много опытных братьев, если сила у древних невелика, мы справимся, пусть даже с потерями.

— Не знаю. Я никогда не сталкивался с древними. Но все мы слышали не один раз, чего от них можно ожидать. Будь моя воля, в горы бы отправилась армия при древнем оружии, которого даже саранча боялась.

— Помолишься, и сомнения тебя оставят. Но сперва прикажи людям готовиться к выходу. Я думаю, что надо покинуть это место еще до рассвета. Не доверяю здешним бродягам лесным, потому что, сколько им ни плати, смотрят все равно нехорошо. Будто выбирают место, куда вонзить нож.

— Да. У меня возникают те же мысли, когда ловлю их взгляды. Поганные горы, и люди здесь поганные.

— Ничего, брат, придет их очередь. Очень скоро придет.

ГЛАВА 33

Сидя на скамейке, сооруженной из связанных жердей, Влад предавался странному занятию — копался в своей голове. Не лопатой, разумеется, а мысленно. Хотя, возможно, мысли здесь вовсе ни при чем.

А возможно, и копается он не в голове...

С той ночи, когда опять вернулась та адская боль, миновало три дня. Все это время Влад вел себя рассеянno, устранился от бесед или отвечал невпопад, подолгу задумывался, глядя в одну точку. Ему смертельно надоело то, что с ним происходит, и еще больше нервировало полное непонимание происходящего. Ведь если прав Давид, то в голову ему внедрили то, что должно помогать. Да — пользы много, но и плохого хватает. Ведь от такой муки можно рехнуться, оставшись дураком, или вовсе откинуть копыта.

Если система должна помогать, пусть помогает, а не устраивает пытки.

Размышляя, Влад начал склоняться к выводу, что все неприятности оттого, что внедренное в него устройство работает само по себе, в автоматическом режиме, без вмешательства человека. А машина не может быть совершенной — неполадки, сбои или непродуманная система режимных работ. Это как, к примеру, сидишь ты за компьютером, гоняя в навороченную игрушку. И вот в самый решительный момент, когда идешь на мировой рекорд, экран гаснет с сообщением о завершении работы. А все почему? Да потому, что автоматически скачано обновление, после которого в обязательном порядке проводится перезагрузка. Просто надо было первым делом настроить систему во избежание подобного, а уж потом развлекаться.

Понятия не имея, можно ли вообще настроить то, что устраивает ему шоковую терапию, Влад все же пытался разобраться. Главным образом напрягая мышцы головы до такого состояния, что еще чуть-чуть, и уши начнут шевелиться. Помогало плохо. Точнее — вообще не помогало. Ноль эффекта. Но он продолжал стараться.

Вот и сейчас занимался тем же самым. И так бы, наверное, и встретил свою смерть или что похуже, если бы не душераздирающий крик из леса.

Надо сказать, что помимо всего прочего рядом с лагерем оборудовали две уборных: для женщин и мужчин. Вот именно со стороны женской и кричали, причем хорошо знакомым голосом.

Лена...

Вскочив, Влад рявкнул Давиду, чинившему промывочную установку:

— Бегом наверх, вместе с Лилей! И копии прихвати!

— А ты?

— Я туда. Гляну, что там.

Лена кричала уже не первый раз. То медведя увидит на другом берегу реки, то шишка на голову упадет, то палец ухитрится порезать тупым ножом. И тревога из-за нее поднималась тоже не первый раз. Но порядок есть порядок: при любом переполохе следовало действовать по плану. Влад сунул за пояс топорик, схватил ружье, взвел и направился в сторону женского туалета. Уже мысленно смирился с тем, что придется выслушивать волнующий рассказ, как девушка едва не наступила на змею или, допустим, серенькую мышку, но тут замер — среди ветвей промелькнула фигура в черной одежде.

— Кто там?! — крикнул он. — Стоять! Убью!

В ответ треснула ветка, и опять раздался крик, на этот раз сдавленный.

— Лена! — взревел он, прибавив ходу.

Неизвестный успел укрыться в густых зарослях за уборной, там вовсю трещали ветки — один так шуметь не сможет. А затем чуть левее из зеленой массы выступила темная фигура, быстро натягивающая лук. Влад выстрелил, не задумываясь, и не промазал. В ответ из зарослей отрывисто стукнуло, ухо рвануло острой болью, в дерево за спиной впился арбалетный болт.

Опасаясь стрелять вслепую — где-то там, в кустах, должна быть Лена, он начал стремительно перемещаться параллельно укрытия противников, чтобы затруднить прицел. Еще раз стукнул арбалет, перед носом прожужжало. Ветки задрожали, из зарослей выскочила парочка лучников. Влад выстрелил прямо на бегу, ухитрившись промахнуться с трех десятков шагов, после чего плашмя растянулся на земле и перекатился в еле заметную ямку, оставленную в давние времена старателями. Чуть приподнялся, прицелился всерьез, выстрелил, попал одному в голову. Второй выпустил стрелу, но не достал засевшего в «окопе».

Снизу заросли просматривались лучше — лишь стволы голые, листва почти не мешала. И Влад только сейчас разглядел десятки ног, приближающиеся к его укрытию. Это не просто гопы залетные — это очень серьезно.

Выкатившись из ямы, он длинными прыжками рванул назад. Прости, Лена, но выручить тебя в одиночку нереально. Только себя погубишь, а девушке не поможешь.

Еще не выскочив из зарослей, закричал:

— Давид! Прикрывай! Их там толпа!

Товарищ высунулся из грота, поднял пистолет, навел его в сторону реки, застыл. Наверное, никого не видел. Ничего — обязательно увидит, ведь они наверняка за Владом рванули.

Дорога наверх была непростой — поначалу по каменной полке, узкой и неровной, потом надо карабкаться метра четыре по лестнице. И все это на виду — никакого укрытия. Поставив рекорд мира по бегу с препятствиями, Влад начал восхождение. Почти сразу рядом просвистела стрела, оставив на известняке заметную отметину. Били издали, но их там такая толпа, что закон больших чисел сработает обязательно — даже при поспешной неприцельной стрельбе непременно кто-нибудь да попадет, а кольчугу он не носит.

Да и Давид без нее. Расслабились...

Треснул пистолетный выстрел. Значит, товарищ кого-то засек. Давай же — стреляй! Пусть попрячутся, а то по спине мурашки бегают в ожидании знакомства с бешено разогнавшимся жалом наконечника. Хотя зачем им скрываться? Ведь вряд ли сталкивались с таким оружием, и никто не знает, как от него спастись.

Влад добрался до лестницы, а в камень, будто салютуя в честь этого достижения, ударили сразу две стрелы, потом еще одна, причем прошедшая так близко, что задела оперением неповрежденное ухо.

Настоящая охота на органы слуха...

Пистолет трещал раз за разом, с единственной остановкой для смены обоймы. Как хорошо, что они в копир помещаются, а то с двумя много не навоюешь. Еще пара секунд, и Влад наверху.

И тут его наконец достали. Стрела прилетела сзади, ударив в точку, где плечо переходит в шею. Пробила насквозь мышцу, окровавленный наконечник замер чуть ли не перед глазами. Влад даже боли не почувствовал, но удар был столь силен, что он промахнулся рукой — не сумел с ходу ухватиться за верхнюю перекладину лестницы. Потерял равновесие и темп, после чего наконец заорал — еще одна стрела впилась под коленку.

Вот на этот раз было очень больно.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления. Помеха: обнаружен посторонний предмет. Процедура восстановления затруднена. Ситуационная рекомендация: извлечь из раны посторонний предмет. В крови обнаружены посторонние микрочастицы. Статус: алкалоид растительного происхождения. Старт процедуры нейтрализации.

Давид, сменив третью обойму, начал стрелять без перерывов на прицеливание, что-то перепуганно крича. Влад не слышал, ругаясь от боли и ярости, он наконец ввалился в грот, растянувшись на каменном полу.

В этот момент достали Давида — арбалетный болт вонзился чуть вышел локтя правой руки, насквозь пронзив бицепс. От боли он выронил пистолет, к счастью, не скатившийся вниз. Влад, успевший чуть прийти в себя, заорал приказным голосом:

— Назад! Не показывайся! Лиля, ты где?!

— Тут я! — испуганно донеслось из глубины грота.

— Бегом вытащи из него болт, пока он в горячке мало что чувствует. Только наконечник сперва обломай, чтобы в ране не застрял. Продырявило насквозь — легко справишься.

— Я не смогу сломать!

— Перережь!

— Чем?! Ножом трудно!

— Да чем угодно! Оставь меня хоть на минуту в покое!

Заскрежетав зубами, Влад пропихнул наконечник пробившей его стрелы в трещину на полу грота, скользя окровавленными руками по древку, попытался сломать, надавив, но не тут то было — от боли в глазах свет начал меркнуть. Зря он на Лилю наорал — нелегкое это дело. Достав нож, начал перепиливать древко. Муки от каждого движения адские, но надо терпеть. И быстрее. Быстрее! Враги могут решить, что уложили всех, и сейчас начнут лезть наверх.

Есть — наконечник уже не мешает. А теперь самое «приятное».

— Лиля. Видишь стрелу, что у меня в шее торчит?

— Конечно!

— Хватай за оперение и вытаскивай. Только быстро, а то я от боли чокнусь, если начнешь растягивать удовольствие.

Не чокнулся, но был близок к этому. С той, что под колено попала, возиться не пришлось — она почему-то сама выпала, и голень теперь заливало кровью.

А из шеи, после того как вытащили стрелу, с двух сторон начало хлестать.

— Влад! Ты кровью изойдешь!

— Ни хрена! — страшно ослабилась он. — Забыла?! Я же древний киборг! Бегом штопай Давида — нам он живой нужен!

Дрожащей рукой затолкал в магазин еще три патрона, сунулся было к лестнице, но замер. Концы опорных жердин дрожали — кто-то уже карабкался наверх. Ослабившись еще страшнее, сложил приклад. Отдача в

плечо сейчас ему противопоказана, придется стрелять с бедра. Ничего — опыт есть.

А вот и первый клиент высунул голову: в зубах нож, а глаза испуганные — не ожидал, наверное, встретить здесь изготовившегося к убийству древнего. Влад выстрелил, в ореоле кровавых ошметков, еще миг назад бывших лицом, мертвое тело скатилось вниз. Высунувшись, торопливо разрядил ружье в толпу, которая ожидала внизу своей очереди.

— Что?! Думали, я сдох?! Хрен вы угадали!

Перезаряжая дробовик, едва не отключился — накатила слабость, перед глазами потемнело. Посмотрел на рану — кровь уже унялась, но потерял ее, похоже, прилично. Плохо. Очень плохо. Давид и в лучшие времена серьезным бойцом не был, а уж без правой руки и вовсе ни на что не годен.

— Лиля!

— Что?!

— Как там Давид?!

— Стрелу вытащила, но он сознание потерял. Руку ему перевязываю.

— Как перевяжешь, хватай пистолет. Собери обоймы, патронов в карман насыпь. Я тебе показывал, как стрелять, — ты помнишь еще?

— Да.

— Если что, просто не давай им забраться сюда. Путь один, засядь напротив и снимай всех, кто будет забираться. Гранат у них нет, арбалетами и луками не достать. В одиночку можно целую армию держать.

— Это кто такие вообще?!

— Наши старые друзья — луддиты.

— Как нашли нас?!

— Не знаю. Может, Рикс выдал. Хотя зачем это ему?..

Осторожно высунулся и тут же спрятался — внизу наготове стояли десятка два лучников и арбалетчиков, и не меньше половины из них успело выстрелить. Еще бы чуть, и напиговали голову. Лиля взвизгнула, когда рядом с ней посыпались отрикошетившие стрелы, растерявшие после ударов о каменный свод всю силу.

— Ах вы так! Ну сейчас я вас наказывать буду!

Открыв ящик, достал жестянку, поджег фитиль.

Вот сейчас горит как надо — плавно, не разбрасывая искры, с тихим шипением. Подождав, когда прогорит три четверти, бросил вниз. Услышал, как бомба ударилась о камни, и почти сразу грохнуло, засвистели осколки, один влетел в грот, отрикошетил пару раз о камни, к счастью, никого не задел.

А внизу кричали на разные голоса: боль, страх, ярость, недоумение. С таким гостеприимством братья-луддиты еще не сталкивались. Наверное.

Пользуясь суматохой, высунулся, осыпал мечущуюся людскую массу картечью, заключенной в трех патронах. Стрелял в быстром темпе, закусив губу до крови — отдача оружия будто раскаленные гвозди в рану забивала. Да он быстрее сам помрет, чем эту толпу угомонит.

После взрыва народ перестал его выцеливать, и вылазка прошла без последствий. Только когда уже отшатнулся назад, пролетела одинокая стрела.

— Как Давид?

— Без сознания он. Наверное, очень больно ему сделала, когда наконечник отрезала.

— Кровь не бежит?

— Бежит, но я остановлю. Обязательно остановлю. Это ведь всего лишь рука.

— Ты давай, старайся. Не смотри, что рука. Люди, бывает, палец иголкой уколут и умирают. Хлипкие мы...

— Влад, а ты?

— Я почти в норме. Не переживай. Справлюсь.

— А Лена?

— Не знаю я, что с ней. Может, схватили, а может... Не видел ее вообще. Как пошел в заросли, там этих уже толпа. Чуть не прибили меня. Будь они немного пошустрее, не добежал бы до лестницы.

— И что мы теперь будем делать?

— Для начала ты перевяжи Давида нормально. Я дух переведу, передохну пару минут. А потом будем убивать их, одного за другим.

— А их много?

— Много... Давай — перевязывай. И не волнуйся — мы справимся.

ГЛАВА 34

Успокаивая Лилю, Влад понимал, что поводов для спокойствия нет. У них, по сути, остался на ногах один боец, к тому же серьезно поврежденный. Активные действия не для него сейчас. Все, на что способен, — это удерживать лестницу и бросать бомбы. Запас последних невелик, так что не следует их расходовать зря. Надо выжидать момент, когда враг опять столпится поблизости, и только тогда использовать разрывные подарки.

Он успел рассмотреть десятка три противников между зарослями и скальной стеной. Даже если это все, то сила приличная. Утешало, что среди них встречались люди одетые как простые охотники, а не черные церковники. Если эти кадры привлечены со стороны, есть надежда, что они не так опасны, как их шустрые хозяева. В свое время та тройка, которая участвовала в погоне, доставила хлопот. Хотя и не сказать, чтобы серьезных.

Ладно — примем как версию, что их около тридцати. Патронов хватит, чтобы убить их десятков раз. Еще осталось четырнадцать бомб — примерно на пару по штуке. Тоже хорошо. Позиция великолепная — он здесь может сидеть до скончания веков, никого не пуская.

А спать как? Лилю ставить на пост? Доверия ей мало — не боец. Как же плохо, что Давида подстрелили...

Вывод — надо что-то придумать с лестницей. Затащить ее наверх — лучший выход. Или просто скинуть. Без шума ее не поставишь, так что даже в темноте ничего у черных не получится.

И что дальше? Сидеть в осаде? Воду можно брать в сырой пещере — там она со сталактитов капает. Доступ преграждает решетка двойная, но ее легко можно убирать и ставить на место. Жажда защитникам не грозит. А что грозит? Грозит голод, потому как запасов почти нет. Не зря же ребят послали в город.

Они скоро должны вернуться и рискуют попасть в лапы луддитам. Как этому можно помешать? Способ один: регулярно стрелять. Грохот по долине далеко разносится, тем более вдоль воды, а ведь идти друзья будут по берегу. Если и черные заявили той же дорогой, то помимо пальбы их могут насторожить следы — такой отряд наверняка натоптал будто стадо мамонтов.

В общем, периодически надо стрелять и одновременно рассчитывать

на наблюдательность Диадоха и Болтуна. Вся надежда, что они не попадутся, правильно оценят ситуацию и вернуться в Гнобырь за помощью. Народ тамошний, узнав, что церковники осмелились действовать в горах, непременно соберет толпу и отправится доказывать им всю ошибочность подобного поведения.

Нужно просто немного продержаться. Сколько? Диадох и Болтун ушли три дня назад. Учитывая, что дорога знакомая, за пару дней могут до города добраться. Там сутки на все дела, и... Выходит, их можно ожидать уже через два дня. Пока здесь разберутся, пока вернуться, еще три прибавим. Потом сбор отряда и освободительный поход — тоже минимум три-четыре. Прекрасно — если от кровопотери в голове ничего не путается, ему надо выдержать минимум восьмидневную осаду.

Если луддиты не придумают какую-то хитрость, то легко выдержит.

В этот момент прилетевшая непонятно откуда стрела ударила в камень возле ноги, после чего отлетела в сторону. Не успел Влад обдумать, что бы это значило, как вторая насквозь проткнула левое предплечье. Вскрикнув от боли и неожиданности, он на четвереньках прополз в глубь грота, осторожно высунулся, искоса поглядывая за округой. Где этот чертов стрелок мог засесть?

Ответ обнаружился быстро, причем Влад чудом успел юркнуть в спасительную глубину пещеры — новая стрела угодила туда, откуда он только что выглядывал. Луддиты не собирались морить осажденных голодом — торопились. Ширина каньона в этом месте составляла порядка восьмидесяти или ста метров. Лучник забрался примерно на середину противоположной стены — оттуда большая часть грота отлично простреливалась, чем он сейчас и воспользовался.

— Обнаружены новые повреждения организма. Старт процедуры восстановления. Помеха: обнаружен посторонний предмет. Процедура восстановления затруднена. Ситуационная рекомендация: извлечь из тела посторонний предмет. В крови обнаружена новая порция посторонних микрочастиц. Статус: алкалоид растительного происхождения. Старт процедуры нейтрализации.

Что-то в сказанном его зацепило, но сейчас так трудно сосредоточиться, выделить то единственно важное, что не дает покоя.

Проклятье! Да он просто тупой кретин, если сразу не понял суть сказанного!

— Лиля! Давид не пришел в себя?!

— Нет. Странно даже — это ведь всего лишь рука. Влад, давай я тебе помогу, у тебя тоже в руке стрела.

Влад, внимательно разглядывая наконечник проткнувшей его стрелы, покачал головой:

— Так вот оно что... Лиля, похоже, стрелы отравленные. Или сонное зелье. Потому и лезли нагло, думали, раз задели нас, то мы должны валяться. Следи за его пульсом и дыханием. Если что, делай массаж сердца и искусственное дыхание.

— Но я не умею.

— Учись. Помоги вытащить эту штуку. Обрезай наконечник. Смотри, не уколись, он весь вымазан черной бурдой. Тот самый яд.

— Давид умрет?!

— Не знаю...

— А ты?! В тебя же тоже попали, и не один раз!

— Я, похоже, справляюсь. Хотя сильно мутит и все плывет перед глазами. Сперва думал, что это из-за потери крови, но теперь не уверен. Из меня не так уж много вылилось, наверное, это действует яд. Режь давай. Резче. Побыстрее, мне надо заняться лучником, пока он не выбрал другую позицию, откуда достанет сюда.

Избавившись от постороннего предмета в руке, Влад пару минут просто лежал на холодном полу грота, приходя в себя. Нечего и думать затевать дуэль с лучником на той стороне, когда перед глазами все расплывается. Одна надежда — то, что сотворили с ним в красном подземелье, поможет быстро справиться со слабостью.

Решив, что ждать полного восстановления зрения некогда, Влад начал перезаряжать дробовик. В свое время, при выборе орудия убийства и после его покупки, он изучил немало материалов по гладкостволу, неоднократно посещал тир или устраивал тренировки, выезжая за город. Он прекрасно помнил, что технические характеристики его ружья не способствуют стрельбе на дальние дистанции. Тогда это не особо волновало, ведь казнить мерзавца собирался в упор, но сейчас самое время пожалеть о неправильном решении.

До противоположной стены около ста метров. Разлет картечи на такой дистанции будет чудовищным, да и убойную силу растерять может. Продавец уверял, что пулевой патрон за счет высокой массы и стабилизации оперением способен даже из его короткоствольного ружья достать цель за полторы сотни метров. Наверняка преувеличивал, но Влад тогда ради интереса взял три штуки. Первым промахнулся, вторым за сотню шагов разнес трухлявый пенёк. Третий остался, пережил дни и века, после чего был скопирован высокотехнологичным устройством.

Самое время проверить слова продавца.

Осторожно высунув голову, Влад увидел, что лучник, прижимаясь к скале, медленно движется по узкому карнизу. Все, как предполагалось, — пытается найти позицию, откуда сможет доставать дальнюю часть грота. А сверху второго на веревке опускают. Если так и дальше пойдет, массированный обстрел гарантирован.

Прицелился, плавно потянул за спусковой крючок. Отдача отозвалась в ранах вспышкой боли, но это не помешало заметить, как тяжелая пуля выбила облачко пыли возле левого плеча стрелка. Остановившись, тот развернулся, уставился на Влада. Небось зубами скрежещет от бессилия — карниз очень узкий, нечего и думать развернуться на нем и потом натянуть лук в полную силу.

Второй выстрел — на этот раз слишком низко взял и правее. Зато теперь понятно, куда именно надо целиться.

Третий выстрел, и на этот раз удачно — из правого бедра противника вырвало кровавые брызги, нога подломилась, лучник с тоскливым криком полетел вниз с тридцатиметровой высоты. Второй тем временем достиг площадки, с которой можно отвечать стрелами, и торопливо отвязывал мешающую веревку. Этого Влад достал первым же выстрелом — наконец-то хоть немного повезло. Не понял, куда попал, но завалил наглухо — тот рухнул на спину, пару раз дернул ногами и затих.

Не такое уже плохое ружье — на четыре выстрела два попадания.

— Лиль, как там Давид?

— Дышит тяжело. Кровь не просачивается.

— Сними решетки и оттащидай его подальше от входа. Эти ребята больно приткие, могут еще что-нибудь придумать. Меня, вон, ухитрились достать даже здесь.

— Ты поосторожнее, пожалуйста. Что нам делать теперь? Может, я проверю пещеру? Вдруг тот ход к другому выходу выведет?

— Нет, ты сиди с Давидом. Без хороших факелов там ничего не увидишь. Да и если вдруг найдем выход, луддиты легко за нами проследят, а с нашим раненым мы далеко уйти не успеем. На открытом месте против такой толпы шансов нет — затопчут нас. И вообще, те решетки попробуй переставить дальше. Если и правда есть другой выход, они могут по нему ударить нам в спину.

— Хорошо, сейчас попробую.

Зарядив ружье патронами с картечью, Влад осторожно подобрался к краю площадки, взглянул вниз. Успел разглядеть четверку лучников, проворно натягивающих свое оружие, после чего отшатнулся назад. Стрелы просвистели в том месте, где только что была его голова. Затевать

дуэль не хотелось — и без того уже три дырки заработал, поэтому просто отполз подальше, сел у стены, держа лестницу на прицеле. И на стену каньона тоже поглядывал.

Ничего не происходило. Хотя нет — топоры начали стучать где-то в районе устья ключа. Что там происходит? Понятно, что деревья рубят, но для чего? Уж точно не на дрова — хотя за время проживания в этих местах количество сушняка по берегу уменьшилось, его оставалось еще прилично. Лагерь обустраивают? Может, и так, но воображение рисовало картины штурмовых лестниц, осадных башен и прочих средств, что сейчас сооружают. А он один, изранен, при резких движениях кружится голова, рту сухо, будто в пустыне.

— Лиля!

— Что?! — донеслось из глубины пещеры.

— Принеси мне водички.

— Сейчас.

Приняв от нее чашку с ледяной влагой, начал опустошать ее мелкими глотками. Лилия, глядя с испугом, тихо произнесла:

— Ты весь в крови.

— Ага...

— Плохо? Давай перевяжу?

— Не надо. Само затянется. Не первый раз. Поначалу будет трудно, а потом все хорошо. И аппетит проснется зверский. Вот это как раз плохо — запасов мало. Оленина копченая внизу осталась, так и висит.

— Мешок орехов остался, по которому ты руками и ногами колотишь. Они сытные.

— По моим подсчетам, нам надо продержаться дней восемь. Хочешь сказать, что все это время мы будем кедровые семечки лузгать?

— Муки совсем не осталось, крупы тоже. Есть вяленая рыба и немного меда. Свежей не наловить, дичи тоже не будет.

— Оригинальная получится диета, — невесело усмехнулся Влад.

— Ничего. Если всего лишь восемь дней, то потерпим. Как думаешь, Давид придет в себя?

— Рана у него сквозная, много яда в нее вряд ли попало. Не знаю точно, но думаю, раз сразу не умер, то и не умрет. К тому же это, может, и не отравка, а снотворное средство. И на восемь дней особо не рассчитывай — это просто мое предположение.

— Но ведь надо надеяться на что-нибудь...

— Да... ты права.

— Что они делают? Зачем деревья рубят?

— Что делают, не знаю, но знаю, для чего. Придумали против нас пакость новую.

— Что именно?

— Да говорю же — не знаю! Ничего хорошего... наверное. Пистолет далеко не прячь... мало ли.

— Влад, если тебя достанут серьезно, меня никакой пистолет уже не спасет. Ты же понимаешь.

— Лиль, сейчас не то время, когда надо выпячивать свои слабости. В пистолете восемь патронов — это восемь трупов или раненых. В этом мире от него эффективной защиты нет — пробьет кольчугу, не заметив. Так что ты можешь легко вывести из строя несколько сильных противников. У них ведь всего одно направление для атаки, даже у тебя получится его контролировать. Просто стрелять по тем, кто показывается на вершине лестницы. Так что давай без истерик и обмороков — будь готова к тому, что придется убивать.

— Выстрелить смогу, но все равно на мою помощь сильно не надейся.

Влад усмехнулся:

— Я еще не забыл, какой визг ты подняла, когда начали чистить рыбу, а та стала бить хвостом. Эти ребята пришли нас убивать. У них правило такое — убивать тех, кто выбирается из руин. Они считают, что мы для них опасны — подрываем монополию на древние знания. Не забывай об этом. Если придется, стреляй без раздумий. Представь, что это тараканы. Лиль, меня уже три раза зацепили. Не слишком серьезно, но даже мне со всеми этими странностями сейчас очень хреново. Если попадут всерьез, не уверен, что справлюсь. А попасть могут — они ребята настойчивые. Ранят или завалят, ты должна попытаться продержаться до возвращения наших. Время от времени стреляй из ружья, чтобы они слышали на подходе. Патронов почти четыре сотни, штук по двадцать-тридцать в день можно смело переводить на сигналы. Услышишь, что внизу толпа собирается, кидай бомбы, но зря их не расходуй — всего четырнадцать штук осталось. Моя ошибка — нужно было больше жестянок заказать. Но даже этого хватит, если они попрут на штурм с лестницами или что там вырубают так усердно.

— А Лена?

— Что Лена? Я ее больше не видел и не слышал. Если повезет, то оставят ее живой, для допроса. Если нет... Лично я думаю, что, скорее всего, ее сразу прикончили. Проверь, как там Давид.

Влад ошибся — Лену до сих пор не убили. Об этом уже под вечер ему сообщили осаждающие.

Поглядывая за лестницей, он потихоньку обмывал плечо, используя для этого котел с водой. Дело даже не в требованиях гигиены, а в том, что кровь, засохнув, начала вызывать неприятный зуд. Из ран ее вылилось прилично — такими темпами долго чиститься придется.

Враги не мешали. Более не предпринимая попыток ворваться по лестнице или расставить стрелков на другой стороне каньона, они продолжали стучать топорами и еще костер начали жечь — столб дыма над зарослями можно было легко разглядеть, не подставляясь под караулящих лучников. Если и дальше станут бездействовать, Влад будет очень благодарен: новые схватки — это новые раны, а ему вполне хватает тех, которые уже заработал.

— Эй! В пещере! Слышите меня?! — неожиданно прокричали со стороны зарослей.

Насторожившись, Влад отодвинулся от котла с водой, взял дробовик на изготовку. Отвечать он не собирался, надеясь, что луддиты просто проверяют, не вырубилась ли осажденная от яда. Ничего не услышав в ответ, могут послать разведчика или даже бросаться в атаку. И в том, и другом случае ему есть чем встретить врагов — сильно пожалеют, что рискнули сунуться.

Неизвестный, сделав паузу, продолжил попытки вызвать на разговор:

— Мы знаем, что вы слышите, так что молчать глупо. Все равно молчите? Ну ладно. Нас много, мы умеем выкуривать таких, как вы, так что не надейтесь отсидеться. Вы можете протянуть там день, а то и два или даже три, но потом всем смерть. Да — мы тоже потеряем людей, но готовы к этому. А вы готовы? У нас предложение: вы сейчас спускаетесь без оружия, после чего мы всех увезем на север. Нам нет смысла вас убивать — наши старшие братья хотели бы узнать то, что знаете вы. Со времен последних войн с силами Техно миновали века, и многое из того, что следует помнить, теперь забыто. Если вы поможете это вспомнить, то я гарантирую вам жизнь. Вас, конечно, никогда не выпустят, но вы будете содержаться в хороших условиях и пользоваться ограниченной свободой на территории нашей цитадели. Но если мы будем поставлены перед выбором: убить вас или рисковать упустить, мы выберем первое. Понимаете? Хоть вы нам выгоднее живыми, но рисковать не станем. Если

сомневаетесь в моих словах, то послушайте ее.

Мужчина затих, а вместо него кто-то пискнул и знакомым голосочком затараторил:

— Влад, Давид, я живая. Они мне ничего не...

Лена резко замолчала, вместо нее опять заговорил мужчина:

— Слышали? Она живая — я вас не обманул. Мы давно могли ее убить, но не сделали это. Нам важно знать то, что она сможет рассказать. Но двое знают больше, чем один, а трое еще больше. Нам выгоднее всего получить всех вас живыми. Подумайте над моими словами. Если согласитесь, просто крикните об этом. В знак серьезности наших намерений мы до темноты не будем пытаться вас убить или захватить. Но если так и будете молчать, то продолжим.

Лиля, высунувшись из темноты пещеры, уставилась вопросительно, ничего не говоря. Покосившись на нее, Влад покачал головой:

— Будем молчать.

— Ты им не веришь?

— А почему я должен им верить?

— Они Лену не убили.

— Ну и что? Она неопасная, вот и схватили, чтобы потом по всем правилам на костер отправить. И нас туда же определяют, если руки поднимем.

— А если не обманывают?

— И что с этого? Хочешь остаток дней провести в сыром подzemелье, вместе с крысами? К тому же это надолго не затянется. Я подозреваю, что с древним оружием, которое они хранят, не все в порядке. Наверняка некоторые устройства со временем вышли из строя, вот и решили, что мы поможем их отремонтировать. Когда узнают, что мы из допотопных времен, в которые подобных технологий еще не было, сожгут за ненужностью. Им не мы нужны, а наши навыки. Даже серьезной организации трудно сохранить знания целой цивилизации. Этим должен заниматься не орден избранных, а другая цивилизация. Понимаешь?

— Нет...

— Представь себе, что сотня умников пытается сохранить все достижения нашей с тобой эпохи. Даже если они трижды гении, способные запомнить и переварить уйму информации по всем дисциплинам, начиная от климатологии до способов производства процессоров, их детям будет уже сложнее, потому что вряд ли они окажутся такими же гениями. При передаче знаний что-то неизбежно потеряется и далее, от поколения к поколению, будет теряться все больше и больше. Помимо гениев ведь и

квалифицированные рабочие нужны. Что толку, если ты знаешь способы нарезки резьбы, но никогда к станку не подходил? В итоге останется гора манускриптов, смысла которых никто не понимает. Одичавшие потомки в итоге обзовут их колдовскими книгами и сожгут. Сохранятся лишь простейшие практические навыки. Допустим — люди будут уметь стрелять из автоматов. Но со временем стволы разносятся, пружины растянутся, детали разболтаются. Оружие начнет давать осечки, клинить. Чинить никто не умеет, создать аналог невозможно — потеряны способы выплавки нужных сплавов, точной обработки и прочее. Закончатся патроны, сделать новые никто не сможет. Сами автоматы получают статус артефактов, использовать которые научиться можно, но не стоит даже думать о большем. Теперь понимаешь?

— Думаешь, эти черные монахи одичали?

— Так же, как все остальные. Древнее оружие стало артефактами великой силы; любые, даже самые смехотворные попытки поднять технологии на другой уровень жестко пресекаются из страха, что посторонние постигнут запретные тайны и станут равными тем, кто держит власть с помощью осколков былой технологии. Правильно этот сказал — им нельзя нас выпускать. Мы — живая угроза, ведь можем поделиться знаниями с другими или сами их использовать. Да уже используем — ружье и пистолет такие же артефакты, хотя, думаю, у луддитов есть нечто более мощное, раз все их так боятся.

— А если они сюда такое оружие принесли?

— Тогда нам будет нелегко продержаться восемь дней...

ГЛАВА 35

Луддиты не обманули — до темноты ни одна стрела не прилетела, никто не шумел внизу, лишь у реки продолжали размеренно постукивать топоры. Но как только стемнело, начали сбываться угрожающие прогнозы.

Стук топоров будто обрезало, а на смену пришла непонятная возня. В зарослях трещали ветки, слышались неразборчивые разговоры. Влад выпустил туда пару зарядов дроби, не столько надеясь задеть, сколько подавая звуковые сигналы — вдруг ребята каким-то образом раньше вернулись и тащатся сейчас в темноте, не видя следов врага, надеясь в последнем рывке добраться до лагеря. В ответ не прилетело ни одной стрелы. Похоже, лучники перестали караулить. Или во мраке нет смысла подлавливать Влада, или что-то другое задумали.

— Чего ты стрелял? — высунулась Лиля.

— Да так... для профилактики.

— Они стучать перестали.

— Я заметил.

— Вряд ли спать ложатся... Что-то задумали?

— Наверняка.

— Что?

— Не знаю — я их мысли читать не умею.

— Так учись этому!

— Пытаюсь... Лиль, чего ты от меня хочешь? Трудно судить о том, что на уме у этих папуасов. Я бы на их месте даже не знаю, что сделал бы. Вариантов масса. Какой они выберут, не могу предсказать. Ты далеко не отходи. Сиди там, где решетки раньше стояли. Как бы не пришлось помогать, когда полезут.

— А спать как? Или без сна будем обходиться?

— Хороший вопрос... Одну ночку я могу легко протянуть, даже стоя на голове, но дальше придется тебе меня подменять. Ведь по закону подлости полезут именно в тот момент, когда начну отрубаться.

— Я не справлюсь...

— Тогда все подождем, так что придется постараться. Главное, не высовывайся дальше этого выступления. За ним они меня достали с другой стороны каньона. Лучники у них очень хорошие. Слушай, а может, ты щит сделаешь?

— Какой щит? — не поняла Лиля.

Загоревшись новой идеей, Влад показал на перегородку из жердей, ограждающую жилую часть грота, завешанную палатками:

— Можно разобрать часть, из жердей связать щит в два слоя, как тогда, на реке сделали. Кожей обернуть и оставить дырку, чтобы только ствол ружья пролезал и целиться можно было. Тогда я попробую с края перебить тех лучников, которые под обрывом стоят. Их обычно четверо наготове, и стреляют очень быстро. Я, конечно, могу рискнуть одного снять и так, но при этом очень легко от других сдачи получить, вот и не рискую.

— Я попробую. Влад...

— Что еще?

— А кем ты был... Ну до этого, когда с нами все случилось.

— Студентом я был — рассказывал же.

— Помню. Плохо, что не военным. Здесь бы это пригодилось.

— Смотря каким военным. Армия у нас интересная...

Из дальней части грота послышался тихий голос:

— О чем вы там шепчетесь?

Влад и Лиля едва не подпрыгнули, одновременно произнеся одно слово:

— Давид!

— Ага, он самый. Я что, до ночи провалялся? Странно... Я думал, что рана нетяжелая.

— Они наконечники ядом травят, — сообщила Лиля, подошла, присела рядом. — Как ты?

— Попить бы или хотя бы зубы прополоскать. Такое ощущение, будто скунса сырым прожевал.

— Вот, водички попей.

— Влад, ты пока введи меня в курс дела. С того момента, как я отрубаться начал, ничего не помню.

— Луддиты это, и сброд какой-то с ними. Сколько точно — не знаю, но не меньше трех десятков. У них полно лучников и арбалетчиков, устроили нам осаду по всем правилам. Не будь в моей голове этой штуки — сразу хана. Три раза ведь достали стрелами, почти отключился, но выкарабкался. В одиночку Лиля ни за что бы до темноты не продержалась.

— А Лена?

— У них она... Днем была жива, ей позволили сказать пару слов.

— Зачем?

— Они пытались переговоры устроить. Предлагали нам сдаться. Обещали, что не прикончат и даже кормить иногда будут.

— Хм... Ты как — веришь?

— А ты?

— Влад, неужто ты думаешь, что наивными обещаниями можно обмануть человека, в котором перемешана кровь армян и евреев?

— Я вроде бы русский, но почему-то думаю так же. Впрочем, в роду у нас поляк был когда-то...

— Поляк, потом татарин, а копни глубже — обязательно жид найдется. Это ваша русская карма.

— Как ты еще шутить можешь, — осуждающе произнесла Лиля.

— А что ты предлагаешь? Сидеть здесь, будто на похоронах? Влад, какие у нас перспективы отсюда выкарабкаться?

— Ты идти сможешь?

— Ну... Кое-как смогу. Плывет все перед глазами, и ноги ватные, но потерпеть можно.

— Нет. Идти если и придется, то очень быстро. Всерьез. И долго.

— Вряд ли смогу. Влад, у меня будто кости из ног вытащили. Что ты задумал?

— Ничего. Просто была идея обследовать пещеру. Можно поискать другой выход — ведь эта гора вся пустая. Но они, как только поймут, что мы ушли, быстро разыщут следы и догонят. Мы ведь лошадей взять не сможем.

— Угу. И на открытом месте толпой легко задавят.

— Могут. Эти ребята гораздо круче тех, которые в погоню за нами до самых гор увязались. Помнишь, там трое черных было? Умело себя вели.

— Хорошо помню, но как себя вели — не скажу. Растерялся я тогда слегка. Что у нас с патронами?

— Да хоть лошадей корми — полным-полно. И бомбу только одну потратил. Я тут прикинул, и выходит, что вся надежда на Диадоха и Болтуна. Если не сглупят и правильно все поймут, то вернутся в город, соберут народ.

— Ага. Там толпу собрать просто — местные луддитов любят, как собака палку. Но это нам не меньше недели торчать придется.

— Да. Я посчитал — минимум восемь дней получается.

— Да уж... прилично.

— Давид, им нас отсюда никак не выкурить. Вода есть, еда кое-какая тоже есть. Продержимся.

В этот момент Влад, не переставая приглядывать за выходом из грота, заметил в ночи отблески огня.

— Это что еще у них за новости? Костры разводят?

Во тьме взмыл сгусток пламени, полетел, разбрасывая искры,

казалось, прямо в лицо, стремительно увеличиваясь в размерах. Влад даже дернулся было, чтобы убраться с траектории полета, но не успел — на пол грота упал факел, прокатился, остановился возле пустого котла, продолжая гореть. Следом шлепнулся еще один, потом еще, а затем счет был потерян — горящие снаряды хлынули лавиной.

— Давид! Лиля! В пещеру! Но далеко не уходите!

Сам Влад остался. Надо ведь кому-то приглядывать за лестницей. Да и факелы могут поджечь жердевую перегородку, запас дров, палатки. Хотя все это добро расположено так, что достать его сложно, но при таком массированном обстреле рано или поздно удачно прилетит. Так что надо посматривать, если не хочешь потом кашлять от дыма и горевать из-за потери имущества.

Не прошло и десятка секунд, как пришлось в два скачка пересечь грот, чтобы отбросить факел, докатившийся до жердин. Рядом тут же стукнуло, металлически и знакомо. Влад инстинктивно дернулся назад и едва успел увернуться — стрела ударила в то место, где он только что сражался с огнем.

Все понятно — факелы бросали вовсе не с целью поджога. Они, в изобилии усеяв грот, неплохо его освещали. Лучники, под прикрытием темноты опять забравшиеся на противоположную стену каньона, теперь могли его разглядеть, чем и пользовались.

Или сиди за изгибом грота, или бегай, сбрасывая факелы вниз, но при этом рискуй жизнью.

Далеко ли человек может швырнуть палку, при условии что надо попасть в дыру на высоте порядка десятка метров? В любом случае добросить метательный снаряд защитникам будет гораздо проще.

Жаль, но придется чуток потратиться.

Добравшись до ящика с бомбами, открыл, взял одну. Поджег фитиль от факела, швырнул подарок примерно туда, откуда прилетали пожароопасные предметы. Услышал, как жестянка стукнулась о камень, затем грохнуло, кто-то вскрикнул.

И словно обрезало — новые факелы перестали прилетать. Зато с другой стороны каньона затеяли новую забаву — полетели зажженные стрелы. Судя по всему, лучники расположились на разных уровнях. Одни явно били сверху, другие почти вровень. Хотя и по дуге, но одна дотянулась до перегородки из жердей, вонзилась основательно, древесина тут же начала потрескивать.

Влад на миг выскочил из укрытия, окатил очаг возгорания из миски, крикнул:

— Воду тащите! Ведро наполните и котел!

Успел отскочить назад, со злорадной улыбкой проследив, как целых три стрелы прилетели зря. Следом из тьмы пожаловал одинокий факел — кто-то до сих пор не мог уgomониться. Но в целом было очевидно — затея луддитов не оправдалась. Никто не пострадал, имущество цело, а вот они израсходовали кучу факелов и немало стрел. К тому же после взрыва кто-то кричал — наверняка есть раненый, а то и не один.

Можно считать, что победа, но Влад не радовался. Пару раз он сильно рисковал, а судьба — не та барышня, с которой можно заигрывать до бесконечности.

Лучники наудачу пульнули еще пару раз и успокоились. Но тут подкралась новая напасть — факелы, затухая, начинали дико дымить. Так как их здесь было уже под сотню, атмосфера очень быстро начала приходить в состояние, при котором дышать можно с трудом, а вот разглядеть уже ничего нельзя — глаза режет, да и мрак полный, в котором, словно глаза демонов, горят красным тлеющие деревяшки.

Кашляя и глотая слезы, Влад начал выбрасывать прочь «химические снаряды». Огня в гроте больше не было, и лучники не могли его разглядеть с помощью тлеющих угольков, но все равно рисковал — ведь могут дать залп наудачу и задеть. Поэтому пригибался, прятался по мере возможностей. И тут рядом со стуком и снопом искр упала дымящаяся палка, а следом еще одна.

Луддиты швыряли обратно то, что он выбрасывал. Злобно ослабившись, он, подхватив тлеющий остаток факела, подкрался к краю, расчетливо швырнул его на плоскую поверхность светлого гигантского валуна. Ночь темна, но звезды светят, Луна среди облаков проглядывает — полного мрака нет. А вот и клиент — на фоне камня прекрасно обозначился силуэт негодяя, польстившегося на тлеющую палку.

Выпустив в него заряд картечи, Влад нырнул в глубь грота. И совершенно напрасно — ни одна стрела не прилетела. Похоже, сильно расслабились — не ожидали от него такой наглости.

Вот теперь у них точно появился раненый. И это в лучшем случае. Даже не орет — стонет и хрипит нехорошо. Здорово ему досталось.

Что еще придумают враги, Влад не знал. Ему оставалось только ждать.

* * *

Спустя пару часов луддиты еще раз попытались устроить огненную

атаку. Смолистых факелов почти не было, зато в изобилии швыряли связки горящего сушняка, закрепленные на длинной рукояти. Будто гранаты фашистские, только габаритами гораздо больше. Но здешним людям, при скромном росте, на недостаток силы грех жаловаться — до грота легко добрасывали.

Владу пришлось потратить еще одну бомбу, а затем длинной жердью отталкивать дымящие огарки к выходу. Руками, конечно, быстрее и удобнее, но опасно — лучники на другой стороне каньона время от времени пускали стрелы. Видеть его не могли, но это не означало, что шансы попасть нулевые.

Он начал жалеть, что природа не обделила его габаритами. Такая замечательная мишень...

Противник будто специально подбирал сорта дерева с наиболее едким дымом — глаза резало огнем. Но на уши эффект не действовал, поэтому не смог помешать Владу вовремя расслышать скрип лестницы. Кто-то, пользуясь поставленной завесой, пытался забраться. Левее заскребло по скале, что-то гулко ударило в камень, и чудеса — сразу две головы заглянули в грот.

Понятно, почему стучали топоры. Сделали еще одну лестницу и сейчас сразу по двум штурмовали. Но это не та игра, которую стоит затевать против человека с дробовиком, если он находится на отличной позиции. Влад даже торопиться не стал, чтобы не спугнуть. Дождался, когда первый заберется в грот, только тогда угостил его картечью в голову и тут же выстрелил во второго. Потом сидел несколько минут, ожидая новых, но дураков больше не нашлось. Обыскал труп, забрал все мало-мальски ценное, бесполезное тело сбросил вниз. Может, подумают, что продовольствия у осажденных гора, раз не помышляют о каннибализме.

Начал размышлять над недостатками позиции. Если луддиты поступят умнее, расчистив внизу завалы камней и поставив сразу три лестницы, ему придется несладко. Достаточно, если на каждой одновременно покажется по арбалетчику. Стрелять со скоростью автоматчика он не сможет, так что шанс выпустить в него болт, а то и два, достаточно велик. Бесконечно бросать бомбы, мешая осадным работам, не получится — он уже три израсходовал, причем уступи хоть чуть-чуть соблазнам, и вовсе бы с пустым ящиком остался.

Что же придумать?

— Давид!

— Да? — донеслось из пещеры.

— Сможешь меня подменить ненадолго? Они притихли, но жди

пакостей. Если что — кричи.

— Ты отдохнуть хочешь?

— Наоборот — буду пахать.

— Так я помогу.

— С одной рукой мне работник даром не нужен. Сиди и сторожи. А ты, Лиля, лучше бы поспала — завтра мы будем сонные, и на тебя вся надежда.

— Не надейся — не усну.

— Ну и зря.

То, чем Влад занимался до самого рассвета, можно охарактеризовать как вандализм. Во всем мире принято оберегать хрупкий подземный мир: законом охраняются сталактиты и сталагмиты, запрещается выносить пещерный жемчуг, рисовать на стенах, мусорить.

Если до жемчуга ему никакого дела не было — его здесь даже не продать коллекционерам за неимением последних, а ювелирной ценности он не имеет, то сталактиты и сталагмиты — другое дело. С помощью пары топоров Влад наломал их немало. Росли себе не одну тысячу лет, пока вандал не пожаловал. Хотя вопрос с тысячелетиями спорный — ведь эти горы возникли не так, как полагается, а в результате применения совершенно непонятного оружия. Что-то вроде ускорителя времени в замкнутом объеме. Неужели там еще и вода циркулировала, создавая все эти подземные красоты?

Обломки «красот» он вынес в грот, в придачу натаскал камней и, пользуясь темнотой, соорудил баррикаду. Невысокую — как раз, чтобы комфортно было стрелять с колена. Перед нею он наставил заграждений из жердей, связывая их в подобие противотанковых ежей с острыми концами. Если враги заберутся, у них не получится одним рывком прорваться в дальнюю часть грота.

Заодно и лестницы сбросил вниз. Поставить их дело минутное, но это не повод создавать врагу тепличные условия. Странно, но помешать работам не пытались. Видимо, решили, что отдых дороже.

Ему, кстати, отдых тоже не помешает. Вымотался, словно ишак, — с его ростом нелегко по низкому лазу с грузом раз за разом пробираться. К тому же начали ныть все раны, видимо, намекая, что для лучшего заживления было бы неплохо немного побездельничать. Но расслабиться позволил себе лишь перед рассветом, когда в сумерках стало рискованно бродить по гроту — могут заметить лучники.

Кстати, с противоположной стороны каньона они, похоже, убрались, не дожидаясь утра. Тоже опасаются.

ГЛАВА 36

Кедровые орехи полезны и питательны, но все хорошо в меру, а мера осталась далеко позади. Попробуй насытиться семечками, к тому же заключенными в твердую скорлупу. Будущее представлялось мрачным, грозящим неминуемым одеревенением языка, ссадинами на губах и бурными протестами желудочно-кишечного тракта. Сейчас бы борща миску накатить со сметаной и мозговой косточкой, с которой само по себе отваливается разваренное почти до состояния желе мясо.

По другую сторону грота, также привалившись спиной к стене, сидел Давид. Выглядел он — краше в гроб кладут. Лицо бледное, глаза ввалились в черные круги, плечи опущены ниже пупка. Тоже пытается орехи грызть, но вяло — видно, что аппетита и близко нет.

— Совсем плохо? — уже в который раз спросил Влад.

Товарищ чуть помедлил, ответил неуверенно:

— Жить, вероятно, буду, но не вижу причин этому радоваться.

— Ребята должны биоту привезти. Она, наверное, поможет.

— Да я уже четыре штуки съел, и все равно хреново.

— Это потому, что те пилюли очень старые были. Скорее всего, тебя от яда трусит.

— Вряд ли. Ночью гораздо лучше было. Наверное, рана.

— Вроде не сильно воспалилась.

— Ну и что? Я, Влад, не привык, когда мне кровь пускают. Стресс, шок... Даже не знаю...

— Ты давай отдыхай. Не вздумай расклеиться. Слышишь — эти опять стучат.

— Слышу. Как думаешь, что делают?

— Да ничего хорошего.

— Это понятно, я конкретно спросил.

— Не знаю. Сейчас попробую испытать наш танк.

— Только поосторожней. Без тебя нам тут точно хана.

Влад и сам подставляться под стрелы не собирался. Но совершенно точно знал, что, если сидеть, ничего не предпринимая, это может плохо закончиться. Враг, конечно, в невыгодном положении, но отдавать ему полностью инициативу нельзя. Пусть нервничает, постоянно ожидая неожиданных неприятностей со стороны осажденных.

Нервничать вредно — от этого ошибки могут случаться.

Добрался до прохода в пещеру:

— Лиль, подай щит.

— Решил все же выбраться? — уточнила испуганно.

— Не выбраться, а просто высунуться. Не бойся — лучники меня точно не достанут.

— Осторожнее только.

— Да знаю я! Знаю!

Первый щит, который еще на Подонце сделали из калитки и кожи, здесь бы вряд ли помог. У Влада уже была возможность убедиться, что здешние стрелки — не чета примитивным запам. Все гораздо серьезнее, и защищаться от них тоже надо серьезно.

Нынешний щит был изготовлен из двух слоев ровных жердей, скрещенных относительно друг друга. С внутренней стороны пришили сложенную в несколько раз шкуру оленя — не столько ради дополнительной крепости, а чтобы руке было мягче. Снаружи навязали самодельных досок, для чего разобрали сооруженную за последние месяцы мебель: лавки и стол. Болтун с Диадохом их достаточно шустро делали, раскалывая бревна клиньями, после чего доводили поверхности топориком. А в довершение всего распустили на куски кожаный доспех убитого ночью луддита и закрепили их поверх досок.

Щит получился тяжелым даже для Влада, но он не жаловался — ведь не в чистом поле с ним в атаку бегать. Если щит не выдержит, оставалась надежда на кольчугу. Одну из трофейных кузнец в Гнобыре переделал под крупную фигуру. Все равно не ахти получилось — бока вообще не защищены, но тогда не было времени дожидаться более приемлемого результата.

Облачившись, Влад начал пробираться к выходу из грота. Ночью, расставляя «ежи», он не забыл оставить проход для таких целей, но чуток не рассчитал — пробираться по нему с громоздким щитом было непросто. Наконец, вжимаясь спиной в скалу, дошел до места, где раньше стояла лестница.

У щита была подставка, рассчитанная на то, чтобы противостоять давлению с лицевой стороны. Сейчас эта конструктивная особенность прилась весьма кстати — едва он поставил свой «танк» на край, как в него со стуком впились стрела, а затем еще две. Взглянув в тонкую смотровую щель, Влад разглядел тройку лучников, недоуменно уставившихся на его изобретение. Пульнув по разу, они больше не терзали свое оружие. Странно — вчера лупили вовсю, даже ничего не видя. Похоже, им кто-то устроил нешуточный разнос за перерасход боеприпасов.

Жаль, а то он было понадеялся еще немного стрел и болтов вытянуть из арсенала противника. Боеприпасы ведь так и остаются в гроте — не возвращаются. Лиля сегодня четыре охапки увязала — хоть продавай.

Игнорируя лучников, Влад начал изучать заросли возле реки. Там повсю кипела бурная деятельность. Трещали кусты, тряслись деревья под ударами топоров. Враг не просто так лесозаготовками занимается — очередную пакость затевает. Не слишком далеко для дробовика — легко можно достать, особенно если пульей, вот только в густой зелени никого не разглядеть.

Ладно — имеются другие кандидаты. Просунув в отверстие на краю смотровой щели ствол пистолета, он прицелился в ближайшего лучника, потянул спусковой крючок. Убедившись, что попал, успел подстрелить второго в ногу. Третий не растерялся и хитро помчался навстречу, укрывшись в мертвой зоне под скалой. Туда бы бомбу кинуть, да слишком расточительно их тратить на одиночные цели.

Раненый от боли и неожиданности происходящего поступил неправильно — шустро пополз в сторону далеких зарослей. Влад, уже ничего не опасаясь, высунулся из-за щита, тщательно прицелился, прострелил ему вторую ногу. У того резко поубавилось прыти, заорав, он начал умолять о помощи, перечисляя имена товарищей. Было бы гуманнее его просто убить, но сейчас не тот случай, чтобы проявлять благородство. Так что старый снайперский способ выманить противника, при всей его жестокости, оправдался.

Как Влад и надеялся, крики раненого никого не оставили равнодушным. Стук топоров затих, лучник, прятаясь под скалой, заорал:

— Ко мне быстрее ползи! Сюда! Давай же!

Раненый услышал и послушался — развернулся, пополз в указанном направлении. На этот раз Влад целился еще тщательнее, но все равно промазал — пуля взрыхлила землю перед ладонью. Ничего страшного — главное, не нанести серьезную рану.

Не нанес — еще два промаха, и наконец прострелил руку.

Луддит, перестав ползти, заорал втрое прежнего. Прятавшийся лучник, не выдержав, бросился к раненому, склонился, попытался подхватить. И рухнул, заработав пулю в спину — на этот раз тщательно целиться смысла не было. Из зарослей выскочило еще несколько, но, осознав, что произошло, остановились, попятились назад. Недостаточно быстро — подхватив дробовик, Влад успел потратить три патрона, прежде чем они скрылись из глаз. Вроде одного зацепил, хоть и вряд ли серьезно — за

плечо схватился. Ну и ладно — зато показал, кто здесь хозяин.

Стало весело и легко на душе. Лучников, подкарауливавших вылазки осажденных у края грота, больше нет. Раненый уже затих, больше не орет. Наверное, кровью истек. Если пошлют новых, он их легко перестреляет, не позволив приблизиться. Достать его издали за щитом не получится. Могут подойти по мертвой зоне, прижимаясь к стене каньона. Но оттуда им не удастся пускать в него стрелы, а выходя из нее, будут подставляться. Ружье работает гораздо быстрее и эффективнее лука, к тому же он хорошо защищен — нет у них шансов.

Как бы в подтверждение этих мыслей в зарослях хлопнуло, после чего по щиту сильно стукнуло. Влад рискнул чуть высунуться, рассмотрел глубоко засевший арбалетный болт. Не страшно — пусть стреляют. Глядишь, и действительно без боеприпасов останутся.

— Влад, ну как там? — из глубин грота спросил Давид.

— Нормально. Лучников снял, их почему-то не четверо, а трое осталось — ослабили дозор. Другие теперь из зарослей пытаются достать, скоро щит станет похожим на шкуру дикобраза.

— Аккуратнее — могут попасть в щель.

— Да я в нее почти не выглядываю, прикрыл доской.

— Доску пробить могут, она тонкая.

— Стрелой? С полста метров? Сомневаюсь... К тому же за ней кольчуга есть. Не переживай.

В щит ударило еще четыре раза, после чего обстрел затих. Или арбалетчик понял, что дело безнадежное, или ему устроили разнос за бесполезную трату боезапаса. На краю каньона мелькнул было лучник, но Влад тут же выстрелил, почти не целясь. Тот, напуганный грохотом и ревом тяжелой пули, пронесшейся неподалеку, скрылся и больше не показывался.

Влад сейчас жалел об одном. В свое время, замышляя убийство, он остановился на дробовике. Удобное оружие ближнего боя, относительно недорогое, эффективное, и приобрести его он мог законным путем, без лишних сложностей. Надо было хотя бы с полноценным стволом брать модель, а еще лучше — нарезную. С оптикой вообще замечательно — можно попробовать среди зарослей врагов высматривать. Невооруженным глазом заглядывать в эту тень не получается.

Да ладно — не стоит жалеть. В других случаях дробовик гораздо лучше винтовки. Вон сколько раз уже выручал, и даже со своим куцом стволом позволял доставать стрелков на другой стороне каньона, хоть и не без труда.

Заросли в одном месте зашевелились всерьез, будто через них стадо

лошадей пробирается. Влад, естественно, насторожился — уставился туда, ожидая от луддитов новой подлости. Из кустов показался огромный щит, связанный из жердей и тонких бревен. Вперед его продвигали за счет остроумно сделанных деревянных колес, а чтобы не заваливался, за ним тянулась станина. Что-то вроде полевой пушки получилось, только без ствола. Впрочем, вместо него имелась узкая длинная бойница.

Чуть левее на открытое пространство выбралась аналогичная конструкция, после чего обе начали медленно приближаться к гроту.

— Что там так шумит? — испуганно спросила Лиля.

— Вы не поверите, но эти папуасы соорудили пару танков.

— Каких танков?! — не понял Давид.

— Из дерева. Щиты здоровенные поставили на колеса и под их прикрытием пытаются подобраться поближе, чтобы начать меня расстреливать. Даже не знаю — смеяться или плакать.

— Может, бомбой их? — предложил Давид.

— Прибережем, — ответил Влад, берясь за ружье.

Два выстрела не привели к видимому результату — картечь застревала в древесине. Быстро заполнив магазин пулевыми патронами, Влад убедился, что от них защита не спасает. Он не мог видеть тех, кто тащил осадные орудия, поэтому просто бил равномерно, стараясь попадать примерно на уровне груди.

После одиннадцати выстрелов первый щит остановился, и Влад взялся за второй. Тот быстро начал терять скорость — за ним оставались тела убитых и раненых. Кто-то, разъярившись от безнадежности ситуации, открыл бойницу и выпустил стрелу. Вряд ли хорошо целился, но повезло неслыханно — наконечник расщепил край смотровой щели, после чего угодил прямоком в середину груди, защищенную кольчугой. Не пробил, но стукнул так, что дыхание остановилось, а от вспышки боли выступили слезы на глазах. И это еще повезло — щит здорово уменьшил силу удара.

Обидно, но в магазине патроны с пулями, а сейчас бы картечью по бойнице врезать. Влад выстрелил два раза, в ответ заработал еще одну стрелу — на этот раз в щит. После чего вражеский «танк» заехал в мертвую зону. Теперь он не мог достать луддитов, но и они оказались в таком же положении. Просто поняли, что защита неэффективна, и выбрали наиболее простой пусть спасения — тащить колымагу назад слишком долго и чревато потерями.

Прошло около часа, и в зарослях снова заработали топоры. Опять что-то придумали. Влад надеялся, что это будут новые щиты, уже покрепче. Даже если их не возьмет пуля — не страшно. Можно подпустить поближе и

набросать бомб на головы. К тому же «танк» наверх не затащить, поэтому непонятен смысл таких усилий. Все ради того, чтобы дозорным лучникам было проще и безопаснее его подкарауливать?

Убедившись, что никто не спешит выбираться под пули, Влад вернулся в дальнюю часть грота, где прилег немного поспать, оставив караулить Давида и Лилю. Ночью, возможно, луддиты опять фейерверк устроят, не позволяя отдохнуть.

* * *

Либерий выглядел эталоном спокойствия, но на самом деле в душе его царило постыдное смятение. Как могло такое получиться? Ведь начало было удачным, победным. Лазутчики без труда подкрались к маленькой женщине, взяли ее живьем. В великана попало несколько стрел, и как минимум одну схлопотал толстяк. Сонное зелье не пожалели, смазав наконечники перед самым боем — растерять свою силу оно бы никак не успело. Древние после такой дозы были обязаны свалиться с ног.

Но этого не произошло. Загрохотало нечестивое оружие. Понеся потери, братья отступили. Попытались погнать впереди себя наемников, но ничего не добились — те открыто не подчинились, отказываясь идти на убой.

Ничего — им это еще припомнят.

Попытки обстрелять дальнюю часть грота с противоположной стороны каньона привели к новым потерям, к тому же эффективность их была сомнительной. Пещера, казавшаяся неглубокой, после изучения со всех возможных ракурсов была оценена более серьезно. Даже если построить башню напротив входа, не факт, что с нее будет просматриваться все. Наверняка останутся закутки, где смогут укрываться древние.

Может, и правда под покровом темноты соорудить башню? Изучение щита, который дотащили до скалы, показало, что оружие великана легко пробивает даже тройной ряд толстых жердей. Зато в бревне-противовесе отверстие оказалось не сквозным, и оттуда извлекли кусок металла. Несомненно, сложное изделие, но от сильного удара деформировалось, и определить изначальную форму было затруднительно. Похожие находили в телах убитых, хотя чаще встречались небольшие свинцовые лепешки и шарики.

Зато есть основание надеяться, что бревенчатую стену оружие Техно не продырявит. К тому же ее можно укрепить плоскими камнями — они

попрочнее дерева. Подогнать друг к дружке, будто чешую дорогого доспеха, и сиди, ничего не опасаясь.

Но представив, сколько времени займет подобное строительство, Либерий чуть не взвыл. Ведь работать можно лишь в темноте, да и то рискованно — древние даже ночью умеют убивать, хотя и не так хорошо, как при дневном свете. Вряд ли даже за неделю получится уложиться.

Недели у ордена нет. Либерий слишком долго просидел в этих горах, выслеживая добычу. Чтобы не быть обнаруженными, им несколько раз пришлось убивать — места хоть и считаются безлюдными, но народ шастает. К тому же привлеченные местные крайне ненадежны. Пока сидели у избушки, их все устраивало — знай себе, получай серебро, толком ничего не делая. А как только выступили, двое сразу дезертировали.

Вот и гадай теперь, что там за спиной. Или в поисках пропавших нашли следы чужого отряда, или сбежавшие охотники, пропивая серебро, начали болтать, кто и за что им его дал. Одно несомненно — если здешние заправила узнают о людях ордена, немедленно соберут приличные силы и бросятся в погоню.

К тому же пленная девка рассказала, что два сообщника древних накануне уехали. Она такая дура, что с перепугу забыла, когда именно это было. Если те, вернувшись, заметили отряд, то наверняка скачут за подмогой.

Нечего даже думать о длительных работах. Ему надо как можно быстрее выкурить древних из грота. Их там всего трое, если пленница не врет. А она не врет — уж это Либерий определял быстро.

Выкурить... А ведь это любопытная идея. Хоть и старая, пусть в первый раз ничего не получилось, но кто мешает повторить уже по-другому?

Горы... Мертвые горы... Оружие невиданной силы и противоестественной природы ударило по немыслимому — по самой природе времени. С виду здесь так же, как везде, но это лишь на первый взгляд. Скорость, с которой поднялись эти хребты, сказала на их внутренней сути. Где-то вершины выглядят старыми, сглаженными водой и ветром, а местами они шипами возносятся к небесам, рассыпаясь так стремительно, что к ним не приближаются, опасаясь нескончаемых камнепадов.

Реки бывают нормальные, с пологими склонами долин, ровной поймой, а бывают подобные пиле, прорезавшей щель в скалах. Как вот этот ключ. Каньон, наверное, возник так быстро, что сам удивился случившемуся. Наверху, похоже, залегает слой прочной породы — вон как

нависает козырьком несокрушимым. Зато под ним рыхлая скала, вся изъеденная пещерами. Одну из них Либерий распорядился использовать под лазарет, в другой устроил себе походное жилье, еще в трех размещаются остальные братья и наемники. В глубь земли местами тянутся ходы, и никто не проверял, как далеко. А ведь грот, в котором засели древние, может быть тоже из таких — длинных. И, как это часто бывает в подземельях, где-то есть другой выход, а то и не один.

Не сходится... Если есть второй выход, почему древние до сих пор им не воспользовались? Хотя догадаться легко — без лошадей они быстро двигаться не смогут, а застигнутые на ровном месте погибнут или попадут в плен. Не так уж страшно их оружие. К тому же у нечистых могут быть серьезно раненные, или изначально поступили так же, как братья, — поленились исследовать дальнюю часть пещеры. И верно — нечего под землей делать. Там темно, сыро, свод может обрушиться.

Вот и отлично — прямо сейчас надо послать самых ловких братьев исследовать подземелья. Действовать надо тихо, чтобы древние об этом не прознали. Обнаружив проход в их грот, следует накопить силы и ударить внезапно, одновременно с двух сторон. Для этого приготовить лестницы, чтобы в нужный час приставить к стене сразу три. Обычно за входом следит великан, и ему будет непросто отбиваться в одиночку.

Сюда бы сотню-другую людей, и можно было бы телами завалить пещеру, но добраться до врагов рода человеческого. С такими силами, как сейчас, — трудная задача. Уж очень удобная позиция у древних.

Будь у них три-четыре великана, а не один — с таким оружием смогли бы легко от целой армии отбиться.

ГЛАВА 37

— Ну как он? — в третий раз за день поинтересовался Влад.

Лиля, накладывая на лоб Давида холодный компресс, тихо отчиталась:

— Температура у него. Горит весь. Сейчас уснул, но если так и дальше будет продолжаться, то начнет терять сознание.

И без слов было понятно, что у товарища нешуточные проблемы. Влад легко перенес попадание нескольких стрел, а вот его всего лишь одна подкосила. Сначала покраснела кожа по краям раны, затем краснота пошла дальше, рука вздулась, до самого плеча поползла нездоровая отечность. Давид много пил, жаловался на озноб и жар, а потом и вовсе слег, редко просыпаясь. Его накрыли всем, что было, но бедолагу все равно морозило, будто в сибирскую стужу.

Влад мало разбирался в медицине, но даже его скромных познаний хватало, чтобы осознать серьезность ситуации. Дела у Давида неважные, и надежда, что все пройдет само собой, слабая. Ему сейчас хороший лекарь нужен. И еще биота не помешает, самая дорогая. Неизвестно, из чего ее делают, но следует признать высокую эффективность загадочного препарата. Никто, кроме Лены, не подцепил всерьез местные бациллы — видимо, помог профилактический курс, назначенный аптекарем. Несколько пилюль, и тебя никакая зараза не берет.

Больше биоты не было. Вообще никакой, не говоря уже о свежей. К великому сожалению, эта субстанция — единственное, что оказалось не по зубам копиру. Он исправно анализировал ее химический состав, но при попытке сохранения в памяти или копирования начинал ссылаться на недоступную сложность и какие-то загадочные комбобиологические структуры. Так что самим ее создать не получится.

Придется дожидаться прихода ребят с подкреплением, затем везти Давида в Гнобырь. Хотя есть вероятность, что в отряде окажется лекарь или хотя бы запас эффективных лекарств. Но даже при таком варианте мало надежды, что Давид дождется помощи — ведь минимум пять дней придется продержаться.

Одно радовало — луддиты вчера вели себя на удивление спокойно, да и сегодня не досаждают. Устроили осаду по всем правилам — даже двойную изгородь ночью поставили под скалой, чтобы помешать защитникам улизнуть в темноте. Боятся, раз дозорным не доверяют. И еще на противоположной стороне каньона соорудили из бревнышек что-то

вроде колодезного сруба. Влад подозревал, что внутри скрывается наблюдатель, и время от времени постреливал туда, нередко попадая. Хотя и сомневался, что пуле по силам такая преграда — далековато, да и патроны он в магазине выбирал те, что продавец подсовывал, мало в них разбираясь.

Были и минусы — вот уже второй день пошел, как никого не удавалось прикончить или подранить. Разве что прилетело наблюдателю в деревянном «доте», но уверенным в этом быть нельзя. Враг злостно экономил стрелы — сколько Влад ни фланировал со щитом на краю грота, никто ни разу не выстрелил, хотя наверняка в зарослях скрывалось немало лучников и арбалетчиков. Вряд ли противник израсходовал все боеприпасы — поберег для чего-то.

Пусть уж лезут, не считаясь с потерями, как поначалу. Хоть и велик риск шкуру повредить, но лучше хоть какая-то определенность, чем ждать непонятно чего. Не верил Влад, что их собрались взять измором. Луддиты не знают, какие у осажденных запасы еды и воды, а торчать в горах несколько месяцев церковникам слишком опасно. Пусть и глухие места, но кто-нибудь может забрести. Опять же должны думать о случайностях, вроде отправленных в город Диадوخа и Болтуна. За ребят можно быть спокойным — их не поймали. Церковник на переговорах о них ни слова не сказал. Даже убив их при попытке захвата, неминуемо бы похвастался, чтобы осажденные не надеялись на подмогу.

Но вот Лена могла рассказать о них, и тогда враг наверняка устроит засаду. Это настолько плохо, что лучше о таком варианте не думать.

— Голоса, — неожиданно произнесла Лиля.

— Что? — не понял Влад.

— Я говорю, что голоса чьи-то.

— Откуда доносятся? Я ничего не слышу.

— Я уже тоже не слышу, но только что слышала. Из пещеры голоса доносились. Тихие, будто скрывается там кто-то.

Влад насторожился:

— Не померещилось?

— Я не знаю. Вся на нервах, могло и показаться. Но слышала ясно.

— Давай Давида буди, и пусть здесь, в закутке, лежит. А я послушаю, что там. Поглядывай на вход, а то мало ли. Я на две стороны смотреть не умею.

Давид покорно позволил себя перевести на новое место. Сюда так же, как в лаз, где он лежал прежде, тоже стрелу снаружи не добросить, так что раненый будет в безопасности. Присев возле входа в пещеру, Влад навел на

него дробовик и напряг слух. Вроде тихо, но кто его знает. Если луддиты нашли подземный путь, то могли замолчать, подслушав беседу осажденных. Но беззвучно подобраться никак у них не получится. По пути наверх две деревянные решетки. Убрать их легко, вот только грохот неизбежен.

Враги будто читали мысли Влада — далеко в норе треснуло дерево, что-то проскрежетало по камню. Эти звуки его странным образом успокоили. Все — теперь сомнений не осталось. Луддиты сделали то, на что не хватило сил и решимости у защитников грота, — развели подземный путь. Теперь придется отбиваться от них с двух сторон — это минус. Второй минус — осажденные отрезаны от источников воды. Но остались запасы в деревянном ведре и котле. Если не шиковать, то на несколько дней можно растянуть.

— Дым! — крикнула Лиля.

Обернувшись, Влад увидел, что перед входом кверху поднимаются белесые струи. Цепляясь за карниз наверху, они расползались над потолком дымовым покрывалом.

— Они что-то жгут под нами! — добавила она уже очень испуганно.

— Таким способом они нас не выкурят. Да и дыма не так уж много. Следи за входом.

Заскрежетала вторая решетка — враг убрал последнее препятствие. Влад отложил дробовик, взял приготовленную бомбу, поджег зажигалкой фитиль и зашвырнул жестянку в лаз. Там давно убраны все камни, чтобы не мешать людям ходить, и взрывоопасному подарку тоже ничто не помешает докатиться до решеток или даже дальше.

Рвануло так, что уши заложило — в тесноте подземелья взрывной волне некуда деваться. Влад ухмыльнулся, расслышав крики и стоны сразу нескольких человек. Если не искалечило, то оглушило знатно — внутри, в тесноте лаза, им гораздо тяжелее пришлось, чем ему на относительном просторе.

— Стучаться надо, перед тем как в чужой дом заходить! — выкрикнул он и, расщедрившись, швырнул вторую бомбу.

Новая волна криков боли, проклятий, стонов, кто-то даже взвыл по-волчьи. Из лаза повалили клубы густого дыма. Влад закашлялся, отшатнулся. Если здесь глаза выедает, то что происходит там, внутри? Хиросима небось, и дышать совсем нечем. Нет — после такого они точно из пещеры не сунутся. Взрыв даже примитивной бомбы в почти замкнутом помещении — это жуткая сила.

Дыма что-то слишком уж много, и запах у него не пороховой. Валит и

валит, не думая заканчиваться. И теплом веет.

Кашляя, он отодвинулся от лаза и злобно прошипел:

— Лиль, нас пытаются выкурить.

— Что?

— Они, похоже, в самом начале лаза набросали кучу дров и подожгли. Тяга сюда все несет наверх, так что поднимай Давида. Дыма больше и больше становится, ему тут скоро дышать нечем будет. Пусть за щитом сидит вон в той нише, и ты тоже рядом с ним.

В этот момент Влад различил подозрительное движение. Еще не успев проанализировать происходящее, рухнул на пол, направляя дробовик на вход. Увидел, как три человека, уже приподнявшись над уровнем пола, всматриваются в сумрак задымленного грота. Нажал на спуск одновременно с ударами разряжаемых арбалетов. Гроыхнул выстрел, вскрикнула Лилья, что-то взъерошило волосы на затылке.

Все три фигуры остались на месте — так и стоят на вершинах приставленных лестниц. Арбалеты перезаряжаются долго, и они не стали тратить на это время — быстро полезли дальше, выхватывая из ножен длинные узкие мечи.

Следующим выстрелом Влад не промахнулся — прикончил самого прыткого, второго тоже остановил, а вот последний хитро извернулся и остался невредимым. За спиной вдруг раз за разом затрещал пистолет, и дико завизжала Лилья. Враг продолжал мчаться, занося меч для удара, а за его спиной в дыму показались головы двух следующих — по лестницам забиралась подмога.

Влад в отчаянии ухватил ведро с водой, со всей дури швырнул чуть ли не в упор. Ловкий противник, ухитрившийся увернуться от картечи, сейчас ничего не смог — должно быть, ослеп от дыма. В грудь ударило, окатило водой, видимо, сильно двинуло — оброненный меч зазвенел по каменному полу. Бросившись на врага, Влад наклонился, боднул его головой и, пользуясь серьезным преимуществом в весе, вытолкнул луддита наружу. Тот полетел вниз весьма удачно, сбив по пути одного из забиравшихся. Вторым отправился следом после размашистого пинка в физиономию.

Глаза слезились, горло саднило от едкого дыма, и Влад даже не увидел, откуда прилетела стрела. Лишь вскрикнул от болезненного удара в бок. Присев, подхватил обе бомбы, на всякий случай приготовленные у входа, торопливо зажег фитили, бросил жестянки вниз, только после этого развернулся.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления. Помеха: обнаружен посторонний предмет. Процедура

восстановления затруднена. Ситуационная рекомендация: извлечь из раны посторонний предмет. В крови обнаружены посторонние микрочастицы. Статус: алкалоид растительного происхождения. Старт процедуры нейтрализации.

Лиля уже не стреляла — она истошно орала. Влад, ничего не видя в дыму, пошел на крик, постепенно различая картину происходящего. Непонятно откуда появившийся человек в черном обхватил девушку за плечи, не давая ничего сделать руками, а второй, одетый так же, раз за разом бил ее в грудь и живот коротким стилетом. Третий надвигался на Влада, держа в одной руке кинжал, в другой топорик с узким лезвием. Лица у врага не было — голову сплошь заматывала мокрая ткань, лишь щелочка для глаз оставалась. Противник глухо кашлял, шагал неуверенно.

Только тут до Влада дошло — Лилия вовсе не ему помогала пистолетной пальбой. В дыму и суете он не оглядывался, а зря. Луддиты рискнули направить отряд для удара в спину. Чтобы миновать лаз, дышать в котором невозможно, они замотали лица мокрым тряпьем. Не противопогаз, конечно, но хоть немного защищает. Хотя, судя по походке, наглотался гад славно.

Все это Влад осознавал на ходу — подхватив старую добрую железную палицу, что всегда была наготове, прислоненная к стене, он мчался на выручку Лиле. Противник, видя надвигающуюся на него живую гору, неуверенной рукой метнул топорик. Тот, быстро вращаясь в воздухе, стукнул по лбу рукоятью, выбив из глаз сноп искр. С ходу снес врага мощным ударом, Влад обрушился на двух оставшихся. Первый, продолжая работать стилетом, даже понять ничего не успел — массивная железка смяла его череп, будто гнилую тыкву. Второй отпустил раненую, отпрыгнул назад, но сослепу запнулся о неровный пол, и уже падающего его наконец настигла справедливая кара. Первым неловким ударом Влад переломал ему ребра, затем расчетливо врезал по голове.

Из лаза, отчаянно кашляя, выбирался еще один. Влад, сам кашляя, будто умирающий туберкулезник, прибил его одним ударом, упал на колени, не замечая, что даже сквозь штаны поранил их о камни, подтащил ящик с бомбами, открыл, бросил одну в лаз и только потом понял, что забыл зажечь фитиль, к тому же зажигалку оставил у входа. Не беда — на крышке ящика закреплена запасная.

Вторая жестянка ушла удачнее — грохнуло, дым из лаза повалил еще веселее. Оборачиваясь, увидел, что в грот по лестницам заползает новая троица, причем у всех арбалеты. Выбросил наружу еще одну бомбу, в отчаянном рывке ринулся под защиту стоящего у стены щита. Почти успел

— лишь один болт достал, насквозь пронзив голень. Влад, почти не чувствуя боли, подхватил с пола дробовик. У него уже две раны — не то состояние, чтобы скакать по гроту с тяжелой железной дубиной в руках.

Заталкивая патроны в магазин, неотрывно следил за действиями врагов. Те, хапнув задымленного воздуха грота, сбавили темп, хотя все равно двигались слишком быстро. Влад в отчаянии понял, что зарядить ружье не успеет. В лучшем случае у него будут два выстрела, после чего он останется один на один с вооруженным и свежим противником. На первый взгляд мелочь — вон скольких уже упокоил влегкую, но это иллюзия всесилия. Ноги уже налились ватой от угара, отравленных стрел и потери крови, перед глазами все плыло, голос ругался на все лады, что-то срочно требуя и рекомендуя. Нет сомнений, что подняться не получится — почти хана. Ему бы сейчас наружу и глоток чистого кислорода.

От противоположной стены грота затрещали выстрелы. Дым, валивший из лаза, не давал разглядеть тот угол, но Влад приободрился. Значит, у Лили не все так плохо, как показалось. Один арбалетчик упал, второй схватился за плечо, дико при этом заорав, картечь смела третьего.

— Добивай этого! — заорал Влад, хватая бомбу.

Лили послушалась — раненый завалился на спину. Жестянка с шипящим фитилем скатилась вниз, грохнуло, там кто-то проверещал по-женски. Вторую бомбу Влад зашвырнул в извергающийся дымом лаз. Там никто не закричал — видимо, атмосфера в пещере уже такая, что даже мокрые тряпки не помогают штурмующим дойти до грота.

Да пусть они там все задохнутся, как тараканы от дихлофоса...

Больше бомб при себе не было, и Влад, надрываясь в неудержимом кашле, переполз через поток дыма. Добравшись до ящика, с удивлением увидел, что тот почти пуст. Это когда он успел столько гранат израсходовать? Торопливо поджег фитиль, сбросил еще одну вниз. Хоть и жалко тратить вслепую, но надо отвадить этих сволочей наверх забираться.

Только после этого огляделся и с трудом различил неподвижное тело Лили. Подполз к ней, хотел потрогать пульс, но в этом уже не было нужды — мертвые глаза все сказали. Вымазавшись в крови, растекшейся лужей вокруг тела, Влад посмотрел на Давида. Тот, лежа на животе, покашливал, хватая относительно нормальный воздух, тонкий слой которого сохранялся над полом. В левой руке толстяк сжимал пистолет.

Все понятно...

Рухнув рядом с ним, Влад, жадно продышавшись, сквозь кашель поинтересовался:

— Ты как?

— Лучше не бывает, — кашляя через слово, ответил Давид. — Похоже, нам конец?

— Еще побарахтаемся. Из пещеры им теперь не добратся. Там кочегарка полная. А вход я под прицелом держу.

Рядом ударила стрела, чуть дальше еще одна.

Давид хрипло рассмеялся:

— Они опять залезли на другую сторону каньона.

— Ага. Но бьют вслепую.

— Нам от них не спрятаться — в глубине дышать невозможно. Могут достать.

— Ползи за мной, за щитом укроемся.

Или арбалетчик сумел что-то разглядеть сквозь дым, что маловероятно, или удача сегодня окончательно отвернулась от осажденных, но болт угодил Владу в макушку, когда до спасительного щита было уже рукой подать.

Он даже не понял это. Только что полз, непрерывно кашляя, и вдруг бац — и темнота.

ГЛАВА 38

Очнувшись, Влад не сразу открыл глаза. Он замер, потрясенно вслушиваясь в себя. Неудивительно, если вдруг осознаешь, что чуть ли не до малейших деталей понимаешь свое тело. Знаешь, что скальп рассечен и череп оцарапан, в правом боку засел инородный предмет, острым концом царапающий печень при неосторожных движениях, а еще один, похожий, насквозь пронзил ногу. Он чувствовал, как крошечные фабрики вырабатывают еще более крошечных ремонтников, по сети кровеносных сосудов спешащих к поврежденным местам, чтобы штопать кровеносные сосуды, нервы, мышечную ткань.

А командный центр, распоряжающийся этим хозяйством, раз за разом требует от Влада извлечь инородные предметы, потому что они мешают процессу восстановления.

Так вот почему менялся голос. Оборудование, которое установили в тело Влада, постепенно адаптируется к хозяину, срастаясь с его нервной системой, частично ее при этом перестраивая для оптимизации. Это вовсе не демон, что в одержимых вселяется — это просто искусственные дополнения, многократно усиливающие возможности человеческого организма, плюс что-то вроде компьютера ими управляющее.

Компьютер не только этим занимается. В частности, время от времени он пытается связаться с сетью или остатками сети, в которую когда-то в прошлом были завязаны другие носители подобных систем и масса устройств небиологической природы. Из-за того, что Влад не умеет работать с подобной техникой, ему иногда приходится страдать от лютой боли.

Проще говоря, он полный «чайник», из-за чего и мучается.

Даже сейчас система еще не развилась в полноценную — процесс этот небыстрый, и желательно его проводить в детском возрасте. Влад немного запоздал, но это не критично — в итоге результат будет тем же. Все постепенно приходит, просто не понимал это раньше. Можно было еще в самом начале догадаться, после истории с копирами, когда научился выделять отдельные элементы из сырья. Ведь до этого даже не замечал эту функцию в меню прибора. Потому и не замечал, что не было полноценной связи.

Со временем он всему научится. Если выберется из этой пещеры, ведь, судя по запаху дыма, он все еще в ней.

Открыв глаза, он обнаружил, что находится в том же гроте. Противоположную сторону освещали лучи заходящего солнца — знакомая картина. Справа темнеет поставленный щит, к нему прижался боком сидящий Давид. Дыма почти нет, только со стороны лаза поднимаются тонкие, едва заметные струйки. Но запах сильный — видимо, все подземелье провоняло, будто коптильня.

— Давид, как там обстановка? — спросил Влад, сам испугавшись своего голоса — хриплый, тихий, безжизненный.

— Мы пока не сдохли, — с преувеличенной бодростью ответил товарищ. — Осталась одна бомба, зато сволочи больше не лезут. Постреливают иногда с другой стороны каньона, а из пистолета мне их не достать. Ружье, сам понимаешь, не при такой руке брать, да и не снайпер я. Солнце осветило грот, и они уже несколько раз попали в Лилю. Думают, что она живая. Скоты... В своих тоже иногда попадают — трупы, как видишь, повсюду валяются. И дым почти перестал заползать. Час назад эти опять пытались переговоры устроить, но я их послал.

— Что обещали?

— Обещали опять поджечь пещеру и под дымом с двух сторон ударить, если до заката не сдадимся. Кстати, второй раз мы точно не переживем. Влад, из тебя надо стрелы повытаскивать.

— Поможешь?

— Кто бы мне помог...

— Попить есть?

— Ведро и котел опрокинуты.

— Понятно...

Давид помолчал и осторожно спросил:

— Сдаваться будем?

— Я нет.

— Да я тоже не хочу оказаться залитым расплавленным свинцом, но мы тут без толку пропадем. Я в любой момент отключиться могу. Уже не раз отрубался, но везло — не лезли в это время. Да и ты тоже не огурчик. Может, заманим их под предлогом сдачи и хоть прихватим нескольких напоследок? Завтра я или сдохну, или не очнусь — точно это знаю. Ты один останешься. Не потянуть тебе в одиночку.

— Да, не потяну. Если бы не ты и не... и не Лиля, то хана. Seriously они нас сегодня...

— Мы им тоже навалили. Интересно, сколько у них народа осталось?

— Думаю, не так уж много, раз на переговоры опять пошли.

— Нам и мало хватит...

— Ага...

Влад подтащил дробовик, начал разряжать.

— Что делаешь?

— Пулями набью и постреляю по тем, что на другой стороне.

— Так не попадешь, наверное. Прости, но вид у тебя не очень. Явно не в форме.

— Ага. Но они-то этого не знают. Пусть видят, что мы не валяемся здесь, как два умирающих лебедя.

— Типа есть еще порох в пороховницах?

— Ага. С бомбами я сгруппировал. Хорошая штука, очень удобно для таких дел.

— Все мы ошибаемся, не только ты. Может, все же сперва стрелы вытащить?

— Если разбередить раны, тогда точно не смогу стрелять.

Пользуясь тем, что эту стену солнце не освещало, Влад подполз ближе к выходу, начал целиться в сруб на склоне, из которого, уже не таясь, выглядывал лучник. Ружье почему-то весило раза в три больше палицы и ходило ходуном. Поняв, что ни за что и близко не попадет, попросил:

— Давид, подтащи сюда мешок с орехами!

— Неужто аппетит нагулял?

— Хуже — не могу целиться. Надо на что-то ружье опереть.

— Минутку.

Стало чуть проще. Прицелившись, выстрелил, едва не заорав — отдача отозвалась во всем теле, а в раны будто огнем плеснуло. Слезы застилали глаза, и Влад не увидел, куда попал, но когда зрение вернулось, лучник больше не выглядывал.

— Ну как? — тихо поинтересовался Давид.

— Понятия не имею. Может, и попал. Но вряд ли. Скорее всего, напугал, и спрятался он.

— Ну и ладно. Не будет больше по Лиле стрелять... Что-то нам не везет с женщинами... Да?

— Есть такое... Давид, давай, пока ты в сознании, все же стрелы вытащим.

— Передумал?

— Да что тут думать — они при каждом движении мне пытку устраивают. Раны быстро затянутся, у меня всегда так. Свалюсь так свалюсь, что поделаешь.

— Да, у тебя всегда все хорошо с этим делом. Влад, а у меня, похоже, гангрена начинается. Тебе не кажется?

— Не знаю, я не доктор.

— Давай их на переговоры все же вызовем. Подманим ближе и хоть сдохнем как люди, а то ведь я сгнию, а тебя затравят дымом и стрелами. Да блин!.. — Давид истерично Хохотнул. — Может, это нам снится? Как так могло получиться, что мы в подобное угодили? Владик, у меня двое детей остались, там. Они мертвы давно, и могил не осталось, но не могу в это поверить, хоть убивай. Всего секунда прошла для нас, а там, снаружи, целая вечность. Да — вечность. Мы тут уже не люди, а звери, которых травят. Нас нет давно. Мы...

— Стрелы помоги вытащить, а не болтовней страдай, — оборвал его Влад. — И давай живее — у меня есть идея.

— Идея?

— Да. Пока ты не вырубился, я спущусь в пещеру и найду дыру, через которую они туда забираются. Сюрприз будет, когда оттуда нападу. А ты в это время будешь выход из грота держать.

— Влад, там темно. Как найдешь?

— Ты не поверишь, но у меня буквально только что проснулись новые способности.

— Надо было тебя лупить почаще...

— Возможно... Похоже, глаза у меня сейчас могут работать, как тепловизоры.

— А толку? В пещере одинаковая температура повсюду.

— Не факт. Нагрев от костра остался, да и есть шанс даже следы замечать, ведь они чуть теплее окружающей среды.

— Тебе не плохо? Это насколько они должны нагреваться, чтобы заметить...

— Ты только что сам кричал, что надо идти в последний и решительный бой, а сейчас сомневаться начал!

— Все! Молчу! Давай займемся твоими стрелами. Только многого от меня не жди — одна рука, и та левая. И не вздумай сознание терять, будто барышня кисейная, и валяться потом в отключке часами, а то хана всем твоим планам настанет.

* * *

Влад обманул или как минимум серьезно приврал. Краткое знакомство с новыми возможностями зрения подсказало, что обычному тепловизору до его глаз очень далеко. Он, похоже, мог теперь засекать все: от источников

гамма квантов до антенн длинноволновых передатчиков. А может, и еще что-то сверху — трудно понять студенту-недоучке, да и времени нет разбираться в теории. Главное, что тьма пещерная ему теперь не такая уж и великая помеха.

Стены подземелья просматривались плохо — их будто подсвечивали тысячи крошечных зеленых фонариков. Мокрые сталактиты были еще более тусклыми, зато своды почти везде различались отлично. Видимо, горячий воздух от костра их нагрел, и теплота до сих пор не рассеялась.

Нашел и остатки самого костра — он издали выделялся неряшливым красноватым пятном. Рядом дышать было трудно от едкой гари, да и дымок щекотал легкие — что-то до сих пор продолжало тлеть.

Влад двигался осторожно — три-четыре шага, потом остановка на несколько секунд. Жадное вслушивание в зеленоватый сумрак, и опять чуть вперед. Пока что ничего не было слышно, но это лишь настораживало. Луддиты должны начать подготовку к новому штурму. Это значит, что в пещеру потащат вязанки дров, если не поменяли планы или тактику. Но пока тихо — никого не видно и не слышно.

Пугают? А может, подбираются к отключившемуся Давиду? Тот выглядит очень скверно. Да его легко десяток штурмующих возьмет, если полезут дружно. Всего одна бомба осталась, а пистолетом он плохо владеет, даже с неповрежденными руками.

Подобные мысли заставляли спешить, что грозило проблемами. Ему надо незаметно добраться до врагов и атаковать внезапно, после чего, если выживет, вернуться тем же путем. Здесь, в подземелье, ружье — серьезный аргумент. Идти врассыпную нельзя — только кучно, и картечью он легко остановит преследователей, при условии что их окажется не слишком много. Вот для того, чтобы толпа не нагрянула, и требуется соблюдать скрытность.

Зачем он так рискует? Сам уже не мог понять... Да и как иначе? Лили больше нет, Давид очень плох. Завтра он останется один. Ему тоже надо спать, и как прикажете это делать? Он и без того едва на ногах держится — отключится и не услышит даже боя барабанного под ухом.

И что он выиграет такой рискованной или скорее даже безумной вылазкой? Победит всех? Очень сомнительно... Тогда что?

Жест отчаяния это, вот что...

У него один разумный выход — бросить Давида и попытаться уйти в одиночку. Догонят? Ну что ж — прихватит нескольких с собой напоследок. А до этого попробует двигаться кручами, скалами, местами, где лошадям не пройти. Может, это задержит преследователей или вообще след

потеряют.

Давиду все равно хана — рука у него совсем плохая. Влад плохо в медицине разбирался, но подозревал, что даже ампутация не поможет — запоздала. У товарища уже плечо распухло, выглядит он так плохо, что непонятно, почему остается в сознании. Возможно, для него же лучше попасть в плен — у луддитов может найтись свежая биота, да и лекарь должен быть.

Логика упрямая вещь, но Влад почему-то ее не слушал. Вместо того чтобы оставить Давида в руках церковников, а самому искать путь на скалистый хребет, с севера ограждающий долину Золотой реки, он пробирался по темной пещере с одной мыслью — убить как можно больше осаждающих. Плевать, что будет потом — ему нужна их кровь.

Наверное, после всего пережитого с головой что-то приключилось. Или древнее устройство, внедренное в мозг, исподволь внушает ему кровожадные мысли, постепенно превращая в маньяка.

Плевать. Он обязательно доберется до выхода и разрядит свой дробовик в ошалевшую от такой наглости толпу.

* * *

Найти выход, которым пользовались луддиты, Влад не успел. Пробираясь по извилистому узкому проходу, он заметил впереди отблески света. Удвоив осторожность, пошел дальше с дробовиком на изготовку, но оружие не понадобилось.

Ход вывел к небольшой пещере, дальняя часть которой была засыпана обломками — след давнего обвала. Над грудой камней змеилась широкая трещина, в которую заглядывали лучи закатного солнца. Человеку туда пробраться трудно, а вот выглянуть можно попробовать, что Влад и сделал.

Это не тот ход, которым пользовались луддиты. Трещина рассекала обрывистую стену каньона на высоте около десяти метров. Никаких лестниц к ней не вело — видимо, враги нашли более удобный способ пробираться в пещеру. Но Владу теперь не нужно его искать — он уже нашел все, что хотел.

В этом месте стена каньона делала резкий изгиб. На одной его стороне поверху сейчас оказался Влад, выглядывающий через трещину, а на другой, вровень с поверхностью земли, находился высокий широкий грот. Очень удобное место, которое враги оценили — вдоль стен тянулись лежанки, у выхода тлел очаг, там и сям сидели люди, похлебывая из мисок какое-то

варево. Те, у кого личной посуды не имелось, сгруппировались вокруг пары котлов.

У врагов время ужина.

Влад остро пожалел, что оставил последнюю бомбу Давиду. Бросить ее элементарно — каких-то двадцать метров, и результат выйдет отличный. Тут человек двадцать собралось — при самом неудачном исходе человек пять точно перекалечить должна. Но не возвращаться же за ней обратно? Придется пользоваться тем, что есть.

А был только дробовик. Недорогое оружие, купленное для единственного выстрела. Пришлось, правда, сделать два... Влад уже давно перестал вспоминать убитого и его преступление, да и ту, единственную, ради которой на это пошел, тоже почти забыл. Даже во сне перестала приходить. Слишком много нового навалилось, и слишком далеко позади во времени осталось то, из-за чего он в итоге угодил в эту пещеру.

Во всей вселенной больше никто не помнит ни ту аварию, ни убийство возле ресторана, ни бег среди стен промзоны. Милиция небось вывесила его фото на стенд «Их разыскивает...» и, возможно, даже искать пыталась, не говоря уже о людях крутого папаша. Но все зря — он сгинул бесследно. Небось решили, что подался далеко-далеко, в какую-нибудь Мексику или Панаму. А может, в Сибирь забился, спрятался в глухой тайге, питается кедровыми орехами и зимует в одной берлоге с прирученным медведем.

Нет ни плаката, ни милиции, да и папаша давно на прах изошел вместе со своими головорезами. Судьба Мексики и Панамы неизвестна — если верить Диадоху, кроме нескольких областей центральной России и Восточной Украины, больше обитаемых мест на планете не осталось. Везде лишь отравленные руины, смертельно опасные мутанты и звероподобные люди, ничем от тварей не отличающиеся.

Трещина была неудобной — стрелять через нее, как полагается, с прикладом у плеча, не получится. Плевать. Влад снял ремень с плеча, просунул ружье наружу, прислонил ложе на удачно подвернувшийся выступ. С этого упора не промажет, да и трудно не попасть с пары десятков метров, тем более картечью из ружья с коротким стволом.

Все же хорошо, что не взял нарезное...

Навел на сгрудившихся вокруг дальнего котла. Судя по грубой кожаной одежке, вряд ли это луддиты. Видимо, наняли местный сброд в качестве проводников и пушечного мяса. Жители гор, может, и не слишком любят церковников, но хватает среди них таких, которые ради серебряных кружочков готовы временно изменить убеждения.

Предателей никто не любит, так что не взыщите, ребятаки...

Ружье сильно подпрыгнуло при отдаче, звонко стукнувшись о свод трещины. Влад в темпе выпустил остальные патроны, принялся набивать магазин, поглядывая вниз. А там было на что посмотреть: раненые орут, убитые корчатся в агонии, кто-то вскочил и мечется по гроту, другие так и застыли ошеломленно, не донеся ложку до рта. Котел опрокинули в суматохе, горячее варево хлынуло на ноги, один из «кожаных» с диким воем завалился на спину, пытаясь вытряхнуть обжигающее содержимое из сапог. Не так-то быстро можно снять подобную обувь, вот и пришлось бедолаге изощряться.

Будь у Влада пулемет, он бы всех уложил. Уж очень удобная позиция, и сильно растерялись враги. Но пулемета нет, и пока он перезаряжал ружье, некоторые успели прийти в себя настолько, что после возобновления пальбы определили источник угрозы и начали оказывать противодействие.

О край трещины ударился топор, после чего скатился вниз. Хороший бросок, хоть и неудачный. В камень со звоном прилетел нож — враги бросали все, что под руку подвернется. Самые ушлые уже мчались прочь, и Влад их игнорировал, стараясь стрелять по скоплениям противника. Целиться и держать ружье неудобно, самочувствие тоже хреновое, а промазывать не хочется.

— Вы бы еще мисками бросаться начали! — почти весело прокричал он.

Последним патроном прикончил луддита, поспешно взводящего арбалет при помощи поясного крюка. Для этого церковник нагнулся, и заряд картечи удачно пришелся в район затылка.

Перезаряжая дробовик, Влад торжествующе выкрикнул:

— А сейчас вы мне за Лилию ответите!

Просунув тело к краю трещины, высунулся и мгновенно похолодел, осознав, что все — отстрелялся парень. Зря он так увлекся... Сразу несколько луддитов поджидали его внизу с луками и арбалетами на изготовку. Вместо того чтобы попробовать отшатнуться, ввинтить непослушное громоздкое тело в спасительный сумрак пещеры, Влад выстрелил, толком не успев прицелиться. Усталость, потеря крови и постоянное напряжение последних дней сказались на реакции и способности быстрого принятия правильных решений. Ответный залп был страшен: одна стрела задела голову, пропахав у виска кровавую борозду, вторая глубоко вонзилась в плечо, короткий арбалетный болт оцарапал подбородок и пронзил шею, наконечник с душераздирающим хрустом засел в позвоночнике.

Руки разжались, ружье полетело вниз. Судорожно отползая назад,

Влад покатился по камням, остановившись лишь у основания завала. При этом он сломал руку, но боли даже не почувствовал — она и без того переполняла каждую клеточку организма.

— Обнаружены повреждения организма. Старт процедуры восстановления. Помеха: обнаружены посторонние предметы. Процедура восстановления затруднена. Ситуационная рекомендация: извлечь из ран посторонние предметы. В крови обнаружены посторонние микрочастицы. Статус: алкалоид растительного происхождения. Старт процедуры нейтрализации. Обнаружены критические повреждения организма. Статус процедуры восстановления: восстановление в текущем режиме невозможно. Отмена стандартной процедуры восстановления. Старт процедуры реанимации. Помеха: реанимация невозможна в текущем режиме. Смена режима жизнедеятельности. Старт процедуры: искусственная кома.

Тело содрогалось в судорогах, легкие с душераздирающей болью тщетно пытались втянуть хотя бы маленький глоток воздуха, но вместо этого из горла лилась кровь. Влад, ломая ногти уцелевшей руки, инстинктивно пытался куда-то отползти, забиться в щель безопасную и дожидаться, когда этот кошмар закончится, но был грубо остановлен накатившейся тьмой. Человек давней, давно забытой эпохи замер в луже крови на полу пещеры среди гор, сотворенных людской жаждой уничтожения всех и всего.

Не было ни голосов в голове, ни боли. Все закончилось — сознание его покинуло.

* * *

Либерий, подняв с земли оружие великана, прокричал, ни к кому не обращаясь:

— Мешок! Мешок мне! Пустой!

Надо побыстрее спрятать трофей. Вон как наемники косятся жадно, хоть и с испугом. Небось каждый хочет заполучить такую опасную вещь.

— Гонций! Ты был внутри пещеры, может, знаешь, где эта трещина выходит?

— Да, брат, она недалеко от выхода.

— Возьми людей и ходи туда. Похоже, великану сильно досталось. Если он еще жив, свяжите и вынесите наружу. Если мертв, ничего не делайте, просто ждите у трещины.

— Хорошо, бра...

Договорить Гонций не успел — замолк на полуслове после характерного удара, который знающие люди ни с чем не перепутают. Либерий был человеком знающим, и потому, еще не понимая, что происходит, инстинктивно бросился в щель между двумя огромными валунами.

В прошлом, будучи солдатом, он часто слышал, как стрелы впиваются в человеческую плоть. Былые навыки не забылись — отреагировал мгновенно.

Уже ныряя в спасительную щель, успел на ходу повернуть голову и убедился, что был прав. Гонций уже заваливался на подгибающихся ногах, прижимая руки к древку длинной стрелы с серым оперением, глубоко засевшей в груди.

ГЛАВА 39

— Да он точно очнулся! Гляди — глаза открыл!

— Вроде и открыл, но непохоже, что видит нас...

— Раз открыл, значит, точно очухался.

— Когда Прокла сжигали, уже мертвого, как завещал перед смертью, он в костре тоже глаза открыл. Все испугались, думали, живой еще, вытащили из пламени, а он как был покойником, так и остался.

— Этот дышит.

— Вроде дышит, но сперва не дышал и холодный был.

— Дышал, просто еле-еле, и не холодным был, а слегка прохладным.

— Да какая разница?

— Разница большая. Он древний, у них, наверное, так и должно быть.

Поговаривают, в давние времена водились люди совсем холодные, ночевали в склепах каменных и высасывали у живых людей кровь. Тем и жили — другая еда им не требовалась. Может, он из таких?

— Байки это все.

— Откуда знаешь?

— А разве сам веришь в подобную глупость? С чего человеку, пусть и холодному, в сыром вонючем склепе ночевать с крысами вместе? Неужто лучше трудно сыскать место? И вообще, чем молоть чепуху, давай скажем Риксу.

— Ему велено доложить, если этот в себя придет.

— Раз глаза открыл, значит, пришел. Хватит со мной спорить.

Влад выплывал из небытия медленно, и смысл разговора незнакомых людей от него ускользал. Его больше занимала внутренняя информационная лавина: организм спешно докладывал о полученных повреждениях и стадиях их устранения. Полное перечисление потребовало бы несколько страниц машинописного текста и навевало на нехорошие мысли.

Проще это тело выбросить, чем отремонтировать...

Глаза открылись давно, но Влад только сейчас начал различать картинку. Темнота, сбоку отблескивает костер, высоко-высоко застыли равнодушные звезды. Возможно, свет от некоторых из них зародился в тот самый миг, когда закрылась дверь бункера, и только сейчас он наконец достиг Земли.

От философских размышлений отвлек смутно знакомый голос:

— Влад, ты меня слышишь? Узнаешь, кто я?

В голове промелькнули смутные воспоминания, и Влад, с трудом разлепив ссохшиеся губы, еле слышно ответил:

— Ты Рикс...

— Узнал, — почему-то радостно произнес голос. — Вот и хорошо. Значит, точно на поправку пойдешь. Тут мало кто в это верил. Тебя вообще, когда только нашли, первым делом похоронить хотели. Скажи спасибо другу своему, не позволил. Отложили на другой день погребение, а ты взял и утром начал дышать, да и сердце забилося. Странные вы какие-то, древние...

— Давид... что с ним...

— Он в порядке. Рука у него запущена очень, но наш лекарь говорит, что через месяц будет как новенькая. Его держат на сонном зелье, чтобы не помер от боли при чистках раны.

Что делают с Давидом, Влад не понял, но решил, что Риксу стоит поверить. Да и выбора не было — он сейчас даже пальцем не мог шевельнуть, потому как не чувствовал тела.

— Что... со... мной...

— С тобой гораздо хуже, но я верю, что выкарабкаешься. Лекарь вырезал из тебя несколько стрел, ты потерял прорву крови. Придется несколько дней просидеть здесь, пока оба не придете в себя настолько, чтобы выдержать дорогу.

— Девушка... Что с ней?..

— Что за девушка? Одну мы нашли в вашей пещере мертвой.

— Вторая... Младшая...

— Ее нет. Твой друг тоже спрашивал. Несколько церковников ушли, возможно, ее с собой прихватили. Если до этого не похоронили или не сожгли. От них тут целое кладбище осталось — неплохо вы поработали. Для нас почти никого не оставили.

— Откуда... откуда... откуда вы взялись?..

— Радуйся. С нами вам повезло. Охотник в город пришел, едва живой. Рассказал, что нанялся в услужение к черным братьям по наущению своего непутевого жадного дружка. А тот подговорил его свалить, когда те выступили искать лагерь древних. Как только сбежали от луддитов, гаденыш пырнул дурака ножом, обчистил и был таков. Повезло, что выжил и смог до людей добраться. Я часто в Гнобыре бываю, и как только услышал, понял, что к чему. Собрали народ, а тут очень удачно вышло, что ваш Диадох с Болтуном прибыли. Вот они и показали дорогу к вам. По пути засаду заметили — твоих людей черные караулили у брода. Удалось

тихо их снять, они в наших лесах, будто дети неразумные — издали себя выдают. Одного живьем взяли и поспрашивали строго, после чего поняли, что церковники взяли в осаду вашу пещеру. Решили мы подобраться поближе и перед рассветом напасть, в самый удобный для такого дела час. Но потом услышали бабаханье чудное и не выдержали, бросились помогать. Схватка непродуманной, даже скорее глупой вышла, и некоторые святоши смогли улизнуть. Твои друзья сказали, что тот звук производило древнее оружие. Мы его, кстати, тоже не нашли. Длинное, черное, с трубкой. Так?

— Да... Я его... выронил. Оно внизу... под трещиной, где я был...

— Попробуем поискать. Дам задание Диадоху, уж он точно помнит, как это оружие выглядело. — Сделав паузу, Рикс вкрадчиво поинтересовался: — Помнишь, что я тебе тогда говорил?

— Да...

— Сам не верил, что так выйдет, но вот ведь как получилось... Хватило же у них наглости залезть в наши горы. Боюсь — это только начало. Времена меняются. Опасно вам здесь оставаться... Даже очень опасно...

— К себе приглашаешь... на север?... — уже почти нормальным голосом сумел спросить Влад.

— Мое приглашение для всех вас всегда в силе. Подумай над ним, когда на ноги поднимешься. Скажу прямо — вы нам нужны, и даже очень. У нас, куда ни взгляни, одни враги и проблемы приближающиеся, а вы все-таки древние, за вами сила.

— Ну да... сила...

— Я понимаю, что вы слабы пока. Но все знают, что сила ваша зависит от древних вещей. Я видел у вас штуки, что у запов часто находят. Хотите, мы вам еще таких принесем? Я охотникам наказал, если у Подонца добудут что-нибудь подобное, пусть тащат ко мне. Скоро сезон закончится, может, что и принесут.

Еще три дня назад Влад был бы счастлив после таких слов, но сейчас не ощущал ничего, кроме безразличия. Правильно поняв его состояние, Рикс заботливо произнес:

— Ты отдыхай, не трать силы на разговор. Успеет еще словами перекинуться, и не раз.

— Надо найти тех, кто сумел уйти.

— Не волнуйся, Влад, я послал сильную погоню. Пару сразу догнали, об остальных пока ничего не слышно. Отдыхай спокойно. Может, лекаря позвать с сонным зельем?

Последние слова Влад уже не услышал. Глаза его медленно закрылись, он опять погрузился в пульсирующий мрак, заполненный бегущими показателями состояния организма и безжизненными словами отчетов процесса восстановления.

* * *

Либерий склонился над ручьем, начал поспешно утолять жажду при помощи ладони, косясь при этом на пленницу. Та занималась тем же, присев рядом. Усталость, голод и тяготы пути напрочь выбили из нее и без того невеликие признаки женственности. Сейчас она походила на загнанного зверька, смирившегося со своей незавидной участью.

Глупая овца на бойне — вот кто она такая. Самое лучшее сравнение.

Может, и овца, но для Либерия девка теперь настоящее сокровище. Иначе как божественным вмешательством не объяснить то, что он успел подобрать оружие великана, а затем вырвался из вырезаемого нападавшими лагеря, прихватив с собой пару братьев и пленницу. С соратниками пришлось разделить — они должны были отвлечь на себя погоню. То, что везет Либерий, слишком ценно — он обязан спастись и сохранить добычу любой ценой.

Без пленницы и древней вещи ему впору камень на шею повесить, а потом в омут нырнуть. Неслыханно огромные потери — вот уже многие годы ничего подобного в отношении ордена никто не допускал. Даже самые лютые злодеи опасались с ним связываться. А что теперь? Шесть братьев в Новограде, еще три из тех, кого сразу погнали в погоню, а сейчас он не удивится, если сгинули все двадцать семь. Итого выйдет тридцать шесть. И все ради чего?!

Будет нелегко объяснить, что затравленная, невзрачного вида пленница и непонятная древняя вещь этого стоят...

Впрочем, об этом еще слишком рано думать. Он находится в предгорьях, причем точно не знает, где именно. Проводника нет, сам он давно запутался в лабиринте хребтов и просто пытается выдерживать направление на юг. Нет продовольствия и лука или арбалета для охоты, приходится день и ночь приглядывать за девкой — путам он не доверяет. От этого вечно сонный, заторможенный. Сейчас его, пожалуй, пара бродяг сможет скрутить. До мест, где можно надеяться на помощь, еще дни и дни нелегкого пути.

Есть, правда, и в горах люди, которые помогут. Не бесплатно, но все

же не сдадут сразу. Но он заблудился, а бродить наобум в их поисках — затея глупейшая, найти можно лишь неприятности. Да и о погоне не следует забывать. Пусть вечером прошел сильный дождь, но враги знают эти места и, даже потеряв след, могут наткнуться на него вновь, потому что прекрасно понимают, куда именно стремится беглец.

А потому — ни минуты на отдых. Опять в седло, и ходу. Враги вряд ли смогут идти без привалов — у них нет такого стимула, как тот, что у него. Он обязательно должен выжить. А потом, может быть, вернется. Но уже не с отрядом, а с настоящей армией. Подобные потери горцам прощать нельзя. Пора наконец наказать их за бесчисленные годы, прожитые в гнусном безбожии.

Он силен. Он выдержит. Он доставит ордену пленницу и оружие великана...

notes

Примечания

1

Целлюлоза — Влад ошибается, углерод, водород и кислород.

Серо-ртутная мазь — устаревшее средство против определенного вида вшей.

Неда Лудда (генерала Лудда) луддиты (начало XIX в.) объявили своим предводителем. Но неизвестно, существовал ли такой человек на самом деле.